

Р. В. Ц. г. Кострома.

Труды Костромского Ученого Общества по изучению
местного края, выпуск XXX.

Второй Исторический Сборник.

Содержание: В. Апушкин—Печальник Костромской
старини (памяти И. Д. Преображенского). Е. Дюбюк—Повесть о том,
как польский шляхтич, попав в крепость к русскому помещику,
отыскивал свободу себе и своему потомству. В. Мандовский—Вичуг-
ская фабричная старина. И. Диев—Город Нерехта в XVII и в пер-
вой четверти XIX в. С. Фрязинов—Архив ус. Волженских в Галич. у.

Кострома.
2-я государственная (Советская) типография
1919-1921 г.

Издания Костромского Научного Общества по изучению местного края.

1. Программа для собирания этнографических предметов. Кострома, 1912 г. 20 стр. ц. 20 р.
- 2—10. Отчеты о деятельности Костромского Научного О-ва по изучению местного края 1912 г. (год 1-й, разошёлся) 36 стр.;—за 1913 г., 80 стр. (ц. 20 р.);—за 1914г., 40 стр.—1915 г., 58 стр.—за 1916 г., 40 стр. (ц. 10 р.);—за 1917 г. 56 стр. (ц. 10 р.);—за 1918 г., 34 стр. (ц. 10 р.);—за 1919 г. 20 стр. (ц. 50 р.); за 1920 г., 48 стр. (100 р.).
- 11—13. Предварительные указания к изучению Костромской губ. Кострома, 1913 г. 24 стр. Второе исправл. Изд. 1914 г., 3-е изд. 1916 г. (разошл.).
14. Каталог Кустарного Отдела музея местного края. 8 стр. 1919 г. (разошл.).
15. Труды Костромского Научного Об-ва по изучению местного края, вып. I (разошлись), 147 стр. Кострома, 1914 г. Содержание: В. Смирнов—И. В. Шуцепников (акролог). М. Виноградов—Галическое озеро и галичский рыбный промысел. Е. Дюбюк—Основные черты в развитии крупной промышленности в Костромской губернии в дореформенное время. С. Барыков—Ученчество в отходящем майорном промысле в Воскресенской вол., Галичского уезда. А. Андронников—Народные сказки Костромской губ. Отдельные сообщения; В. Богушевского, Н. Сколозубова и В. Чарнецкого.
16. Труды, вып. II, 100 стр. Кострома 1914 г. (разошлись). Содержание: А. Жадовский—Ботанические исследования в Костромской губернии летом 1913 г.
17. Труды, вып. III, 184 стр., Кострома 1915 г. (разошлись). Содержание: Е. Дюбюк—Ветлужская вотчина Дурново в начале крестьянской реформы в первые годы после нее. Подлинные документы Ветлужской вотчины Дурново. (Из собраний Д. П. Дементьева). В. Барыков—Из жизни села Парского, Юрьевецкого уезда, Костр. губ. П. Зорик—Как веселится Черемисская молодежь. В. Смирнов—Крестьянская изба и ее резные украшения в Макарьевском уезде, Костромской губернии.
18. Труды, вып. IV, 100 стр. Кострома 1915 г. (разошлись). Содержание: В. Смирнов—Н. Л. Сколозубов. (акролог). А. Жадовский—К флоре Ветлужского края. Отчет о ботанических экспедициях летом 1914 г. Его же—Обзор литературы по флоре Костромской губ. Э. Шпор—Некоторые данные о цветении ясок.
19. Труды, вып. V, 134 стр. Кострома 1916 г. (разошлись). Содержание: Костромская деревня в первое время войны по данным анкеты Об-ва А. Языкова—Общественная помощь призванным и их семьям. Л. Захарова—Влияние трезвости на жизнь Костромской деревни. Е. Дюбюк—Экономическое положение деревни осенью 1914 и зимой 1914—15 г.г. В. Смирнов—Отношение деревни к войне. А. Виноградов—К анкете по вопросу о влиянии войны на жизнь местного края (перепродолжение).
20. Труды, вып. VI. «Первый Лесной Сборник», 332—II стр. Костр. 1917 г. (разошлись). Содержание: Г. Ф. Морозов—О типологическом изучении лесов. С. Барановский—Естественно-исторические условия роста и возобновления и типы лесонасаждений в связи с основаниями хозяйства в Поташинской и Нелеговской казенными дачах Юрьевецкого лесничества, Костромской губ. В. Квездинский—О типах лесонасаждений в Изосимовской, Нагорной и Заречной дачах Колонгриевского уезда, Костромской губ. С. Витковский—Типы наваждений восточной и западной частей Изосимовской дачи, Колонгриевского у. А. Форст—Типы наваждений Екатерининской дачи, Ветлужского у. В. Матвеевский—Леса Колонгриев. у. в естественно-историческом отношении.
21. Труды, вып. VII. «Исторический Обзорник», 182 стр. Кострома 1917 г. Содержание: Сотная пригородка Кадуя 1573 г. Сообщил И. Н. Ельчанинов. Описание города Буя, составленное инженер. переч. Федором Перелешимым в 1778 г. при воеводе кол. ассес. Сергея Тымском. Сообщил И. Н. Ельчанинов. М. Смирнов—Костромские вотчины Переяславского, Герицкого монастыря (материалы). Д. П. Дементьев—Из прошлого Пыщугской и Заводской волостей Ветлужского у. Евг. Дюбюк—Подольская вотчина Кандалинцева (из собрания Д. П. Дементьева). Вл. Апушкин—О дворянских гнездах (Вспоминания, впечатления и мысли). Выручка Баязета (Письмо В. Шонорова к А. Н. Прокоровой). Исторические и бытовые материалы, извлеченные из дел Архива Костромско-Ярославского Управления З. и Г. Ииущества. Сообщил А. А. Ширский. К. историк Костромских корабельных лесов—А. А. Апушкин—Забытый проект соединения реки Костромы с рекой Сухоной.

Труды Костромского Научного Общества по изучению
местного края, вып. XIII.

ВТОРОЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК.

Кострома.

Типография Костромского Научного Общества.

1919 г.

Печальник Костромской старины.

(Памяти И. Д. Преображенского).

25-го июня 1915 года скончался в Костроме после продолжительной болезни¹ Иона Дмитриевич Преображенский.

— „Кто в Костроме не знал этого в высшей степени скромного, безобидного и симпатичного человека,—писал о нем г. Д. У. в кратком некрологе, напечатанном в одной из местных газет.—Кто из костромичей не вел с ним бесконечных „археологических“ разговоров?...“

Да, кто их не вел с ним? Кто не пользовался его советом и услугой в деле собирания всяческой „старины“, рукописей, книг, рисунков, мебели, утвари, монет, костюмов, сказок, песен, его посредничеством в приобретении их, его чутьем и знанием для определения, что „настоящее“ и что „поддельное“ или „не старое“, его содействием в разыскании генеалогических данных, его умением прочитать любой старинный документ? Кого не зажег он своим благородным пылом, своей любовью к родной старины? А этот пыл он пронес, как свечка, невредимо сквозь всю свою трудную, полную нужды и горя жизнь.

Но он умер, и только несколько газетных строк, правда тепло написанных, но быстро мелькающих в глазах и так же быстро исчезающих из памяти, почтили до сих пор его память, память „скромного, безобидного, симпатичного человека“.

Да, Иона Дмитриевич был скромен, очень скромен... И если бы он мог прочесть те строки, что посвятил ему г. Д. У., он, вероятно, и теперь сказал бы то же, что высказал он мне однажды... Узнав, что в одной статье по поводу Суворовского юбилея в 1900 году я посвятил ему несколько строк, он мне писал 17 января 1900 г. „зачем

же Вы, Владимир Александрович, меня поместили в хвалебном тоне о содействии по комиссии Суворовской. Право, я неожидал, да и за что? - и прибавлял в post scriptum, видимо, все еще взволнованный и смущенный моим отзывом о нем: «Буду стараться к содействию о Суворове, но прошу не придавать значения моим дурацким и неопытным сказаниям».

Да, он был безобиден... «Кто не знает, писал г. Д. У., как добродушно относился покойный к случаям „использования“ другими археологами его трудов, изысканий и начинаний? Иона Дмитриевич, бывало, только рукой отмахивался»...

Но это были еще наименьшие „обиды“ из числа тех, которые выпадали на его долю. А их было много, очень много. Его обижали и судьба, и люди. Вся жизнь его была сплошной „обидой“. Но он, кажется, так и не обиделся ни на людей, ни на судьбу, ни на жизнь до конца своих дней. Последнее письмо его ко мне, от 4 апреля 1915 года, т. е. писанное за $\frac{1}{2}$ месяца до смерти, хотя и сообщало мне о новых „обидах“, причиненных ему жизнью, было так же незлобиво и безобидно, как и прежде.

И вот мне хочется, на основании личных впечатлений, разговоров и долголетней переписки с Ионой Дмитриевичем сделать нечто большее, чем „некролог“. Хочется оживить в памяти знатавших его людей черты лица и души „скромного, безобидного и симпатичного человека“, большого труженика и большого „праведника“, сказал бы я. Хочется дать возможность оценить его хотя бы после смерти и рассказать историю его жизни. Она поучительна. И смысл ее поучительности вот в чем: Больше внимания, больше действенной помощи, добрые люди, к малым в сей жизни, к „скромным, безобидным, симпатичным людям“.

* * *

Я познакомился с Ионой Дмитриевичем в 1896 году. Случилось это так же, как случалось, вероятно, с большинством знатавших его, при посещении музея Костромской ученой архивной комиссии. Этот музей был его детищем и стал его памятником. Иона Дмитриевич, с та-

ким жаром, с такою вдохновенностью показывал мне все эти старые иконы, прялки, вышивки, кубки, чашки, погребцы, сундучки, монеты, кички, сарафаны, душегрейки, монисты, черепа, куски ржавого железа, так бережно-любовно развертывал „столбцы“ и свитки древних рукописей, раскрывал старые книги, что увлечение его невольно заражало... Чувствовалось, что видишь пред собою не заурядного библиотекаря и „хранителя музея“, а человека, душою сросшагося со всеми этими предметами, человека, над которым не властвна „злоба дня“; для которого важно и значительно только то, что пережило „суету сует и всяческую суету...“ Еще бы! ведь все эти книги и рукописи, заваливавшие тесное, низкое сводчатое помещение музея, все эти вещи, развешанные по стенам, лежавшие и в витринах, и на полках, и на полу и на подоконниках, были вырваны им из невежественных и грубо-равнодушных рук, спасены от плесени и тления и вновь вынесены на свет дня из тьмы курганных могил, сундуков, чердаков и подвалов! И глядя на его любование этими вещами, слушая его живую страстную речь, в которой было столько выражений „костромского говора“, нельзя было остаться равнодушным, безразличным к человеку, казавшемуся чудаком, маниаком, „не от мира сего“.

Ведь тогда наше общество еще не переживало эпохи „возрождения искусства“ и связанного с ним увлечения стариною. То было без-стильное время, время чеховских героев... Безвременье то было. Дорубались последние „вишневые сады“, заколачивались последние дворянские усадьбы... Стремились „в Москву...“ или... „на кирпичный завод“... Завершалось разложение „старого быта“, а „новый“ рождался в муках борьбы за существование и за несколько идей, от которых ждали спасения. В борьбе за то и за другое эта „старина“ была ненужной ветошью. Она мешала даже строить новый быт.

Начало века принесло нам увлечение стариною. Но оно быстро впало в крайность. Оно стало модой, коллекционирование старины стало признаком хорошего тона и вкуса. При посредстве антикваров, рыскающих по стране и наживающих на старине огромные деньги, оно

стало таким же вандализмом, как раньше было им пренебрежение стариной.

Старинные вещи насилино отрывались спекулянтами от своих мест и переносились в места им чуждыя. Пустели ризницы старых церквей и монастырей, растиаскивались по белу свету семейные реликвии, разрознивались семейные архивы и фамильные коллекции; обезценивались старые издания, из которых безжалостно вырывались старые гравюры, чтобы продать отдельно их и книгу...

Иона Дмитриевич любил старину в ту эпоху, когда ее не замечали, не ценили, ею не интересовались, не спекулировали и не модничали. Она была для него не товаром, а отрицанием его, не рыночною ценностью, а вещью без цены, бесценной вещью, ибо нет цены для памяти прошлого, для его отблеска, для его следа. Он не покупал ее, он спасал ее от забвения, от уничтожения, будь то песня, сказка, поговорка или кубок, или картина старого художника и старый жемчуг. Он любил все это само по себе и никогда не знал и не интересовался их материальною стоимостью.

Художественная ценность собирающихся Иона Дмитриевичем предметов старины, научное значение спасавшихся им от уничтожения рукописей также не имели особаго значения в его глазах. Он не был ни эстетом, ни историком в строгом смысле слова.

Это чувствовалось с одного взгляда на Иона Дмитриевича и понималось с первого его слова. Небольшого роста, бедно одетый, с всклокоченной головой, с простым лицом, загрубелым, изрытым морщинами, как следами трудной жизни, с небольшою бородкою, которую он постоянно теребил и скручивал, Иона Дмитриевич казался заурядным полу-интеллигентным обывателем, и только глаза его карие, живые умные глаза, да добродушно лукавая усмешка останавливали внимание постороннего на его лице. И в глазах и в усмешке чувствовались зоркий наблюдательный ум и большая жизненная энергия. Иона Дмитриевич любил жизнь, не смотря на то, что она его не баловала, любил людей, искал их, интересовался ими и потому то ему было все дорого, интересно и мило, что отражало и жизнь и людей. Ему мало было созерцания жизни

в настоящем. Если будущее для нас закрыто, тем интереснее прошлое. И потому то он так любил все, что было следом жизни. Определять художественную и научную ценность этих следов, делать из них выводы, строить теории он предоставлял другим. Он знал свои силы и не брался за это.—Мое дело найти старинную вещь и спасти ее, а уж там пусть профессора изучают ее, говорил он мне.—Мое дело маленькое...

Нет, он делал большое, крупное дело, без которого профессорам нечего было бы и делать.

Когда я познакомился с Ионой Дмитриевичем, он занимал скромную должность письмоводителя у тогдашнего губернского предводителя дворянства, Авдения Ивановича Шипова и в то же время заведывал музеем Губернской Архивной Комиссии. Тут и там он получал гроши. Работа по Комиссии и в Музее увлекала его и скрашивала бедноту жизни. Но в мае 1904 года он вышел в отставку, как писал мне, „из столоначальников“ Дворянского (депутатского) Собрания и одновременно с этим, по некоторым сопрежениям и в виду козней отказался от заведования музеем“.

Единственным источником его существования с семьей в шесть человек стала теперь пенсия из Государственного Казначейства в размере 9 руб. 90 коп. в месяц... И это за 25 лет службы! И на это надо было жить, правда, в собственном крохотном, стареньком, домике, учить детей, содержать сына в университете... Для Ионы Дмитриевича настали прямо бедственные времена. Пенсии, — писал он мне в 1905 году, — не хватает с детьми даже на хлеб. Он „слезно“ просил помочь ему поступить на службу в Губернскую Земскую Управу. Ему обещали, но места не давали... Его положению все сочувствовали, но свое сочувствие не переводили в дело... Он ходатайствовал о даче ему пенсии из дворянских капиталов за службу дворянству. Ему „сочувствовали“ и в этом вопросе, но и из этого сочувствия опять таки ничего не вышло.

Павел Васильевич, писал мне по этому поводу в июне 1905 года, глубоко мне сочувствует, да и все уездные предводители, которые меня все знают, но при всем

их желания не могли дать мне пенсию, так как капитал, из которого бы можно было дать пенсию, истрачен 5-ти тысячным позаимствованием на пожертвование на флот, а сстальное на ремонт дома. Тогда хотя на половину поголнится капитал, то тогда и можно ожидать пенсии, что я вполне сознаю.. Видно надо терпеть, ничего не поделаешь, а жизнь с семьей очень дорога и трудна".

В 1907 году он писал мне:- „Нынче старший (сын) кончает в гимназии Так Бог приведет поступить ему в университет, у меня просто ум за разум заходит. Средств нет. Нужда загставила продать дом и с'ехать на квартиру. Впрочем, нужда чего не делает... Утешал себя бедняк и благодарил Бога за те крохи, которые падали ему со стола других..."

— Благодаря Бога, писал он мне в том же году, в продолжение двух лет работаю для В. Н. С. и Г. В. Ю., (разбираю) их семейные архивные дела. Конечно, работа кропотливая и требующая архивного опыта, но, спасибо, оплачивают добросовестно и этим заработком поддерживаю семью..."

Из писем его видно, что работал он и для других лиц. Так, в 1905 году он писал мне, что получил благодарность от великого князя Константина Константиновича за доставление ему копий с писем великого князя Константина Гавловича... В 1904-м он просил меня сообщить проф. И. А. Шляпкину, что нашел для него 4 старинных печки, „кафельные, весьма интересные и все различного свойства и надписей.

Работал он и для учреждений.. Одни платили, другие обещали заплатить.

— Хотя я по поручению Академии Наук, писал он мне, и собираю народный говор: песни, поверья и т. п., но когда получится вознаграждение, Бог весть. Материала много, да рук и средств не хватает..."

Когда начали готовиться в Костроме к Романовскому юбилею, Иона Дмитриевич был приглашен в 1909 г. просмотреть, разобрать и привести в порядок ризницу и библиотеку Ипатьевского монастыря.

— 9 —

Нужда однако все сгущалась и сгущалась в доме бедняка-архивиста. Старший сын его поступил в Московский университет. Последнюю копейку пришлось истратить на снаряжение его, писал он мне в сентябре 1907 г., сообщая об этом событии, — а далее как тянуть, просто не придумаю, а еще в Костроме пятеро учатся и за них приходится платить и одевать. Хорошо, если университеты пойдут (т. е. занятия в них не прекратятся, — время было тревожное), а то беда..."

Он все еще пытался получить место в губернской земской управе, собирался вновь просить о назначении ему пенсии за службу дворянству. — "Дадут 5 руб в месяц; и то ладно," писал он мне. Но ни то, ни другое не удавалось.

— В управу я до сих пор не поступил, — писал он мне в 1907 г., — потому я не могу надеяться, а желающих получить место много и при том с протекциями..."

И это все, что вылилось у него из души по поводу трехлетних тщетных поисков места. Не злобствуя на судьбу, не обвиняя людей за невнимание к его нужде, он же первый находил всему этому обяснение и оправдание.

В 1908 году костромской губернатор от себя уже сделал представление в Комитет призрения заслуженных чиновников об увеличении пенсии Ионе Дмитриевичу. Дело подвиглось туго, а нужда не терпела отлагательства.

— Я слышал, писал мне в феврале 1909 года Иона Дмитриевич, что ходатайства разсматриваются периодически и по очереди, но по протекциям и вне очереди. Тогда настанет моя очередь, Бог весть, быть может, можно помереть в ожидании..."

Чтобы ускорить дело, Иона Дмитриевич собрался с духом и написал двум знавшим его влиятельным людям, костромичам, прося их содействия к скорейшему рассмотрению представления о нем. Не получая от них ответа на свои письма, он уже заранее и сам оправдывал их молчание, их равнодушие.

— Я писал А. Н. Р. пространное письмо, — писал мне в декабре 1909 года Иона Дмитриевич, — но не знаю, получил ли он и в Гитере ли находится. Конечно, такой великий человек, и при том больной, не будет мне отвечать.

Писал я трижды С. Н. А. и просил его справиться и попросить К., так как Б. с ним знаком, но он мне ничего не пишет, да тоже в Питере ли?.."

И он вспомнил о своем "радетеле", бывшем председателе Костромской губернской ученой архивной комиссии ст.-секретаре Н. Н. Селефонтове, который любил и ценил И. Д. за простоту души и преданность архивному делу.

Теперь он уже ничего другого не хочет, как только знать: "будет ли, что мне назначено или нет, пока хотя бы уже не думать, если не назначат. Нужда заела с шестью детьми..."

Так бедствовал, до конца своей жизни, человек, который мог бы разбогатеть и жить безбедно, если бы пользовался своими знаниями, своими способностями, своей энергией, своим чутьем отыскивать "старину", он захотел стать посредником между ею и столичными антикварами: покупать старинные вещи и рукописи за грош и продавать их за рубли... Но коммерческий дух был чужд Ионе Дмитриевичу вообще, а в любимом деле—особенно. Бедняк сам, он обогащал родной ему музей... Он постоянно ездил по деревням, по брошенным "дворянским гнездам", забирался в самые глухие углы деревни и вывозил оттуда исчезающие постепенно предметы и деревенского быта, и былой дворянской усадебной культуры. Одни он покупал "по сходной цене", другие получал в дар для музея. Чтобы добиться того или иного результата, нужно было уменье Ионы Дмитриевича говорить с крестьянами и увлекать интеллигентных собственников старины. В телеге, на дровнях или на розвальнях трясясь он из деревни в деревню, а то шагал и пешком, целые вечера просиживал в избе на посиделках и вечеринках, пил водку с мужиками, грыз семечки с девками, пел с парнями, калякал со старухами—и в результате добывал или старый убрус, старинную вышивку, или песню, или сказку, или сведение о „кладе“, или легенду, или просто справку о том, у кого и какая старина есть еще.

С простым народом Иона Дмитриевич чувствовал себя вообще легко и свободно. Он любил мужика и сам бедняк, глубоко и живо чувствовал его бедноту. Сам "мел-

кий "человек", как он называл себя иногда в письмах, он близко принимал к сердцу приниженное социальное положение нашего крестьянства.

Стоя вообще далеко от общественно-политических течений, Иона Дмитриевич в период 1905-1907 г. г. не остался однако равнодушным к переживавшимся тогда событиям и настроениям. Гисьма его ко мне за этот период времени полны сообщениями о фактах местной общественно-политической жизни и суждениями по поводу их. И в них чувствовалось, как горячо и болезненно принималось им к сердцу все-то, что он тогда видел. И на фоне всего того, что он видел, личные невзгоды и нужда теряли для него свою остроту.

В июле 1905 года он писал мне: „У нас в Костроме начали на фабриках шуметь, и уже четверо пораненных положено в больницу. Вообще началось возбужденное состояние...“

В ноябре того же года он пишет, что и в Костроме живется нелегко „в столь тяжелые времена в бунтовавшейся России“.

— „Был у нас, сообщает он слогом летописца, небольшой бунт 19 октября и, кое-кого убили и поранили. Конечно, все молодежь учащуюся и отчасти землев... Него дует мужик на землев и на ученых и на интеллигенцию, но это не его мысль, а мысль, навеянная отживающей бюрократией...“

Во время этого „небольшого бунта“ едва не пострадал и сам Иона Дмитриевич. Вот как рассказывал он мне об этом в том же письме: „У меня во время небольшого погрома в Костроме за защиту избиваемых за свободу вышла было неприятность и могли побить, но, слава Богу, никто не тронул, но суются побить за то, что я сказал правду, что на П. В. Ш. один негодяй поднял было руку...“

— „Чернь не поняла манифеста (17-го октября) и собирается бить всю интеллигенцию,—поясняет Иона Дмитриевич,... это все происки черносотенцев и партии Трепова*... Тяжело живется в России...“

*.) Последующие слухи винили тогда во всем,

В декабрьском письме 1906 года Иона Дмитриевич сообщает мне, что „костромские дворяне попали в опалу за прием в свою среду бывших членов Думы, подписавших Выборгское воззвание.“ „Но что оно значит?“ восклицает простодушный археолог-. Я мелкий человек и то скажу, что если бы не придали ему никакого значения (бумажного), все было бы хорошо. Неужели думают люди, усеянные звездами, что мы ничего не знаем. Как ошибаются, и сто крат ошибаются. Верьте мне, я всегда между народом...“

„Народу“, его нуждам, его бедноте посвящено все следующее письмо ко мне Ионы Дмитриевича от 1 апреля 1907 г. Он рисует в нем следующую, довольно яркую картину сравнительного положения прежде и теперь крестьянских достатков, и вывод из нея один: мужик нищает.

— „Нынче на маслянице, пишет он ездил в деревню в гости к священнику. Думал, как годов 20-30 назад, полюбуюсь на крестьянскую масленицу, на веселящуюся молодежь, пьяных мужиков. Бывало на маслянице за полверсты до деревни пахнет в воздухе оладьями, встреча катающихся с колокольцами, а в деревнях молодежь гурьбами, с песнями и гармониками веселится и видно было даже, где делал стоянку хоровод по кучам скорлуп от семянок и орехов. Увы, ничего этого нет. Грохал 5-6 селений в гости и обратно, удивлялся, деревни как будто вымерли, не то, что девиц или пьяненьких мужичков, даже мальчишек, шляющихся не видно. Спрашиваю мужика-возницу: „что это, голубчик, как нынче масляница не весела?“— „От чего, батюшка, веселиться-то, да и на что. Впору ржаной мучки купить, а о пшеничной надо погодить, рыба ныне 100 судаков в фунте. Бывало, сходишь в амбар, насыпал мучки или овсеца, отвез в город, глядиши—купил всего. Нынче в амбар-то и ходить-то незачем. До веселья ли!.“

„А это почти во всех деревнях. Вот наступает весна и голод будет еще ощутительнее. Крестьянские амбары пусты, да общественные на половину разобраны. Грустная и тяжелая картина!“

Говоря далее о просыпающейся духовно деревне,—о том, что „мужики жадно читают газеты и прислушиваются“, Иона Дмитриевич боится, что деревню“ от тяжелого мрака и голода прорвет, как ее не сковывай...“

— „Как не стыдно разным брущеванам и т. п.!—заканчивал он это свое письмо.—Ведь эти люди должно быть имеют камень вместо сердца, и пошли в Думу не защищать народ-бедноту от произвола, а только показать себя и защищать свои алчные интересы. Наверное такие люди совсем не видели народной нужды, и нужды непроглядной...“

Таково содержание всех писем Ионы Дмитриевича ко мне за 1907 год. Их основная тема—растущая нужда крестьянства („только вот беда: мужики раскрывают крыши и кормят ими скотину...“, „сено нераже 75 к. пуд, а трава плохо движется вследствие холодной погоды, в деревнях голодовка...“) и тяжелая общественно-политическая атмосфера („и наша Кострома сыском не забыта...“)

Но прошли тяжелые годы—и тон писем изменился. Иону Дмитриевичу по прежнему более всего интересуют вопросы „старины“. Он по прежнему ездит за нею по деревням и усадьбам. Но особенно, как видно, волнуют его вопросы о постройке особого здания для музея архивной комиссии и о том, как будет организовано в Костроме 300-летие дома Романовых. Он постоянно спрашивал меня, „какия мнения ходят в Питере по поводу устройства памятника в Костроме“, и сообщал, что говорят и думают об этом на месте... В феврале 1909 года он писал:—„У нас в Костроме архиерей высказывает мнение, чтобы Троицкий собор в Ипатьевском монастыре реставрировать к 1913 году и заново освятить в 1913 году, дабы не тратить деньги на какой либо памятник-статую. Многими высказывается мнение, чтобы на всероссийский сбор было основано в Костроме высшее учебное заведение.“ И эту последнюю мысль он называл симпатичной.

Вычитав в истории города Макарьева, изданной В. В. Беляевым в 1907 г., что Михаил Феодорович Романов до избрания его царем долгое время находился тайно в Макарьевском на Унже монастыре в келиях строителя Давыда Хвостова, впоследствии Казанского архиепископа

Ефрема, Иона Дмитриевич пишет:— „Личность Хвостова должна играть главную роль в избрании Михаила Феодоровича. Ведь наверное у него должна быть переписка. Хорошо бы ее отыскать..“

И несомненно он ее искал.

Волновался он также, как пройдет археологический с'езд в Костроме в 1909 г.— „Как бы не сплоховали наши распорядители?“— задается он вопросом. Ему казалось, что со смертью Н. Н. Селифонтова деятельность архивной комиссии потеряла свою прежнюю, страстную напряженность. И в этом он, конечно, был прав.

Но с'езд состоялся. Открыт был Романовский музей. Отпразднованы были юбилейные Романовские торжества. Иона Дмитриевич остался в стороне от всего этого шума, в тени. Слишком казался „мелким“, этот „скромный, безобидный человек“. И никто не вспомнил, что это он, Иона Преображенский, собрал почти все то, чем гордился музей; что это он, невзрачный с виду и бедно одетый человек, в течение нескольких десятков лет, почти без всяких средств, добывал все эти сокровища „Костромской старины“.... А что дала ему за это жизнь? Ничего, кроме горькой нужды и унижения. Да будет же, по крайней мере, незабвенно в Костромском крае имя первого и ревностного собирателя родной старины.

Вл. Агушкик.

Евг. Дюбюк.

Повесть о том, как польский шляхтич, попав в крепость к русскому помещику, отыскивал свободу себе и своему семейству.

(Истинное происшествие).

В Костромской ученой архивной комиссии имеется дело, озаглавленное так: „№ 4880. Прошение дворянина Качковского о избавлении его отъ подданства Писемского съ семействомъ Качкова. 1803 года“*). Мне хотелось бы, возможно исчерпывающе, изложить сущность этого довольно об'емистого дела, заключающего в себе свыше 30 официальных документов и бумаг.

Надо сказать, что вообще работа в архивах—достаточно прозаического свойства, далеко не всегда сулящая находки. Подымашь „пыль вековую“, и лишь в результате настойчиво-кропотливого и мелочного сопоставления отдельных штрихов и деталей начинает вырисовываться, да и то слабо и неуверенно, старый экономический строй, старый быт, канувшая в лету жизнь ушедших веков.

Но иногда боги архивов, высохшие и пожелтевые от времени, скучно проводящие дни свои в безмолвии каменных палат, заваленных всяким хламом, бывают милостивы. Иной раз—бывает это, к сожалению, не часто—среди груды заплесневелых материалов, скучных и серых, как сама эта жизнь, отображением которой они являются, попадается нечто, что невольно прикует внимание. Вы берете дело, лениво развертываете его, перелистываете, читаете. Сначала читаете медленно, скучно, но вот вдруг сразу, словно осенит, интерес охватывает вас,—вы читаете, и перед вами начинает раскрываться яркая, блещущая красками бытовая или драматическая картина. И следишь за ней с невольным замиранием сердца и уже не лениво, а лихорадочно быстро пробегаешь глазами ряды пожелтевых от времени строчек,—следишь, как сквозь официальную внешне—сухую переписку проступает узор сложных душевных переживаний.

*) На обложке помета: „Есть дело 1802“. Но разыскать его пока не удалось.

Дело Качковского принадлежит к числу таких, над которыми не скучаешь. Дело это—о злоключениях молодого польского шляхтича, попавшего в неизвестно к русскому помещику и прозывшему в ней целых 28 лет. Больше четверти века! Человек, бывший свободным, на четверть столетия оказывается в положении крепостного, превращается в вешь, которой распоряжаются другие. Что пережил он за это время? Официальные документы расскажут вам об этом. Перечитав их, вы скажете, что пережив то, что пережил К., он имел право говорить „о трепете сердца“ и „о пролитии слез неосушаемых“, о чем он писал в не раз подававшихся им на высочайшее имя прошениях, когда искал возстановления своего в правах.

I.

Вот как рассказывает о своих злоключениях сам К. Передаем этот рассказ по возможности его же собственными словами. Отправной пункт; откуда начинается нить злоключений—польское местечко Бобр, где в то время стояли русские войска. Начало действия—1774 г. Главное действующее лицо—Белорусской губернии Сенниковского повета дворянин Ян Людвиг Качковский.

„Возымев—по его словам *)—ревностное желание к военной службе“, но „еще не зная порядка, каковым должен в оную вступить“, К., тогда еще (в 1874 г.) совсем молодой человек, явился в польском местечке Бобре в квартировавшую там в это время часть 21-ой легкой полевой команды к майору русской службы Алексею Ивановичу Писемскому.

Писемский, приняв меня к себе—говорят К.—вывез из Польши чрез границу в г. Могилев. В Могилеве, где в то время вице-губернатором был Николай Воронин, тесть Писемского, К. приказали под видом прошения об

*) См. Протение К. на высоч. имя от 13 окт. '803 из г. Сенно. Некоторые подробности злополучия К. содержатся также в прошении его подаваемом 10 дек. 1801 (?) г. Сенниковскому уездному стряпчому, на которое ссылается в своем рапорте министру юстиции от 4 дек. 1804 г. Могилевской губ. прокурор Герасимов, а равно в выписке из дела, производившегося по доношению польского шляхтича Антона Качковского (отца Яна Людвига) в Азовской губернской канцелярии.

определении в полк, подписать какую-то бумагу. К., тогда еще „российского языка ни мало не разумея, положясь на их совесть, подписал оную бумагу“, причем при подписании ее никого посторонних не было кроме их двоих. Уже впоследствии К. узнал, что то, что он подписал, была бумага об укреплении его в подданство Писемскому *). Но когда он подписывал ее, он не знал этого. Однако значение подписи, отобранный от него обманным путем, К. почувствовал на себе уже в самом скром времени.

„Госле сего—продолжает свой рассказ К.—г-н майор Писемский привез меня в г. Москву, где начал со мною поступать не аки с вступившим в воинскую службу, но словно с собственным крепостным“. Когдa удивленный такой переменой обращения, К. запротестовал, доказывая что он „есть дворянин“ и что Писемский не вправе так с ним обращаться, то Писемский не только „притеснением и боем“ принудил К. ему, Писемскому, повиноваться, но и противу воли и желания К. „сильно“ (т. е. насилию, с принуждением) женил его на крепостной своей девке **). Вслед за тем П. перевез К. в Азовскую губ. (позднее переименованную в Екатеринославскую), где П. служил землемером в межевой конторе.

Вы, конечно, хорошо себе представляете душевные переживания К.; обманутого, обращенного в рабство, уваженного в чужую страну, языка которой он даже не знал, лишенного защиты и поддержки. Ведь увезен он был, как указывается в его прошении на имя Сениннского стряпчего, без ведома его родителей. Да еслибы они и знали это, что могли они, маленькие люди, сделать ради спасения своего сына?

*) В этой бумаге, оказавшейся определением Могилевской пограничной комиссии, учиненным 19 июня 1775 г., значилось, что Иван Антонов, сын Бачковский, явясь сам собой, во оной комиссии при допросе показал себя польским уроженцем землянином, а не польским шляхтичем; не похотя в Польше жить, пристал к Писемскому, а потому и желание обявил быть вечно во услужении за них, почему и в сходство также желания Писемского о приеме тою комиссию по сходству Правит. Сената указов, состоявшихся 7 февр. 756 и 16 авг. 766 г.г., и отдан ему, Писемскому, в вечность.

**) Из других бумаг видно, что „за умертьием оной“, т. е. первой жены, К. вторично женили. Первую жену К. звали Федосья, вторую—Анисья.

Но мысль о свободе не покидала К. Уже в Азовской губ., „обучась мало (т. е. немного) российской грамоте“, К. пишет о местопребывании и участи своей к своим родителям.

Родители К., повидимому, люди малосостоятельные, получив эту весточку (было это, д. б., лет через 7 после его изчезновения) от сына, к-рого, вероятно, давно считали пропавшим навеки, с свидетельством о своем дворянстве в руках; „с немалым иждивением и потерю своего имущества“ (надо думать, приходилось его распродавать, чтобы собрать деньги на столь далекое путешествие, как из Сенниковского повета в Екатеринославль) приехали в этот последний город и начали усиленные хлопоты перед местными властями об освобождении К., как дворянина, от крепости Писемскому.

Однако все их обращения к местному губ-ру (Черткову) и в губ. правление были напрасны. Было заведено дело в обложке за надлежащим номером („По доношению польского шляхтича Антона Качковского о находящемся у пример-майора Писемского во служении сыне его родном Иване Качковском“), началась, как водится, канцелярская волокита, но дальше этого не пошло.

Как видно из выписи с определения Азовской губернской канцелярии, выданной Писемскому*). Антон Качк., обвиняя П. в увозе его сына обманным путем из Польши и в женитьбе с принуждением на крепостной девке, просил об отпуске его к нему, мотивируя это тем, во 1) что К. больше жить у П. не желает и во 2) его шляхетским званием. В ответ на это губ. пр-ие затребовало от Качк.—отца доказательств, подлинность проситель—шляхтич и действительно ли находящийся в услужении у П. человек Антонов—родной его сын. На это Качк. отец представил 8—разных бумаг на польском языке, но канцелярия, переведя их „на российский диалект“ и рассмотрев, „доказательными“ их не признала, „п. ч., кк. сказано в выписи,—оные ни в каком месте не засвидетельствованы“. В свою очередь был запрошен канцелярией и П., почему находит-

*.) В деле имеется копия с этой выписи. Видимо, она была отобрана Буловским земским судом у сестры Писемского. Авдотья Карповна, и при рапорте правящего Костр. губ. прокурора должность губернского уголовных дел стряпчего Юрьева препровождена (16 февр 1804 г) министру юстиции.

ся у него в услужении К. П-ий сослался на определение Могилевской пограничной комиссии, содержание к-рой нам уже известно, и представил в канцелярию засвидетельствованную с него копию.

Тщетно хлопотали родители К. В конце концов, „не имея чем кормиться“, прожив, очевидно, все деньги, какие у них были собраны на поездку, не дождавшись решения по заведенному делу, они были вынуждены, видимо, потеряв всякую надежду на освобождение сына, возвратиться домой.

Едва ли даже удалось им повидать сына. „Когда родители—пишет К.—просили тамошнее начальство о освобождении меня, то я взят был под тяжкую страну и содержим с крайним изнурением под оной шесть месяцев.“ По словам К., из под стражи он был уволен лишь тогда, когда вторично подписал какой-то названный Гисемским документ, опровергающий поданые от отца его просьбы“*).

Уже по от'езде родителей К. состоялось определение Азовской губ. канц. по делу К. В своей резолютивной час-

* В указанной в тексте выписи, м. пр. приводится подробное содержание этого очевидно, под влиянием „тяжкой стражи“ и „крайнго изнурения“ сделанного К м „опровержения“ в выписи говорится, что служитель Пого Ив. Антонов „сего февраля 14 дня (782) доношением объявил, хотя де отец его, приехавший из Польши, Антон. К., в поданном в сию губ. канц доношением и написал, будто бы он вами (исемским) взят с Польши“ и т. д „и просил, отобрав его от вас отдать к нему, а потому, да и по наговорам других он был согласен, а как он к вам вступил самопроизвольно во услужение и на поминаемой девке женился с своего желания и отходить от вас намерен не был, а по ледовало то по несмыслию и неизвестию законов, да и циях тество он на себя принимал, подражая той отцовской воли и других последователей, а чтобы точно он отец его состояли в том шляхтестве, действительно не знает и не ведает; а будучи в Польши, ничего не имея, служили у разных папов погодно и всегда были в крайней бедности, то посему, да и что при следовании из Польши чрез г. Могилев обявлено было вам в бытии у вас в вечном услужении его желания, почему вами и представлен он был в бывшую там пограничную комиссию, а во оной по допросе отобравши к бытии в вечном вашем услужении возвращен обратно к вам с дачей из оной комиссии письменного вида, почему и находился до взошедшей просьбы, желает по прежнему быть в услужении вечно у вас без отрицания и тем доявлением просит прошедшее по просьбе отца ево, а следуя тому и от него о небытии ему у вас дело оставить бездействия, а дозволить быть ему попрежнему в вечном услужении и в подтверждении всего того дать вам на основании законов кабильную выпись, а он того дела впредь вчинять и от вечного услужения отбывать под указным штрафом не будет, противу чего в присутствии сей губ. канц оной служитель Антонов в совшением был спрашиван, подлинность оное им, Антоновым, подпи ли и на таком ли желании, как во оном значит, но и по оному утвердился во всем том без отмены, подтверждая, что и рукоприкладство учинено собственою ево рукою“.

Ти это определение, базировавшее на 7 и 16 ст. 20-й главы Уложения и на указе сената от 16 авг. 1769 г., гласило так*):

„Хотя проситель Антон К., называясь польским шляхтичем, просил об отпуске к нему находящегося у вас (П-ого) сына своего Ивана, на кк. о том шляхетства своем доказательств не представил, а тѣт, называющей сыном Иван, поданным доношением повторил прежнюю свою у вас вечно служить желаемость, что и женат на крепостной вашей уже другой девке, об'явил и о шляхетстве не знающим, да и чтоб точно тот проситель ему, отец, был неутвердительно, называя токмо к тому из обласкательства, а к тому от вас соучиненного в Могил. погр. комиссии определения копия о бытии в вечном вашем услужении представлена— в прошении Антону К. отказать, а Ив. Антонову, называющемуся сыном онаго, об'явить с подтверждением, чтобы он впредь на таковые обласкания по легкомыслию своему не взирал и тем командам не наводил затруднения, а потому и в силу прописанных узаконений яко 'не имеющего к выдаче данной никаких препятствующих причин отдать по прежнему в вечное услужение вам, обязав при том подпискою, что он впредь того дела вчинать к отбывателству от служения не будет под наказанием и на то владение дать вам со взысканием указных пошлин

* Содержание статей, на к-рые ссылалось определение следующее. 7-ая: „будет к кому придут какие люди и учнут бить челом в холопство, а скажутся, что они вольные люди, и тем людам, к кому они придут, разрешивать их, какие они вольные люди и где они родились и за кем они напредь того жили и не служилых ли отцов дети и в государеве службе и в тягле они не бывали и не беглые ли чьи люди или кре-не и бобыли, да будет те прихожие в распросе скажут, что они не служилых отцов дети и в государеве службе и тягле нигде и в холохах и в крестьянах и в бобылях ни у кого не бывали и тем людем, кому такие люди учнут в холопство бить челом по тому же приводить их в холопей приказ, а в холопьем приказе тех людей разрешивать же, да будет те люди в холопьем приказе в распросе скажут также речи, как они скажутся тем людям, к-рые их в холопей приказ приведут, а те их речи записав, не letting на них давати служилые кабалы и которые грамоты умеют и тем велеть к тем служилым кабалам и книгам руки прикладывать“. 16-ая „и будет, к-рые вольные люди на Москве и в городах бьют челом кому в холопство добровольно и, быв челом, учнут у тех людей, кому бьют челом в холопство, жити безкабаль-но м-и или два или три м-ца, а те люди, кому бьют челом в холопство, приведут их в холопей приказ и учнут на них бить челом г-рю, что они у них служат многое время, а служилых кабал на себя не дают, а будет приводныe люди кабал на себя дати не похотят, а жити они у тех людей меньше трех м-цов и тех людей отщущати на волю, а служилых кабал на них не давати, п. ч. они жили у них безкабально немногое время, а будет

сию данную, а Антону К. об'явлено и реченная подписька взята^{**}).

Единственным, кажется, результатом хлопот родителей К. было то, что П., обезпокоенный, как. бы, чего доброго, власти в самом деле не отобрали у него К. и желая скрыть его от родителей, отвез его в свою вотчину Московской губ. Костромской провинции Судиславского уезду в с-цо Алексеевское—Данилово тож, препоручи и то имение и К. родной сестре своей Авдотье Карповой^{***}), а сам уехал.

Т. обр., и наша Костромская палестина оказалась втянутой в орбиту злоключений незадачливого шляхтича.

Но и здесь, в Костр. вотчине, у сестры П-ого, К. не покидает мысль о свободе. В 1787 г. он подает, и снова безуспешно, жалобу—прошение Костромскому губ-ру (наместнику?) Ив. Варфол. Лампу (Ламбу)^{***}). Результатом всех этих домогательств, к-рые, надо думать, были неоднократны, по словам самого К., было лишь то, что „сия (сестра П-ого), когда я начал ей говорить, что есть дворянин, а не их крепостной, то она, упреждая брата своего потерю, оставя у себя детей моих дочь Марью и сына Алексея, препроводила (их) с Костромской в Екатериннославскую губ., а самого К. с женою продала Казанской губ. Лашевского уезда помещику отставному подпоручику Льву Голчину за 1200 руб. Продажа эта состоялась в сентябре 1794 г. по доверенности, полученной Карповой от брата (П-го).

сыщется, что жили больше трех м-ц, и на тех людей кабалы давати и не неволе, хотя они к ним в холопы ити не похотят.

Указом сената 16 авг. 1766 г. „всех выходящих из Польши и желающих жить в России всякого звания людей, хотяб кто письменного свидетельства не имел, принимать и, не делая никаких пристрастных распросов даволит жить у кого похотят“.

*) Подлинное определение подписано губ-ром Вас. Чертковым и губернаторским т-щем Ларионом Алябьевым (?). При выдаче выписки П-му (25 февр. 1782 г.) взято указанных пошлии 50 1/2 коп.

**) Впоследствии в-на эта вошла в состав Костр. губ. Буевской округи. Записан К. за этой в-вой был еще вскоре после закрепощения его в Могилеве, о чём был тогда послан указ в Судиславскую воеводскую канцелярию, кк. отмечено это в упомянутой выписи.

***) К сожалению, в деле самой жалобы Ламбу, равно как и другой, поданной им же в 1795 г. Казанскому губ-ру Баратаву, не имеется. Лишь в рапорте Могилевского губ. прокурора Герасимова министру юстиции (от 14 дек. 1808 г.) указано, повидимому, на основании данных прошения,

Уже будучи у Голчина в Казан. губ., К. наконец, после долгих усилий, добивается освобождения. *) Ему удается упросить Голчина уволить его с женою на один год для заработка „под названием дворового ч-ка“, Голутив 23 июня 1801 г. в Ларишевском казначействе плакатные поспорта и бросив на произвол судьбы свое движимое имущество, К. с женой **) покидает Казан. губ., но вместо того, чтобы идти на заработки, отправляется на родину, где разыскивает родителей и вскоре возстновляется в дворянстве***).

Итак, целых 28 л. прошло в мытарствах. „Свои цветущие лета истратил будучи в подданстве 28 л.“ пишет К. Казалось бы на этом можно поставить точку. Однако этим мытарства К. еще далеко не завершаются, завершается лишь их первая часть и начинается вторая.

Формально К. был освобожден от подданства П-му не в год своего действительного освобождения, не в 1801 г., а позднее. Из прошения К. на высоч. имя от 21 февраля 1808 г. (из Екатеринославля) видно, что в подданстве он находился по 1804 г. В этом году имянным высоч. указом от 24 мая, последовавшим по всепод. просьбе К. его, как признанного состоящим в двор. достоинстве, повелено с семейством из подданства освободить****).

подданного К. 10 дек. 1801 (?) г Сенниковому градному егрицчему что К. „по тем прошениям“ (Ламбу и Барагаену) никакой не получил революции“.

*) Отметим, что повидимому, время от времени К. удавалось сноситься письмами с своими родителями Тик, м пр., ог К. было получено отцом его письмо из Казани 14 ноября 1799 г.

**) В деле есть неясности в отношении жены Кацк. Первая жена его Федосья умерла, от второй жены у него были дети, сын и дочь. По словам К., жена с ним ушла из Казан. губ. Но далее мы узнаем из материалов, что она хлопочет об освобождении своей жены, к-рая окказалась в Екатериносл. губ. Не является ли та жена, с к-рой К. ушел из Казан. губ. третьей по счету? В материалах имеется глухое указание, что та коякая у него была при жизни второй жены.

***) Об утверждении К. в дворянстве из рапорта Могил губ. прокурора Герасимова (от 14 дек. 1803 г.) известно что рол Кацк. был состоявшимся в бывшем Белорусском дворянском депутатском собрании 10 июня 1801 г. выведенным декретом утвержден в двор. достоинстве и по силе 77 ст грамоты о дворянстве назначен ко внесению в первую часть прославленной дворянской книги.

****) Следует указать, что и этому формальному освобождению К. от подданства предшествовали многочисленные его хлопоты, а также длинная процедура переписки между разными учреждениями и канцелярских справок. О характере этих спарок дает представление ордер Л. Т. сов. мин. юстиции и разн. орденов кавалера кн. Петра Вас. Лопухина от 13 ноября 1803 г. на имя Могиленек. губ. прокурора Герасимова, предписывавший

II.

Мы упоминали уже, что у К. (от второго брака) были дети: сын Алексей и дочь Мария. Дети эти продолжали оставаться в крепости у Писемских. Очутившись на свободе, К. ведет долгую борьбу за вызволение из неволи и своих детей. С прошениями и ходатайствами о детях и о вознаграждении за претерпенное, о возмещении за то, что пересено, за эти 28 л. рабского труда—обращается он в разные учреждения, ища правды и милости*).

отобрать от К обстоятельное сведение, какого он происхождения, где дал бумагу, по к-рой послан и укреплен и была ли от него подана просьба или от родственников его, производилось ли где о сем дело и действительно ли его родители пересены в дворянский список Одновременно было приказано Костр. губ. прокурору отобрать от Писемского или его наследников сведение, почему им просится крепок и где дети находятся и т. д.

Как указано в тексте, повеление об освобождении К. состоялось 24 мая 1804 г., указ об этом Сената от 8 июня 1806 г. был послан для объявления К. чрез Могил. губ. пр-ие, где был получен 18 июня. Прежде чем объявить указ К. пришлось долго разыскивать Сначала разыскивали отца, к-рый как это было партикулярно известно Могилев. двор. есбраннию жил не в Сеннинском, а в Копыском повете близь имения бывшего Копыского поветового маршала Ивана Цехановецкого. Могил. губ. пришло от 6 окт. 1804 г. было поединовано от Антона К. взять письменное объяснение о местопребывании его сына. Однако лишь несколько месяцев спустя Качк.—сын был найден в Могилев. губ. и выслан в Могил. губ. пр-ие, где 17 марта 1805 г. ему было объявлено высоч. повеление

*.) В одном из таких обращений (от 13 окт. 1803 г. из г. Сенно). трогающем неподдельностью скрытого в нем чувства, К. пишет, м. пр., так „всеавгустий монарх, всемилостивейший г-рь прими сие горькими слезами писание всеподданейшее прошение, уважь страждущего 28 л. в невинном мучени дворянина за то только, что жертвойю своей охотою к службе высочайшей короне и лишившагося двух детей, дохвашего его до старости лет и не важившего себя чем прокормить до смерти, истратившего „рез“ сие имение родителей моих, кои поиском меня пришли в крайнее разорение.. „Возри—пишет он далее—на мое претерпеванное и на безмерно утесненную справедливость неправдою с высоч. престола, ибо я за бедностию мрою продолжать процесс не в состоянии. Того ради.. все подданнейше прошу детей моих, дочь Марию и сына Алексея, с Екатериносль губ. или куда може они скрыты, мне возвратить, а за 28 летнюю службу, претерпеваемую мною ионъволне, высочайше повелеть меня наградить..”

17 марта 1805 г. при объявлении ему высоч. указа К. слова подает прошение (в Могилев. губ. пр-ие), в к-ром, изъясняя, что жена его Анигья Васильевна с сыном Алексеем и дочерью Марией остались у майора, что выле отст. полковник Алексея П-ого в Екатериносль, губ. в Павлоградском у в с-це Алексеенском, просил, что „как вместе с вим и семейство его именным высоч. указом навсегда из подданства освобождено“, то и отнес ись в Екатер. губ. пр-ие, разномерно и в Костр. таконое же, где также состоит его, П-ого, имение, и не переведена ль туда жена его, Качк., с детьми из Екат. губ. с тем, дабы кк. жена, тк. дети его по освобождении их из подданства присланы были в Сеннинский понят в место его жительства

Казалось бы, со времени издания указа 24 мая 1804 г. дело К. стало на твердую почву. Права его детей на свободу теперь были несомнены. Но от фармального права и до его реализации еще очень далеко. Часто это дистанция огромного размера. Фактически семья К. все еще находилась в неволе, надо было еще добиваться действительного ее освобождения, причем положение усугублялось тем, что в сущности не было даже известно, где же собственно обретаются дети и жена К., и лишь медленно и постепенно, шаг за шагом, в результате многих усилий, был размотан клубок, приведший в конечном итоге к благополучному завершению дела.

Первые более или менее точные сведения о местопребывании семьи К. были получены от сестры Писемского, указавшей в обяснениях, отобранных от нея Буевским зем. судом и представленных 12 янв. 1804 г. Костр. губ. прокурором Новиковым министру юстиции, что дочь К.—го Марья находится в вотчине жены ее брата, вдовы полковницы Александры Николаевны Писемской в Екатер. губ. в Павлоградской округе в селе Хорошем, а сын Алексей умре в оной же вотчине, а в каком году, месяце и числе, она, Карпова, неизвестна. Это был первый официальный след нахождения семьи К. Но скоро сказка оказывается, да не скоро дело делается. Довольно долгое время власти никаких мер к отысканию семьи К. и к ее освобождению не принимали, полагая, что этих особых мер, пожалуй, и не требуется. Так, еще 25 марта 1805 г. Могилевскому губ прокурору было рекомендовано (министром юстиции) об'явить К., что „к. высоч. указом велено освободить его с его семейством из подданства подпоручика Голчина, то и без моего предписания семейство его, находящееся в другой губернии в деревне Голчина, будет ему возвращено“, касательно же взыскания понесенных им убытков, то сем—добавлялось в ордере—должен он просить узаконенным порядком“.

Но К. не унимается. 26 марта 1805 г. он посыпает министру юстиции всепокорнейшее прошение, в котором, указывая, что жена и дети его остались по отбытии его идерживаются в Костр., Екатерин. или же других губерниях у Писемского и „сомневаясь (опасаясь), дабы в доставлении (к нему, в Сеннинский повет) оное (семейство) не

потерпело каких-либо изнурений", просит об отослании к нему жены и детей с предохранением их жизни „без изнурения в пути". Одновременно К. просит „не оставить начальничым кому следует предписать повелением" о награждении его с женой и детьми пожилыми за 28 л. деньгами с Писемского или же с его имений. „И что на сие последует от вашей светлости—пишет К.—милости-вейшей резолюции об'явления я сам и древних лет отец мой, не осушая пролитием слез из глаз, ожидать имеем". Прошение это также, видимо, осталось без результата, кк. это можно думать по помете на нем, смысл к—рой таков: об'явить просителю, что дети от холопства сделаны свободными, касательно же убытков—должен просить узаконенным порядком.

Понадобилось новое обращение К. к верховной власти, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, чтобы понудить кого следует принять меры к иахождению его семьи. В прошении на высоч имя, поданом 8 сент. 1805 г. в Могилеве, К. жалуется, что Могилевская губ. пр—ие, отыскавши „токмо" его одного для об'явления его свободным, „семейства моего, жену, дочь и сына поныне не отыскало, и где находятся, в живых или нет, настоящей выправки не учено" и что кроме того правит. сенат „не засудил" ему на виновных (Писемского и Голчина) за ложное укрепление в крепостные и за 28 летнюю службу награждения, „сколько узаконено"; „хотя и прошено мною (вознаграждение), но без соизволения на то вашего имп. велич. и приговора правит. сената я поискивать его не могу". Указывая, что он „от горестного состояни" разорен „во всех частях" и не имеет способа вести судебный процесс, К. просил о повелении „чрез кого следует" семейство его, где находится отыскав, из подданства к нему в Белорусскую губ. доставить, а на виновных либо на наследников их или на их имения за 28 летнюю его службу „приговорить денежно о взыскании, сколько узаконено на удовольствие" его, не доводя его „до дальнейших волокит и страдания".

Снова были пущены сверху в ход пружины, снова заскрипела сложная государственная машина. Было высоч, повелено немедлено исследовать, почему просителю се-

мейство не сделано свободным и от помещика не отобрано. Были посланы ордера в разные концы земли Русской—в Могилев (губ-ру Мих. Мих. Бакунину 14 окт. 1805 г.) Екатеринослав (гражд. губ-ру Петру Ив. Фон-Бергу 10 ноября 1805 г.), Кострому (гражд. губ-ру Ник. Ив. Кочетову того же числа). В свою очередь Могилев запрашивал Екатеринослав и Кострому, не находится ли семья К. в их губерниях, Завязалась оживленная канцелярская переписка между учреждениями, усиленно заскрипели гусиные перья, не мало было изведено чернил. А дело все не двигалось.

Бумажных предписаний оказалось недостаточно, Потребовалась посылка нарочных, Екатеринославское губ. пр-ие тщетно делало строжайшие предписания Павлоградскому нижнему земскому суду о выдаче паспортов жене и детям К. для безпрепятственного следования в Могилевскую губ. Суд отмалчивался. Тогда губ. пр-ие на кошт суда послало особого нарочного, строжайше подтвердив исполнение прежних предписаний в самоскорейшем времени*).

Нарочный выяснил, что оной суд с'езжал к вдовствующей полковнице Писемской и требовал от нее помянутого семейства К., но Писемская отозвалась на это, что жена К. отправлена в деревню ее Алексеевку, состоящую в Слободско-Украинской губ. в Изюмском уезде, сын Алексей умре, а дочь Марья еще при жизни мужа ее продана неизвестному помещику.

Стали проверять показания Писемской—писать в Изюмский у. (в зем. суд), в Слоб. Укр. губ. пр-ие, Павлоградскому же суду, „поелику же (он) основал донесение то на одном отзыве полковницы Писемской, не сделав сам местного розыскания об означенном семействе”, предписано было „тотчас отправиться на место” и удостовериться об оном вернейшим образом посредством такого розыскания.

*). „Правление залетнее—извещал 30 ноября 1805 г. министра юстиции Екат. губ-р Берг.—получив лра отчещия Могилев губ. прия от 20 марта и 8 числа сентября сего года о освобождении покинувшего дворянина К. жены Аниги Вчсильевской почени с детьми... делало двукратные же предписания Павлоградскому Нижн. Зем. уту. в уезде коего пребывание их показано. от 25 апр. и 13 окт о исполнении оных; когда же в продолжении не малого времени на преписания те не получило оно исполнительного донесения, а между тем последовало на имя мое от Могил. губ-ра прижд. губ-ра новое о том огношение, го от 10 числа сего м-ца и ссылаю в тот суд третичный побудительный указ снарочным на кошт его и строжайше подтверждаю о исполнении означенных прежде предписаний в самоскорейшем времени и о доставлении рапорта с тем же нарочным”.

На этот раз сверху подстегивали, требовали спешных мер, Министр юстиции, требуя (31 дек. 1805 г.) от Екатер. губ-ра понуждения Писемской о доставлении немедленно семейства к К.; предупреждал губ-ра, что „явная медленность в доставлении свободы сему несчастному семейству не может не оставаться и на собственном вашем ответе“.

Екат. губ-р после этого предупреждения отправляет предписание с нарочным к Павлогр. Зем. исправнику, требуя, чтобы тот по получении оного в тот же день отправился к Писемской и настоятельным образом понудил ее отыскать жену К., внушив Писемской, что в случае какого-либо ее в том упорства „имеет быть донесено об оном г-рю императору“. О сыне же и дочери К. прееписано произвести розыски спросом знающих об них кр-н и самой Качковской. Было послано также соответствующее предписание Изюмской земской полиции с наказом, что если Писемская в предоставлении К. окажет ослушание, освободить ее тою полицией и отправить к мужу, „Смею донести—докладывал в заключение министру юстиций, Екатерин. губ-р—что по делу сему никакой медленности и упущения со стороны моей не было, кк. ваша светлость, конечно, усмотреть соблаговолите, а зависело то наиболее от отзыва Харьковского губ. пр-ия и от медленности Павлогр. нижн. зем. суда, к-рой по получении от него ответа не останется за то без взыскания по законам“ (донесение от 19 янв. 1806)

Решительные действия Екатер. губ-ра возымели некоторый успех—уже в начале февраля (1806 г.) он доносил, что действительно к Писемской ездил заседатель Павлогр. зем. суда, к-рый по распросам кр-н, узнав, что жена К. находится в той деревне ее Писемской, отыскал ее тамо и затем выспрашивал всех вообще кр-н под присягою и самую К—ую о детях ее, но что все они показали согласно, что сын умре, а дочь продана умершим Писемским неизвестно кому. После этого К-ая была представлена в зем. суд и, будучи там также допрашивана, об'яснила, что по сторонним слухам известно ей, что муж ее при жизни ее имеет третью уже жену, почему она итти к нему не желает. Однако суд, исполняя предписание начальства, распорядился отправить ее к мужу в Могилевскую губ. с данным на свободный проезд туда паспортом.

Рассматривая показания кр-н суд, обратил внимание на одно, на первый взгляд, маловажное обстоятельство, к-рое однако направило розыски на правильный, путь, а именно, что дочь К. находилась при господском доме, откъль и продана, и что в сие время лакеями у Писемского были кр-не по прозваниям Фетисов и Панфилов. Стали спрашивать о Фетисове и Панфилове. Оказалось, что их при господском доме уже нет, что Панфилов живет в деревне Писемской Петровке в том же Павлогр. уезде, а Фетисов находится в работе на Луганском литейном заводе в Бахмутском уезде. Суд постановил учинить обоим надлежащий спрос, не знают ли они, кому точно продана Мария К. и где теперь она находится. Были посланы соответствующие предписания вправление Луганского завода, к начальнику завода обер-берг-гауптману 5-го класса Нилусу и в Бахмутский зем. суд.

Когда пр-ие Луганского з-да, кк. сообщает об этом Екат. губ-р в длинном донесении от 13 апр. 1806 г., стало отбирать от Фетисова показание, то последний заявил, что о дочери К. он сделает об'яснение лично Екат. губ-ру. Доставленный к нему, Фетисов показал, во 1) что дочь К. продана не покойным Писемским, а самою Писемскою „по умертвии уже тóго ее мужа“ и именно в 1795 г. помещику Слоб. Укр. губ. Изюмской округи надв. сов. Гавриле Алексееву сыну Суханову, на что и купчая крепость в бывшем Славянском уездном суде была совершена; не знает только он, Фетисов, на его ли имя, или на имя дочери его, а по слухам якобы на имя дочери; во 2) что оная дочь К. по умертвии надв. сов. Суханова находится ныне во владении жены его Матрены Ивановой дочери, живущей в той же Слоб.—Укр. губ. в заштатном городе Славянске, где и состоит при доме ее и в 3) что о продаже ее Суханову известны и все кр-не Писемской села Хорошого и и других ее деревень, в т. ч. и те, к-рые Павлогр зем. судом были об ней выспрашиваны под присягой и кои отзывались незнанием.

Получив эти ценные указания, Екатер.губ-р тотчас же снесся с Слоб.—Укр. гражд. губ-ром Бахтиным, прося о немедленном розыске дочери К. в Славянске в доме Сухановой, предупредив при этом, что „в деле сем нужна скромность, ибо при огласке м. б. она (Качковская) спря-

тана". На это отношение Бахтин уведомил Екат. губ-ра, что он предписывал с нарочным Изюмскому зем. исправнику о выполнении оного, что последний ездил для розыска в Славянск, но что „за всеми его тщательнейшими разведываниями не мог ничего узнать“ и что потом надв. сов-ца Суханова в отобранным от нее об'явлении сообщила, что той дочери К. ни она, ни покойный муж ее никогда и ни от кого не покупали и теперь не имеет.

Вот: ч-к не иголка, а, подите, 'никак его не сыщешь! Об'яснение Сухановой было пред'ялено Фетисову, но Фетисов „утвердился на прежнем своем показании“, указав, что тоже посвидетельствовать могут многие кр-не и другие люди. Приэтом он добавил, что известился, яко сын Сухановой между производимыми о той дочери К. розысканиями приезжал к Писемской и, взяв находившуюся там после отбору уже от Писемской мать ее, Качковской, увез ее с собой.

Получив это новое сообщение, Екат. губ-р отправил (3 апр. 1806 г.) Фетисова с нарочным к Слоб. Укр. губ-ру, прося его поручить кому ни есть из губернских чиновников об оном при личном доказательстве Фетисова надлежащим образом исследовать и, буде по оному, с Сухановой за укрывательство дочери К. и с сыном ее за увоз туда жены К. поступить по законам.

Одновременно к Екат. губ-ру поступил рапорт от Павлогр. низн. зем. суда, доносившего, что исправник с'езжал к Писемской и требовал о предоставлении ему дочери К., но П-ая отозвалось незнанием об ней, тогда кк. она была действительно у нее и от нея была услана к надв. сов. Сухановой, что после показали управитель ее капитан Попов и один кр-нин. При этом П-ая оказала исправнику неповинование в даче ему нужных для спросу о К-ой людей и „самые грубости“, за „что исправник приказал Павлогр. уездн. суду судить её по законам. Заканчивая это донесение, Екат. губ-р указывал, что до сего времени все прилагаемые мои старания об отобрании семейства К. разными непозволительными оборотами были отклонены, но что взятыми мною мерами непременно отыскано будет и виновные наказаны по законам“.

Вы видите т. обр., что и Писемская, и Суханова упорно старались скрыть дочь К., прибегая для этого к разным ухищрениям.

Чтобы распутать наконец всю эту паутину обмана и укрывательства Слоб.-Укр. губ. пр-ие 6 апр. 1806 г. откомандировало в Изюмский уезд губернского казенных дел стряпчего Шредера для произведения, кт., сказано в донесении министру юстиции губ. прокурора 5 класса Степана Евецкого (от 21 апр. 1806 г.), „тончайшего следствия и изыскания“. Командировка эта увенчалась успехом. Стряпчий произвел „тончайшее“ следствие и, возвратившись из командировки, донес „во 1) что по многим затруднениям означенную дочь (Качковского), к-рая уже была отослана от помещицы Сухановой для скрытия Воронежской губ. Старобельского уезда в слободу Смольянинову с запиской от сына оной Сухановой Гаврилы, также и мать ее отыскал и отправил в Екатеринославль к тамошнему г-ну гражд. губ-ру, и во 2) что между делами Изюмск. уездн. суда сыскана им..... купчая 1796 г. марта 27 дня, совершенная в бывшем Славянском уездном суде, по коей онай дочь продана Павлогр. уезда помещицей полковницей Александрою Писемскою умершаго капитана Андрея Павлищева родной дочери девице Марье ценою за 5 руб.“ По словам стряпчего, произведенное им следствие открывало явный умысел Сухановых в укрывательстве Качковских *).

В романах доброго старого времени было в обычай заключительной главе устраивать поучительное зрелище наказанного порока и торжествующей добродетели. И мне по рецепту старых романистов хотелось бы историю шляхтича К., 28 л. искавшего свою свободу, заключить подобным же образом.

*). „Я обязанностию поставляю донести вашей светлости—писал после находки (12 мая 1816 г.) министру юстиции Слоб.-Укр. губ-р Иван Бахтин—что ныне отраженным по предложению моему от адъенчного губ. правления губ. стряпчим казен. дел Шредером помянутая жена К. отыскана в доме Сухановой, не виная на чинимые ею показания будто она той К. а у себя не имеет, а равно и дочь К-ой Марья, в имении к-рай у себя поминаяемая Суханова также прежде запиралась и к-рая по выпавке оказалась проданной не ей Сухановой, а дочери ее Павлищевой, быв отправлена ею Сухановой и сыном ее уже в Воронежскую губ., возвращена почти от самой границы той губернии, и обе они им спрятаны Шредером.... отосланы в Екатеринослав 17 числа (апреля) к г-ну фон Бергу“.

Мы не знаем в точности, был ли наказан порок, в лице Писемских и Сухановых, принимавших все¹ меры к удержанию в своих руках Качковских, но намерение их покарать у власти, видимо, имелось. „По рассмотрении произведенного стряпчим Шредером обследования—писал тогда Бахтин (21 апр.) министру юстиции—означенная надв. сов. Суханова и сын ее за закононпротивные и лживые их поступки переданы будут законному суждению, а равно и Изюмский исправник, не отыскавший прежде по предписанию моему у означенной Сухановой дочери К., не останется без должного взыскания.“ „Поелику же—писал Екат. губ-р (в февр. 1906)—г-жа Писемская при первоначальном требовании от 'нея К-ой, не отдавала ее, скрыла под предлогом нахождения ее в другой деревне, оказав тем ослушность противу высоч. повеления, к-рое в деле сем исполняется, то от меня предписано Павлогр. зем. суду заведенное во оном по предмету сему дело отправить в уездный суд для поступления с нею Писемского за сей я поступок по законам“. Позднее (26 апр. 1806 г.) тот же губ-р доносил, что „о укрывательстве их (Качковских) до сего времени следствие происходит и виновные преданы будут законному суждению“*).

*1 В рапорте от 11 июня 1806 г тот же Екат. губ-р так квалифицировал виновность Писемской.... „Когда воспоследовало иминное высоч. повеление об отобрании от полковницы Писемской семейства своего шляхтича К. и от Могилев губернского сообщено здешнему пр-ию ко исполнению и когда по предписаниям сего последнего Павлогр. нижний зем. суд требовал от П-ой отдачи оного, то П-ая делала укрывательство ему и самые лживые об нем показания, говоря, что К-ая находится в другой ее деревне в Слоб.-Укр. губ.. тогда как она при ней находилась; и что дочь ее продана умершим ее мужем полк. Н-им неизвестно кому, тогда как сама она продала ее дочери надв. сов. Суханова Павлищевой, вынужив и всем кр-нам своим показывать тоже, когда они от суда спрашиваны были. И делали такие же лживые показания принесем том, что они под присягою спрашиваны были. При всех однако же затруднениях жена К. отыскана была при г-же П-ой. Но на вопрос о дочери показала согласно с г-жей П-ой и ее кр-нами, что не знает, кому она продана была... Старалась всемерно выполнить волю г-ри им-ра принял я все нужные способы, дабы открыть прибежище означенной К-ой дочери, переписывался в том-по извету дворового г-жи П-ой ч-ка Фетисова с г. Слоб.-Укр. губ-ром, прося его отыскать ее в доме надв. сов-цы Сухановой, где, как показывал Фетисов, она пребывание свое имела. Первые посещения были тщетны. Отправленный туда зем. испр. Изюмской округи донес, что кк г. Суханова отозвалась совершенным неведением о той девке, так равно и он, исправник, в имении том отыскать ее не мог. Сие побудило Фетисова просить мен-я, дабы оправдать свою изает отправить его самого в Слоб. Укр. губ. для отыскания означен. дочери К., что и исполнил я, отправив его с отнош. моим к г. Слоб Укр губ-ру, прося придать ему чиновника, к-рой бы в том-то ему способствовать мог. Между тем отысканная К-ого жена из Павлограда вместо того, чтоб отправиться с дан-

Что касается „добродетели“, то и она могла себя почесть в известной мере удовлетворенной: 18 марта 1807 г. наконец после 5-летних розысков и мытарств жена К. Анисья и дочь его Мария были возвращены ему в Могилеве под роспись*).

Мы не знаем, добился ли К. также возмещения своих имущественных потерь, произошедших от закрепощения его П-им, чего он так долго и упорно искал. В ордере Могилев. губ. прокурора от 24 мая 1806 г. министр юстиции рекомендовал об'явить К., что „об удовлетворении его за насилие владение П-им К. должен подать указанным порядком просьбу, тогда оное и получит“. Узаконенным порядок—процедура долгая, сложная и обременительная, и К. в прошении на высоч. имя, поданном 21 фев. 1808 г. (в Екатеринославе), просил избавить его по неимуществу его от судебного процесса; ибо разоренный до конца он ничего отыскивать не может.**) На этом прощении имеется такая помета: „выправив с прежним производством о сем под-ту, доложить мая 30 дня 1808 г.“ Дальнейших указаний по этому предмету в деле не оказалось.

ным ей паспортом к мужу, скрылась, и сумнение было, что она уехала к Сухановой же. Не толь о дочь, но и жена К. отысканы Фетисовым в доме г-же Сухановой, хотя она при обыске утверждала, что „никакого об их сведения не имеет“. В рапорте от 20 июля 1806 г. тот же губ-р, м. пр. писал: „и отобрали семейства лв. К.... всено возможные предполагали мне препятствия, и не столько г-жа П-ая, к-рая будучи уже давно глупа от разбития параличом, сколько сын ее, управляющий всем имением, старалась склонки высоч. повелений укрывать то сем. иство“.

Особенно тавилося вину П-ой, что „аже и к-де все г-жи П-ой чаятельно по внушениям господ своих должно прийти, что ничего о семействе Кичк не знают и приведены быти до преступности“ (Рапорт Екатер. губ-р от 10 июля 1806 г.).

*) Из дела не ясно, почему п. огек стал анничеговский сро. от кремени отыскания жены и дочери и до нрученя их после нему, 26 апр. 1808 г. Екат. губ. доносил, что обе они доставлены к нему, но что так как жена К. находится ныне в болезни, то он удержал их в Екатеринославле до выздоровления К-ой; 18 мая тот-же губ-р доносил, что он отпустил ее и лохь 15 мая в Могилев для до-тавления в Могил гражд. губ-ру Бакунину при нарочном тубереской штатной рты солдате на обычательской подводе с заплатою по плакату на ед. и ч. новых, испребона на то нужное число днег от клязен платы из экспирации рной суммы 13 июня 1806 г. Е-ят. губ-р днес, что нарочный, ряж. Ант. Иван. возвратился и представил квитанцию от Могилев гражд. губ-ра в том, что бывые К-ие в Моги. ех доставлены исправно. И лишь 22 марта 1807 Мог. л. губ-р уже домогаял, что 18го сего марта жена и лохь К. отданы ему с роспискою.

**) Приносят эти прошения в извещении: „на г. время (за 28 г.) просил удовлетворить по положению изданых уважений, но совсем)

III.

Нам остается еще проследить судьбу одного из скромных персонажей рассказанной истории, сыгравшем однажды видную роль в устройстве торжества правде-справедливости—мы говорим о двор. ч-ке Григорье Фетисове, стараниями к-рого были отысканы жена и дочь К. „Единому усердию Фетисова—писал Екат. губ-р Берг-приписать можно отыскание сего семейства, с такою упорностью и вымыслами скрываемого“.

В деле имеется длинное прошение самого Фетисова, писанное почерком хорошо грамотного ч-ка*) и поданное им в июне 1806 г. Екатер. губ-ру. Мы приводим это чрезвычайно интересное своей беззыскательностью и сообщаемыми данными прошение полностью; гласит он так:

„Его Пр-ву г-ну д. ст сов. Екат. гражд губ-ру и кавалеру Петру Ивановичу фон-Бергу полковнице П-ой служителя Григория Фетисова прошение. Истребован я вашим пр-ством из земляной работы, Луганского литейного з-да для взятия с меня показания в разсуждении запирательства г-жи моей полковницы П-ой и ее кр-н, спрашиванных под присягою против именного высоч. повеления, последовавшего на освобождение из кр-нства записанного за нею семейства шляхтича К. жены, сына и дочерей, и кк. уже по навету моему таковое г-жи моей и ее кр-н

Екат губ. пр-ие не ставит вправость мою последовавший обо мне высоч. указ (24 мая 1804 г.), а принуждают занесть о нем деле судебной процессе; сие явное послабление делают для г-д Писемских. видя, что я, уже разоренный ч-к, не токмо могу вести судной процесс, но и пытаюсь с семейством от доброхотных дателей милостию и тем хотят оттолкнуть меня получением законного удовлетворения.....“ Далее он пишет, что чувствует горчайшую обиду, „что г-да Писемские от налога весьма тяжких черных работ уморили сына моего, а к тому же уже за высоч. вашего имп. велич. именным повелением упорством своим чрез укрывание жены моей и дочери довели до крайнего разорения родителей моих и меня чрез поиск с 1782 г.; и уже за продолжением сего несчастного процесса чрез столь долгое время кк. родители мои, равно и я дошли до такового состояния, ни пропитания, ни одеяния не имею Того ради, пав пред ограничнейшие стопы ваш. имп. велич, по неимуществу моему от судебн. процесса избавить прошу и всемилостивейше повелеть отец отечества высокомонаршую свою властью с именем г-д П-их за 28 летнюю мою службу, тк. кк. уже ваше имп. велич, во всем меня оправдали, пронестими и волокитами наградить, ибо я, разоренной до конца при всей бедности нашей и убожству ничего отыскивать не могу“.

*) Екатер губ-р в одном га донесений указывает, что Ф-в у П-ой исполнил обязанности письмоводителя.

ложное запирательство пред правительством обнаружил, семейство самим мною отыскано, и уже высоч. указ получил свое исполнение. Я осмеливался вашему пр-ству многими просьбами из'яснять, каковые чрез сие последовавшее именное повеление претерпел от г-жи своей разные изнурения, а наконец и самою ссылкою, яко преступника по определению судейскому в земляную работу в Луганский литейной з-д, где таковые порабощаются. Крайняя бедственность нынешнего моего положения—шестой уже м-ц как ожидаю своей разрешительной судьбы и до того дошел, не имея дневного пропитания, оставаясь при том без всякого одеяния, то и паки принимаю дерзость пояснить претерпимые от г-жи своей истязания. Когда последовал высоч. указ к отбору сказанного семейства, я во 1) г-жу свою раздражал склонением выполнить монаршую волю отдачею того семейства и отрекшись писать от нее на то высоч. повеление фальшивого об'яснения, каковое она подала, во 2) будучи в Екатеринославе при отдаче с имения ее рекрута, хотя ж тогда и опрашивали меня о семействе К., но, опасаясь гнева г-жи свой, об'явил только, что жена у нас; ваше пр-ство изволили со мною ж писать к ней письмо, дабы она выполнила в точности г-ря имп-ра повеление, наказав и словесно о том ей сказать: по доставлении ж мною оного письма крайне была раздражена, и в тож время, забыв родителей моих службу, а равно и мою, за к-рую я заслуживал по вечность свою от нее и наследников награды, ибо когда препоручила она мне законную доверенностью все свое имение под защиту на законном порядке, то, льщясь от нее нагробы, в короткое время мог отыскать из бегов более 26 душ кр-н от части с пожилыми деньгами, окончав и такие дела, к-рые более 10 лет не имели никакого движения,—учинила жестокое телесное наказание, наложа превеличайшую рогатку, устраивая худыми для моей жизни жребьями, повела употреблять в безпрерывные порабощения; наконец затем в скорости прибыл Павлоград. зем. суда заседатель ко отысканию Качковского семейства и. кк. ему было известно, что по сим делам уполномочен я, спрашивал обо мне, но на ответ получил, якобы бежал, находясь в то время в поясненных порабощениях. Итак, после-

заседательского от'езда генваря 12 дня сего года, опасаясь, она, дабы чрез меня не обнаружилась истина, отправлен без всякой моей винности в сказанную земляную работу и посему предмету от такового моего невинного порабощения, а единственно за справедливое мое против высоч. указа показания вами избавлен. Вашего пр-ства нижайше прошу услышать слезное мое в бедствии находящегося прошение и моего семейства, ибо неутолимая и непримирамая г-жа моя с сыном не отстают истязать за мой справедливый извет семейство мое, каковое я и Павлоградский зем. исправник, будучи с ним в последний розыск в имении г-жи П-ой, застали караульных четырех ч-к возле избы семейства моего живущего и невыпуком их кроме великих порабощений. Не берут ли власти г-жа П-ая с сыном быть самодержцами и не есть ли (это) тюрьма для моего семейства? Я во отчаянии, видя их, когда приводили к исправнику, также за двумя караульными, совсем изнуренных и непохожих на человечество, но истерзаний их узнать мне было нельзя за строгостью своих господ, а только давали мне знать о своих порабощениях чрез их лиющиеся непрерывные слезы и выговором, что наша жизнь в отчаянии, и я сие слово разумею, дабы от великих истязаний не учинились сами собою в жизни своей жертвою, каковые случаи в доме г-жи П-ой имелись. Исправник же, все сие видя, и никакой защиты не учил, да и посему исправнику можно заключить было, что П-ая с сыном желают нас подвесьте ухищренно чрез свою злобу, (что) когда я был безотлучно при нем, исправнике, покушались сделать меня зажигателем дома их, почему и особо писанное во осторожность мою от живущего у П-ой польской нации человека письмо подлинником там же доставил исправнику и тем вяще обратил на себя мщение своих господ,—то в прекращение ж сего повелите ваше пр-ство семейство мое и собственное наше имение с скотоводством, с коего я надеюсь могу иметь нужное пропитание и одеяние, перевесть в казенное селение Павлоградского уезда Богданову до настоящей разрешительной нашей судьбы, милостивым благоразсмотрением не оставить и учиниться о нашем несчастном жре-

бии, где следует, ходатаем. Сие прошение писал и руку приложил проситель Григорий Фетисов июня... дня 1806 г.

Екатериносл. губ-р Берг с своей стороны возбудил ходатайство об обеспечении Фетисова. „Особливою мою обязанностию—писал он 18 мая 1806 г. министру юстиции—поставляю всепокорнейше просить вашу светлость милостию обезпечить жеребий означенного двор. ч-ка Фетисова и его семейства, поелику он по усердию и ревности в исполнении высоч. повеления открыл все злоупотреблении своей помещицы, отыскав скрываемое ею семейство К., возбудил против себя злобу и мщение своей г-жи, так что ежели он будет возвращен в ее владение, то должен ожидать не только сам, но и все его семейство безпрерывных истязаний и гонения, почему и нужно будет, по мнению моему, сохраняя правило милосердия и человечества, из'ять сего ч-ка от власти, по праву крепостному г-же Писемской над ним предоставленному и сделать его с семейством, в коем заключается престарелая мать, жена и малолетние дети, в вознаграждение за ревность и верность свободным, зачетом, ежели благоразсудено будет, при рекрутских наборах или покупкою.“

В ответ на это ходатайство министр-юстиции Лопухин уведомил (18 июня 1806 г.) Берга, что г-рь на его доклад о двор. ч-ке Фетисове, „высоч. указать изволил сообщить вам, милостивый г-рь мой, чтобы вы постарались купить Фетисова с семейством у помещицы и, когда приторгуете, то бы уведомили меня о том для доставления вашему пр-ству денег“.

Берг пытался это сделать, но неудачно. Вместо отзыва г-жи П-ой—писал он 20 июля 1806 г. мин. юстиции—на мое к ней извещение, что г-рю имп-ру угодно у нея купить двор. ее ч-ка Фетисова с его семейством, получил я сего м-ца 18 дня письмо от ее сына титул. сов. П-ого, к-рый уведомляет меня, что мать его больна и что до ее выздоровления не может он ничего решительно сказать“.

Ясно, что это была одна отговорка, плохо прикрывавшая нежелание продать ч-ка, с к-рым хотели расправиться. Пришлось искать других путей к освобождению Ф-ва, помимо его покупки. „Из всех сих обстоятельств—пишет далее Берг—ваша светлость, конечно, усмотреть изволи-

те, что единому усердию Фетисова приписать можно отыскание сего семейства (К-ого), с такою упорностию и вымыслами скрываемого, и ежели по одному подозрению и совету его в отдаче сначала того семейства он столько претерпел, то кольми паче ныне, обнаружив все преступления своих г-д, должен ожидать жестокости и истязаний. Ваша светлость, вошед милостиво по прежнему моему доносению в угрожающий несчастной жребий сего ч-ка, изволили уже о том докладывать его имп. велич. г-рю им-ру "... указавшего „искупить сего ч-ка от рабства г. П-ой. Отзыв ее сына, о к-ром честь имел в начале упомянуть, довольно доказывает, что они ищут разных предлогов, дабы не потерять права удовлетворить месть свою в полной мере... Поелику сие черное дело и дерзкая ослушность воли высохшей довольно обнажают строптивой и жестокой характер г-д Писемских, к-рые, закрывая свои преступления, осмеливаются еще поставлять их насчет моих притеснений, затмевая клеветами истину, обнаруженную и доказанную уже на деле, поелику, следя моему долгу, не мог я избегнуть предать их деяния суду по законам, то, конечно, уверен, что взаша светлость докончите великодушное ваше покровительство несчастному Фетисову и его семейству, ставшему жертвою своего усердия и верности, и тк. кк. видно, что покупкою вольности ему приобрести невозможно, то не угодно ли будет назначить г-же П-ой цену за него обыкновенного рекрута или зачесть его при будущих рекрутских наборах, на что и буду ожидать вашего предписания".

Осенью 1806 г. последовало повеление верховной власти о зачете П-ой дворового ее ч-ка Фетисова за рекрута и о причислении его с семейством в ведомство казенное, дозволяя избрать род жизни, какой пожелает (предписание мин. юстиции Екат. губ-ру от 21 авг. 1806 г.).

По получении его Екат. губ., как сообщал он об этом министру юстиции 7 сент. того же 1806 г.—объявил оное проживающему в Екатеринославе Фетисову с тем, чтобы тот немедленно избрал себе „род жизни“. Одновременно было предписано Павлогр. зем. исправнику семейство Ф-ва в составе престарелой его матери, жены

и маленькой дочери отобрать тотчас же из владения П-ой со всем имуществом, собственно им принадлежащим; казенной палате было указано о выключке Ф-ва с семьей из почитания за Писемскою и о снабжении ее надлежащею квитанциею о зачете его ей, Писемской, за рекрута

Хорошо все, что хорошо кончается—говорит пословица. К сожалению, так в жизни случается не слишком часто.

Позвольте на этом закончить мое несколько затянувшееся сообщение. Мне кажется, я сделал все, что входило в мою задачу,—я дал исчерпывающее изложение дела Качковского, дал его остов, сюжет, основную канву, и вы согласитесь, вероятно, что по этой канве можно было бы цветными шелками расшить весьма сложный узор психологических переживаний, написать, пользуясь ею, действительно настоящую повесть о том, как польский шляхтич, попав в крепость к русскому помещику, отыскивал свободу для себя и для семьи своей и как он наконец ее отыскал после длинного ряда мытарств. Но последнее уже не входит в мою задачу.

Вл. Миха́йловский.

Вичугская фабричная старина.

(Бытовые очерки и заметки).

I.

Краткий вступительный обзор.

Среди других местностей Костромской губернии Вичугскому краю наиболее посчастливилось в смысле прочного развития в нем фабричной промышленности. Давно, более ста лет назад, положено основание этой промышленности. Начавшись, приблизительно, на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков, таковая мало по малу достигла здесь чрезвычайно значительных размеров. К началу нынешней войны кинешемско-вичугские предприятия насчитывали у себя свыше 30 тысяч рабочих и имели торговых оборотов на сумму до 50 миллионов рублей в год.

Зарождение и постепенное развитие местной промышленности представляет несомненно глубокий интерес, но мы здесь остановимся, преимущественно, на бытовой стороне жизни Вичугского края, касаясь экономической части ее только в необходимых для нас самых общих чертах.

Известно, что первый значительный толчек для развития вичугской промышленности дал 1812 год, когда после военного разгрома Москвы и ее торгово-промышленных заведений, явилась острая нужда в новых фабрично- заводских предприятиях. Вичужане, в лице своих наиболее энергичных представителей (Коновалов и друг.), успешно использовали это обстоятельство, в результате чего здешний край быстро наполнился небольшими красивыми заведениями, откуда начали в значительных размерах выпускаться на торговый рынок различные льняные и бумажные ткани. Вичугская промышленность того времени, преимущественно, занималась крашением в разные цвета этих тканей, а также „набивкой“ (печатаньем)

рисунков, примитивными ручными способами. Материал же, предназначаемый для крашения и печатанья („суроье“), доставлялся сюда, главным образом, со стороны: из Иванова и Шуи Владимирской губернии, из Подмосковского и других „ткаческих“ районов и лишь в небольшой части был местного (крестьянского) производства.

Если, мало-по-малу, вичужане начали заниматься и ткачеством, то еще долгое время эта промышленность носила здесь характер по преимуществу „раздаточный“. Вичугские предприниматели только раздавали готовую, купленную также на стороне пряжу для тканья таковой по домам-на деревенских станах. (Также на домах производилась и предварительная подготовка пряжи для ткачества). В своих же заводских помещениях ткацкое дело не было организовано почти на всем протяжении первой половины прошлого века.

Вообще, в этот период времени вичужане являлись не только владельцами орудий производства и заводчиками или фабрикантами, сколько-посредниками, комиссионерами, торговцами, и поэтому-то до нынешних дней сохранилось за ними преимущественное наименование „купцы“, каковым обозначением, как наиболее распространенным и верным, мы и будем пользоваться в своих очерках.

Однако, с течением времени на-ряду с раздаточной формой ткачества у вичужан стали появляться и собственные ткацкие заведения-фабрички, разроставшиеся в некоторых случаях до весьма значительных размеров.

Побуждением для устройства таких фабричек являлся, несомненно, „хозяйственный расчет“, стремящийся к лучшему сбережению обрабатываемых материалов (пряжа сильно „утеривалась“ при раздаче ее по домам), к сбережению топлива и освещения (купцы порой снабжали этим и домашних ткачей), а также для лучшего утилизирования рабочей силы разного бездомового элемента.

Вообще, бездомовый люд (всякие бобыли, отставные солдаты и все почему-либо отбившиеся от крестьянства), как мы увидим далее, составляли здесь первый постоянный контингент фабрично-заводских рабочих.

Особенно же сильным двигателем для развития ткацких фабричных заведений явилось, конечно, введение па-

ровых машин и вообще то или оно усовершенствованное оборудование этих заведений, что, в свою очередь, предполагало наличие уже значительных денежных сбережений, полученных от предшествующих более примитивных форм производства.

Еще значительно позднее ткацких появились более дорогие и сложные прядильные фабрики. До этого времени пряжа в готовом виде шла сюда преимущественно из за границы. И только в последние десятилетия девятнадцатого века здесь, наконец, были сгруппированы все стадии хлопчато-бумажного производства — от первоначальной обработки хлопка до окончательной отделки вырабатываемых из него тканей. Лишь ситцепечатание, из-за недостатка воды, необходимого для этого рода промышленности, не привилось в Вичугском крае, но закрепилась прочно в соседнем Шуйско-ivanовском фабричном районе.

II.

Социальное положение вичужан.

Все первые вичугские предприниматели-промышленники были людьми крестьянского сословия и при этом, крестьянами крепостными, „господскими“, т. е. всецело принадлежавшими своим помещикам.

И приходится удивляться, что даже в таких условиях старого крепостного режима вичугская промышленность смогла организоваться и столь сильно окрепнуть. И не только смогла противостоять всякому „барскому“ режиму, но даже занять, благодаря своей энергии и материальной мощи, доминирующее над ним положение.

И теперь тут, где от прежних помещичьих хозяйств не осталось почти и следа, русское крестьянское „заделье“ пустило такие корни и так широко разрослось. Даже фамилии старых господ, бывших когда-то почти неограниченными владельцами всего „живота и имущества“ своих вотчинников,стерлись из памяти людей. И очень мало кому теперь известно, что фабриканты Коноваловы были когда-то крепостными крестьянами помещиков Хрущевых, Миндовские принадлежали господам Глушковым, что вся земля, где сейчас выстроено фабричное село Но-

вая Гольчиха было поместьем Балакиревых и т. д. И только, разве, развалины старого барского дома в с. Вичуге еще иногда напомнят, что тут когда-то властвовали богатые магнаты Татищевы, да древний домик на реке у дер. Быстри вызывает воспоминания о громкой когда-то фамилии Леващевых; а еще пара-другая таких же домиков, давно перешедших в „купецкие“ руки, уже и позабыла прежних своих владельцев...

Фактически крепостная зависимость от помещиков почти из��ла из здешнего края еще весьма давно-гораздо ранее крестьянской реформы 1861 года. По крайней мере „барщины“ в ее чистом виде здесь уже не имелось задолго до отмены крепостного права, Большинство крестьян были „оброчные“, т. е. только материально („податями“, „оброком“) связанные со своими господами. Да не удовлетворяясь этим, многие более зажиточные и даже средняго достатка люди давно начали выкупаться на волю.

Во всяком случае, имущественный, денежный перевес уже давно стал оказываться на стороне той, которая благородным происхождением не отличалась, не блестала и внешностью, но за то была более сильна своим внутренним содержанием: энергией и самодеятельностью.

И в момент юридического падения крепостничества мы уже не видим здесь почти ни одного значительного помещичьяго хозяйства, а на ряду с этим купеческие дома Коноваловых, Миндовских, Разореновых и др. становятся широко-известными; их гостеприимством охотно пользуются и высшие административные власти; с ними весьма считаются и „в губернии“

Но, принимая у себя „власть-имущих“, иногда губернатора или архиерея, хозяин, случается, покажет им в своих парадных комнатах портрет, повешенный на почетном месте.

„Портрет этот нашего барина господина Хрущева, у которого мы, Коноваловы, крепостными людьми были“...

Так, не стесняясь своего простого крестьянского происхождения, а, наоборот, гордясь таковым, тонко порисуется перед своими высоко-чиновными гостями именитый купец.

А другой им еще и бумагу из сундука достанет старую, на сером актовом листе с гербом и надписями: „цена три рубля для письма крепостей до 1000 рублей“, в коей бумаге значится: „лета тысяча восемьсот двадцатого, декабря в первый день, отставной артиллерии штабс-капитан и кавалер Сергей Назаров сын Глушков отпустил вечно на волю крепостных своих, взятых из крестьян во дворе людей“ (Миндовского с семейством). Достанет и „приказ“-барина к своей вотчине, чтобы „отпущенного вечно на волю Миндовского, оставил жить в прежнем его владении, отнюдь не трогать и никаких обид и притеснений ему не чинить, и приказ таковой исполнять всему миру нерушимо“...

И не могло не казаться все это чудным для гостей именитых купцов, так как хорошо известно было, что давно вся округа не только не чинит „обид и притеснений“ Кононовым и Миндовским, но сама находится в сильной от них зависимости, которая не многим лучше была старой помещичьей кабалы.

III.

Вичужане в религиозном отношении.

В религиозном отношении вичугское купечество придерживалось старообрядчества или, выражаясь официальным церковным языком, было привержено к расколу. Наиболее здесь распространенной, повидимому, являлась „безпоповщина“, а именно-секта „бегунов“ или „голбешников“.

До сих пор преобладающим здесь типом построек остаются высокия избы с **голбцами**, т. е. с нижним этажем, наполовину помещающимся в земле и могущим служить как для хозяйственных надобностей, так и для постайного жительства, для тех самых **странников или бегунов**, что скрываются от греховного мира и всю жизнь свою, как вечные странники путешествуют с места на место, от одного тайного жилища до другого; делая эти переходы свои исключительно по ночам. Для того, кто не может сам нести страннический образ жизни, установлено иное послушание-принимать у себя, укрывать, поить и кормить тех странников. Кроме бегунов были здесь и другие секты

ты, также не приемлющие великороссийской церкви. Но ко второй половине прошлого века большинство местного купечества официально легализировалось в области вероисповедания, т. е., „приписалось к церкви“. Устроивши, однако, для этого свои специальные храмы, единоверческие, имеющие старобрядческий характер служения. В домашнем же своем обиходе они еще долгое время продолжали оставаться приверженцами антицерковного направления, долгое время имели свои собственные „моленные“ и совершали тут свое „безпоповское“ богослужение.

Обычно такими молennыми помещениями и всем вообще религиозным укладом купеческого дома заведывали „уставщицы“, — особые женщины, начитанные в священном писании и как бы посвятившие свою жизнь духовным делам. Они вводили строгий режим в отношении соблюдения праздников, постов и т. под. В особенном подчинении их авторитету была, конечно, женская половина дома. Мужчины, занятые своими торговыми делами, часто находящиеся в разъездах, в соприкосновении с иным миром, являлись, несомненно, значительно менее надежным в этом отношении элементом.

Моленная в купеческом доме занимала особую комнату, почти сплошь по стенам уставленную большими темными иконами старого письма, медными крестами и складнями. Тут же помещался аналой для чтения, большие подсвечники, кадила, стеганые ватные „подручники“, которые употреблялись при земных поклонах, как подкладка для рук и головы молящихся, и разные старопечатные книги духовного содержания, в тяжелых кожаных переплетах, почерневших от времени и от долгого усердного употребления.

Заделавшись церковниками, вичужане, как мы уже говорили, продолжали тяготеть к прежнему своему староверческому укладу, и в церковном богослужении, в воздвигнутых ими единоверческих церквях, они старательно блюли такие же строгие порядки: проводили старинную дисциплину, длинные, истово-совершаемые богослужения, монотонные протяжные напевы и т. д.

Вместе с этим купечество любило и помпезность в своих храмах: снабжало их дорогой утварью, образами,

облачением, массивными паникадилами, огромными колоколами. Фактически крупное купечество верховодило всеми делами церкви: духовенство занимало почти подчиненное местной буржуазии положение, вся же масса простых прихожан не играла тут никакой роли.

Самый переход на легализированное вероисповедание происходил, повидимому, из-за соображений делового, чисто-материального характера: это требовалось административными кругами, это упрочивало торговое значение фирм, так как давало возможность войти в привелигированное положение потомственного почетного гражданства, давало преимущества в получении различных льгот, наград и т.п.

Вот один из любопытных эпизодов того времени, связанных с делами церкви.

По грунтовой дороге от Вичуги в г. Шую в стаинском селе Парском (Юрьевецкого уезда) имеется необычно дорогое для сельской церкви жертвованное украшение — серебряные царские врата в храме.

Население Парского прихода давно уже забыло происхождение этого щедрого дара, сделанного в старые годы одним из вичужских купцов, а именно Гл. Ив. М-им.

В г. Шуе в то время славилась Введенская (в ноябре месяце) ярмарка. С'езд покупателей и торговцев был большой. Приезжали по зимнему/первопутку и вичужане.

Железные дороги в те годы еще не существовали, и купцы сами ездили сюда и товар привозили — все на лошадях.

Раз как-то вечером гольчишный купец Гл. Ив. М-ский, возвращаясь из Шуи с Введенской ярмарки сильно под хмельком, остановился у парской церковной ограды и позволил себе неудобную для такого места непристойность, а затем обругал и оскорбил действием подошедшего священника, который вздумал сделать ему замечание. У церковной ограды затеялся скандал...

Священик передал дело в суд; началось следствие и напроказившему купцу грозило наказание. А в то именно время Мин-ские хлопотали о потомственном почетном гражданстве и уже не мало десятков тысяч потратили на благотворительные дела. Новая большая церковь воздвигались ими и у себя на родине. Парская история могла напортить репутации именитого купца.

Делать нечего,-пришлось Гл. И-чу поездить по судебным канцеляриям да и обиженному покланяться. И вот, чтобы покончить дело миром, священник выговорил с Гл. Ив. в свой Парский храм серебряные царские врата. После этого, „историю“ затушили, а начатое официально „дело“ вызволили (за большую мзду, конечно) из судейского стола обратно. Кинешемская канцелярия, будтобы, отписала потом в высшую инстанцию, что „дело“ как-то спорело... Сей любопытный документ семидесятилетней давности и посейчас хранится в одном из домов М-ких.

IV.

Экономическое положение.

Выкупаясь от помещиков „на волю“, вичужане старались вместе с этим приобретать для себя и земли. Расширение купеческих владений в особенности достигло значительных размеров после крестьянской реформы 1861 г. Со временем не только все помещичьи земли, но и часть крестьянских наделов, окружающих вичугские фабрики, перешли в руки купцов. Если закон не разрешал прямо купить крестьянскую землю, то купцы делали обход и приобретали желаемые места с помощью обмена, данного участка на какой-нибудь другой, более отдаленный и худший и т. под.

И так, мало-по-малу, вичугские промышленники-бывшие крепостные люди-сами сделались обладателями обширных земельных владений. В последнее время, в Кинешемском и соседних с ним уездах вичугским купцам и фирмам, основанным ими, принадлежало до 50-ти тысяч десятин лесов и других земельных угодий.

Но в своем экономическом завоевании края купцы встречали и препятствия, совсем неожиданного характера. Так, например, один из крестьян д. Боячек как-то не пожелал уступить свою землю фабриканту Коновалову, в то время как соседи его все были на это согласны. Богоч-фабрикант землю крестьян приобрел, разбил на ней сад, обнес все высоким крепким забором, а участок упрямого мужичка так и остался некупленным. И долгое время среди садовых аллей купца Коновалова - красовалась

одинокая крестьянская полоска, засеянная овсом или ржью, или покрытая кучами навоза, а в высоком заборе фабриканта имелись особые ворота для проезда владельцу на эту его землю.

Однако, препятствия подобного рода бывали лишь редкими исключениями. Обычно же, купцы не встречали почти никаких преград для экономического порабощения края.

Трудно сказать, что именно более всего способствовало экономическому благополучию большинства вичугской буржуазии.

Обычно, так всюду бывает, что около каждой состоятельной купеческой фамилии, в особенности, если она разбогатела быстро, ходит много всяких историй, разъясняющих происхождение этих богатств, причем, здесь часто фигурируют фальшивые деньги, задушённые и обокраденные проезжие, обманутые опекунами малолетние наследники и т. под. темное происхождение денег.

К чести вичужан надо сказать, что в отношении их почти нет таких историй: С внешней стороны здесь все обстояло более или менее благополучно: богатства наживались легальными, с точки зрения закона, средствами. Выходило так, что умели люди наживать деньги и наживали... И большие состояния выростали одно рядом с другим. Внутреннюю же подоплеку этих „легальных средств“ едва ли кто старался тут вскрывать.

В историческом обзоре, изданном фабрикой „Т-ва И. Коновалова с С-м“ в 1913 году, имеются интересные сведения о том, как постепенно росло и развивалось торгово-промышленное предприятие Петра Кузьмича Коновалова и его наследников. Более или менее такой же характер имеет история и других здешних фирм. Но, конечно, не одно только верное накопление капиталов стояло по пути вичужан-промышленников. Путь этот тоже, богат всякими чреватостями.

Капиталы выростали и лопались. Богатые семьи беднели или вымирали и заменялись другими. И только старики, может быть, помнят, что теперешним фабрикантам с. Старой Вичуги, предшествовали купцы Кротовы, что самым первым и значительным домом в Новой Гольчихе

был дом купцов Клементьевых, что в д. Старой Гольчи-хе когда-то гремели три раздельных дома фабрикантов братьев Миндовских и из них не уцелел ни один, а сохранился и окреп дом четвертого брата, который оттуда выехал в д. Путковскую, что, с другой стороны, 50 лет назад никто не знал тут фамилии Кок-вых, которые были выписаны сюда Миндовскими и Разореновыми лишь, как приличные женихи к своим дочкам (вина не пьют, табаку не курят, а главное-большим крестом молятся), что один из основателей и совладельцев богатейшей „Волжской Мануфактуры“ начал свою карьеру в качестве главного... пастуха гусей, что хозяин одного из крупных литейных заводов был в начале обладателем только обыкновенной крестьянской кузницы и т. д. и т. д.

Несомненно, что вичужанам в процессе их экономического развития приходилось не останавливаться на какой-нибудь одной торговой или промышленной специальности. Они должны были постоянно разнообразить свои коммерческие задания. Должны были перекидываться от роли красильщиков к роли организаторов домашнего ткачества, а затем к роли самостоятельных владельцев ткацких заведений или прядильщиков. Должны были постоянно разнообразить ассортимент своих изделий, разнообразить рынки сбыта и даже самые приемы торговли. Нередко они являлись одновременно и торговцами, и комиссионерами, и производителями совершенно различных между собою изделий. И понятно, что в этой, вечно-подвижной области деятельности выдерживали искус и оказывались на верхах экономического благополучия лишь наиболее энергичные и удачливые личности.

V.

Ярмарочная торговля.

Торговая деятельность вичужан раскидывалась широко. Не было, кажется, ни одной сколько-нибудь значительной ярмарки (особенно на востоке России), куда бы не проникали они с своими товарами: с миткалем, канифасом, со скатертями и салфетками, тонкими десертными и „гирными“, толстой грубой „дабой“, с тонкой редкой

„китайкой“ и плотной добротной „бязью“, крашенными в разные цвета, преимущественно же—синие, с красной трескучей „бахтой“ и с последней ивановской новинкой—пестрыми „саксонскими ситцами“. Особенно посещаемыми ярмарками были: Макарьевская, (Нижегородская), Ирбитская, Мензелинская, Харьковская, Ханская (в киргизских степях) и др.

На Макарьевскую ярмарку вичужане ездили через Кинешму по Волге пароходом; на большинство других обычным старинным способом—гужевым путем. Ездили туда и обратно подолго, иногда—целыми месяцами. Порой, заканчивая торговлю на одной ярмарке, тотчас же перезжали на другую. Впрочем, в большинстве случаев этим делом занимались не сами владельцы торговых фирм, а их сыновья и старшие прикащики. Главные хозяева только давали им соответствующие доверенности—наказы, примерно такого содержания: „Любезный сын—доверяю тебе в будущем 1832 году продавать как в городе Москве, Кинешме и уезде оного, а также и в прочих городах, селениях и на ярмарках по известным тебе и выгодным для меня ценам, за наличные деньги и в сроки благонадежным людям под узаконенные на имя мое обязательства и доставлять оные ко мне“.. Далее регламентировалось, как „по врученным от меня обязательствам деньги в сроки получать“, а с неблагонадежных должников „через присутственные места взыскания производить“... как покупать „различный законом дозволенный товар, где выгоднее усмотрешь“.. и пр.

К сожалению, о жизни вичугского купечества в ярмарках в те старые годы у нас имеется мало сведений. Обычная деловая переписка того времени содержит лишь таковой, приблизительно, материал.

„Торгуем помаленьку, очень жаловаться нельзя... У кого денег нет, то берем и сало, и по сие время в сборе сала имеем около 2 тысяч пудов, а вперед что Господь устроит..... Китайки нынче останется мало. Только кубового и вишневого цвета плохо берут, а более спрашивают голубую и яхонтовую“.... (Из письма с Оренбургской ярмарки 1833 года).

Вообще же приходится сказать, что торговая деятель-

ность того времени, связанная с огромными переездами, примитивными способами передвижения, с опасностями путешествий в пустынных восточных окраинах, была несомненно очень тяжелой и утомительно-монотонной.

Наибольшее, конечно, значение для вичужан имело главное всероссийское торжище—Нижегородская ярмарка. Здесь вичугские купцы имели как бы собственный свой уголок—**холщевый ряд**, близ ярмарочного главного дома. Приезжали сюда вичужане с наиболее полными запасами товаров, значительными штатами прикащиков и рабочих и даже, зачастую, с женами и чадами.

Но на картинах нижегородской ярмарочного житья—бытья, порою очень любопытного, мы не будем здесь останавливаться. Отметим только, что от размера успешности нижегородской торговли очень часто, зависело дальнейшее благосостояние купеческой фирмы. Поэтому, если купец возвращался с ярмарки веселый, нагруженный покупками для домашних, если ярмарка вспоминалась с удовольствием и рассказывалось о ней в ярких красках, то и во всю его последующую торговлю—промыленную деятельность данного года вливалась сильная оживляющая струя: фабрика работала более усиленным темпом, производились новые крупные закупки сырья, и вообще, все предприятие становилось на путь дальнейшего оживления. Наоборот, если торговые дела в ярмарке были неудачны, купец ехал домой пасмурный, и этот печальный исход ярмарочной торговли мог быть роковым и для всего его дальнейшего дела.

Поэтому, вичужане до самого почти последнего времени весьма много отдавали внимания нижегородской ярмарке. Ее любили и опасались. Ее ждали с волнением и надеждой. О ней много думали и говорили и в деловой жизни и в досугие часы праздничного отдыха.

VI.

Домашний быт.

Домашнее времяпровождение купцов—вичужан старых годов не отличалось особенным разнообразием или оживлением.

— „Жили скучно“, так характеризируют то время помнящие его люди.

День начинался рано. Прежде всего пили чай и завтракали; после этого мужчины отправлялись по делам—в контору или на фабрику, а женщины как—нибудь старались убить время в занятиях по хозяйству.

В богатых домах содержалось необыкновенно большое количество женской прислуги: экономка, белая кухарка, черная кухарка (для рабочих), кормилица, одна или несколько няньек, горничная (иногда две или три), так называемая „походячая“ (т. е. исполняющая различную работу), коровница, птичница и т. под. Иногда штат женской прислуги достигал человек двенадцати и более. Все это обширное женское царство стряпало, стирало, убиралось по дому, нянчилось с детьми и ухаживало за взрослыми—вообще всячески блюло сытую и спокойную жизнь купеческой семьи.

В полдень приступали к обеду. Обычно, сначала кормился служащий и рабочий элемент, живущий при доме. В число их входили: кучер, его помощник, работник, сторож, садовник, подсадовник и т. д. Сюда же иногда примыкали и некоторые служащие с фабрики или завода.

В общем, считая с хозяевами, за обеденные столы садилось человек по тридцати и свыше.

К 8-ми часам вечера вся эта публика вновь сходилась ужинать. Конечно, это столь значительное общество уничтожало за день очень солидное количество продуктов: хлеба, крупы, мяса, молока, квасу, огурцов, капусты и т. под. Но на стол, на харчевое довольство, обычно, купечество не скучилось. Да и стоило все это в то время очень недорого.

Так называемые „читальщицы“ (староверки) кормились обыкновенно отдельно и даже из особой посуды столовой и кухонной, так как старообрядческий устав не позволяет им смешиваться в принятии пищи с лицами „еретического“ образа жизни, в особенности с „табашниками“, „брадобрейями“ (теми, кто позволяет себе брить бороду) и со всякими „трехперстниками“ (т. е. молящимися трехперстным крестом). Да и самий стол ихний был более строгий, хотя количеством пищи тоже не стесненный,

Помимо всего этого, около каждого купеческого дома кормилось огромное количество нищих. В число их, как это ни странно, входила значительная часть местных фабрично-заводских рабочих и их семейств. Рабочие получали такое ничтожное денежное содержание, что существовать на него не представлялось зачастую никакой возможности. Поэтому приходилось подкармливаться подаянием милостыни с купеческой кухни.

Кроме того, на купеческий двор ежедневно в изобилии являлись всякие калеки, сироты, убогие—старики, а также на лощадях приезжали, по преимуществу Великим постом, странники из керженецких и иных ста-роверческих скитов—здравые, упитанные люди, в полу-монашеском одеянии.

Оделяли их кусками хлеба, а иногда—лоскутками китайки, или другой материи, или мелкими деньгами. По праздничным дням многих кормили обедом.

Вообще же, времяпровождение женщин в купеческом доме проходило, главным образом, в еде и в насыщении других и в приготовлениях связанных с этими занятиями.

Кроме того, немножко шили, вязали или вышивали. Других каких-нибудь занятий или развлечений почти не было. По гостям бывали мало—преимущественно только „в званые дни“.

Староверки—читальщицы занимали, порой, хозяек пением духовных „стихир“ или чтением из священного писания. Старухи—няньки рассказывали были—небылицы про давно минувшие времена. Преобладающей темой рассказов являлась всякая нечисть (колдуны, ведьмы, оборотни), что напускали на людей „порчу“ и другие напасти.

Часов в десять вечера, после сотворения вечерних молитв, все в доме погружалось в крепкий сон.

В гости ездили, главным образом, в случаях торжественных: на имянины, похороны, свадьбы, годовые праздники и т. под. Здесь опять-таки больше всего ели и пили.

Первоначально, по приезде гостей подавался чай с разными сладостями. Мужчины приглашались к особому „за-

кусочному" столу, где приготавливались разные ягодные наливки и вина (мадера, херес, портвейн, лисабонское), тут же помещались: зернистая и паюсная икра, балык, различные маринады и прочая снедь.

Женщины тоже подходили к столу „пригубить“

После этого предварительного закусывания приступали к обеду. За длинными столами рассаживались с соблюдением рангов—согласно положению, занимаемому в этом купеческом мире. Публика попроще располагалась где-нибудь около кухни. Если долго и много. Преимущество отдавалось рыбным блюдам: стерляди, осетрине, белорыбице.

Купеческую свадьбуправляли всей округой. Каждая близлежащая деревня особо получала на водку. Гуляли несколько дней. Обычно из г. Шуи привозили поваров и официантов. Бóгатые свадьбы обходились по несколько тысяч рублей. Вообще, делая свадьбу, старались не ударить лицом в грязь.

Рассказывают, что приданое имущество за купеческими невестами привозилось иногда на 30-40 подводах. Затем таковое раскладывалось иногда в доме жениха для обозрения желающими.

Подобное же обозрение „приданого“ производилось также у новорожденных детей. После крещения купеческого ребенка все белье его—рубашки, свивальники, распашенки и проч.—раскладывалось по столам в комнате у роженицы. Соседки приезжали с визитом, рассматривали приданое новорожденного, а роженице присыпали в подарки пироги, каковых собиралось по несколько десятков штук—сдобных, сладких, слоеных—один другого вкуснее и искуснее изготовленных.

Особенно тщательно обставлялись похороны умерших. Служилось множество панихид, устраивались поминальные обеды и после погребения, и в девятый день, и в сороковой, и в полугодину, и в годину... Нищая братия оделялась более щедро. А значительнее всего делались пожертвования для церкви: новые облачения, ризы для икон, утварь, колокола.

И над полуголодными деревнями и пролетарскими грязными поселками гулко разносился звон этих жертвов-

ванных купеческих колоколов, вперемежку с фабрично- заводскими свистками.

У II.

Культурные потребности.

Обладая значительными средствами, производя большие материальные траты и на дела богоугодные и на собственные удовольствия, вичужане до самого почти последнего времени сильно сторонились всякой учености и не только держали в забросе вопрос о грамоте для рабочих, но и свое собственное потомство обучали, как говорится, на гроши медные.

Книжная мудрость если и черпалась, то преимущественно из книг старопечатных, духовного содержания: из псалтырей, прологов, „гранографов“ и т. под.

Правда, бывали и некоторые исключения: среди купечества, особенно, молодого, встречались иногда личности всесторонне начитанные и, для того времени, довольно развитые. Можно было порой видеть в купеческих домах и сочинения Карамзина, Жуковского, Грибоедова и периодические издания того времени—**Отечественные записки, Библиотеку для чтения** и проч. Но все же старая нетерпимость по отношению к светской грамоте и школе являлась здесь преобладающей. На всякие „ученые новшества“ устраивались гонения, и все, что не соответствовало прежнему, узаконенному стариной укладу жизни почтапалось, как „еретическое“.

Особенно, конечно, нетерпимым к новым порядкам было поколение людей более пожилых. Молодежь, порой, становилась к нему в оппозицию и на этой почве вспыхивали конфликты. Как на пример подобных столкновений, укажем на скандал Андр. Ив. М-ского с своим сыном К. А.

Люди эти были разных убеждений, разных взглядов на жизнь. Отец, воспитанный всеселом в условиях старого дореформенного времени, в суровую эпоху аракчеевщины на Руси, естественно, не сходился мнениями с „новым“ человеком того времени, каковым был К. А., читавший светские журналы, любивший баллады Жуковского и знавший наизусть новую сенсационную комедию **Горе от ума**.

И вот, чтобы укрыться как-нибудь от дозора сурового отца, сын уединялся для своих занятий куда-либо в сарай, под овин. А мнительный, гневный старик, точным образом не разумея сыновних увлечений, ловил его в этих „преступных“ делах, сжигал „еретические“ книги и даже его самого пытал как-то огнем, заставляя жечь на свечке руку, чтобы таким образом выпытать сокровенные мысли у непокорного сына—отступника от старых отцовских заветов ... В конце-концов, сын не выдержал такого режима и убежал из родительского дома—искать счастья на чужой стороне.

Но если старое купеческое поколение удовлетворяло свою энергию, свою жажду к жизни исканиями делового, практического характера: расширением своих торговых оборотов и, вообще, прокладыванием „новых путей“ в своей хозяйственной сфере, если оно принуждено было постоянно бороться за свое материальное благосостояние и в этом находило „смысл жизни“, то молодежь, обычно, не нуждалась ни в чем таком и не была охвачена подобными стремлениями. Она являлась на свет прямо в сытую, покойную атмосферу купеческого благополучия и, большую частью, умышленно с детства пряталась от всяких „треволнений“ жизни, от всяких деловых забот и запросов.

И вот, на ряду со своими, закаленными в практической, трудовой обстановке отцами, прошедшиими суровую жизненную школу и мало-по-малу достигшими значительного благополучия,—стали появляться на сцену их никчёмные потомки, выросшие в новых, тепличных условиях, в богатой, сытой, но беззаборной обстановке, не получившие ни практической, трудовой закалки отцов, ни нового школьного воспитания.

Результатом такого явления было, зачастую, полное вырождение той или иной купеческой семьи, полное физическое и духовное вымирание. Были случаи, что целые фабрики, устроенные долгими и упорными трудами отцов, переходили из рук их наследников—пьяных, развратных, купеческих „Митрофанушок“—в руки посторонних людей. А приглашение к своим фабрикам „варягов“, то есть специалистов и ответственных по управлению лиц, приг-

лашёние их со стороны, явилось необходимостью почти во всех фирмах.

Положение дела в отношении рабочего населения края было, конечно, еще хуже.

Почти до начала нынешнего века, во всем обширном вичугском районе существовали лишь одна-две начальные школы. Не было, конечно, ни клубов, ни библиотек, ни читален: выписка служащими и рабочими газет преследовалась администрациями фабрик. Вичугское купечество не только не заботилось о поднятии образовательного уровня в населении, но обычно, еще ставило всякие препоны в тех случаях, когда, порою, сама жизнь открывала отдушины извне и, вносила сюда потоки, живого воздуха....

Так, на ряду с увеличением промышленности, с накоплением купцами материальных богатств, тяжело и туто двигалось общее развитие края. Духовное состояние его порою граничило с полным одичанием.

VIII

Отдельные представители края.

Некоторые отдельные представители вичугского купечества являются из себя для наблюдателя этого края особенно значительный интерес.

Укажем, хотя бы, на Коноваловых. Об этой пользующейся широкой популярностью фамилии упоминается, между прочим, в известном романе П. И. Мельникова „В лесах“, где говорится о Коноваловых, как о людях древняго благочестия, смышленных, добрых, давших народу возможность разбогатеть... „Побольше бы Коноваловых у нас было—хорошо бы народу жилось“... „Можно про такого человека (Коновалова) сказать: сеял добро, посыпал добром, жал добро, оделял добром и стало его имя честно и памятно в род и род“... и т. под.

Но несомненно, что характеристика такого хвалебного тона является в значительной степени преувеличенной.

Правда,—на протяжении всего девятнадцатого века фирма Коноваловых всегда стояла во главе вичугских фирм. И не только обороты коноваловского дела всегда превышали обороты других вичужан, но и все важные нововведения фабричного производства, обычно, впервые

появлялись у Коноваловых. Первая паровая машина, первые механические станки и первые прядильные веретена в вичугском районе были поставлены на коноваловской фабрике. Особенно же ценным делом для здешнего края были хлопоты А. П. Коновалова по устройству железной дороги. Хлопоты эти благополучно завершились в конце шестидесятых годов проведением шуйско-ивановской линии на Вичугу и Кинешму. К концу девятнадцатого столетия предприятие Коноваловых имело основной капитал в 5 миллионов рублей, насчитывало у себя механических ткацких станков свыше 2 тысяч, прядильных веретен до 50 тысяч, ассортимент вырабатываемых фабриками товаров доходил до сотни различных номеров и наименований, число отдельных корпусов—прядильных, ткацких, артиллерийских, помещений для контор, казарм, складов и т. под.—насчитывалось десятками... И в тоже самое время это огромное предприятие имело у себя одно единственное учебное заведение—церковную школу грамоты, которая кое-как ютилась где-то в тесном и неудобном помещении.

Предприятие содержало более сотни различного рода служащих и свыше 4-х тысяч человек постоянных рабочих... И не имело даже одного своего постоянного врача, а довольствовалось помощью врача, временно-наезжающего из соседнего фабричного села Тезина.

Предприятие переименовало тот поселок, где оно находилось из прежняго названия „Бонячки“ в более благозвучное „Бонячки“... И ничего не сделало, чтобы уничтожить „благоухание“, разносящееся по окрестности из местной речки, чрезвычайно загаженной фабричными отбросами.

Так обстояло дело у лучшей вичугской фирмы...

Весьма любопытной личностью здешняго края был А. И. М—ский, или, как его называли иногда, „Будиже“, за привычку часто употреблять в разговорной речи слова: „буди же, голубчик“...

Отличительной чертой его характера была склонность, какая-то необыкновенная, анекдотичная, плюшкинская склонность. Человек, которому каждый новый день приносил все новые и новые сотни и тысячи рублей дохода, питался чуть не одним черным хлебом, многими годами

носили, не смения одни и те же затасканные, замаслённые костюмы и в каждом деле торговался, буквально из-за гроша ломаного, старался прижать рабочих и всевозможных клиентов своих на каждом шагу.

Скупость эта, кстати сказать, почти в полной мере своей перешла от него и потомству. Много всевозможных рассказов о ней и до сих пор ходят в вичугском kraе. Передать здесь хотя бы часть их не представляется возможным по недостатку места.

Но в тоже время А. И., как и другие здешние купцы, не лишен был филантропических наклонностей: оделял нищих, жертвовал на храмы, содержал на свои средства сельское училище, хотя и тут старался делать так, чтобы учителя у него только что как-бы нибудь не умерли с голода.

Между прочим, перед своей кончиной он сделал завещание о постройке в своем селении единоверческого храма, ассигновавши на это соответствующую сумму денег. Но его наследник — родной сын и точная копия своего папаши — решил повременить с таковой постройкой, пока пустив ассигнованные деньги в свой торговый оборот. Прошло около 40 лет, уже давно умер и сын, огромное наследство перешло внукам... а церковь так и осталась невыстроенной, хотя уже и священник для нея давно был назначен.

Другой отличительной чертой этого дома М—ских была необыкновенная любовь ко всяким покупкам. Продавать что-либо (кроме товара) М—ские никогда не продавали, хотя бы и давали им хорошие деньги, а покупать, или еще лучше, принимать в залог любили очень. И во множестве приобретали, таким образом: десма, лавки, порожние земли, огромные лесные площади и даже целые вполне оборудованные фабрики.

И уже владея миллионными средствами, считаясь богатейшими в kraе людьми, М—ские не оставляли своих скряжнических наклонностей, не изменяли своей прежней чрезвычайно-серой, скрупой и замкнутой жизни.

В противоположность вышеописанным характерам здесь наблюдались и другие примеры — необыкновенной расточительности, мотовства и самого недопустимого от-

ношения к делу, обычно, в связи с алкоголизмом и распутством. Как на яркий образец подобного рода, следует указать на боячинского купца Викт. К. К—лова и на семью Р—вых в Ст. Вичуге. В особенности, как мы уже говорили, такие примеры часто встречались среди молодого поколения вичужан. Когда режим старого купеческого дома накладывал на этих „саврасов“ узду и не давал „развернуться“ на глазах у семьи—они переносили свои похождения в соседние деревни, в лес или куда-нибудь на задний двор—в кучерскую, к дворникам, к младшим прикащикам...

Однако, среди примеров скупости, дикости, отрицательного отношения к свету и культурному прогрессу, нельзя не отметить и факты, свидетельствующие о значительном умственном уровне или о высокой нравственной этике.

Гольчишный купец Гл. И. М—ский, умирая, оставил свое состояние несовершеннолетнему сыну. Душеприкащики оценили это состояние в один миллион рублей серебром. Опекуном к сыну был назначен свой верный человек, вышедший из дворовых мальчиков,—И. А. Б—н. Огромного практического ума был человек. И полный той старой русской честностью, что держалась въ патриархальных купеческих домах. Через несколько лет, когда кончилось его опекунство, опять сдал он официально по описи все вверенное ему имущество. И что же—по новой описи такого оказалось уже на два миллиона серебром... Опекун увеличил состояние малолетнего в два раза!

В селе Н. Гольчихе жил Андр. И. М—ский со своим младшим братом Д. И. Имели они раздаточную контору, а также занимались крашением и набивкой китайки, дабы, бязи и торговлей по разным ярмаркам своими и перекупными товарами.

Предприятия Андр. И. как-то потерпели неудачу и расстроились. А, между тем, брат Д. И. стал просить выдела из общей семьи для самостоятельного ведения дела. А. И. не только не отказал брату в его деле а, наоборот, еще наградил его так усиленно, как мог бы сделать это лишь при самом хорошем положении своих торговых дел. Всю вину, всю ответственность за расстройство их общего предприятия взял А. И., на себя, не желая быть ни в чем

обязанным перед младшим братом: „Не сумел я родительское наследство сберечь и приумножить—моя в том вина, мой и ответ”...

А так как наличных средств для удовлетворения брата у А. И. не было, то обязался он перед ним договором на многие годы, что будет выплачивать ему самому и потомству его сам он А. И., а за ним и дети и внуки—этот долг, пока он не покроется весь...

И действительно, оставил брату все—и дом, и завод, и службы, а сам ушел на новое место и до конца дней своих платился за свою торговую неудачу, а за ним—послушные родительской воле, верные его обету, твердые в старой купеческой этике—платили этот тяжелый долг и сыновья его и внуки...

И тот же самый А. И. проявлял, обычно, необыкновенную суровость и даже деспотичность в домашнем, семейном быту. Это он, как мы рассказывали, заставлял своего сына жечь на огне руку и довел его до бегства из родительского дома.

Так в здешнем купеческом мире странно, порой, переплетались—мелочность и широкий размах, чрезвычайная скрупливость и необыкновенная расточительность, самодурство и высокие качества характера.

IX.

Жизнь рабочих.

От зажиточных домов, от сытой и довольной жизни в купеческих покоях, переходя к вичугскому крестьянско-рабочему быту, приходится сразу же отметить необычайный контраст между тем и другим положением.

Если и в последнее время рабочий вичугских фабрик получал так немного, то что же было десятки лет назад, когда жизнь стоила значительно дешевле и когда гораздо свободнее было иметь рабочие руки за самую ничтожную плату. Рабочим платилось в таких лишь размерах, чтобы можно было хоть как-нибудь просуществовать. При этом, очень часто и подобное мизерное вознаграждение выдавалось не полностью наличными деньгами, а также товарами с фабрики или из купеческой лавочки (лоскутками мит-

каля и ситца, чаем, мукой и т. под.), так что рабочий ставился в стеснительные условия в отношении свободного распоряжения своим жалованьем и переплачивал на этом лишние суммы. А затем, не упускалось случая - использовать необходимое насыщение рабочего и его семьи под соусом благотворительности. И вот, в прибавку к тем грошам, которые выдавались рабочему на руки и на которые он просуществовать с семьей не мог, оказывалась ему помошь еще непосредственно натурою: рабочих и их семейства (как мы уже указывали) кормили иногда обедами на хозяйствском дворе или же члены рабочей семьи ходили к фабриканту „под окна“ и получали милостыню...

— „Плохо жилось в то время рабочему люду... уж так тяжело было, что и сказать нельзя“... Так характеризуют современники ту патриархальную пору „доброго, старого прошлого“....

Откуда и как вербовался кадр фабрично-заводских рабочих?

В отношении этого вопроса мы, между прочим, имеем следующие заметки одного из наблюдателей вичугского края.

„Рабочий вичугских фабрик старых годов был своеобразным бытовым явлением. Он не являлся крестьянином, ушедшим временно на фабрику на заработки; не был он и пролетарием в современном смысле этого слова. Это был тип, оторванный от крестьянства, не в силу общих жизненных условий, а вследствие своих личных индивидуальных особенностей. Это был человек, или неспособный к физически-тяжелой мужицкой работе, или тяготившийся ею в силу своего неспокойного, неуравновешенного характера и искашивший какого-нибудь выхода от однообразия и скуки деревенской размеженной жизни или это был алкоголик“...

„Особенно типичными являлись рабочие маленьких фабричек. Здесь они необыкновенно сживались с своим местом и своей работой. Сживались до того, что, имея иногда возможность уйти на другую фабрику — в лучшие условия, они все же, в силу привычки оставались на старых насиженных местах... И засиживались тут, порою, до конца дней своих. До конца своей серой, безалаберной жизни. Фабрика их как-бы засасывала“...

„Наружность таких рабочих, обычно, носила отпечаток тех производств, где они служили. Вот рабочий из „кубового“ отделения красильной фабрики—сухой, сутулый; с длинными как палки руками и весь, с головы до ног, покрытый зеленовато-синей краской—его в десяти водах не отмоешь и ничем не исправишь от всех специфических отпечатков его профессии. Вот такие же типичные рабочие из ситцепечатного отделения, из „шпульной“ и т. д. В конце-концов, многие из них становятся по внешности как бы прямой принадлежностью своей фабрики“...

Вообще, в прежнее отдаленное время, как мы уже упоминали, большинство постоянных фабрично-заводских рабочих вербовались из различной бездомовой, безземельной „голыдьбы“. Настоящий „коренной“ крестьянин долгое время упорно избегал фабричной работы. Но плохие условия местного земледелия, вынуждавшие искать подсобного заработка, мало-по-малу пробивали здесь неизбежную брешь. И опять-таки, первыми двигались на фабрики излишние для крестьянства члены больших семейств, в особенности—подростки, бывшие солдаты, вдовы и т. под. Кроме того, в зимнюю пору число желающих поступить на фабрики было гораздо значительнее, чем во время летних полевых работ, и потому даже заработка плата в зимнее время устанавливалась ниже летней.

В некоторых бытовых повестях и рассказах того времени, принадлежащих перу местного (Кинешемского) уроженца писателя А. А. Потехина, имеется много страниц, характеризующих весьма отрицательное отношение крестьянства к фабрично- заводской жизни. Так, в его повести „Крестьянские дети“ только тяжелая нужда и безвыходное сиротское положение заставляют деревенского мальчика поступить на фабрику. Но он все время рвется оттуда к своей любимой крестьянской работе.

И, действительно, некрасна была фабричная жизнь.

Почти до самых последних лет прошлого века работа на фабриках вичугского края (как и вообще в России) производилась и днем и ночью. До 1885 года это одинаково распространялось и на женщин и подростков. Закон 1885 года, сделавший ограничения в отношении ночной

работы этих последних, был встречен вичужанами оппозиционно. Местный фабрикант А. Ф. Морокин пишет в „Голосе Москвы“ статью против целесообразности таковой меры, указывая, что проектируемое ограничение ночной работы только увеличит посещаемость кабаков и умножит нищих. Вообще же, надо сказать, что злоупотребление дешевым детским трудом было здесь в большом ходу, в особенности на маленьких фабричках, которые, обычно, не стеснялись с „писанными законами“ и всячески их обходили.

Большую частью день делились на 2 смены; причем каждая смена работала по 12 часов, 4 раза в сутки чередуясь между собой и четыре раза путешествуя из дома на фабрику или обратно, порой делая версты по три и более в каждый конец. В темные дождливые осенние ночи и в зимние метели одинаково нужно было совершать эти путешествия по зову фабричного свистка.

Те же из рабочих, кто не ходил ежедневно домой, старались получить хозяйскую квартиру при фабрике. Здесь в каменных, темных и грязных корпусах скучены были сотни людей, также сменявших друга друга в этих спальных помещениях, как сменялись они у фабричных станков и машин. Одна смена уходила на работу—другая приходила спать на теже самые непроветренные зловонные постели.. Но даже и такие квартиры считались находками. Те, кто не мог получить их (а на маленьких фабриках хозяйских квартир и совсем не существовало), должны были искать наемного помещения в частных домах.

Тут положение квартирующих было еще хуже. Очень часто помещалось по 30-40 человек в каждой какой-нибудь небольшой избушке рабочего или крестьянина. Спали на грязном полу. Здесь же с ними ютились сами хозяева, маленькие дети, а иногда и скотина. К тому же, за эту квартиру надо было платить хотя и маленькую, но все же ощущительную для рабочего бюджета сумму.

Самые условия работы на фабриках были таковы, что в результате их время от времени вспыхивали массовые выражения протеста. Один из таких протестов, стихийно разросшийся в грозный и тяжелый „бунт“ (в 1888 г.), закончился опустошительным пожаром большого фабричного села Тезина. Был вызван из Костромы батальон солдат, и

„бунтовщики“ усмирены. Свыше ста человек рабочих подверглись жестокой экзекуции. Расправа эта чинилась публично, среди села у церкви, при большом стечении народа...

Вообще нужно сказать, что рабочие протесты, в силу их неорганизованности и неумения повести дело, редко достигали своей цели и чем далее в прошлое, тем реже они возникали, тем менее протестующим был рабочий люд, работая подчиняясь всем велениям своих работателей. И только около конца девятнадцатого века здесь появляются первые более организованные и более планомерные рабочие стачки. Полную же силу и сплоченность для защиты своих интересов рабочие вичугских фабрик показали лишь во время грандиозной забастовки 1914 года.

Конечно, никаких рабочих кружков, клубов, библиотек, как мы уже упоминали, почти до самого последнего времени не было и в помине. Даже и говорить о всем этом строго запрещалось. Да и как возможно было зародиться такому вольнодумству в условиях того старого глухого времени.

Незначительное свободное от фабричных трудов время рабочие волей-неволей посвящали картежной игре, орлянке, посещению трактиров. И в то время, как купеческие самодуры во время своих диких кутежей пускали на ветер сотни и тысячи рублей денег, не представляющих для них никакого значения.—рабочая молодежь тянулась к подобным же нездоровым удовольствиям, затрачивая на это свои последние трудовые копейки.

Заканчивая на этом свои краткие очерки, являющиеся лишь набросками о вичугской старине, мы должны сказать, что необходимо возможно более подробное исследование жизни этого любопытного края, в особенности в части, касающейся рабочего быта.

M. Dueb.

Город Нерехта в XVIII и в первой четверти XIX века*).

Под 1701 г. упоминается в Нерехте земская изба, в коей тогда заседал бурмистр Иван Кокин.

В 1702 г.**) мая 9 числа вся Нерехта сгорела; при Никольской церкви все колокола растопились, и вся церковная утварь сгорела. Загорелось утром в заутреню—тогда всенощен с вечера еще не пели,—в соборе обе церкви, настоящая Казанские Богородицы и теплая Вознесения Господня, все безостатку сгорели. Надобно думать, что для постройки новых домов на пепелище был срублен в эту пору лес, прилегавший к городу с севера и юга, где ныне кочи; Богородский м-рь и Варварская церк., заметно, тогда не сгорели.

В 1703 г. стольник Григ, Андреевич Племянников (муж особенного усердия к храмовым зданиям; за чудесное исцеление от смерти в проезд из Кракова во Владимир, что на Клязьме, в 1708 г. украсивший златоверхий тот собор многими поделками—см. Журн. мин. вн. д., 1839 г., сент., стр. 441) из своей Ярославской в-ны отдал ветхую церковь в Нерехотский собор. Она была построена на время вместо погоревших; такая же ветхая церковь по благословению местоблюстителя патриаршего, митрополита Стефана, поставлена и на место погоревшей Богоявленской церкви.

В 1704 г. в августе осматривали в Нерехте церкви Сыпанова м-ря и гумен Иона да благочинный Московский Петропавловской церкви диакон Федор Григорьев.

*) Под настоящим названием печатается часть работы известного историка Костромского края М. Я. Дюэва, заключающей в себе под общим заголовком „Истории города Нерехты“ обзор событий из жизни этого города за все время его существования и по 1849 г. включительно. В рукописном виде павенная история, являющаяся возможной одной из нескольких существующих копий, хранится в архиве б. Костр. учен. арх. ком. под № 61. Печатаемая часть составляет стр. 47-177 подлинника. Первая часть рукописи (до 1701 г.) и последняя (после 1825 г.) намечены к напечатанию в последующих выпусках „Трудов Научн. Об-ва“. Курсив, где не оговорено, напр-Прим. ред.

**) В подлиннике переправлено на 1709 г.—Ред.

Опись Варварской церкви, при этом осмотре учиненная, сохранилась доселе при той церкви.

В 1709 г. позволено строить в Нерехте каменную соборную церковь: 1) по указу от 12 июня сего года из Ижерской канцелярии дозволено сделать кирпичу 200 тысяч и нанять кирпишников кроме Петербурского наряда, 2) по указу от 30 окт. того же года — рыть бут. Дальновидный царь Петр Алексеевич, чтобы захотить каменщиков и кирпишников работать в Петербурге, запретил разногородцам нанимать тех и других без позволения Ижерской канцелярии и не иначе позволял, как с ограничением, сколько именно для стройки сделать кирпича. Невежи, незнакомые с старинными судебными формами, в грамоте на постройку собора не поняв слов: „и государь пожаловал бы, им велел на ту соборную церковь о деле кирпича и по указу великого г-ря велено сделать кирпичу 200 тысяч“, растолковали, будто бы царь подарил в собор кирпичу 200 тысяч. Эта нелепость о Нерехотском соборе взошла даже в некоторые печатные книги, и ее мне не раз случалось слышать из уст Нерехотских протоиереев и нынешнего Петра Высотского, лица слишком недальных сведений.

В мае 1710 г. нерехчанин Федор Меньший Зимин просил дозволить сделать Богоявленскую камен. церковь, на что и дан ему указ от 10 июля того же года.

В 1712 г. в Нерехте у сбору конных пошли в упоминается конюх, помещик Дмитрий Юрьевич Колошин. Этот сбэр он чинил и в селе Писцове, отстоящем от Нерехты на ю.-з. в 35 в.; следов. Писцово и тогда заключалось в Костр. области.

В 1712 г. по указу Ростовского епископа Досифея велено летом ходить с чудотворною иконою Владимирской из Нерехотского Сретенского м-ря в Ярославль и стоять ей в соборе. Этой обычай введен со времени принесения в сей м-рь этой иконы из Ярославля и вскоре после 1712 г. оставлен.

В 1712 г. при Сретенском м-ре числилось приходских дворов 42;

В 1717 г. в новой камен. Богоявленской церкви освящен придел Николая Чудотворца игуменом Сыпанова м-ря Ионою (а 1724 года в ноябре и самая на-

стоящая Богоявленская церковь Горитского Пересл. м-ря архимандритом Львом Юрловым, освящавшим тогда в с. Тетеринском церковь*).

В 1718 г. строена при Сретенском Нерехотском м-ре каменная кругом ограда и каменные игуменские кельи. Игуменией тогда была Мария, упоминаемая в 1711 и 1712 г.г. Строителем тогда сих построек был нерехчанин Сыромятников. Около сего времени в этом м-ре была б-ца. Здесь с 1724 г. была казначею Мария Трескина. Камен. колокольня, кажется, строена раньше, около 1700 г.: такой формы в Нерехте остаются только две колокольни, тут и при Никольской церкви, т. е. конической фигуры над колоколами с малыми окошками в несколько рядов. Соборная колокольня, сломанная в 1837 г., была другой формы, также об одной главе, до колоколов четырехугольная, а там осмериком с уступами.

В 1719 г. Нерехта переименована в пригород Костр. провинции. Сбором казен. денег и расправою заведывал комиссар, которым тогда был Тимофей Одинцов. Для сего в тоже время были учреждены дистрикты, как-то: Нерехтский, Красносельский-по селу Красному Сумароковых. В последнем дистрикте числился Сыпанов м-рь. Таможенный двор находился против Соборной паперти, на пригорке, между нынешним с'езжим двором и мучными лавками.

В 1726 г. упоминается в Нерехте ратуша, надобно думать, учрежденная в 1721 году вскоре по изданию регламента главного магistrата, в январе того года принявшего свое действие.

В начале XVIII в. на Нерехте был се́рный и ква́цовый завод. И как в 1725 г. на р. Нерехте была вновь построена мучная мельница, называемая Кирилиха, то в 1838 г. заводчики сего завода, ярославцы Яков Шаханин, Егор Серебряников, Косма Бахтеаров, Косма Луховитин и Илья Пономарев в государственной генерал-берг-директории конторе жаловались, что от той мельницы им в копании руд большая помеха, почему и был прислан указ об отдаче той мельницы в распоряжение завода

*.) Что в скобках, в подшивке зачеркнуто-Ред.

для толчения руд, краски и для молотья муки. Раcсказывают, что серную руду нашел Нерехотского Девичьяго м-ря священник Иаков Иванов: шедши из леса по Кириловской стороне с грибами, увидел, что на Егорьевой горе сверкает, как золото, закричал: „Слово и дело государя!“, за что тогда же посажен под арест до того времени, как государем Петром I был прислан чиновник освидетельствовать руду. Вместо золота оказалась сера. Завод был против деревни Окулихи, на противоположном берегу реки Нерехты, от города на западе в одной версте.

В 1720 г. августа 3-го обе деревян. церкви великомуч-цы Варвары сгорели опять от молнии; самая утварь сгорела, так что серебра и меди, обгоревших после пожара, по тогдашней цене продано на 100 р. Храмовая икона великомуч-цы Варвары найдена в пепле совершенно целою, что самое под присягою подтвердили 25 чел. прихожан, причем сгорела и письменная повесть о чудесах сей иконы. По прошению той церкви свящ. Дометия в сентябре того же года между патриаршеством дозволено Игнатием, митрополитом Сарским, вновь построить теже храмы, но для безостановочного служения в том же году срублена теплая церковь Введения Б-цы.

В 1721 г. в Нерехте упоминается богадельня, где жили нищие обоего пола.

В 1722 г. в февр. м-це при нерех. церквях избраны церк. старосты. Любопытен наказ, данный им по наставлению свят. Синода, именно: велено старосте церковному приготовлять свечи большие и малые, покупку и переделку воска и свечь записывать в книгу с распискою получающих деньги за товар и труды; по прошествии каждого года с приходорасходными книгами являться для поверки в Духовн-Синодальном приказе судиям; также призначать над прихожанами, чтобы они кроме его старосты нигде более не брали свеч, нетолько в церковь, но и в дома свои под опасением штрафа; на прибыльную от свеч сумму, судя по количеству, с согласия священника, построить в удобном месте...*)

...Васильчикова, Архимандрит Лев тогда проживал в с. Тетеринском для постройки там нынешней ка-

*) Далее в подлиннике один лист. (стр. 56-57) утрачен.—Ред.

мённой церкви обще с теплою, которую 2 ноября 1725 г.; т. е. на третий день после Богоявленской, он и освятил, Жизнь Льва, потом произведенного во епископа Воронежского, после того при имп. Анне Ивановне за медленность дать ей присягу преданного суду тайной канцелярии и там наказанного кнутом, затем сосланного в один из Архангелогородских м-рей, наконец возвращенного имп-цей Елизаветою и до конца жизни проживавшего в Московском Знаменском м-ре—достойна внимания по своим критическим превратностям.

После Благовещенской церкви в первой полов. XVIII в. в Нерехте построены камен. церкви, Ильинская и Благовещенская. Ильинская была небольшая с такою же колокольнею. Около 1786 г. она совершенно сломана и заменена новою. В Благовещенской настоящая доселе осталась без перемены, теплая же около 1772 г. расширена, каковая приделка доселе видна на западной стороне у колокольни. Тогда приделана и нынешняя колокольня по плану, нарисованному большесольским мещанином Степаном Андреевичем Воротиловым, тем славным художником, который в Костроме строил соборную колокольню. Документы о постройках Благовещенской церкви не сбережены тамошним священником Михаилом Подозерским, не охотником до воспоминаний лет минувших.

В царствование Анны Иоанновны несколько лет сряду были неурожайные, особенно около Пошехонья; несколько сот человек оттуда вышли к Нерехте за милостиною, а некоторые, особенно из женщин, навсегда остались жить в здешней стороне. Пешехонки еще около 1778 г. жили в Нерехте и питались милостиною.

В Турецкую войну при имп. Анне Иоанновне от Писцова на Нерехту вели в Кострому несколько сот пленных турок. Перед прибытием их в Нерехту разселялся слух, что турки подошли к Нерехте неприятельски; простодушные нерехчане с честию решились умереть за отчество; ударили в сполох, несколько тысяч собралось скрестных кр-н ратовать против врагов веры христианской; посланный в Нерехту приготовить квартиры для пленных, квартирмейстер доложил партионному, что нерехчане вооружились и непускают к себе в город. Как ни старался

партионный разуверить, что это не неприятели, а пленные, но нерехчане почли его за шпиона; наконец положено, чтобы турок провести Нерехтою сквозь ряды вооруженных. Нерехчане изумились, когда увидели, что их неприятелей ведут прикованными к канату. Императрица по доносу партионного приказала нарядить следствие для выяснения, кто возмутил простодушных; добирались узнать, кто начал бить в сполох; свалили на малых ребят; неизвестно, как это дело решила бы государыня, столь строгая, но она скоро скончалась. Бил же в набат соборный дьячек Ив. Андрианов, бывший после священником.

В царствование имп-цы Анны Иоанновны от жестокостей Бирона некоторые из деревень около Нерехты совершенно закрылись; жители оставили дома и в одну ночь всем жилом бежали. Так, закрылись близь села Федоровского за деревнею Липово деревни Высоково, Козлиха, Шумихино, в Тетеринском приходе Солтаново, принадлежавшее Сергиевой лавре и в Тетеринском приходе, упоминаемое в 1711 году,—и близь Солтанова Дурково и Высоково, упоминаемые в межевых Тетеринских книгах 1655 г. деревнями Сергиевой лавры. Доселе уцелело предание, что бежали на низ. В Тетеринской деревне Пяткине я видел амбар, взятый тutoшним кр-нином после бежавших хозяев из Солтанова; икона преп. Сергия, взятая тогда из Солтановской часовни, доселе уцелела в Тетеринской церкви.

Когда имп-ца Анна Иоанновна наследником престола назначила малолетнего Иоанна Антоновича, то духовенство в Нерехте и окрестных селах отреклось дать ему присягу. Пр-ство назначило за это духовных отдать в военную службу. Уже забрали в рекруты и пригнали их в Москву, как на престол в 1741 г. взошла давно желанная народом имп-ца Елизавета, дочь Петра Вел. Она приказала рекрутов из духовенства распустить по домам и возвратить к прежним должностям, но некоторые из них умерли в рекрутах, как-то: Богородский дьячек Федор Яковлев, предок Диевых и Актовых. Тетеринский же причетник, также их сродник, Алексей Федоров, нащедший покровительство в Москве в Воронежском епископе Льве, въсществием на престол Елизаветы только что возвращен-

ном из ссылки с правом Московского викария, воротился домой посвященным во диакона к своей церкви.

В 1742 г. в Нерех. Девичьем мре молния во время священнослужения ударила в церковь и опалила иконостас. От страха народ упал на землю, но никого не убило, только оглушило одну монахиню.

Около сего времени дети некоторых духовных поступили в Нерех. купечество и мещанство. Так произошли; а) купцы и мещане Дьяконовы от диакона Бориса Дометиева, в 1713 г. при Нерех. Варварской церкви упоминаемого дьячком, а в 1721 г. диаконом при Нерехтской же Благовещенской церкви, б) Суворовы—от Благовещенского попа Феодора, иначе называемые Поповы, для отличия от Суворовых другого поколения. Первые и теперь живут недалеко от Благовещенской церкви. В конце XVIII и в начале XIX в. к городу приписалось несколько семей из отпущеных на волю от помещиков и поселились в Нерехте, как-то Столаревы, Шипиковы, Розановы, из Писцова купец 2-й гильдии Рыскин, но доселе он живет в сем селе. Около 1834 г. приписался к мещанству сын соборного диакона Василий Яковлев, принявший фамилию Дьяконовых. Несмотря на то Нерехта время от времени мелела числом обывателей: в 1781 г. здесь было купечества 690 муж. душ, кроме приписных из купечества 18 душ, но ныне нет сего количества.

В 1745 г. при учреждении в Костроме епархии Нерехта взошла в состав оной, а до того принадлежала области, сначала митрополичьей потом патриаршей, наконец, синодальной; священно и церковно-служители посвящались в Москве. Первый Костромской епископ Симон Тодорский на епархию не в'ехал, а во всю бытность жил в Е.-П.-бурге, присутствуя в св. синоде. 10 ноября того же 1745 г. в Кострому посвящен другой епископ—Сильвестр Кулябка. Как тогда в Костроме не было архирейских певчих, то для сретения его указом из духовной консистории 1745 г. дек. 31-го в тот же день высланы в Кострому искусные в пении нерехтские священники, Сретенского Богородицкого м-ря Василий Савинов, Благовещенской церкви Василий Семенов и Никольский диакон Иоанн Савинов же.

В 1748 г. упоминается в Нерехте магистрат, с которого времени переименованный из ратуши, упоминаемой еще в 1742 г.—неизвестно. Во всех пригородах Костр. провинции в это время магистрат, по провинциальному магистрате в Костроме, был один, именно в Нерехте, да ратуша в Плесе, что самое приписать должно тому, что в то время в П-бурге уже славилась полотняная ф-ка Нерех., купца Михаила Лапшина-Грязновского. В 1764 г. в нем заседали бургомистры и ратманы. Жители Нерехты писались тогда все купцами.

В 1755 г. в Сретенском м-ре холодная церковь украшена стенописью.

В 1758 г. Костр. еписком Дамаскин в Нерехту, как и в прочие города Костр. епархии посвятил, в протоиерея села Писцова священника Иоанна Иоанновича Красовского. До сего времени как в Нерехте, так и в пригородах никогда не посвящалось протоиерея, хотя в Нерехте с давних лет упоминается собор, и протоиереи находились с незапамятных лет только в двух городах, Костроме и Галиче. В эту пору Дамаскин всем протоиерейям дал право выдавать венечные ё памяти, что и продолжалось до того времени, когда высочайше были запрещены те памяти.

1759 г. в первых числах генваря в Нерехте открыто духовное правление, которому велено на первый раз поместиться в Сыпанове м-ре, а до того времени как Нерехотские церкви, так и окрестные находились в ведоме десятильничего двора, сначала управляемого до 1721 г. сыпановским игуменом, а после того поповскими старостами, имевшими в Нерехте для письменных дел приказного. Нерехотскую десятину составляли 102 церкви, в числе их за Волгою село Девы-Городища, по сию сторону Волги посад Соль Большая, села Соль Малая, Введенское, Боршино, оба на Волге, Солониково, Ильинское на Кубане и другие. Все сии церкви взошли в состав и Нерехотского духовного правления, составленного, как сказано в указе об этом учреждении, изо ста церквей, ибо указом от 9 февр. Солониково и Боршино в том же году отчислено к окологородной Кост-

M. Дюэв.

Город Нерехта в XVIII и в первой четверти XIX века*).

Под 1701 г. упоминается в Нерехте земская изба, в коей тогда заседал бурмистр Иван Кокин.

В 1702 г.**) мая 9 числа вся Нерехта сгорела; при Никольской церкви все колокола растопились, и вся церковная утварь сгорела. Загорелось утром в заутреню—тогда всенощен с вечера еще не пели,—в соборе обе церкви, настоящая Казанские Богородицы и теплая Вознесения Господня, все безостатку сгорели. Надобно думать, что для постройки новых домов на пепелище был срублен в эту пору лес, прилегавший к городу с севера и юга, где ныне кочи; Богородский м-рь и Варварская церк., заметно, тогда не сгорели.

В 1703 г. стольник Григ, Андреевич Племянников (муж особенного усердия к храмовым зданиям; за чудесное исцеление от смерти в проезд из Krakova во Владимир, что на Клязьме, в 1708 г. украсивший златоверхий тот собор многими поделками—см. Журн. мин. вн. д., 1839 г., сент., стр. 441) из своей Ярославской в-ны отдал ветхую церковь в Нерехотский собор. Она была построена на время вместо погоревших; такая же ветхая церковь по благословению местоблюстителя патриаршего, митрополита Стефана, поставлена и на место погоревшей Богоявленской церкви.

В 1704 г. в августе осматривали в Нерехте церкви Сыпанова м-ря и игумен Иона да благочинный Московский Петропавловской церкви диакон Федор Григорьев.

*) Под настоящим названием печатается часть работы известного историка Костромского края М. Я. Дюева, заключающей в себе под общим заголовком „История города Нерехты“ обзор событий из жизни этого города за все времена его существования и по 1849 г. включительно. В рукописном виде названная история, являющаяся возможна одной из нескольких существующих копий, хранится в архиве б. Костр. учен. арх. - ком. под № 61. Печатаемая часть составляет стр. 47-177 подлинника. Первая часть рукописи (до 1701 г.) и последняя (после 1825 г.) намечены к напечатанию в последующих выпусках „Трудов Научн. Об-ва“. Курсив, где не оговорено, наш-Прим. ред.

**) В подлиннике переправлено на 1709 г.-Ред.

Опись Варварской церкви, при этом осмотре учинённая, сохранилась доселе при той церкви.

В 1709 г. позволено строить в Нерехте каменную соборную церковь: 1) по указу от 12 июня сего года из Ижерской канцелярии дозволено сделать кирпичу 200 тысяч и нанять кирпищников кроме Петербурского наряда, 2) по указу от 30 окт. того же года — рыть бут. Дальновидный царь Петр Алексеевич, чтобы захотить каменщиков и кирпищников работать в Петербурге, запретил разногородцам нанимать тех и других без позволения Ижерской канцелярии и не иначе позволял, как с ограничением, сколько именно для стройки сделать кирпича. Невежи, незнакомые с старинными судебными формами, в грамоте на постройку собора не поняв слов: „и государь пожаловал бы, им велел на ту соборную церковь о деле кирпича и по указу великого г-ря велено сделать кирпичу 200 тысяч“, растолковали, будто бы царь подарил в собор кирпичу 200 тысяч. Эта нелепость о Нерехотском соборе взошла даже в некоторые печатные книги, и ее мне не раз случалось слышать из уст Нерехотских протоиереев и нынешнего Петра Высотского, лица слишком недальных сведений.

В мае 1710 г. нерехчанин Федор Меньший Зимин просил дозволить сделать Богоявленскую камен. церковь, на что и дан ему указ от 10 июля того же года.

В 1712 г. в Нерехте у собору конных пошлин упоминается конюх, помещик Дмитрий Юрьевич Колошин. Этот сбэр он чинил и в селе Писцове, отстоящем от Нерехты на ю.-з. в 35 в.; следов, Писцово и тогда заключалось в Костр. области.

В 1712 г. по указу Ростовского епископа Досифея велено летом ходить с чудотворною иконою Владимирской из Нерехотского Сретенского м-ря в Ярославль и стоять ей в соборе. Этой обычай введен со времени принесения в сей м-рь этой иконы из Ярославля и вскоре после 1712 г. оставлен.

В 1712 г. при Сретенском м-ре числилось приходских дворов 42,

В 1717 г. в новой камен. Богоявленской церкви освящен придел Николая Чудотворца игуменом Сыпанова м-ря Ионою (а 1724 года в ноябре и самая на-

стоящая Богоявленская церковь Горитского Пересл. м-ря архимандритом Львом Юрловым, освящавшим тогда в с. Тетеринском церковь*).

В 1718 г. строена при Сретенском Нерехотском м-ре каменная кругом ограда и каменные игуменские кельи. Игуменией тогда была Мария, упоминаемая в 1711 и 1712 г.г. Строителем тогда сих построек был нерехчанин Сыромятников. Около сего времени в этом м-ре была б-ца. Здесь с 1724 г. была казначею Мария Трескина. Камен. колокольня, кажется, строена раньше, около 1700 г.; такой формы в Нерехте остаются только две колокольни, тут и при Никольской церкви, т. е. конической фигуры над колоколами с малыми окошками в несколько рядов. Соборная колокольня, сломанная в 1837 г., была другой формы, также об одной главе, до колоколов четырехугольная, а там осмериком с уступами.

В 1719 г. Нерехта переименована в пригород Костр. провинции. Сбором казен. денег и расправою заведывал комиссар, которым тогда был Тимофей Одинцов. Для сего в тоже время были учреждены дистрикты, как-то: Нерехотский, Красносельский-по селу Красному Сумароковых. В последнем дистрикте числился Сыпанов м-рь. Таможенный двор находился против Соборной паперти, на пригорке, между нынешним с'езжим двором и мучными лавками.

В 1726 г. упоминается в Нерехте ратуша, надобно думать, учрежденная в 1721 году вскоре по изданию регламента главного магистрата, в январе того года принявшего свое действие.

В начале XVIII в. на Нерехте был серный и квасцовский завод. И как в 1725 г. на р. Нерехте была вновь построена мучная мельница, называемая Кирилиха, то в 1838 г. заводчики сего завода, ярославцы Яков Шаханин, Егор Серебряников, Косма Бахтеаров, Косма Луховитин и Илья Пономарев в государственной генерал-берг-директории kontore жаловались, что от той мельницы им в копании руд большая помеха, почему и был прислан указ об отдаче той мельницы в распоряжение завода

*). Что в скобках,-в подлиннике зачеркнуто.-Ред.

для толчения руд, краски и для молотья муки. Рассказывают, что серную руду нашел Нерехотского Девичьяго м-ря священник Иаков Иванов: шедши из леса по Кириловской стороне с грибами, увидел, что на Егорьевой горе сверкает, как золото, закричал: „Слово и дело государя!“, за что тогда же посажен под арест до того времени, как государем Петром I был прислан чиновник освидетельствовать руду. Вместо золота оказалась сера. Завод был против деревни Окулихи, на противоположном берегу реки Нерехты, от города на западе в одной версте.

В 1720 г. августа 3-го обе деревни церкви великомуч-цы Варвары сгорели опять от молнии; самая утварь сгорела, так что серебра и меди, обгоревших после пожара, по тогдашней цене продано на 100 р. Храмовая икона великомуч-цы Варвары найдена в пепле совершенно целою, что самое под присягою подтвердили 25 чел. прихожан, причем сгорела и письменная повесть о чудесах сей иконы. По прощению той церкви свящ. Дометия в сентябре того же года между патриаршеством дозволено Игнатием, митрополитом Сарским, вновь построить теже храмы, но для безостановочного служения в том же году срублена теплая церковь Введения Б-цы.

В 1721 г. в Нерехте упоминается богадельня, где жили нищие обоего пола.

В 1722 г. в февр. м-це при нерех. церквях избраны церк. старости. Любопытен наказ, данный им по наставлению свят. Синода, именно: велено старосте церковному приготовлять свечи большие и малые, покупку и переделку воска и свечь записывать в книгу с распискою получающих деньги за товар и труды; по прошествии каждого года с приходорасходными книгами являться для поверки в Духовн-Синодальном приказе судиям; также примечать над прихожанами, чтобы они кроме его старости нигде более не брали свеч, нетолько в церковь, но и в дома свои под опасением штрафа; на прибыльную от свеч сумму, судя по количеству, с согласия священника, построить в удобном месте...*)

...Васильчикова, Архимандрит Лев тогда проживал в с. Тетеринском для постройки там нынешней ка-

*) Далее в подлиннике один лист: (стр. 56-57) утрачен.—Ред.

менно й церкви обще с теплою, которую 2 ноября 1725 г.; т. е. на третий день после Богоявленской, он и освятил Жизнь Льва, потом произведенного во епископа Воронежского, после того при имп. Анне Ивановне за медленность дать ей присягу преданного суду тайной канцелярии и там наказанного кнутом, затем сосланного в один из Архангелогородских м-рей, наконец возвращенного имп-цей Елизаветою и до конца жизни проживавшего в Московском Знаменском м-ре—достойна внимания по своим критическим превратностям.

После Благовещенской церкви в первой полов. XVIII в. в Нерехте построены камен. церкви, Ильинская и Благовещенская. Ильинская была небольшая с такою же колокольнею. Около 1786 г. она совершенно сломана и заменена новою. В Благовещенской настоящая доселе осталась без перемены, теплая же около 1772 г. расширена, каковая приделка доселе видна на западной стороне у колокольни. Тогда приделана и нынешняя колокольня по плану, нарисованному большесольским мещанином Степаном Андреевичем Воротиловым, тем славным художником, который в Костроме строил соборную колокольню. Документы о постройках Благовещенской церкви не сбережены тамошним священником Михаилом Подозерским, не охотником до воспоминаний лет минувших.

В царствование Анны Иоанновны несколько лет сряду были неурожайные, особенно около Пошехонья; несколько сот человек оттуда вышли к Нерехте за милостиною, а некоторые, особенно из женщин, навсегда остались жить в здешней стороне. Пешехонки еще около 1778 г. жили в Нерехте и питались милостиною.

В Турецкую войну при имп. Анне Иоанновне от Писцова на Нерехту вели в Кострому несколько сот пленных турок. Перед прибытием их в Нерехту разселялся слух, что турки подошли к Нерехте неприятельски; простодушные нерехчане с честию решились умереть за отчество; ударили в сплох, несколько тысяч собралось окрестных кр-н ратовать против врагов веры христианской; посланный в Нерехту приготовить квартиры для пленных, квартирмейстер доложил партионному, что нерехчане вооружились и непускают к себе в город. Как ни старался

партионный разуверить, что это не неприятели, а пленные, но нерехчане почли его за шпиона; наконец положено, чтобы турок провести Нерехтою сквозь ряды вооруженных. Нерехчане изумились, когда увидели, что их неприятелей ведут прикованными к канату. Императрица по доносу партионного приказала нарядить следствие для выяснения, кто возмутил простодушных; добирались узнать, кто начал бить в сполох; свалили на малых ребят; неизвестно, как это дело решила бы государыня, столь строгая, но она скоро скончалась. Бил же в набат соборный дьячек Ив. Андрианов, бывший после священником.

В царствование имп-цы Анны Иоанновны от жестокостей Бирона некоторые из деревень около Нерехты совершенно закрылись; жители оставили дома и в одну ночь всем жилом бежали. Так, закрылись близь села Федоровского за деревнею Липово деревни Высоково, Козлиха, Шумихино, в Тетеринском приходе Солтаново, принадлежавшее Сергиевой лавре и в Тетеринском приходе, упоминаемое в 1711 году,—и близь Солтана Дурково и Высоково, упоминаемые в межевых Тетеринских книгах 1655 г. деревнями Сергиевой лавры. Доселе уцелело предание, что бежали на низ. В Тетеринской деревне Пяткине я видел амбар, взятый тутошим кр-нином после бежавших хозяев из Солтана; икона преп. Сергия, взятая тогда из Солтановской часовни, доселе уцелела в Тетеринской церкви.

Когда имп-ца Анна Иоанновна наследником престола назначила малолетнего Иоанна Антоновича, то духовенство в Нерехте и окрестных селах отреклось дать ему присягу. Пр-ство назначило за это духовных отдать в военную службу. Уже забрали в рекруты и пригнали их в Москву, как на престол в 1741 г. взошла давно желанная, народом имп-ца Елизавета, дочь Петра Вел. Она приказала рекрутов из духовенства распустить по домам и возвратить к прежним должностям, но некоторые из них умерли в рекрутах, как-то: Богородский дьячек Федор Яковлев, предок Диевых и Актовых. Тетеринский же причетник, также их сродник, Алексей Федоров, нашедший покровительство в Москве в Воронежском епископе Льве, Ярославием на престол Елизаветы только что возвращен-

ном из ссылки с правом Московского викария, воротился домой посвященным во диакона к своей церкви.

В 1742 г. в Нерех. Девичьем м-ре молния во время священнослужения ударила в церковь и опалила иконостас. От страха народ упал на землю, но никого не убило, только оглушило одну монахиню.

Около сего времени дети некоторых духовных поступили в Нерех. купечество и мещанство. Так произошли; а) купцы и мещане Дьяконовы от диакона Бориса Дометиева, в 1713 г. при Нерех. Варварской церкви упоминаемого дьячком, а в 1721 г. диаконом при Нерехтской же Благовещенской церкви, б) Суворовы—от Благовещенского попа Феодора, иначе называемые Поповы, для отличия от Суворовых другого поколения. Первые и теперь живут недалеко от Благовещенской церкви. В конце XVIII и в начале XIX в. к городу приписалось несколько семей из отпущенных на волю от помещиков и поселились в Нерехте, как-то Столаревы, Шипиковы, Розановы, из Писцова купец 2-й гильдии Рыскин, но доселе он живет в сем селе. Около 1834 г. приписался к мещанству сын соборного диакона Василий Яковлев, принявший фамилию Дьяконовых. Несмотря на то Нерехта время от времени мелела числом обывателей: в 1781 г. здесь было купечества 690 муж. душ, кроме приписных из купечества 18 душ, но ныне нет сего количества.

В 1745 г. при учреждении в Костроме епархии Нерехта вошла в состав оной, а до того принадлежала области, сначала митрополичьей потом патриаршой, наконец, синодальной; священно и церковно-служители посвящались в Москве. Первый Костромской епископ Симон Тодорский на епархию не въехал, а во всю бытность жил в Е.-П.-бурге, присутствуя в св. синоде. 10 ноября того же 1745 г. в Кострому посвящен другой епископ—Сильвестр Куллябка. Как тогда в Костроме не было архиерейских певчих, то для сретения его указом из духовной консистории 1745 г. дек. 31-го в тот же день высланы в Кострому искусные в пении нерехтские священники, Сретенского Богородицкого м-ря Василий Савинов, Благовещенской церкви Василий Семенов и Никольский диакон Иоанн Савинов же.

В 1748 г. упоминается в Нерехте магистрат, с которого времени переименованный из ратуши, упоминаемой еще в 1742 г.—неизвестно. Во всех пригородах Костр. провинции в это время магистрат, по провинциальному магистрате в Костроме, был один, именно в Нерехте, да ратуша в Плесе, что самое приписать должно тому, что в то время в П-бурге уже славилась полотняная ф-ка Нерех. купца Михаила Лапшина-Грязновского. В 1764 г. в нем заседали бургомистры и ратманы. Жители Нерехты писались тогда все купцами.

В 1755 г. в Сретенском м-ре холодная церковь украшена стенописью.

В 1758 г. Костр. еписком Дамаскин в Нерехту, как и в прочие города Костр. епархии посвятил, в протоиерея села Писцова священника Иоанна Иоанновича Красовского. До сего времени как в Нерехте, так и в пригородах никогда не посвящалось протоиерея, хотя в Нерехте с давних лет упоминается собор, и протоиереи находились с незапамятных лет только в двух городах, Костроме и Галиче. В эту пору Дамаскин всем протоиереям дал право выдавать венечные памяти, что и продолжалось до того времени, когда высочайше были запрещены те памяти.

1759 г. в первых числах генваря в Нерехте открыто духовное правление, которому велено на первый раз поместиться в Сыпанове м-ре, а до того времени как Нерехотские церкви, так и окрестные находились в ведоме десятильничего двора, сначала управляемого до 1721 г. сыпановским игуменом, а после того поповскими старостами, имевшими в Нерехте для письменных дел приказного. Нерехотскую десятину составляли 102 церкви, в числе их за Волгою село Девы-Городища, по сию сторону Волги посад Соль Большая, села Соль Малая, Введенское, Боршино, оба на Волге, Солониково, Ильинское на Кубане и другие. Всё сии церкви взошли в состав и Нерехотского духовного правления, составленного, как сказано в указе об этом учреждении, изо ста церквей, ибо указом от 9 февр. Солониково и Боршино в том же году отчислено к окологородной Кост-

ромской десятине, а Введенское и Девы Городища отошли к Ярославской губ., по открытии оной в 1777 г. В этом 1777 г. к Нерехтскому правлению приписаны села, взошедшие от Костр. епархии в состав Нерехт. у.; из них Левашево и Черная Заводь в апреле 1793 г., Медведки около 1820 г., а Новленское и Ильинское Токмачевых и Острый конец в 1842 г. отошли в Окологородную десятину. Присутствующими в правлении того 1759 г. определены Сыпановский игумен Митрофан и Нерехотского собора протоиерей Иоанн Иоаннович Красовский, отправлявший служение там в одни торжественные дни наездом из села Писцова, где жил постоянно, служа, как до протоиерейства, так и в оное при одной из тамошних церквей. В ноябре, 1760 г. Красовский переведен в протоиерея в Костр. Успенский собор, а на его месте в Нерехте за престарелостию переведен из того Успенского собора протоиерей Иоанн Семенов, к-рый тогда же и определен присутствовать в правлении, служить же в соборе в высокоторжественные дни, а приход иметь при Благовещенской церкви, где тогда находилось 136 приходских дворов, а при соборе служил один священник и было 49 дворов. Сын Красовского, также Иоанн Иоанн., женатый на Нерехт. купеч. дочери Анне Ивановне из дома Серебряниковых, был протоиереем Костр. Ипатиевского собора, потом теснимый Павлом Зерновым, Костромским епископом, в 1783 г. перешел в С.-П. Б. и там был сакеларием большой придворной церкви и членом Российской Академии. В январе 1761 г. и игумен Митрофан из Сыпанова отбыл в Моск. Златоустовский м-рь; вместо него определенный на Сыпаново игумен Антоний тогда же был определен присутствующим в правление, но присутствовал недолго, ибо указом от 30 окт. 1764 г. Сыпанов м-рь уничтожен. Весною 1760 г. правление построено в Нерехте на Никольском церковном погосте на берегу реки Нерехты по отводу и с согласия церковников той церкви. Это небольшой дом из одной избы, сеней и чулана для архива. После протоиеря Иоанна Семенова были протоиереи в Нерехте Алексей Андреев, зять его Егор Матвеич Казанский, упоминается протоиереем с февраля 1779 г.; с 1806 г. Вас. Вас. Смирнов,—оба из учителей Семинарии, с осени 1826 г.—Иоанн Егорович Назанский и с

августа 1831 г.—нынешний Петр Высотский,—оба из учеников Костр. Семинарии. В правлении присутствовали и первые два десятка по выбору всех священно и церковно-служителей ведомства; некоторые из сел, напр. в 1773 г. села Протасова священник. В 1772 г. в окт. епископ Симон благословил, чтобы каждый присутствующий правления носил скую темноватого цвета, а надзиратели благочиния, коих было по всему ведомству только двое, темновишневого, учреждением духовных правлений совсем уничтожился по всей епархии быт поповских старост, избираемых каждый год священо и церковно-служителями всей десятины.

В 1775 г. в Нерехте и около ее межевал земли Костр. провинции межевщик коллегский асессор Федор Назимов.

В царствование Елизаветы Петровны Нерехотский купец Михайло Яковлевич Грязновский своею честностью обратил внимание имп-цы и ею произведен в директоры имп. двора; исправляя эту должность, Лапшин для каждой из Нерехотских церквей слил по большому колоколу и сшил по две пары драгоценных риз; тоже приложил и в Сыпанов м-рь; когда в Нерехотский собор он слил сотенный колокол, то оный звуком ему не понравился, почему он в соборе слил другой колокол в 200 п. При Богоявленско-Никольской церкви, куда был прихожан Лапшин-Грязновский, доселе служат памятниками его вкладов 3 иконы: а) Николая Чудотворца в архиерейском саккосе, б) Знамение Б-цы, окруженной пророками, и в) великомученицы Екатерины, Кирика и Улиты. Некоторые из этих икон италианской работы, и Лапшину подарены имп. Елизаветою Петровною. Многие Нерехчане от покровительства Лапшиным уличили свое состояние. Прибытие его из С.-ПБ-га было торжеством для Нерехты: толпами выходили в деревню Климушина стречать его из столицы; подарки и милостины лились рекою; воеводы и владыки выезжали из Костромы беседовать с царедворцем. Лапшин открыл путь своим сродникам обогатиться, как-то Суворову, Пастухову и Хворинову. Мощная рука времени истребила богатые жилища всех их, уничтожила их поколения

или привела потомков в бедность. Лапшинские колокола сохранились доселе при Нерехотских церквях: Соборной, Никольской, Богородской, Благовещенской и Воскресенской и состоят там по величине вторыми, а на Сыпанове первым. Двухсотельный же соборный разбился и перелит около 1837 г. в 300 пуд. старанием купца Бориса Ивановича Дьяконова.

В 1760 г. по указу от духовной консистории от 14 апр. епископом Дамаскиным при каждом духовном правлении велено на кошт отцов учредить русскую школу для обучения мальчиков азбуке, букварю, заповедям Божиим, часослову, псалтыри шестодневу, церковному уставу и нотному пению. И в Нерехте была учреждена эта школа, ибо из Нерехты 1762 г. в декабре было представлено несколько понятных учеников для поступления в семинарию, четверо оставлены обучаться семинарским предметам, а другие, признанные неспособными, обращены опять в Нерехту. Из оставленных в семинарии пономарский, от Больших Солей Преображенской церкви, сын Егор Назанский и Александр Флиоренский кончили курс семинарии,—первый с похвалою, несколько лет был учителем Костр. семинарии, потом протоиереем в Нерехте. Заметно, русская школа помещалась в Сыпанове м-ре, ибо к этому другого помещения удобного больше нигде не видим.

В 1762 г. десятоначальником в Нерехте учен Нерехотской Воскресенской церкви иерей Петр Федоров. Десятоначальники в России хотя учреждены еще в 1737 г. по имянному указу имп-цы Анны Иоанновны, но по Костр. епархии они упоминаются только до учреждения оной; однако Костр. владыки, неизвестно почему, не вводили сего сана в свою епархию до епископа Дамаскина, повелевшего в 1759 г. для каждого десяти церквей избрать духовным правлениям десятоначальника.

В 1761 г. Петербургский купец и директор имп. двора Михайло Яковлевич Грязновский Лапшин с нерехотским купцом и директором двора Михайлом Большим Пастуховым, построил для полотняной фабрики каменный огромный двоэтажный корпус, около 1790 г. поступивший в казну для помещения присутственных мест.

На север в нескольких саженях от этой ф-ки в 1778 г. нерехотский купец Осип Семенов Суворов построил несколько деревянных корпусов для другой полотняной ф-ки. Эти деревянные корпуса сломаны около 1805 г.

В 1748 г. шайка разбойников из фабришников, волохов и поляков похвалялась зажегчи Ярославль и близь его производила грабежи; натурально, страх об'ял тогда и Нерехту по близкому расстоянию, и меры, взятые тогда правительством, касались и Нерехты. Для сего по Костр. уезду везде были учреждены караулы.

В царствование имп-цы Елизаветы Петровны, когда прежний временщик Бирон проживал в г. Ярославле, возвращенный из Сибири, то два сына его около Нерехты веселились посвою охотою, иногда по неделе останавливались для сего в селе Есипове у тамошних помещиков потомков Янова. Дом Бирона был на Волге между нынешним Демидовским лицеем и дворцом.

Когда в Ростове открывали мощи святителя Димитрия Ростовского, то к свидетельству были вызваны и нерехчане, помнящие угодника, и были спрошены, точно ли он лежит в гробе.

В 1764 г. нерехотские купцы Лука Федоров Климов, Федор Игнатьев и Григорий Васильев Князев, торгуя по Малороссии и молившись в Батуриńskом Крутицком м-ре, у тамошнего архимандрита Варсоноеия Пальмовского испросили видимую часть св. мощей великомученицы Варвары, исходатайствовав о сем у него письменное свидетельство к Костр. епископу Дамаскину. По позволению сего преосвященного эта святыня торжественно 30 окт. Сыпановским игуменом Антонием положена при храмовом образе великомученицы Варвары в серебряном небольшом ковчеге при Нерехотской Воскресенской церкви—так в XVIII в. называлась церковь великомученицы Варвары, где в тот 1764 г. был иереем Петр Федоров. Повесть о принесении мощей сочинена той церкви ученым священником Владимиром Актовым. Жаль, ранняя смерть 1839 г. ноября 4-го не допустила трудолюбивого Актона кончить многие полезные сочинения, им составляемые, в числе их „Дневник российским празднествам“. Актов еще сочинил исторические записки в своей

церкви, препровожденные в церковный архив при указе из дух. консистории 1830 г. апреля 25-го. Сии записки очень любопытны для истории города Нерехты, равно и хронологические записки о Нерехте, составленные им же.

При отобрании кр-н от м-рея в исходе 1764 г. были закрыты монастыри в Нерехте-Девичий, Сретенский и Сыпановский; тот и другой превращены в приходские церкви. По уничтожении Сыпанова м-ря богослужение в нем в январе 1765 г. пресеклось, и оный с слободою Сыпановою приписан к Нерехотской Преображенской церкви, но в мае того года по просьбе помещика лейб-гвардии-копитана Ивана Тимофеевича Одинцова на Сыпаново определен священник Григорий Косогор, переведенный из Костромы от Николы Десятильнича. Из Сретенского м-ря монахини по распоряжению епископа Дамаскина выведены в монастыри, более всего, в Галичский Староторский и частью Костромской Крестовоздвиженский, но многие монахини в Галич не явились. Из двух иереев Богородицкого м-ря Виталий Савелов осенью в том году переведен к Ильинской церкви в г. Кострому, а оставлен только Лука Борисов. С этой поры у Богородицы служит один причт. Сыпановский игумен Антоний поступил сначала в Костр. Богоявленский, потом в братство Ипатского м-ря. Из игумений Сретенского м-ря еще известны: Евфимия, скончавшаяся в 1757 г., при ней казначею была монахиня Евфимия же; в том году настоятельницею сестрами была избрана монахиня Мариампа, но не утверждена игуменьей до определения будущим архиереем настоящей игуменьи. Мариампа вскоре умерла, на ее место избрали настоятельницею ту же казначею Евфимию, также до прибытия будущего епископа, к-рая в эту должность под присягою и введена Сыпановским игуменом Митрофаном; при игумены Евфимии в Сретенском м-ре было 26 келей, 54 монахини да 9 монахинь в богадельне, кроме игуменьи была настоятельницею наместница Елена. М-рь уничтожен при игумены Агрипине, переведенной в этом чине в Галичский Староторский м-рь. Как после монахинь здания поступили в ведомство казны, то после пожара Нерехты 1785 г. поместился в одном из монастырских зданий магистрат, к-рый тут и находился до 1806 г. Он стоял про-

тив нынешнего входа в теплую церковь, от севера; в монашеских кельях, расположенных с полуденной стороны, равно и в богадельне, коя была каменная, поместились нищие; это одно и было каменное тут здание; нищие жили до того 1806 г.; богадельня же в 1818 г. переетроена для жительства той церкви священнику. Изгнанные из м-ря нищие построились за оным особою улицею к сев-зап. к реке, но эта улица скоро уничтожилась за безродством нищих, так что с 1821 г. тут доселе находится только одна изба девиц Колесих, на так называемом Нахолово поле. При этом отобрании кр-н' от м-рей около Нерехты закрылись монастырские дворы: в с. Федоровском двор Сергиевой Лавры и в с. Тетеринском. В Федоровском до 1764 г. жил старец посельский; последний отец Исаа врий доселе сохранился в народной памяти по жестокому управлению; Федоровские кр-не, половину земель возделывали на лавру и в оную хлеб возили на своих лошадях по первому пути. Когда Горитский м-рь в 1744 г. при возобновлении в Переславле Залесской епархии учинен кафедральным, то Тетеринское с деревнями перешло в управление тамошних архиереев. Переславский епископ Серапион, приезжая по вотчинным делам, столько полюбил Тетеринское, что под оным в полуверсте по дороге к Нерехте, близь елевого бора, на речке Бобровец, для пребывания себе построил деревянный дом с службами, на той речке вырыл пруд, в который было опущено множество разной рыбы, особенно волгские стерляди и сельди переславские. Поелику эта речка выходит из глинистой горы и в большие дожди несет весьма мутную воду, а потому могла вредить нежной рыбе, то Серапион, для отведения дождевой мутной воды, под Тетеринским прорыл глубокий канал, заградив ниже его прозрачную воду плотиною. Этот канал доселе очень глубок и проходит в паралель с Бобровцем, от Тетеринского прямо к бору, где ниже пруда чрез болото, ошибочно ныне называемое архиерейским прудом, соединяется с речкою. Вскоре после того Серапион был переведен в Вологодскую епархию, а на его место в Переславль определен Амвросий Каменский, после бывший Московским архиепископом. Сей пастырь только однажды приезжал в Тетеринское и чрез непродолжительное время

в Горитском м-ре заложил огромную церковь под именем Гевсимианы. Тетеринские кр-не в продолжение нескольких лет ходили в каждый год по третям для постройки сего здания, но вскоре последовало отобрание кр-н от м-рей, поэтому Гевсимиания в Переславле доселе пребывает недокончанною. У бора доселе видны остатки прудовой плотины и гряды после архиерейского огорода, поросшие травою, между песками, что у бору, и так называемым Грязным местом, подле самой Большесольской дороги. Архиерейский дом после 1764 г. перенесен в Тетеринское на волостное правление и в 1825 г. сгорел в Тетеринский пожар. Он был о двух избах, разделенный большими сенями. Сии подробности о Тетеринском сберег ученый священник оного, Петр Агриколянский, впоследствии времени архимандрит, в 1829 г. отряженный святым синодом к самоедам для постройки им церквей, кавалер св. Анны 3-й степени.

Из известных сел до отобрания кр-н от м-рей принадлежали: Выголово Николо-Угрешскому м-рю, Денисовское и Юрьевское—Московскому Новоспасскому, Кизликово и Протасово—Ипатиевскому, Строева гора—Игрицкому-Песошенскому, а Поемечье, Девы Городище богатое село на луговом берегу Волги, в XVIII ст. числившееся в Любимском уезде, а по духовным делам в Нерехте, правленчи с двумя своими церквами, Кулиги. Кувакино и Марьинское близь Арменок—Сергиевой Лавре. Как оной более ста тысяч душ принадлежало по России, то из церковнических детей Сергиевских сел была в 1742 г. составлена Лаврская семинария; напр., из сел Нерехотского дух. правления в 1763 г. не явились в Лаврскую семинарию шестеро семинаристов. Заметно, с отобранием вотчин перестали отсюда требовать в набор Лаврской семинарии.

В 1764 г. от неурожая хлеба за кадь ржи в Нерехте платили 1 р. 40 к.

В высочайшее шествие имп-цы В к а т е р и н ы II в 1767 г. Волгою, когда из Ипатиевского м-ря 15 мая с Волгской пристани она ехала в собор, то в числе ехавших перед каретой верхами пяти фабрикантов был нерехотский ф-нт Михайло Пастухов. Когда же из собора имп-ца прошла в воеводский дом, то Пастухов поднес

своей ф-ки полотно; тогда после Костромского купечества было представлено и Нерехтскोё с их женами, причем нерехчане на серебряном блюде поднесли хлеб и серебряную солонку, что имп-ца всемилостивейше и приняла и всех нерехчан жаловала к руке. Купечество же из других пригородов не представлялось. Доселе сохранилось предание, что Нерех. купец Дёшунин, целуя руку имп-цы, пошатившись, упал и что мать отечества улыбнулась над простотою Нерехчан.

Того 1767 г. в июле в числе пригородов Костр. провинции купечество Нерехты и Солей Больших представило в Москву по депутату для сочинения проекта нового уложения. В звание депутатов избраны нерехчанами их купец Андрей Несторыч Третьяков, а усольцами — купец Осип Сорокин. Оба тогда получили по золотой на голубой ленте медали, до самой смерти украшавшей грудь их. Повидимому, оба депутата в начале 1768 г. возвратились во свояси. При отправлении Третьякова в Москву Нерехтское купечество снабдило его письменным наказом, где на 20 пунктах подробно изложили нужды и способы улучшения как собственно Нерехты, так и всего Российского купечества. До какой, степени восходило по сему предмету ходатайство Третьякова — не имеём сведений. Об Андрее Несторыче рассказывают что в Нерех. соборе он один без священника отправлял часы и вечерни, начиная: „Молитвами святых отец наших Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!“ Андрей Несторыч сочинил: а) оба сказания о принесении двух чудотворных икон в Нерехотский Девичий м-ре, и б) два похвальные слова на оба принесения. Сии статьи поместил в книге, названной им: „Рай мысленный“ — по образцу „рая мысленного“, напечатанного в Иверском м-ре в 1658 году при патриархе Никоне. Несторыч в свой „Рай мысленный“ из печатного занял сказания о чудесах Иверские иконы, переиначив оное к Нерехотской местности, еще включил не свои сочинения; именно: Повесть о чудесах иконы на Песочне в Игрицком м-ре, составленную в XVII в. иеромонахом Филаретом Риторским, также о явлении и чудесах Костр. Федоровской, повесть, составленную неизвестно кем после самозванцев. Несторыч сочинил сказание о

принесении на Нерехту св. мощей великомученицы Варвары; отрывок этой статьи найден в архиве Воскресенской церкви тамошним священником Владимиром Актыовым, знатоком местных древностей.

Любопытны статистические о Нерехте сведения 1769 г., по требованию частной комиссии о городах тогда доставленные депутатом Третьяковым, именно—Нерехотского купечества муж. пола в подушном окладе 602 души, в т. ч. иконного цеха с альдерманом 3; ф-ка за городом в 10 саженях С.-П-бургского купца и директора Михаила Грязновского Лапшина и директора Михаила Большого Пастухова; золу на ф-ку получают в Моск. уезде, в провинциях Шацкой и Аллатырской. Мельниц водяных в Нерехте нет, а ветряных одна; за эту мельницу, равно и за рыбную ловлю в Нерех. градских дачах платится казенный оброк по распоряжению Костр. превинц. канцелярии. Мост через реку Нерехту построен на городское иждивение. Ремесла: иконописное, портное, сапожное, плотничное, кузнечное, серебряников и рукавищников. Подушный сбор и разные подати собирают не с души, а по раскладке, смотря по торговле и промыслу, напр., первостатейный купец в год платит 20 р., а другой—по 2 рубля; поборы же городские по приговору всего об-ва с платежного рубля. Статьи городовых расходов: починка магистратских покоев, мосты, заливные трубы и прочие огнегасительные приспособления, жалование магистратским приказным, канцелярские на магистрат расходы, доплата за бедных, престарелых, малолетков,увечных и отдаенных в рекруты, поставка подвод под высочайшие шествия, лекарь, живший тогда в Костроме на жалованье своей провинции; нерехчане ему на жалованье, подобно прочим Костр. пригородам, в Костр. провинциальный магистрат тогда платили 27 р. 51 к.; поставка подвод под высоч. шествие была не каждогодная, а случалась в ту пору, когда имп-ца отправлялась из С.-П-бурга в путешествие; напр., в проезд Екатерины II в Москву в февраль 1767 г. повелено поставить подводы с Костромы 72 да с пригородов 73, всего 148 лошадей, именно с Любима в селе Подберезье 22, Кадуя 5, Буя 3, Судиславля 7, Плеса 6, Соли Большой 10, с Нерехты 20. Магистратские бурго-

мистры и ратманы служили без жалования. Того 1769 г. нерехтан было на службе казенной 7, городской 29, всего 36; для принятия вина в Москве и других городах на продажу коронным поверенным, также в счетчики в Костр. провинц. канцелярию по казен. доходам и в город Кадуй к соляному сбору определялись нерехотские купцы на своем коште без жалованья. Канцелярские сборы были не на содержании Нерехты, а с лавок, полков, клеймения серебра, рыбных ловель и домовых башни в ведомстве провинциальной канцелярии. В Нерехте каменных публичных зданий тогда не было, опричь каменной богадельни при Богородской церкви; аптеки и лекаря в Нерехте в ту пору не находились.

Самый наказ о нуждах города для представления в комиссию по составлению проекта нового уложения— довольно дальний, заметно, сочинен депутатом Третьяковым — и по образцу статистич. сведений его о Нерехте Костр. депутат ф-нт Стригальев сочинил такие же о Костроме, как это видно из сравнения черновых тех сведений того и другого, доселе уцелевших.

Для сочинения проекта нового уложения в каждом городе, прежде нежели жители изберут депутата, велено за несколько до этого дней избрать из своей среды городского голову баллотировкою на два года. В Нерехте перед выбором депутата Третьякова в 1767 г. в головы был избран Нерех. купец Сергей Грязновский. До сего времени не было голов в городах. С этой поры сей чин сделался в употреблении в Российских городах, точно также как в дворянстве предводитель оного, также в первый раз избранный перед выбором дворянского депутата. Напр., по Костр. провинции в предводителя дворянского в том 1767 г. избран Нерех. помещик лейб-гвардии отставной капитан Иван Тимофеевич Одинцов, живший в ту пору во ста саженях от Нерехты в усадьбе своей Сокольниково, а в дворянского депутата генерал-поручик лейб-гвардии секунд-майор Александр Ильич Бибиков, помещик села Борщевки, ныне находящегося в Нерехе, уезде.

В том 1767 г. этот Бибиков имп-цею Екатериною II определен Маршалом над всею комиссию по сочинению проекта нового уложения. Имп-ца Екатерина II в пут-

шествие свое по Волге в 1767 г. осчастливила своим посещением усадьбу Бибикова. Оставив Кострому утром 16 мая, в вечеру того дня прибыла в Борщевку; в 10 час. утра на другой день при вступлении галеры на берег встречена с св. крестом и иконами тутошим священиком; отслушав литургию, обедала в доме Александра Ильича; из Борщевки в 3 ч. пополудни отправилась Волгою далее. При каждом приволгском селении, также при каждом из столбов, поставленных для путешествия сего через 10 верст, по всему тогдашнему Костр. уезду стояло множество выраженного народа с веселыми лицами кричавшего: „Ура!“: женщины же махали белыми платками.

В 1769 г. каменная церковь Варвары Великомученицы в сводах и стенах на многих местах оказала опасные разселины; в апреле 1770 г. она с колокольнею разобрана, вновь заложена по плану, сочиненному Степаном Андреевичем Воротиловым, к-рый и клал эту церковь; нижний этаж с храмом вел. Варвары осенью того же года был окончен и освящен 13 ноября Нерехотским протоиереем Алексеем при тамошнем священнике Петре Федорове; ему во время этой перестройки для служения и треб при Богоявленской церкви был отведен теплый Николаевский придел. При начинании Варварской церкви в 1770 г. наличных денег было только 500 р., в 1787 г. кончен и верхний этаж с колокольнею и освящен во имя Воскресения Христова 4 июля 1780 г. нерех. протоиереем Георгием Назанским при тамошнем священ. Иакове Петрове. Сей священник при примерном попечении о церкви украсил верхнюю церковь прекрасными иконами работы славного Ярославского иконописца Андрея Денисова, удержавшего пошиб знаменитой в старину Строгановской школы, а в 1795 г. стенным письмом и золочением иконостаса. Он первый поступил в Нерехту в священники из кончивших курс Костр. семинарии. На все сии постройки кроме частных пожертвований употреблено тогда около 6000 р.—сумма по тогдашнему времени немаловажная. Впрочем, некоторые иконы в Воскресенской церкви писаны Ипатской слободы Богословской церкви диаконом Петром Михайловым, искусственным иконником. Так, иерей Иаков Петрович ветхий храм сей церкви сделал памятни-

ком двух знаменитых в то время художников, Жаль что, икона святителя Тихона, писанная Петром Михайловичем в новейшее время при священнике Иоанне Василькове, плохо поправлена и тем лишилась благолепия.

По уничтожении убогих домов по всей России по случаю Московского мора 1772 г. учреждено при Воскресенской церкви, как находящейся на краю города, для всей Нерехты кладбище; оно тут находилось 12 лет, а до 1772 г. погребали при каждой церкви, где кто был прихож. В этот Московский мор Нерехта не чувствовала никаких влияний оного, хотя верстах в 18 от Нерехты на север на дороге к пос. Большой Соли в деревне Суворове в 1772 г. вымерло 3 дома. Там, за овинами с одной стороны деревни долго видно было кладбище сих несчастных; оно поросло ивняком, впрочем косуля взрыла могилы для пашни около 1844 г. Окутивание проезжающих можжевельником и другие меры оцепления соблюдались и в Нерехте. По ведомству Нерехт. дух. пр-ия кроме того Суворова зараза свирепствовала в подмонастырской слободе Песошенского м-ря, в посаде у Б. Солей, где умерло 6 чел., в с. Жукове, в вотчине майорши Катерины Норовой. В Нерехте в 1772 г. божедом с подкидышами за уничтожением убогих домов от Пахомовской церкви переведен в небольшой одноэтажный каменный дом, находившийся близь Рядской часовни до пожара 1785 г.; после того звание божедома уничтожилось. Последний божедом прозвывался Кулик. В моровое поветрие 1771 и 1772 г.г. Нерехтою и Нерехтским станом правил поручик Семен Кудрин, выбранный на этот случай для надзора за ходом заразы.

С апреля 1771 г. по резолюции Симона, епископа Костромского, Нерехтская Преображенско-Ильинская церковь с 4 приходскими дворами приписана к Нерехтскому собору, что продолжалось близь года, до определения к Ильинской ц. Феодора Андреянова во священника.

Апреля 14 дня 1772 г. в великую субботу, переезжая из торгу на Никольскую сторону в лодке, потонуло более 30 чел., б. ч. из Нерехтан. Мост уже перед тем за несколько дней снесло от водополи. Светлый праздник

пасхи претворился в плач. Мост тогда был на сваях выше Никольской колокольни, и тут в ту пору пролегала дорога (теперь Костромская дорога по течению реки ниже церкви) в Кострому; нынешняя же Костромская улица раскинута на огородах по новому плану, утвержденному после пожара 1785 г. Сваи от этого моста еще были видны в 1844 г.

В 1773 г. закрыто Плеское дух. пр-ие, а церкви оного по нагорной стороне приписаны тогда к ведомству Нерехт. дух. пр-ия

В 1775 г. в Нерехте и около оной чинено генеральное межевание; по межевым книгам тогда писались в Нерехте станы села: Тетеринское, Острый Конец, Есипово, Кизликово, Марьинское Базеевых, Сыпаново, Княгинино, Федоровское, Денисовское, Кувакино. О Незнанове, Выголове, Ковалеве, Гзине сведений не найдено. Нерехтский стан окружали станы: с юга Хоруганов, с сев.-востока Сороховский, с востока Емсна или Емецкий, с сев.-востока по межевым книгам Вочевольский (Р), вмещавший, м. пр., Моклоково и Онохино, деревни Татьянинского прихода; с запада и частью севера Закоторостский стан Ярославской области, вмещавший, кк. известно, села Левашово, Туношну, Михайловское Задорожье, поэтому, надобно полагать, Новленское с Ильинским, Красное, Новое и Бурмакино.

В 1775 г. от неурожая ржи кадь продавали в Нерехте по полтора рубля и дороже, а в печенных базарных ковригах ржаной хлеб по копейке фунт.

В 1778 г. в декабре Нерехта открыта уездным городом Костр. губ. Впрочем еще в начале 1774 г. Нерехта писалась вновь открытым городом. В 1778 г. при открытии уезда назначен герб для Нерехты: в голубом поле две улитки. Какая же причина этой эмблемы—неизвестно. Уездные присутственные места на первый раз поместились в каменных зданиях упраздненного Сыпанова м-ря, где и находились лет около 12. По этому случаю и проживали некоторые из канцелярских служителей на Сыпанове; но чиновники почти все жили в городе. Градская полиция находилась против собора с востока. Первым городничим в Нерехте был Иван Федорович, после

него с 1786 г. Менопольский (?!), осенью того же года правящий должность городничего Нерех. команды подпоручик Щеголев, потом Иван Федорович Графен, Василий Алексеевич Коптев, Данило Петрович Мащенко, человек добродушный и деятельный, с 1834 г. Александр Павлович Арсеньев, потом Федор Сергеевич Иванов, лишившийся правой руки при штурме Варшавы 1831 г., после него с 1836 г. Ив. Ив. Водов, в половине 1839 г. на ту же должность перемещенный в Буй, после него городничим Павел Николаевич Лихутин, скончавшийся в июне 1850 г., после него Алексей Михайлович Катков. Градским головою первым был Вас. Петр. Суворов. По открытии уезда к Нерехотскому от Яросл. губ. отошли села Подозерье, Остров, Никитское, Пружинино, Митино, Никольское на Стрельце, Павловское, Левашево, Борис и Глеб, иначе Медведки, Ильинское Токмачевых, Новленское и Черная Заводь. Соли же Большая и Малая с Бабаевским м-рем всегда в старину были в Костр. области, но в 1778 г. вступили в Нерех. уезд. Вероятно, тогда Деевы Городища на луговой стороне Волги, а Введенское на нагорном берегу отошли в состав Ярославского наместничества. При открытии Нерех. уезда в исправники избраны и утвержден Егор Линев. По духовному ведомству едвали тогда последовала перемена; еще в 1781 г. церкви, находившиеся в Ярославском наместничестве зависели от Нерех. дух. пр-ия, как видно это из указа Костр. консистории о том, чтобы церковники таких церквей повиновались требованиям Ярославской полиции.

В плане города Нерехты, составленном от землемера флота капитана-лейтенанта Никиты Тихменева в авг. 1781 г. показано: под строениями и огородами купцов и мещан 70 дес. 1733 кв. саж., под церквами с кладбищем, под церковническими и разночинскими дворами, исключая улиц и переулков 4 дес. 2094 с., под питетными домами 147 саж., мелкой лесной поросли 1850 с., под площадью, улицами, переулками, дорогами и пустырями 17 дес. 540 саж., под рекою Нерехтой 5 дес. 800 с., под трёмя прудками 165 саж., под песками и по берегу реки Нерехты 4 дес. 1400 с., всего под городом угодий 97 дес. 1530 с. Из присутственных мест поименованы:

а) духовное правление на Никольском м-ре, б) городовой магистрат—показан против Собора, г) городская полиция; о прочих же присутственных местах сказано, что они помещаются в зданиях бывшего Сыпанова м-ря. Из домов чиновничьих именованы только два: а) стряпчего Алексеева и б) дом трех под'ячих духовн. пр-ия двух Володимировых и третьего Степанова. Из заводов означенны две ф-ки Пастухова и Суворова, четыре солодовенных завода, ветряная пильная мельница и пять кабаков.

В 1784 г. в Нерехте за городом близъ Костр. большой дороги учреждено кладбище для мертвых; на оном первыми погребены Богоявленский священник Макарий и Преображенский Федор Андрианов, до самой кончины бывший благочинным. Вскоре потом на кладбище заложена каменная церковь, настоящая Воздвижская, теплая св. Димитрия Солунского во имя Ангела строителя, Нерехотского купца и главы Дмитрия Прокофьевича Симонова. Жаль, что Симонов и протоиерей Георгий Назанский избрали это место для кладбища между двумя болотами, не воспользовавшись сухими местами далее от кладбища к Сокольникову, а всего лучше от Благовещенской церкви тут, где был убогий дом, по крайней мере за церковью Варвары. В 1793 г. сент. 18-го освящена была кладбищенская церковь; при ней первоначально служили по очереди соборные священно-служители. В начале 1795 г. велено с соборянами чередоваться Богоявленскому священнику; потом того 1795 г. указом св. Синода предписано служить священникам от всех Нерех. церквей в назначенные для каждого дни. В 1803 г. кладбище обсажено березками, а около 1820 г. стало обноситься каменною грядою при церковном старосте Алексее Федоровиче Симонове. Он для кладбища в св. Синоде просил постоянного священника и для помещения его у святых ворот вчерне около 1836 г. построил каменный дом, но синодом в прошении Симонову отказано. За выбором к кладбищу нового церковного старосты и это здание остановилось в дальнейшей отстройке. Ограда от св. ворот сделана чрез всю полуденную сторону с двумя башнями, одна на западном, а другая на южном угле. В октябре 1842 г. по просьбе кладбищенского старосты Ивана Федо-

рова Кувшинникова епархиальным архиереем предписано, чтобы по субботам на кладбище пели соборяне, а в понедельники Никольско-Богоявленский священник; до того же соборяне пели по воскресениям и понедельникам, а Никольско-Богоявленский—по субботам. Прочим приходам дни теже.

1785 г. ночью с 14 на 15-ое июля Борисоглебская сторона Нерехты почти вся сгорела; в полночь с понедельника на вторник в квартире против рядской часовни загорелся сарай во дворе Ив. Ив. Конина, там, где ныне дом Окоемова. Ветер действовал непостоянно, но под конец имел направление к северу. Обгорелые бумаги находили у Гзина и Б. Солей. Столь силен был вихорь, что горящие бревна несло по воздуху, также сундуки, из коих горящие вещи, особенно новинки летели, как змеи. Главы и кровли на церквях Соборной и Ильинской обгорели, но внутренность в них уцелела; на Ильинской колокольне колокола попадали, но на Соборной отлили; Богородская и Благовещенская церкви уцелили, ибо опустошительная линия остановилась к Благовещению, там, где ныне дома Турчанинова и Андрея Васильевича Попова—Суворова, а к Богородице подле дома Князева против Богородской колокольни, где тогда к дому Князева огонь остановлен заулком, но дома Полубенина все сгорели. Никольская сторона осталась совершенно целою, кроме того, что изо всех домов вытаскивали имение в поле. Где загорелось; там на сарае захватило мужчину, более никого не сгорело. Строение тогда было повсеместно деревянное, раскиданное кое-как без плана; большинство домов покрывала солома. В зажигательстве подозревали самого городничего, который, имея от Нерехты в verstах 10 усадьбу, туда перед тем вывез все имение для того, чтобы город выстроить снова, но точно ли так, Бог весть! Только после этого пожара в Нерехте был городничим уже другой, именно Менопольский.

После пожара на Нерехту выдан высоч. утвержденный план—по нему город выстроен на вновь размежеванных улицах; напр. Нижегородская ул. от рядов шла до пожара той линии, где теперь рядская часовня, и ближе склонялась до самой Благовещенской церкви к гребню

верхнего берега реки Нерехты, равно улица, от Никольской церкви к великомуч-це Варваре в саженях 20 от нынешней улицы находилась тут, где теперь огороды. Остакок старой улицы, вмещавший три двора, за нынешним домом купца Бориса Дьяконова, сгорел в пожар 1815 г. До пожара 1785 г. в Нерехте были только два каменных здания, корпус с ф-кой Пастухова, и лавка Осипова, подле жилища Божедомова у рядской часовни. В исходе XVIII в. Нерехта украсилась довольно огромными домами, как-то, Хворинова в Соборном квартале к рынку на углу—по плану квартал 3; Осипова—против рядской часовни, кв. 2; Карамзина и Князева-Буслаева—кв. 7 и Полубенина в кв. 8. Сии дома целы, кроме Осипова, разобранного около 1808 г., по причине большой расселины, с с.-в. стороны оказавшейся. По новому плану раскинуты новые улицы, как-то Костромская от Никольской церкви к кладбищу; до пожара тут были одни огороды; Солдатская—по плану Новинская и улица, как от кладбища идти к Варварской церкви—по плану Усольская. Прежние улицы совершенно закрыты, даже на Никольской стороне; только на старом месте Сузdalская от собора к Егорьевой горе. По плану Нерехты 1781 г., составленному Тихменевым, от Варварской улицы к Глазову строения не было, только против самого Глазова из нескольких домов слободка; также не было домов за Никольской церковью к кладбищу, а Набережная к востоку от Никольской церкви шла двумя улицами, одна на берегу, а другая далее на север в огородах; за Ильинскую церковь к Сыпанову также домов не было, равно за Благовещенскую; только на Тарасовой горе из Никольских домов слободка *).

Около сего времени прежняя Ильинская ц. разобрана и на том месте заложена нынешняя двухэтажная с такими же приделами, как и прежде, вверху Преображенская, внизу прор. Илии и Успения Б-цы—по плану, сочиненному Степаном Андреевичем Воротиловым. Прежняя церковь была каменная двухэтажная, о пяти главах, крытых белым железом, а пророка Илии об одной гла-

*.) На полих подлинника в этом месте другого рукою написано: „Нерехта уезда села Тетеринского священник Петр Орнатский“. Прим. ред.

ве белого же железа, из них две за несколько перед тем лет повалились от ветра. Из церковной описи 1784 г. видно, что под верхнею церковью была Успенская, имевшая свою особую крышу на алтаре, также и предел Илии имел особую же крышу. Вся окружность нижних обоих храмов состояла из 12 окошек, кровли на церквях были деревянные, а настоящая крыта белым железом. Сосуды были двои: одни серебреные, а другие оловянные; на каменной колокольне 8 колоколов, большой в 73, второй в 21 пуд, а меньший в 25 фунтов. С двух сторон каменная ограда. По планам Воротилова немалая часть церквей и колоколен отделаны в Костроме и по Костр. губ.—колокольни сначала с пилястрами и куполами, округлыми окошками, потом с полуокошками по углам, а иные конической фигуры—по образцу старинных, но с пилястрами и сухарями. Пилястры и сухари усматриваются и на пятиглавых церквях, устроенных по плану Воротилова.

Кроме Тетеринского в селах около Нерехты до 1760 г. церкви везде были деревянные. В 1760 г. каменные построены в Давидовском и Новленском, в 1761 г. в Семеновском г.г. Даудовых, в 1762 г.—в Поемечье, в 1777 г.—в Марьинском Базеевых, в 1778 г.—в Ковалеве, в 1781 г.—теплая в Есипове г-жею Марью Семеновною и г. Александром Матвеичем Аже, в 1782 г.—в Емсне, в 1793 г.—в Никульском Гурьевых г. Николаем Алексеевичем Хомутовым, в 1794 г.—в Остром Конце, в 1795 г.—в Улошпани и Княгинине, в 1798 г.—в Григорцеве. Деревянные церкви были еще в начале XIX в. в Кизликове, Осокине и Лосеве; каменные же там построены: в Кизликове в 1804 г., Осокине в 1808 г., но в Лосеве до самого уничтожения села, по причине сгоревшей в 1839 г. церкви она была деревянная. Ныне около Нерехты нет деревянных церквей; если и есть в Нерех. уезде, то в оконечности оного, за село Середу-Лупино, к уездам Юрьевецкому и Кинешемскому. Когда построена камен. церковь в с. Федоровском—неизвестно, но заметно, во второй половине XVIII в. Настоящая церковь в Есипове, огромная, по образцу соборов в Полоцке с отменою только колонады (исключая пятиглавого верха и неболь-

шой колокольни), построена около 1802 г. г. Карлом Ивановичем Бошняком.

Фамилия Б о ш н я к о в безкорыстностью и честностью ныне составляет красоту дворянства Нерехтского уезда. Село Есипово в 9-ти верст. от Нерехты долго украшалось богатою усадьбою Карла Ивановича Бошняка, переселившегося из Елисаветграда в Нерехту по случаю супружества около 1780 г. с Надеждою Александровною дочерью Аже. Родоначальник этой фамилии, Константин Бошняк, уроженец Турецкой области Македонии, родом грек, поселился с своими кр-нами в Новосербии около Елисаветграда. В то время Босния, при принце Евгении завоеванная Австриею, по несчастной войне ее с Турцией около 1740 г. опять отошла во власть неверных. Сын его, Иван Константинович, комендант города Саратова, тогда как несколько рот гарнизона предались Гугачеву, с горстьюю оставшихся верными вооруженною рукою пробился сквозь многочисленные толпища бунтовщика и от него защищил город Царицын, за что имп-цею Екатериною II-ой жалован вотчиною в Белоруссии. Внук Ивана Константиновича, Ал-ндр Карлович Бошняк в последние годы царствования Александра I оказал важные услуги престолу и отечеству. Константин Карлыч Бошняк, нынешний более пяти трёхлетий предводитель Нерехтского дворянства, благодетель Нерехты—есть сын Карла Ивановича.

1788 г. июля 18 от сильного дождя на реке Нерехте мельницы поломало.

Около 1791 г. в Нерехте основано духовное училище для детей ведомства дух. пр-ия Учение началось 23 марта. Сначала квартирюю помещалось за 36 руб. в деревянном доме купца Ивана Дмитревича Хряпина, где ныне девичье училище, называемое пансион, потом на собранные всем духовенством Нерех. у. деньги был построен дерев. дом на углу против дома того Хряпина или против нынешнего пансиона, как идти от кладбища к Варварской церкви, по плану кв. 24. Земля под духовное училище была отведена городом, на училищный дом израсходовано 44 р. 21 к., собрано с церковников 160 р. 28 к., за незнание катехизиса 156 р. 46 к., в остальных остались должными. Собрали с имеющих детей в этом училище при отдаче в оное,

с священника—три, дьякон—полтора, причетники по рублю; за незнание катехизиса с каждого причетника по 25 к., с священника и дьякона по полтине, в третий раз вдвое. Верно для уплаты долга сбор за катехизис продолжался до 1495 г. и по уничтожении уже училища, но это училище за плохими успехами указом от 12 мая 1795 г. было закрыто, а ученики были переведены в Костр. семинарию; учителями были: синтаксимы—соборный протоиерей Егор Матвеич Назанский, он же, и надзиратель училища, граматики—Ив. Мих. Иподиаконов-Зверев, тогда бывший священником Нерехотской Богоявленской церкви, после префект Костр. Семинарии и учитель философии, муж высокой учености, и в информатории Нерехотского собора диакон Михайло Иванович Руфинов, получавший в год жалованья 20 р.; ученики нанимали квартиры, число всех их простиралось до 100 человек. В дом после духовного училища переведено дух. пр-ие, прежний же дом правления на Никольском м-ре продали соборному пономарю. Около 1821 г. правление выведено на квартиру в каменный дом Буслаева-Князева, что против. Опекуны присвоили дом в собственность наследников, но правит. сенатом присужден в ведомство училищное. При штатномсмотрителе Яблокове в 1836 г. было учеников в уездном училище 62, в приходском 38, итого 100, а в 1827 г. в уездном 55, а в приходском 31, всего 76 чел. Из учителей лучшою методою образования и радушностью породил к успехам охоту в учениках Ал-ндр Данилович Святогорский, в 1805 г. поступивший из Нерехты на математику в старшего учителя Костр. гимназии; при нем в народном училище число учеников возвышается до 60 чел. После него училище ослабело, число учеников уменьшилось в уездном училище до 12 чел. Нерехчане оказывали холдность к образованию. Бывало, чтобы на экзамене блеснуть числом учащихся, посыпали на дом звать их, и чтобы захотить прийти в училище сторож училищный, вынимая из пазухи книгу, манил учеников: „приходи на экзамен, эту книгу завтра подарят тебе!“ С определением Павла Ивановича Яблокова училище приняло новый вид по его неусыпной заботливости об улучшении. Ныне училищная библиотека имеет по названиям 262 экземпля-

ра, томов 676, в т. ч. на русском языке 644, учебных пособий 23. До преобразования училищ в 1833 г. по уставу высоч. 1828 г. утвержденному штатные смотрители проживали на квартирах отдельно от училища, а с того времени в одном доме с заведением. За квартиру училище в 1844 г. платило 171 р. 42½ к. серебром.

1792 г. в сентябре Нерехтою из Костромы во Владимир проезжал знаменитый Платон, митрополит Московский. При приближении его к городу начался звон во всех церквях. Подъезжает к собору и вместо встречи со крестом видит у собора протоиерея с духовенством, стоящих просто в рясах; спрашивает, где ему квартира. Протоиерей Егор Назанский отвечает: „в Нерехте квартир нет, а в селе Федоровском, за городом в 5 верстах“. Выехав на Егорьеву гору Платон вышел из кареты и любовался окрестными видами Нерехты. Вот его отзыв о Нерехте в путевых записках (рукопись): „Нерехта довольно хороший город, выстроен по плану, имеет 6 церквей; Нерехотский протоиерей лет сорока, один ус у него белый, а другой черный“. Обедал в с. Федоровском у священника Стефана Алексеевича, остался доволен его радушием. После того в Нерехте Назанского звали разноусым. Проехав Солоницею, Платон вышел из кареты, любовался множеством рыб и сказал: „Это садок!“.

В 1793 г. деревянная Пахомиевская церковь при прежнем убогом доме была сломана. Стояла 192 года! Была небольшая, одноглавая, с маленькою колокольнею; лестница под колокольнею вела в церковь; в алтаре середнее окно было косячное, а по бокам по одному волоковому, в самой церкви косячное на полудень. На престоле лежало Евангелие харатейное даже и тогда, как закрылось в ней священное служение. Оно совершенно пресечено в 1772 г. Но некоторые священники и после того входили в церковь петь панихиды по несчастным тут погребенным, за что Нерехчане награждали очень щедро; другие же священники не соглашались, опасаясь начальства.

В 1797 г. к Нерехтскому уезду приписано Плесо, до того с 1778 г. состоявший уездным городом Костр. губ. Селения Плесского уезда по сию сторону Волги приписаны к Нерехотскому, а по ту сторону Костромскому, то к Ки-

нешемскому уездам. Плесское духовное правление еще в 1773 г., преосвящ. Симоном Лаговским закрыто, церкви по сию сторону Волги поступили в Нерехотское, а по ту в Судиславское дух. правление. Архивы вообще всех приставленных мест перенесены в Нерехту

В 1788 г. много сел Владимирской епархии было причислено к Плесскому уезду, но по духовным делам остались в ведомстве Луховского духовного правления, и это продолжалось до 1842 г., хотя с 1797 г. эти села находились уже в Нерех. у. на черте с Плесским уездом, так что прихожане были в обоих Нерехотском и Плесском уу.—села эти: Клевцово, Пенья, Иванцово и Кулиги. Села близкие к Нерехте—Ильинское Шахматовых, Флоры, Блазново, Кочурово, Спасское, Красное Сумароковых, Бартенево, Владычне, Богослов, Кунестино, Хомутово, Печенигово, Фряньково, Демидово, Аминево, Березники, Арменские—находились в Плесском уезде. Села Плесского у.—Борщевка и Стрелка имели в ту пору прихожан и в Кинемешском, а Шохна в Луховском уезд., Клевцово же, кроме Нерехотского и Плесского, и в Шуйском у. села Острый, Конец, Левашево: Черная Заводь, Ильинское Токмачевых, Новленское, Борис и Глеб, Татьянино и Ушаково того 1797 г. отчислены от Нерехотского в Костромской у., в т. ч. Соль Большая и Малая, кроме Большесольской Преображенской церкви, в 1793 г. отчисленной к Ростовской епархии, п. ч. дерев. прихожане этой церкви были Ярославского у.. Вообще припискою Плесского у. Нерехотский с юго-вост. стороны распространился и уперся в уу. Кинешемский и прежний Луховский, нынешний Юрьевецкий, приобретши с северо-востока берег Волги верст на 40, но с севера, начиная от Ярославской грани лишился Волгского берега верст на 10, начиная с Бабаевского м-ря и укоротил свою границу, так что теперь она находится от Нерехты в верстах 8, а инде в 15, вообще потерял пространство земли между рр. Солоницею и Черною до самого впадения в Волгу той и другой.

Около сего времени в Нерех. у., также около: Костромы, Ярославля, Шуи и Владимира с шайкою сволочи разбойничал атаман Иван Фатеич; под этим именем он повсеместно сохранился в памяти народной; ро-

дился в с. Осеневе Яросл. губ. от Нерехты на запад в верстах 25. Не по один раз было отряжаемо несколько рот солдат для его поимки, наконец изловлен около Плеса; для суда предан сначала в Нерехте, потом переведен в Костромской острог; и как пристанища он имел и по Нерехотскому у., то за это многие подверглись суду, в т. ч. и духовные, как-то из сел: Подозерье—причетник и Федоровского—диакон, сосланные за это в Сибирь. Фатеич не обирал бедных, а грабежи устремлял на купцов и помещиков; на дома последних чинил ночные наезды. Наказание Фатеича облегчено ссылкою в Сибирь, п. ч. по розыскам он не оказался ни мало виновным в смертоубийстве. Товарищ же его, Рулецкий, послан в каторжную работу именно за то, что, нападая, всех без разбора предавал смерти. Фатеич в Сибири исправлением своей жизни соискал доверенность и богатство, содержал ямскую гоньбу, и около 1838 г. был видим торгающим на Нижегородской ярмонке. Из подобных Фатеичу в народной памяти сохранились: а) Бабанов Онуфрий, нерехчанин; еще доселе свежо предание, что делал разбой на Орменской дороге, проживая в Сыпановском бору; пойман и повешен в Москве в царств. Петра I. Это должно быть в исходе XVII в. или в начале XVIII в.; в рукописях уцелело дело о блуде дочери Онуфрия Бабанова, нерехтского посадского ч-ка, продолжавшееся около 1712 г.; и б) Гаранька—атаман; есть предание, что с шайкою он проживал в Келохтах—это лес от Сыпанова к селу Княгинину, а от Нерехты на юг в верстах 3; соседние деревни не обижал, п. ч. у них брал с ношнины по ночам для воровства лошадей и за это часто поил соседей вином, для сего они к нему нередко ходили в гости; по рассказам заметно, Гаранька жил в половине XVIII в.; Келохты тогда очень были пространны.

1798 г. 14 мая сгорели в Нерехте присутственные места и городнический дом. Присутственные места тогда находились в самой Нерехте в доме, купленном около 1790 г. у ф-нта Ивана Петр. Пастухова—по городовому плану квартал 10. После пожара градским обществом выстроен для городничего в том же квартале дерев. дом по Сузdalской улице к Егорьевой горе, на другой стороне

против Сумароковского училища, отделяясь от оного переулком, ведущим к присутственным местам. Городнический дом после занятия городничим квартиры в новых присутственных местах около 1838 г. обращен был в градскую больницу, тут помещавшуюся до пожара 1838 г. на 10 кроватях *).

1798 г. 3 июня имп. Павел Петрович проездом из Казани в Ярославль в 5 ч. пополудни прибыл в Нерехту. Городничий Графен по распоряжению Костр. губернатора Островского, бывшего тогда в Нерехте, встретил государя на заставе с обнаженными саблями Островскому высочайше тогда же повелено выехать из Нерехты, почему и епископ Костромской Павел Зернов, прибывший для встречи государя и вышедший из собора с св. иконами, тогда же, не являясь императору, отъехал в Кострому. Император городничему сказал: «ты выехал меня встречать, как Ивана Федеича!» Государь путешествовал с наследником престола Александром Павловичем и цесаревичем вел. князем Константином Павловичем. Ночевали в доме купца Хворинова, что на углу к рынку в квартале 3. Тогда государь жаловал Хворинова золотыми часами. Пред путешествием был об'явлен указ, чтобы для встречи императора не было готовлено особых построек и все чиновники находились при своих должностях, поэтому и архиерей Павел не осмелился явиться к государю; самый мост, тогда построенный через реку Нерехту и лишь только выкрашенный, губернатор приказал ночью запачкать грязью, дабы не подать вида, что мост отделан для государя. Поутру на восходе солнечном по прекрасному мосту изволили прогуливаться великие князья Александр и Константин Павловичи; народ столь был рад государю, что некоторые падали на колени и молились на государя, который это запрещал несколько раз, смотря в чаугольное окошко к рынку. Когда один мальчик, в толпе народной затесненный, заплакал, государь кричал народу: «не задавите ребенка!». В народе был узнан отставной гвардеец, который за несколько лет до того одного из великих

*). В зачеркнутых строках Диев указывает, что присутствен места, сгоревшие в 1798 г., помещались в купленной казною каменной ф-ке Пасухова. — Ред.

князей обучал ружью; потребовали вверх, изволили благосклонно разговаривать и наградили деньгами. Государь на другой день в 6 час. пополуночи отбыл в Ярославль на Туношну. Нерехчане так были рады высоким гостям, что нигде не топили печей, чтобы не беспокоить дымным запахом. Говорят, что встретить государя с обнаженными саблями присоветовал Островскому его сродник, любимец государя, Нелединский, бывший в его свите и пред государем прибывший в Нерехту. Уездный предводитель Афанасий Тухачевский не советовал так выезжать на встречу, но Островский слепо верил Нелединскому. Островского описывают человеком деятельным и прямоодушным и говорят, что государь ему готовил ленту, но вышло напротив: вследствие сей встречи Островский был смещен. Строго было запрещено кричать „ура“—боялись, чтобы простой народ по усердию не закричал это приветствие; Тухачёвский ходил между чернью и уговаривал стоятьтише. У Островского были с Нелединским домашние неудовольствия.

Осенью 1798 г. чрез Нерехту на войну с Францией проходил пехотный Ширванский полк; стоял же в Костроме, куда после того года через два через Нерехту опять возвратился. В царствов. имп. Павла I Нерехтою проезжал знаменитый Александр Вас. Суворов, при переезде из Тверской своей вотчины во Владимирскую; ехал верхом с одним ординарцем; против Никольской церкви ждал калачей, кои так полюбил, что не один раз посыпал за нерехотскими калачами. У Александра Вас. в Нерехт. у. от Нерехты к Шуе в верстах 60 в то время была вотчина, доселе принадлежащая внуку его, князю Петру Геннадиевичу—село Сараево, доныне называемое Суворовых. Александр Васильевич в нем жил тогда несколько недель, завел знакомство с соседними окрестными помещиками, сам к ним ездил и привечал к себе, проживая в доме старости; с крестьян оброк употребил на постройку в Сараеве каменной церкви, которая этим и отстроена. Когда он был потребован ко двору, то при отъезде сараевцы просили, чтобы у них что-либо оставил на память. Александр Вас. снял с себя грудную икону Спасителя и отдал. Икона

хранится в церкви и врезана в храмовой образ В архиве Нерехотского уездного суда доселе как святыню показывают просьбу, подписанную Александром Васильевичем по вотчинным его делам.

В конце XVIII в. и в начале XIX многие дома в Нерехте разбогатели от хорошего сбыта пряжи для полотняных заводов и холста для армии, отчего в Нерехте с 1802 г. по 1820 год еще построилось каменных домов, 21 двухэтажных и 10 одноэтажных, кроме большого числа каменных палаток. Ныне всех каменных домов с одноэтажными, кроме фундаментов, обращенных в нижнее жилье, считается с казенными заведениями 35 и 3 каменных флигеля, всего 38.

Когда около 1817 г. в России начали умножаться бумажные заведения, то за закрытием полотняных многие дома в Нерехте об'явили себя несостоятельными. С обеднением рука об руку шли мотовство и разврат. Степенность стариков заменилась трубкою во рту и удою в руке. Банкротство положило печать и на физический образ жителей; редко увидишь рослого и широкоплечего мужчину, что до того было почти в каждом доме. То же должно сказать и о женском поле, ознакомившемся, вместо домашних работ, с негою, щегольством и горячими напитками. Редкая мещанка не украшается салопом, многие на лисьих мехах. Почли за бесчестье мыть на реке платье, с ведрами ходить за водою, мести полы и прочее. Многие из граждан вменили в приятнейшее для себя время заседать в трактирных заведениях, коих число в Нерехте во 2 четверти текущего столетия возвысилось до 5, а в XVIII в. не было ни одного. Около 1805 г. открыт трактир подле рядской часовни в каменном доме Осипова, но это заведение, посещаемое одними приказными, скоро закрылось по незначительности доходов. В Горшешном трактире годовая выручка в 1844 г. простиралась до 13 тыс. руб. на ассигн., в один масленый понедельник—до 600 р. С 1820 г. и доселе в Нерехте не сделано ни одного каменного дома.

В 1802 г. в Нерехте уничтожена виселица, поставленная, как и во всех российских городах, по имсному повелению имп. Павла I для какого-то бежавшего

преступного царедворца. Выкрашенная, она стояла в Нерехте на рынке у часовни на двух столбах, вышиною аршина 4; в перекладине было ввернуто толстое железное кольцо.

В 1803 г. при Воскресенской церкви сломана каменная ограда, стоявшая в одну линию с церковью и с пролегавшем по за ограде дорогою. В средине ограды были довольно высокие святые ворота. Сломана сколько по ветхости, столько для раскрытия прямой дороги к Никольской церкви; прежняя же дорога, прошедшая мимо ограды, заворачивалась к алтарю на восток и соединялась с нынешнею, что идет к кузницам. Прямая дорога к Воскресенской церкви с разрешения прав. сената устроена старанием тамошнего священника Іакова Петрова, перенесшего стоявший на дороге дом на прежнюю, уже тогда назначенную к закрытию дорогу, на свои деньги. Когда была построена та ограда—неизвестно. По причине этой дороги опять составлен землемером Григорием Поповым план на Нерехту и высочайше около того времени был конфирмован.

В 1803 г. избранные Нерехтским предводителем дворянства Николаем Семеновичем Симоновым для экономич. об-ва по экземпляру, из оного присланному, нерехтские помещики—прапорщик Ал-ндр Иван. Нечаев и от артиллерии поручик Павел Михайл. Кобылин составили статистич. описание Нерехотского у.; статистически и географически Нерехотский у. описал штатный смотритель здешних училищ Яков Андреевич Шульгин. *)

С 1804 г. Нерехта украсилась великолепным при церквях звоном: отлиты двусотенные колокола—в сем году при Никольской и Богородской церквях, в 1807 г.—при Благовещенской, в 1814 г.—при Воскресенской ц.

Нерехотская Богоявленско-Никольская ц. в исходе XVIII в. в бытность тамошнего свящ. Іоанна Зверева украшена многими иконами хорошего тогда иконо-

*) Повидимому, это то „Описание Костромской губ. Нерехотского у. 1805 г.,“ которое в рукописном виде хранится в архиве Вольно-Экономического Об-ва и на которое ссылается Туган-Барановский в своей „Русской фабрике“ (см. стр. 45.).
Прим. ред.

писца, родного брата Звереву, Костр. Ипатиевско-Богословской ц. диакона Петра Михайлова. Архиерейская в Ипатиевском м-ре зала, украшенная его кисти портретами Костр. архипастырей, начиная с Симона Тодорского, включая и Павла Зернова, доселе служит памятником его искусства. При той Никольской ц. стоит особенного внимания его местная икона Богоявления Господня. Им писаны иконы в архиерейской Крестовой ц. и Семинарской на Запрудне Благовещенской, сломанной в 1806 г. Кажется, портреты архиереев писаны при епископе Павле Зернове, что видно по одинаковой кисти его портрета с прочими и одинаковости рам, сделанных в его время.

Около 1806 г. расчищено Нерехтское общественное болото от Нерехты в 5 верстах на ю.-в., под дер. Бортниковым. С которого времени болото принадлежит городу—неизвестно. В Нерехтских писцовых книгах 1627 г., составленных Павлом Волынским, оно названо „чистое посадское болото“ и описывается окруженным частными пожнями нерехчан. Еще в 1805 г.(?) при городском голове Михайле Хряпине описаны частные пожни нерехчан, прилегавшие к болоту, и их оказалось 42. До 1806 г. болото не приносило никакой пользы городу, даже было непроходимо. Еще осенью 1805 г. был срублен ивняк, покрывавший болото. Тогда городским головою был И. в. Вас. Князев, ч-к умный, деятельный. Весною, когда вода сбыла, Князев собрал великое число мужиков. Избрав место, близкое и удобное для спуска воды в р. Солоницу, близь болота протекающую, Князев по болоту к реке пошел первый, потом велел идти за собою мужикам гусем и бойчее болтать ногами. От этого действия вода ринулась за народом и человечий след образовала канавою, куда вода через несколько дней стекла, и болото покрылось травою. Сначала росла осока, но ныне трава мягкая, едкая и сытная для скота. Сначала болото продавалось в траве по разнице, но около уже 20 лет по распоряжению гражд. губ-ра оно отдается по образцу казенных торгов. В 1839 г. болото продано асигнациями за 4 тыс. руб.! Но в годы головщины умного Князева продавалось гораздо дороже, напр., в 1811 г.—

за 5104 р.—прекрасная статья для города, до Князева не имевшего хороших доходов! Ежели это число когда и понижается, временем до половины, то в ненастные годы, затопляющие болото от реки Солоницы. Для сего дальновидный Князев убедил настоятеля Бабаевского м-ря, под Сыпановым имеющего на Солонице мельницу, сии же болота в верстах двух, ее уничтожить из платежа в обитель каждого года по 300 р. ассигн...*)

.... каждого воза; то Князев собранными каменьями выстал в Нерехте главные улицы, чем самым обсушил многие лужи, препятствующие ходить по городу, до Князева уподоблявшимся какому-либо озеру, где часто гаскали лошадей.... лета, эти лужи были прохо.... *)

.... пруда; вообще полезными учреждениями заслуживал лучшей признательности от города.

Мир праху твоему, гражданин почтенный! Могила твоя сравнялась с землею, но благодарное потомство напишет имя твое золотыми словами! Князев после обсушения болота спустя года три по представлению Костр. губ-ра Пасынкова высоч. награжден золотою медалью на Анненской ленте.

1807 г. весною в Нерехте с уезда набиралась милиция; ее несколько рот недель около 10 стояло в Нерехте и близких селениях. Милиционы были одеты в синие суконные куртки и штаны, а на головах суконные колпаки с кисточкою на одну сторону. Стрелков учили палить у кладбища в нарисованного на доске француза. Тут в земле, склоняясь к Одинцову двору, хранилась и пороховая казна.

Хотя патриотическое самолюбие было склонно скрывать поражение от Наполеона, но по указанию правительства появились в народе картины, изображающие мужество русского милициона Гвоздила и Ивана Долбила. Энтузиазм черни был удивителен, в картинных галереях нигде чернь так не толпилась, как около этих картин; грамотные читали, как у бусурмана ножки тоненьки. душа коротенька (слова на картине), дивились мужеству Долбила, пересказывали его приемы, и эта мера имела

*) Далее конец листа утрачен—прим. ред.

сильное действие на умы русских, оказавшееся счастливо на опыте в 1812 году. Нельзя было смотреть без умиления, как крестьянин не жалел денег, чтобы купить Ивана Долбила на показ в своей деревне.

1806 г. в июле м-це в Нерехтском соборе упали своды теплой церкви, в то время вновь перестраиваемой. На своде, среди церкви, на четырех столбах была устроена верхняя церковь, фигураю круглая; в таком виде онаостояла зиму 1805—06 г.г. непокрытою. В июле, когда начали выбивать кружала, именно под верхнею церковью, то с него свод упал и засыпал несколько ч-к, но их тогда же вытащали живыми, кроме одного нерехтского мещанина Ив. Вас. Трескина. Целую неделю каменьщики искали его тело среди церкви в большой куче камней, на том месте, где видели его под верхнею церковью выбивающим кружало. Убоец привидился через неделю одной соседке, сказав: „Не тут меня ищут, я лежу у дверей с правой стороны“. Поутру овдовевшая жена просит каменьщиков поискать его тела у дверей. Что-же! Вынесли мусора одни носилки, стали накладывать другие, как нашли тело. Покойный, бежав из церкви, запнулся упал и в эту минуту был завален кирпичами. Происшествие, достойное внимания физиологов! Своды были вновь сделаны без верхней церкви при богатой помощи Нерехтского уроженца Московского купца Семена Ивановича Пастухова. Теплый собор прекрасно и скоро был отделан с двумя приделами; после смерти его жена его Парасковья Григорьевна в приделах вызолотила иконостасы, написала иконы и теплую церковь в 1816 г. украсила искусственным стенным письмом, сделала богатую плащаницу и вообще употребила для собора около 25 тыс. руб. Плащаница под балдахином лет 25 стояла в холодном соборе, но соборный староста Борис Ив. Диаконов вынес балдахин в теплый собор и тем холодный и без того необширный собор освободил от тесноты. Прекрасное стенное письмо в теплом соборе от дыма разсевшейся при топке печи со временем определения протоиерея Высотского почти все потемнело до безобразия. К случаю упомянуть, что Высотский, бывши священником на Сыпанове, пробивши не у места дверь,

холодную церковь, стоявшую там около 155 л. без повреждения, довел до развалин. Теплая церковь на Сыпанове, им складенная без железных связей, также дала развалины и грозит падением. Ежели история есть наука для человечества, то и упомянуть об этом не неуместно. При бедных доходах собора протоиерей Высотский затеял огромную, для отделки требующую при богатых усилиях десяток годов, колокольню, заложил ее не у места и, вопреки обыкновенной форме церквей, придинул ее, без всякой необходимости, к обывательским зданиям и тем ее подверг пожарной опасности. К счастью собора постройку колокольни по распоряжению Костр. владыки взял на свое попечение Нерехотской 2-й гильдии купец Борис Диаконов, гражданин деятельный и заботливый, после долговременной головизны в 1842 г. принявший на себя по выбору всего города звание церков. старосты собора. Воздвигаемый колосс смеется над развалинами и скучестию собора. Из этого материала, на эту сумму можно на место колокольни построить огромный собор, с красивою колокольнею, если не назади, то с боков, в силетрию построив такую же для паперти.

Около 1810 г. холодная церковь на кладбище украсилась стенописью, писал от Больших Солей Алексей Тимофеевич Демидов.

В августе 1811 г. явилась на юго-востоке комета необыкн. величины; она показывалась окном на небе, из коего пролился свет или огненная река почти до половины неба. Ходила до самого Рожд. Хр. Народ говорил: „Не перед добром верно, быть войне с Наполеоном“.

В августе 1812 г. в Нерехте и уезде мыши под снегом об'ели траву, особенно от них потерпела Москва; там об'ели стены, покрытые шпалером, как будто в знамение будущего несчастья.

1812 г.—достопамятный отечественною воиною против народов Европы, доставил много любопытного и для истории г. Нерехты. Слух, что сам имп. Александр I еще зимою выехал в Вильно надзирать на границе за движениями французской армии, тихо переходил из уст в уста; народ знал, что неприятели уже вступили в пределы отечества, но умы пребывали спокойными, п. ч. в ведомо-

стях о ходе войны извещали коротко. В Нерехте пред Ильиным днем в середу неожиданно в каждой улице города раздается звук барабана; все выбегают из домов; полицейский чиновник на перекрестках читает воззвание вооружаться для спасения погибающего отечества,— и в этом малом уголке все закипело патриотизмом; с умилением пересказывали друг другу, как обожаемый император неожиданно явился в Москву просить у народа помощи, как плакал, когда дворянство явилось к нему просить позволения собрать с Московской губ. стотысячную армию. Каждый ревновал желанием лететь на защиту и умереть за отчество. В Нерехте городское об-во наковало несколько сот пик, чтобы вооружить граждан, тогда как дворяне собиралися в Кострому для составления ополчения. Каждое сословие в Нерехте не жалело имения для войны тяжкой. 6 авг. в Нерехте увидели в первый раз длинный кортеж экипажей, тянувшихся на низ из городов разоренных. С этой поры до самого октября беспрерывно ехали спасающиеся от неприятеля, особенно в первых числах сентября, когда французы вступили в Москву. Постоялые дворы были тесны вмещать убегающих. Родитель мой, Нерехтский священник, в первые числа сентября по две звездные ночи видел на западе пространное зарево. Поутру, подошедши к едущим от Москвы экипажам, спросил: „Не знают-ли, где горело?“ С слезами на глазах один барин сказал, что они, едучи по ночам, четвертую уже ночь видят также на западе зарево и что горит матушка-Москва. 6—8 сент. узнали о занятии Москвы неприятелем. Каждый день думали видеть французов у города. Многие нерехтане заготовили ямы зарыть имение, другие в лесах нашли места, чтобы там скрыть детей своих. С 14 сент. сцены открылись еще трогательнее: с одной стороны гонят пленных французов, с другой спешат то казаки и башкиры, то рекрута для пополнения армии. Почта пресеклась, только бежали эстафеты, иногда верхами. Так, в половине сентября двое вместе, заметно, один чиновник, верхами проскакали чрез Нерехту из Ярославля на Владимир, верно, с важными депешами.

Нерехта наполнилась ополченными, коих здесь принимали и мундировали: серый кафтан с таковыми же брюками, на голове серый суконный кивер с медным крестом и таковым же вензелем Александра I, кожаный пояс с пряжкою и в руке пика. Тоже одеяние было и у офицеров, только вместо пики висела на ремне сабля. В декабре нерехтское ополчение выступило в поход. Пред собором отпели водосвятный с коленопреклонением молебен; соборное духовенство благословило воинов Казанскую Икону Божией Матери. Нельзя было смотреть без слез, как двинулись защитники отечества: в головах воин несет святую икону, за ним ополчение, сопутствующее пешими офицерами; пошли на Писцово среди чрезвычайной стужи, многие озnobили уши и щеки. В 1813 г. пешее ополчение было употреблено для обложения крепости Глогау, а конница против Дрездена, когда регулярное войско отошло к Лейпцигу для нанесения последнего удара.

Перо не сильно выразить суматоху народную, особенно когда гнали пленных: кто в сарафане и лохмотьях, кто в лаптях; в редкой партии увидишь трех пленных в полной мундировке, либо в мундире, но в портках деревенских и босой. При появлении пленных в Нерехте запирали лавки, особенно с калачами. За Сыпановым пленные, узнавши о занятии Наполеоном Москвы, взбунтовались. Народ ударил в набат. Набежали сотни мужиков, кольями и дубинами укротили беспокойных; из Нерехты для усмирения пленных вышел отряд инвалидов. Французы закричали. „Пардон!”

Всего чувствительнее было смотреть на доброту русского народа. Видя наготу врагов, покупали им чулки, рукавицы и одевали. Любопытно было слышать разговоры пленных; напр., французы имп. Наполеона представляли ловким, бойким, а имп. Александра кротким и плохим, что сами изображали гримасами. Несколько сот пленных, начиная с зимы 1812 по июнь 1814 г., в Нерехте было расставлено по домам. Офицеры же, числом ч-к 25, стояли в корпусе старых присутственных мест. Сначала офицеры занимали лучшие квартиры в частных домах, но в одно место перепросились по неудовольствиях; их в Нерехту

привезли на обывательских подводах, так отправились и домой. Всего было смешнее смотреть на разнородную смесь пленных: один француз, другой цесарец, тот поляк, а этот итальянец; один не понимал другого. Любимым местом для пленных было собираться на мосту подле Никольской церкви. Проходил редкий день, чтобы поляки не разодрались между собою. Всех смиренее были цесарцы и кроаты, честностью заслужили особенную приверженность нерехчан, привыкших их почитать за родных. Им доверяли продавать калачи. Особенно услужливостью цесарцы и кроаты старались предупреждать отправление домашних работ; за каждую почти службу ходили в церковь; когда же повезли их домой, то нерехчане, расставаясь с ними, плакали.

Когда по случаю побед бывали в соборе молебствия и целодневный звон, офицеры приходили в полицию спрашивать, какая причина торжества—особенно когда по случаю взятия Парижа при звоне во всех церквях видели чрезвычайную радость на лицах. При пересказе о Париже французские офицеры не верили, плевали, говорили, что три миллиона готовы защищать их столицу. Отправили особенного чиновника к городничему Вас. Алексеевичу Коптеву, показавшему о покорении Парижа официальную бумагу—притуманились, несколько дней не выходили из корпуса гулять по улицам.

Незлобивый великий из великих г-рея Александр пленных зимою 1812 г., бывшю на ту пору чрезвычайно холодною, одел в нагольные тулупы, а летом в серые шинели. Жаль, что долго с осени не выдавали тулупов, ибо руки не успевали шить одежду, то для войска и рекрутов, то для ополчения. От этого величайшее множество пленных померло на дороге, напр., от Костромы до Кинешмы не было версты, где бы ни лежало по трупу, а на иной по пяти. Семинаристы, ехав на Рождество Христово домой, чтобы разогреться от холода, не один десяток мертвых пленных расставили по Волге вместо верст. Несколько их нашли в сараях, скрывшихся от мороза в сено и там замерзших. И как между пленными открылись опасные горячки и от оных множество померло русских, то в селениях на больших дорогах для

ночевки пленных топили овины и в них нередко от угла находили мертвых. К декабрю 1812 г. случаи мертвенности были реже, п. ч. все пленные тогда были уже одеты в долгие тулузы и серые фуражки. Пленных цесарцев 1813 г. домой повезли на лошадях.

Пленные научили русских играм: 1) в мышку: один с завязанными глазами по веревке ищет другого, а тот, скрипя палочкою об палочку, подает о себе знак и, ползая по закругу, с места на место перебегает; 2) прыгать через веревку: двое держат за концы веревку и машут, а третий прыгает; 3) в канате ловить: многие держат канат, образуя тем круг, один или двое в кругу ловят, а те не даются, оставляя канат.

Пленные из кореньев плели красивые корзиночки, также из соломы и их продавали для пропитания.

Ив. Вас. Князев, в 1812 г. служивший градским головою, за пожертвования разного провианта проходящим тогда через Нерехту войскам, высочайше награжден бронзовую медалью на Владимирской ленте, за сей год установленную. По праву, данной сей медали, она доселе украшает грудь старшего сына Князева Дм. Иванова.

Около сего времени вкус и мода изменили костюмы народные. В купечестве и мещанстве около 1807 г. еще носили в Нерехте кафтаны без стоячих воротников, обшитые около шеи тонким рубцом, так что шея была голая; никто из нерехчан не носил на шее платков, а она и зимою была голая. Богатые для застежек на кафтанах носили нашивки серебренные или шелковые с косточками, также род обшлагов над карманами. У крестьян на спине были нашивки из черного гаруса, кружком с обоих боков.

Около 1808 г. появилась в Нерехте нанка, сначала простым народом называемая манайкой. Ей удивлялись, как редкости, дотоле невиданной; она была в то время отличной доброты, и тогда ее вывозили из Китая. Только скоро начали нанку делать и в России, но добротою была она хуже китайской. Вместо нанки из бумажного была до того только употребительна китайка, особенно с мушками — алая и зеленая.

Около 1810 г., купцы и мещане стали шить сибирки с таковыми же воротниками, как у сертуков, а до того этот покрой и имя было неизвестно. Сибирки доселе остались постоянным одеянием у мещан. Картузов до 1809 г. мещане и купцы не носили, а на старицах застал летом шапки корабликом, шапки круглые, праздничные были с низким околышем, а около 1807 г. стали носить с высоким.

Когда сибирки вошли в употребление, то перестали носить кушаки, а до того их носили шелковые персидские и каламенковые, вместо жилетов носили длинные камзолы суконные, над карманами—обшлага.

Одеяние женщин в купечестве и мещанстве составляли плат на голове, а у престарелых зимою низенькая шапочка с опушкою куньею, беличьею, а иногда заячьею; эти шапочки под шею завязывали лентою, летом носили кокошники коконической фигуры, но старухи—низенькие; на кокошниках—наметки, богачки из шелковой материи, а бедные—из ситца и александрейки; юбки носили камлотовые, каламенковые и ситцевые; башмаки на высоких каблуках, обтянутых белою кожею; шитые шелком и золотом кокошники начали выходить из употребления, но до 1820 г. в них рядили за первый стол молодых после того и это вышло из употребления; платки носили на головах с выпущенными назад концами, для сего щегольски повязывались на бумажных kleenках. С 1813 г. в Нерехте женщины начали повязывать платки ниже и назад концы убирать язычком, также выпускать волосы из-под платка, что дотоле считалось за бесчестье; на юбках носили долгие полушибки, но щеголихи около 1802 г. носили уже коротенькие. Около 1810 г. начали вместо полушибка носить кофты на юбках. Около 1812 и 1813 г.г. стали носить круглые платья, но на них тогда делали перьпки из той же материи, сначала накладные, потом пришивали их к платьям. На юбках верхнее одеяние летом составляли шушуны или шугай, шелковые и ситцевые; но около 1825 г. они совершенно вышли из употребления, зимою носили коротенькие шубейки, кои около 1817 г. начали заменять долгими шубами с лисьими, а после куньими воротниками. Около

1814 г. начали вместо юбок носить сарафаны с перышками, ситцевые и шелковые на проймах. Около 1825 г. ношение платьев без перышка сделалось всеобщим в Нерехте, даже в самом мещанстве. Около 1809 г. носили мантильи из шелковой черной материи, какие видны на итальянских картинах, но около 1820 г. вышли из моды.

Употребление самоваров не прежде стало быть известным, как около 1803 г., а прежде воду для чая грели в чайниках на таганах железных, от чего комната наполнялась дымом и чадом. Чай же пили с разведенным в чашке сахаром. Когда же по случаю войны России с Англией фунт сахара около 1808 г. возвысился до 2 р. 50 к., то чай начали пить вприкуску, и сначала казалось удивительно, что с одним куском стали пить по пять чашек.

Около 1802 г. взошел в употребление ерофеич, а до того в моде был ратафей и наливки из ягод.

Около 1820 г. вышли из употребления парчи и разноцветные материи, а стали носить одного цвета; в это время начали употреблять шерстяные материи. До того же времени опричь сукон и комплota ничего шерстяного не было. Самый колер в материале с того времени сделался прочнее, а до того был линчий по неопытности русских фабрикантов, по случаю закрытия русских портов принявшихся за обработку своих товаров. С 1819 г. бумажные материи сделались дешевле, а до того за аршин миткаля платили 2 р. 50 к., что ныне стоит не дороже 25 к. Около сего времени в Нерехте у лен начали прядь на пряжу без веретена, навивая нитку на шпулю; сначала вертели колесо рукою, потом ввели прядки чрез действие ногою, не употребляя руки для навивания.

Мода проникла и в деревни. Брошенная в городе, она находила приют у крестьян. Когда в Нерехте вышли из моды сарафаны с перышками, то их около 1820 г. начали носить в деревнях. Кокошники и наметки и у крестьян теперь носить перестали. Обыкновение носить оборки и шемизетки проникло и в деревни, только их носят не на платьях, кои еще в деревнях не употребительны, а на сарафанах и шалях. С 1820 г. и

кр-не не стали носить картузы. Около 1835 года в Нерехтской стороне взошел в употребление музыкальный инструмент—гармония, называемая у мужиков ермоньей; в 1840 г. она была во всеобщем употреблении. Молодцы не жалели денег на „ермонью,” с нею являлись на гулянки, ярмонки, даже свадьбы и свалы. Наконец, каждая беседа, даже у женщин, завела свою ермонью. За нее сначала платили рублей по 7 и дороже, но с 1840 г.—рубля полтора. Около 1842 г. повсеместно взошли в употребление зажигательные спички; за сотню спичек платили на ассигн. по 70, а с 1843 г. по 4 коп.

1815 г. апреля 21 сгорело 90 дворов на Никольской стороне; загорелось в среду о Пасхе, после вечерни, в 20-м квартале, в Варварской ул., как от бого诞ни идти к Глазову, у вдовы Рытихи, жившей на половине квартала, в низменности, продолжающейся от Воскресенской Варварской церкви. Говорили, что Рытиха затопила, ходивши в погреб за грушой, которую она торговала. Направление ветра было на Никольскую церковь, на ней сгорели все пять глав, крытыe жестью по дереву. В таком множестве искры падали на колокола, что от того к удивлению народа колокола издавали глухой звук. Соборная сторона сгорела, если бы загорелся против Никольского алтаря дом прот Назанского, стоявший у самого моста, но этот пункт, при больших усилиях, как важный отбили. Когда священник из Богородской церкви, Иаков Назанский, обе чудотворные Владимирские иконы нес на пожар по мосту, то ветер обратился на мост, следов., на соборную сторону. Нерехчане для защищения своих домов толпами бросились бежать по мосту; по оному сделался дым, отчего народ, задыхаясь, кашлял. Минуты через четыре вдруг ветер принял противное направление и начал до конца пожара дуть к Тетеринскому, и тем уцелела сторона Соборная.

Горело до восхода солнечного. Из народа никто не сгорел; имение успели вынести, сгорели совершенно кварталы 17 и 19; в 18-м осталось только четыре дома на Ярославской ул.: два Лепатриных, дом Кувшинникова и дом Оконишникова, на углу к Усольской улице. В 20-м квартале с западной стороны уцелели только четыре

дома: два из них на верхнем берегу Бориса Диакснова и вдовы Раковой и два на нижнем—Костина и Соловьева; кварталы 21, 23, также 16, 24 и 22 совершенно уцелели без всякого пособия.

На пепелище выстроили довольно хорошие дома, в т. ч. вновь четыре каменных дома: в 18 кв. Усоева, Симонова и Гудкова и в 17-м—Ильи Суслова и Петра Пащинина.

Обгорелые вещи находили под Тетеринским. Потушению пожара много содействовал нерехтский помещик Александр Карлович Бошняк из села Есипова, прибывший с пожарною трубою и с самоотвержением оною сам действовавший. Именно Бошняку спасением одолжена Воскрес. церковь, к коей огонь приближался противу ветра по домам, оставленным без всякой защиты, п. ч. народ отстайвал более дома под ветром и близь мосту, чтобы отстоять соборную сторону.

На настоящей Никольской церкви усердием прихожанина купца Ив. Конст. Зимины все пять глав после пожара были отделаны по железной стропилке белым железом. Зимин шесть трехлетий был градским головою и остался памятным по кроткому и беспристрастному управлению. Жена же его Параскева Петровна у себя на дворе построила особую избу для больных и увечных и своими руками обмывала трупы их. Она и купчиха Матрена Николаевна Карамзина из рода Усольских крн князя Потемкина, из дер. Климовского, после дворян Оладовых, доселе благословляются нищими. Обе забывали богатство и почти всегда на улице были видны окружеными от нищих.

Около 1817 года полковник Вас. Ив. Одинцов близь Нерехты в своей усадьбе Сокольниково построил суконную ф-ку. Сукно ткали его дворовые и кр-не; на 30 ткацких станах в год вырабатывали двуххаршнного сукна от 2500 до 30000 аршин. Ф-ка закрылась около 1837 г. по причине продажи Сокольникова г. Приклонскому. Шерсть пряли на ф-ке на двух равенцовых в 40 и на 16 прядильных станках в 60 веретен. От заведения ф-ки на Сокольникове оно украсилось многими тогда выстро-

енными огромными каменными зданиями, крытыми чёре-
пицею, что самое городу Нерехте придало красивый вид.

1818 г. на Нижегородской дороге от города в саже-
нях осмидесяти за соляными магазинами, в 26 кварт.,
сделана новая тюрьма, обнесенная тыном. Прежде
тут было поле, а до того тюрьма была в конце Богород-
ской или Сузdalской улицы, в 10 кварт. на углу, где
ныне питейный дом.

В 1819 и 1820 г. г. большие дороги Нерехот.
уезда при неутомимом распоряжении зем. исправника
Никанора Андреевича Аргамакова обсажены березками,
обведены бульваром и канавами. В редких уездах най-
дешь бульвар, сделанный с такою тщательностию; от Не-
рехты к Сыпанову проведена прямая дорога болотом,
чрез которое насыпь делали белорусцы около 1824 г.;
такую же насыпь они сделали от деревни Пятина к
Тетеринскому мосту на Солонице, построенному под
безкорыстным и деятельным распоряжении дворянского
предводителя Павла Мих. Кобылина, на собранные со
всей губернии деньги—прочно и огромно. Этот мост
снесло в водополь 1841 г. До осени 1846 г. мосту не
было, а перевозили на плоту, и этот мост строили в сем
году не участники, а на деньги, собранные по всей гу-
бернии. В октябре 1846 г. начали по мосту ездить.

Около 1820 г. из Песошенского Игрицкого м-ря при
игумене Порфирии в Нерехту начали носить Чудо-
творную Смоленскую Икону—сначала, года два, по
дважды в год, перед масленицею и весною, потом весною
только до всехсвятского заговения с дозволения Самуила
Костр. епископа. Тогда же из Нерехты сию икону начали
носить каждогодно в с. Писцово, родину того Порфи-
рия. Сия икона явилась от Нерехты в 25 в. на север к
г. Костроме в 1624 г. в лесу, поросшем на месте села
Игрища, запустевшего от морового поветрия 1571 г. Со
времени обретения иконы костромичами тут основан
м-рь.

1820 г. окрестность Нерехты украсилась огро-
мною колокольнею в с. Тетеринском. Она вышиною в
каменной работе 23, а с крестом 29 саж. План со-
ставлял итальянец из Турина Марицелли, подрядчи-

ками были сначала он, потом Ярославской губ. селá Девы-Городища дер. Кочевок кр. Вас. Семенов и тех же Городищ дер. Пятегинского кр. Ив. Никитин.

С 1820 по 1825 г. окрестные села приобрели колокола в 300 пуд.: Никольское на Стрельне, Тетеринское и Емсна, в старину Борисоглебское; все три колокола литы в Ярославле на заводе купца Оловянишникова мастером Чарышниковым.

1824 г. осень была продолжительная, 12 декабря через Волгу еще переезжали в лодке, после того вскоре зима встала; впрочем еще в ноябре несколько раз снег выпадал, но все растаивал от дождей. Того 1824 г. урожай хлеба был малый, ржи с овина молотили по 5 и 6 четвериков; наевшись горячего и ржаного хлеба чувствовали биение сердца, кружение и боль головы; некоторые сходили с ума. Эта рожь, вероятно, такую была от того, что лето было холодное и дождливое; ярового родилось умеренно, но льну много. Этую рожь народ назвал угарною от того, что болели головами подобно, как от угару.

Архив усадьбы Волженских в Галичском уезде.

(Вступительная статья С. В. Фрязинова и документы).

I.

В 1914 году в собственность Костромского Научного Общества по изучению местного края поступило ныне издаваемое собрание документов Волженской усадьбы Галичского уезда Костромской губ. Документы эти были приобретены Научным Об-вом чрез посредство члена общества покойного И. Д. Преображенского, часть у неизвестного лица, другая у одного из антиквариев. Документы оказались дающими некоторый материал для характеристики помещичьей жизни XVII века, начиная приблизительно с 40-х годов этого века до конца его. Пред читателем проходит здесь жизнь трех поколений помещичьего рода Волженских, обрисованная в источниках как официального, так и частного характера. Всех документов несколько более сотни, и они не все сохранились одинаково хорошо; наряду с полными и ясными, легко поддающимися хронологическому приурочению или даже содержащими определенную хронологическую дату, встречаются другие, написанные на столбцах поврежденных или сохранившихся лишь частью, а также неясные по содержанию или такие, связь которых с другими и причину нахождения в Волженском архиве установить невозможно; наряду с подлинными беловыми документами встречаются черновые наброски.

Некоторым дополнением к документам Волженского собрания могут служить оставшиеся неизвестными И. Д. Преображенскому и рассмотренные нами два дела Костромского Дворянского Депутатского Собрания. Одно из них за № 239, решенное 26 ноября 1795 г., касается внесения рода Волженских в шестую часть дворянской родословной книги Костромской губ., о чем ходатайствовал один из его членов, подпоручик Ал. Ив. Волженский. Доказывая свое дворянское происхождение, он представил подписанную им поколенную роспись своего рода и документы, подтверждающие его права. Этими документами были: 1) жалованная грамота 7129 (1620) г.; 2) вы-

пись из писцовых книг 7134 (1626) — 7135 (1627) г.г.; 3) жалованная грамота 7176 (1667) г.; 4) выпись из отказных книг 165 (1657) г.; 5) выпись с отказных книг 1742 г. и 6) патент 1762 г., свидетельствующий о производстве А. И. Волженского в подпоручики. Подлинные документы были, согласно ходатайству просителя, возвращены ему по миновании надобности,¹⁾ и в указанном деле Костромского Дворянского Собрания сохранились лишь копии с них. Копии не чужды ошибок и несогласий одна с другою, особенно в том, что касается названий упоминаемых в них населенных местностей,— одно и то же селение называется, напр., то деревней Бесконевой (копия с жалованной грамоты 7129 г.), то Бессоновой (копия с выписи 7134—7135 г.г.);²⁾ что это одно и то же селение, явствует из добавления к тому и другому названию „Ондрейково тож“; названия написаны довольно отчетливо,— повидимому, той же рукой, но в различной форме. Если в данном случае еще можно предполагать довольно обычное для XVII в. несовпадение названий одной и той же местности в различных актах, то в другом случае мы можем, кажется, уже определеннее заключать об ошибке переписчика, плохо разбиравшегося в скорописи XVII вѣка, которою, несомненно, написаны были копировавшиеся им документы: одна и та же пустоть, является то под весьма явственно написанным названием „Озеренка, Фалеево тож.“ то „Буренка, а Фолеево тож“.³⁾ Вообще с подобными неточностями, которые можно об'яснить различными причинами, мы встречаемся в описываемых копиях неоднократно. И тем не менее, даже будучи не вполне удовлетворительными, эти копии сохраняют известное значение, так как подлинники их в Волженском архиве не сохранились, а между тем они сообщают некоторые не лишенные значения данные. Поэтому они печатаются наряду с подлинными документами Волженского собрания, и в настоящем предисловии мы не раз воспользуемся ими. Равным образом

¹⁾ Регистрация в обратном получении А. И. Волженским доказательств имеется в деле (лист 28).

²⁾ №№ 22 и 20 в печатаемом ниже собрании документов.

³⁾ Ibid.

печатаются и выдержки из другого дела Костромского Дворянского Депутатского Собрания за № 253, решенного 23 января 1796 г. Дело касается рода дворян Верховских, один из членов которого, Григорий Афанасьевич, был женат на дочери одного из представителей рода Волженских—Матвея Михайловича. Содержащиеся в этом последнем деле копии с документов дают некоторые сведения для определения состава поместья Волженских в шестидесятых годах XVII века.

Нашему изложению уместно будет предпослать несколько данных о роде Волженских. Род этот существует до настоящего времени. История его становится известной с 1594 г., когда один из его представителей, Верига Юрьев сын, оказывается владеющим поместьем в 250 четвертей с осминою в поле, „а в дву по тому же“, т. е. 375^{3/4} десятин „доброй“ пахотной земли.¹⁾ У сына этого Вериги Юрьева, Михаила, в свою очередь был сын Матвей, одно из лиц, часто упоминаемых в наших документах. От брака этого Матвея Михайловича с Авдотьей Кирилловной (девическая фамилия неизвестна)²⁾ родились сыновья Лука и Никифор. О первом мы имеем сравнительно мало сведений,—вероятно, в виду его преждевременной смерти; второй является одним из важнейших лиц, служебная и частная деятельность которых изображена в документах. Известна также из этого поколения сестра Луки и Никифора Анна, вышедшая замуж за Г. А. Верховского. В одной из своих членобитных³⁾ М. М. Волженский упоминает еще о каких-то „детишках“ своих, но имена их, а равно и их дальнейшая судьба остаются нам совершенно неизвестными. Наши документы знают еще Федора Волженского, которого Никифор Волженский называет своим братом, и который, конечно, был старше его, так как был в чине капитана в то время, как он

¹⁾ № 22; это был лишь условный счет, и земля была средней (см. ниже).

²⁾ №№ 12 и 13. Когда умерли М. М. и А. К. Волженские, неизвестно; последние упоминание о М. М. в наших документах относится к 1670 г. (№ 84); жена его упомянута в его членобитной, описывающей события 1664 г. (№ 92); не умерла ли она в 1669 г., когда какое-то „матушкино“ поместье „справлено“ было неизвестно за кем (№ 41)? Равным образом неизвестны годы смерти и большинства остальных представителей рода Волженских.

³⁾ № 92.

только что начинал службу.¹⁾ Но Н. М. Волженский иногда говорит в своих челобитьях безразлично о братьях своих родных и двоюродных²⁾, и мы скорее отнесли бы Федора Волженского к числу последних. За это говорит, как нам кажется, то обстоятельство, что Матвей Михайлович и Никифор Матвеевич Волженские испрашивают себе различных милостей ради крови и смерти сына и брата своего Луки,³⁾ но о Федоре Волженском упоминается лишь один раз—еще до гибели Луки Матвеевича; повидимому, эта гибель могла служить более веским аргументом для московского правительства, и о Федоре Волженском можно было после нее не упоминать—надо думать, потому, что он был не столь близким родственником челобитчиков.

Лука Волженский погиб, повидимому, бездетным, а Никифор имел несколько детей Женат он был, вероятно, на дочери какого-то Никиты Гиневцева и его супруги Ксении Лаврентьевны. Имя жены Никифора остается нам неизвестным. О том, что дочь К. Л. Гиневлевой была замужем за Н. М. Волженским, свидетельствует косвенное указание одного из документов Волженского архива. Документ представляет собою роспись приданого, даваемого упомянутою Кс. Лавр. Гиневлевой, повидимому, за свою дочерью⁴⁾. Среди различных предметов домашнего обихода и наряду с перечислением даваемых в приданое крестьян упоминается здесь также о передаче будущему зятю $\frac{1}{3}$ деревни Цыберина;⁵⁾ между тем в другом документе о Цыберине говорится, как о „приданом“ поместьи Н. М. Волженского⁶⁾. Именно к браку последнего склонны мы относить указание одного из документов⁷⁾, что „178-го октября в 16 день дано Цыберино, и отказные книги положены в том же году“; вероятно, брак Н. М. Волженского и получение им Цы-

1) № 5.

2) № 9.

3) №№ 56, 59, 93.

4) № 15.

5) Документы говорят то о Цыберине, то о Цыберино, то о Рыберине; но очевидно, что это одно и то же селение.

6) № 98.

7) № 41.

берина относятся к этому приблизительно времени: по крайней мере, дети Н. М. Волженского начинают самостоятельно выступать по нашим документам, начиная со второй половины девяностых годов XVII века.

От брака Н. М. Волженского родилось три сына, имена которых нам известны с полной точностью. Старшим сыном его был Димитрий—“Дмитрюшка”, как отец и сам он называют его в документах. Он был, повидимому, бездетным и рано умер: по крайней мере, потомства его, да и его самого, не знает поколенная роспись рода Волженских, сохранившаяся в деле о них Костромского Дворянского Собрания.¹⁾ Один из документов Волженского архива²⁾ упоминает о том, что Дмитрюшка Волженский жил в разделе с отцом вне родительского дома. Следующим точно известным нам сыном Н. М. Волженского был Никита, внуком которого, происходившим от его сына Ивана, и был просивший о внесении рода Волженских в дворянскую родословную книгу А. И. Волженский. Вероятно, Никиту Волженского следует разуметь под Миткой, подававшим вместе с братом Дмитрюшкой членобитную Петру I в 205 (1696—1697) году.³⁾ Не из документов Волженского архива, а из выписи с отказных книг 1742 г. и поколенной росписи рода Волженских мы узнаем о том, что Никифор Волженский имел еще одного сына—Гавриила. На обороте одной из черновых членобитных, сохранившихся в Волженском собрании⁴⁾, имеется еще дважды повторенная надпись: “Лаврушка Волженской руку приложил”. Так как речь в членобитной, между прочим, идет о семейных делах Н. М. Волженского, то естественно думать, что этот Лавр или Лаврентий Волженский также принадлежал к сыновьям Н. М. Волженского; к сожалению, никаких более сведений о нем в нашем распоряжении не имеется. Едва ли, впрочем, не его имя стоит в вышеупомянутой членобитной 1696—1697 г. вслед за именем Дмитрюшки и впереди имени Митки Волженского (документ поврежден).

1) Копия с поколенной росписи печатается в приложении к документам.

2) № 102.

3) № 100.

4) № 102.

В связи с попыткой выяснить состав семьи Н. М. Волженского, быть может, не безинтересны будут сведения о дальнейшей судьбе некоторых из ближайших ее потомков. Никита Волженский от брака с Авдотьей Афанасьевной Черевиной¹⁾ имел уже упомянутого выше сына Ивана, который состоял в чине прапорщика²⁾. Сын последнего от Ульяны Ивановны Захаровой, Александр, выслужил чин подпоручика, а затем, по оставлении военной службы, как видно из имеющейся в деле Костромского Дворянского Собрания о внесении рода Волженских в дворянскую родословную книгу справки³⁾, „785 (1785) года генваря с 10 числа выбран Кадыевским благородным дворянством в уездный суд заседателем“⁴⁾. Старшего сына своего от брака с Татьяной Федоровной Мацкой 13-летнего Арсения записал он сержантом в гвардию.

Упоминая об этих представителях рода Волженских, мы переходим уже в XVIII век. Но и в XVII веке нам известны, кроме перечисленных выше, еще несколько лиц из среды этого рода, положение которых в роде определить, однако, труднее. К этому роду принадлежит, вероятно, Мавра Михайловна, судя по отчеству,—сестра Матвея Михайловича Волженского; известен также Иван Иванович, повидимому, один из боковых родственников нашей линии Волженских; „Русская родословная книга“ кн. Лобанова-Ростовского упоминает о нем, как о состоявшем в звании стряпчего⁵⁾). В одном из документов, представленных А. И. Волженским при прошении о внесении его в дворянскую родословную книгу⁶⁾, значится еще Данило Волженский, личность которого, впрочем, остается нам совершенно неизвестной; не принадлежал ли он к числу неизвестных нам младших „детишек“ Матвея Михайловича Волженского?

II.

Волженские выступают в наших документах, как землевладельцы и служилые люди, ничем особым—ни

1) См. поколенную распись.

2) № 35.

3) Лист 17.

4) Т. 1, стр. 243; см. № 109.

5) № 31.

происхождением, ни службой,—не выделяющиеся, но в то же время занимающие далеко не последнее место среди своей служилой братии. Если один из представителей их рода, Иван Иванович, был стряпчим, то два сына Матвея Михайловича Волженского—Лука и Никифор, носили, по крайней мере, почетное звание жильцов московских. И в материальном отношении Волженские были людьми более или менее обеспеченными: их состояние приходится признать очень достаточным. Так, по крайней мере, можно заключить из описания убытков, которое делает М. М. Волженский в своей члобитной¹⁾ по поводу происшедшего в 1664 г. разбойного нападения на его усадьбу: оказывается, что у него забрали при этом денег, платья, лошадей, посуды, серебра на 625 р. по тогдашнему счету. Если принять данные П. Н. Милюкова, по сообщению которого покупная цена рубля к концу правления Михаила Федоровича „повысилась с 12 до 14 рублей теперешних, а к концу столетия дошла до 17“,²⁾ и взять для 60-х г.г. среднюю цифру в 15 р. 50 к., то придем к выводу, что похищенное у М. М. Волженского добро стоило более $9\frac{1}{2}$ тыс. рублей. В. О. Ключевский дает более высокую оценку уже рублю середины XVII века: по его расчету, рубль 1651—1700 г.г. равнялся 17 нынешним³⁾; при таком расчете оценка состояния М. М. Волженского еще повышается. Примем также во внимание, что сказанное П. Н. Милюковым о „теперешних“ и В. О. Ключевским о „нынешних“ рублях относится к рублям довоенного—до 1914 г.—времени, и мы получим в переводе на деньги текущего момента очень крупную сумму, в которую приходится исчислять имущество М. М. Волженского, не упускаяшего, впрочем, случая пожаловаться государю на свои материальные недостатки и конечное разорение. Нужно также иметь в виду, что столь значительные и ценные запасы всякого добра находились в руках М. М. Волженского в момент постигшего его именье в связи с польской войной острого хо-

¹⁾ № 92.

²⁾ Очерки по истории русской культуры, ч. 1, изд. 6-е, СПБ, 1909; стр. 121.

³⁾ Опыты и исследования. Первый сборник статей. Русский рубль XVI—XVIII в. в его отношении к нынешнему. М., стр. 211.

зяйственного кризиса. Притом некоторые суммы, несомненно, приходилось тратить на закрепощение крестьян. Конечно, значительная часть крестьянских порядных записей могла писаться на фиктивные суммы, в действительности помещиком не выплачивавшиеся; так, вероятно, обстояло дело с упомянутыми в документе огромными суммами в 100—200 руб.; но ведь так было не всегда, и некоторые ссуды крестьянам давать все же приходилось. Около того же времени М. М. Волженский выдал замуж дочь; правда, при этом случае тогдашние помещики, как видно из нескольких документов Волженского архива, сказавшихся дачи приданого,¹⁾ часто не проявляли особенной щедрости, но все же устройство судьбы дочери требовало некоторых расходов; да и сын М. М. Волженского, Никифор, вскоре после этого получил от отца, конечно, не только часть его поместья, но и разного рода движимое имущество.

Итак, Волженские представляли собою московских средних служилых людей, обладавших довольно порядочными материальными средствами; недаром им приходилось иногда отправляться в далекие походы, о которых мы еще будем иметь случай упомянуть. Волженские обладали поместьями в пределах нынешних Смоленской и Костромской губерний, и было бы, думается, не бесполезным попытаться свести воедино те данные о принадлежавших им земельных участках, которые рассеяны по различным печатаемым ниже документам.

Мы уже говорили о размерах владений родоначальника Волженских—Вериги Юрьева сына; находились они в Смоленских краях и перешли к нему, повидимому, от кн. Ив. Тирипилева. Поместье его состояло из его „выслуги“—сельца Анцыфорова в Жаденском стане Вяземского уезда²⁾, с деревнями и пустошами и после него перешло к его сыну Михаилу, который погиб во время осады Смоленска,—повидимому, осады 1613—1617 г. г., подробно описанной в „Истории России“ С. М. Соловьев-

1) №№ 15, 16.

2) К сожалению, в нашем распоряжении не было данных, позволяющих вполне точно установить местонахождение Жаденского стана в пределах Вяземского уезда.

ева¹⁾). Его смерть приходится отнести к первому периоду этой осады, так как сохранившаяся в деле Костромского Дворянского Собрания о роде Волженских копия жалованной грамоты 1620 г. упоминает о том, что сын Михаила Волженского, Матвей, служил с отцовского поместья пять лет, а затем поместье было отобрано у него в 1620 г.; следовательно, смерть Михаила относится ко времени не позднее 1615 г. Поместье его находилось на оборонительной линии, защищавшей владения Москвы от поляков—т. наз. Дорогобужском рубеже; служба с него была, конечно, важна для московского правительства, и, вероятно, Матвей Михайлович Волженский должен был взять на себя службу, несшуюся отцом, вскоре по смерти последнего. В 1620 г. М. М. Волженского постигло несчастье: двое казаков добились путем доноса изгнания его из поместья и сами получили по двадцати четей пашни в каждом из трех полей в пустошах—бывшей дер. Ондрейкове и пустоши Матюшиной. Какая судьба постигла остальную часть поместья, доставшегося М. М. Волженскому по наследству от отца, поясняет, кажется, одна фраза из выписи с жалованной грамоты 1620 г., упоминающая о даче земли казакам „из выморочных поместий“. Матвей Волженский был лишен поместья, как очевидно из грамоты, на очень непродолжительное время, так что надо полагать, что остальные его владения не успели передать кому-либо. Во всяком случае он был изгнан из имения, и ему приходилось, по его заявлению, „волочитца меж двор“. В конце концов ему удалось, однако, добиться восстановления своих прав, оправдавшись по доносу, и поместье вновь „поворочено“ было за него, причем выданная ему в том же 1620 г. грамота утверждала за ним право на владение 1 сельцом (Анцыфоровым), к которому „припущена“ была в пашню деревня (Другое Дятлово), еще двумя деревнями (Аксентьевой и Ондрейковым), одним починком (на Лесном вражке, Игнатов тож) и 14 пустошами с жившими в селениях и еще имеющими поселиться в поместьи в будущем крестьянами. В каком состоянии нашел, да, конечно, и в прежнее пребывание

¹⁾ Том IX, стр. 37 и 131 в изд. 1859 г.

свое в них находил свои владения возвратившийся помещик, судить нетрудно: очень показательно уже это огромное преобладание пустошей над населенными местами; бури Смутного времени, польского и воровского разоренья не прошли бесследно, „живущие“ когда-то места превращались в безлюдные пустыри, и трудно было надеяться, что на них снова „учнут жить“ плательщики налогов и повинностей. И характерно, что число пустошей все увеличивается; очевидно, разорение государства от непосильных войн и непрекращавшихся разбоев при царе Михаиле крайне тяжело отражается на положении тяглого населения, и последнее разбегается, „бредет розно“ неудержимо, пустоша все новые и новые населенные места. Интересно в этом отношении сопоставление жалованной грамоты с выписью 1626—1627 г.г., писанной всего 6 лет спустя: она повторяет, иногда с некоторыми незначительными видоизменениями, названия деревень и пустошей, встречающиеся в грамоте 1620 г., упоминая лишь одну новую „пустошь, что был починок Вешняков, на речке на Волхе“; но заслуживает внимания, что „починок на Лесном вражке, Игнатов тож“, превращается в выписи 1626—1627 г.г. в пустошь, очевидно, покинутую тяглыми людьми в течение шестилетнего промежутка времени. Наряду с этим замечаются однако некоторые признаки улучшения в положении населения. По крайней мере копия с грамоты 1620 г. упоминает о передаче отнимавшим у М.М. Волженского поместье двум казакам по двадцати четей пашни в пустошах Андронкове и Матюшине; Андронково, вероятно, то же, что упомянутое в начале документа Ондрейково, а Матюшино—это Аксентьевка; но если казаки получили во владении пустоши, то вскоре Ондрейково и Аксентьевка—уже деревни; выпись с писцовых книг 1626—1627 г. г. насчитывает „пашни перелогом и лесом поросло“ в этих селениях уже не по 20 четей, а 21 четь в Аксентьевской и 34 чети в Ондрейкове.

Несколько довольно интересных заключений о состоянии поместья Матвея Волженского может дать нам более детальное рассмотрение выписи 1626—1627 г.г. Для большей наглядности мы представим цифры выписи в

таблице по рубрикам людей, дворов жилых и пустых и мест дворовых, пашни перелогом и леса пашенного, леса непашенного и сена. Названия селений и пустошей приводим в том виде, как они показаны в выписи, оставляя без внимания различия в них сравнительно с жалованной грамотой 1620 г., названия речек, на которых расположены населенные места и пустоши, опускаем. Таблицу можно представить в следующем виде:

	Дворов по- мешичих.	Дворов бо- быльских	Дворов пу- стых.	Двор мест пустых.	Бобылей.	Пашни в кажд из 3 полей в четвертях.	Сена в копнах.	Лесу непа- шенн. в десят.
Сел. Онцыфорово и дер.								
Другое Дятлово . . .	1	1	1	1	4	34	30	10
Дер. Оксентьевка . . .		1	3	4	3	21 ¹⁾	30	3
Дер. Ондрейково . . .		2	1	8	8	34	30	2
Пуст. Игнатово . . .				2		16	5	
Лосиное Куплище . . .				4		44	30	
Болеуки . . .				2		21	10	
Куприна . . .				2		20	30	
Холмина . . .				3		15	20	
Другая Холмина . . .				3		18	15	
Милчошинская . . .				1		10	5	
Мглахова . . .				3		18	20	
Ломея Куприна . . .				3		20	30	
Курбин починок . . .				1		1	—	
почин. Вешняков.				2		2	—	
Фолеево . . .				2		16	—	
почин. Антипин . . .				2		2	—	
Новоселки . . .				2		5	10	
почин. Кузьмин . . .				2		2	—	
почин. Быков . . .				4		30 ²⁾	20	
итого . . .	1	4	4	51	15	312 ^{1/2}	285	15

В общем итоге пашни с перелогом и лесом пашенным появляется, как видим, лишняя „осмина“, которой не было в слагаемых; возможна, конечно, ошибка писца конца XVIII века, делавшего копию с подлинника не с полным вниманием и пропустившего где-либо эту осмину.

Таблица говорит сама за себя, и общие выводы из нее не возбуждают никаких сомнений: стоит только со-

1) В копии с документа очевидная ошибка — „двадцать а на четв в поле“.

2) В копии „тридцать“; но общий итог сходится лишь в том случае, если мы допустим ошибку переписчика, написавшего „тридцать“ вместо „тридцать“.

поставить число деревень с числом пустошей и число дворов бобыльских жилых с числом дворов, а особенно дворовых мест пустых. Некоторое значение может, кажется иметь и факт преобладания, и очень значительного, числа мест дворовых пустых над числом пустых дворов. Повидимому, население разбрелось уже давно или погибло еще в Смуту. Когда говорится о пустом дворе, упоминается и то лицо, которому этот двор принадлежал; очевидно, оставление его произошло в сравнительно недавнее время; имена владельцев таких дворов еще живо вспоминаются; может быть, они даже не порвали еще связи с родными местами; такой вывод можно, по крайней мере, сделать на основании заключающегося в выписи упоминания о том, что двое из владельцев пустых дворов „живут за Гаврилою Пушкиным“—богатым землевладельцем, к которому выгодно было итти, и во владениях которого можно было укрыться от преследования. При помощи наблюдения над различием между пустым двором и пустым дворовым местом объясняется и самая терминология выписи: „двор пуст“, сравнительно недавно покинутый хозяином, мог быть в относительном порядке, мог походить действительно на двор; напротив, „место дворовое пустое“, давно покинтое хозяином, самая память о котором не сохранилась в официальном документе, скорее могло представлять картину запустения: разваливались постройки, валились изгороди, все более исчезали следы двора...

Итак, все вышеприведенные данные таблицы в их совокупности развертывают пред нами картину затяжного, многолетнего хозяйственного кризиса. О том же говорит и наличие всего 1—2 бобыльских дворов жилых в каждом из селений, где еще остаются жители. Ясно, что тяглое население Смоленской земли едва влечит жалкое существование, что местность опустошена до крайней степени. Чрезвычайно характерным является и еще один факт—полное отсутствие в выписи упоминания о дворах крестьянских наряду с бобыльскими: сколько-нибудь за житочному человеку трудно было здесь сохранить свой достаток, а бедняку невозможно было приумножить его. Как известно, бобыли в смысле платежеспособности це-

нились ниже крестьян: „Правительство считало бобылей. обыкновенно, вдвое менее состоятельными, чем крестьян“.¹⁾ Но и этих обитателей бобыльских дворов в поместьи оказалось в 1626—1627 г. всего 15 человек, по тогдашнему московскому способу исчисления одних лишь взрослых мужчин. Между тем, размеры поместья М. М. Волженского оказываются довольно значительными: к 312 $\frac{1}{2}$ четям, т. е. 468 $\frac{3}{4}$ десятинам пашни перелогом и пашенного леса и 15 дес. непашенного леса нужно прибавить еще 28 $\frac{1}{2}$ дес. лугов, если принять, что копна= $\frac{1}{10}$ десятины.²⁾ Если даже иметь в виду иной расчет, основанный на одном из документов Волженского архива, допускающем, повидимому, наличность 10 копен лишь на полудесятине луга³⁾,—и тогда мы должны будем прийти к выводу, что на взрослого бобыля приходилось в среднем по 31 $\frac{1}{4}$ дес. пашенной земли, по десятине непашенного леса и по крайней мере около десятины луга—количество земли, которое, вообще говоря, можно признать достаточным, даже если принять во внимание известное количество не заносившихся в документы подобного рода женщин и детей, относительно которого мы не будем вдаваться в гадательные предположения. Но не трудно видеть, что и в этом отношении положение крестьян М. М. Волженского было незавидным. Не так важно то, что земля их оценивалась, лишь как „средняя“, а не как „добрая,“ почему по отношению к ней допускалась московским правительством „наддача“ к добре земле (так в документе; в сущности—„одабривание“ средней земли), в силу которой 312 четвертей с осминою признаны были равными 250 четвертям с осминою добре земли, т. е. как раз тому количеству земли, которое в свое время считалось во владениях Вериги Юрьева и, очевидно, перешло сполна к его внуку: земли было довольно, и количество ее могло возместить ее сред-

¹⁾ Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве СПБ. 1890, стр. 102.

²⁾ Щепкина. Тульский уезд в XVII веке. М. 1892, стр. XXI, прим. 42.

³⁾ Отметим кстати, что документ дает данные не вполне ясные: в нем говорится о том, что крестьянин Петр Арефьев „сено косит полдесятны по десяти копен;“ возможно, как кажется, толкование данного выражения в смысле 10 копен на десятину. (№ 79).

нее качество. Хуже было то, что в рассматриваемое время господствовало крайне экстенсивное земледелие: недаром выпись не раз упоминает о перелоге, характерном для земледельческой культуры XVII века, особенно после Смуты. Этот перелог и пашенный лес занимали, к тому же, всю годную под пашню землю. Такой вывод можно, кажется, сделать из самой терминологии выписи, если сопоставить ее с другими подобными документами, имеющимися в нашем распоряжении из числа документов Волженского архива: ¹⁾ там постоянно упоминается наряду с перелогом и лесом пашенным или лесной порослью о „пашне паханой”, и насчитывается определенное количество пашни паханой и перелога; здесь отсутствует и упоминание о такой пашне, и различие ее от перелога и леса пашенного; здесь насчитывается „пашни перелогом и лесом поросло” определенное количество четей, а не упоминается о пашне и перелоге или пашне да перелоге. Приходится признать, что пашня находилась в рассматриваемом смоленском имении М. М. Волженского в запустении или распахивалась не систематически—вся была под перелогом или поросла лесом; судя по тому, что о перелоге упоминается лишь при описании пашни 3 селений из 19, перечисленных в списке, лесной поросли принадлежало решительное преобладание над перелогом. Может быть, имеет некоторое значение то обстоятельство, что перелог упоминается как раз в тех трех селениях, которые еще не превратились в пустоши; вероятно, только здесь и велась временами некоторая обработка земли, при которой часть пашни оказывалась под перелогом, а до остальной пригодной к земледелию площади у малочисленного населения не было сил и возможности дойти, и она безпрепятственно, невозбранно заростала лесом, тем более, что бобыли, как известно, вообще не часто занимались хлебопашеством. А ведь до Смуты во владении Вериги Юрьева была наряду с перелогом и пашенным лесом и пашня паханая! ²⁾.

Позднее только что описанное поместье было М. М. Волженским потеряно: оно отошло „за рубеж литовским

1) №№ 23 и 25.

2) № 22.

людем“¹⁾—повидимому, по мирному договору 1634 г. Вместо поместья М. М. Волженскому, как и другим служилым людям, лишившимся владений, велено было государевым указом дать дворовое место в Вязьме. История поселения М. М. Волженского в Вязьме довольно обстоятельно рассказана в одном из дошедших до нас документов,²⁾ к которому и можно обратиться для более подробного ознакомления с этим периодом его жизни. Мы не будем останавливаться на нем; отметим только одно сопоставление документов, которое считаем себя в праве сделать. Мы узнаем из государевой грамоте, связанной с поданной М. М. Волженским челобитной, что последнему пришлось, вместо предоставляемого по государеву указу дворового места, самому купить себе таковое в Вязьме у посадского человека Родиона Сергеева Бородина. Это имя наводит на сопоставление с другим документом Волженского архива,³⁾ где говорится о „дворовом закладном месте с садом посадского человека Родьки золотаря“, находящемся „у Матвея Волженского“. Весьма правдоподобно, что Родька золотарь—это тот же Родион Бородин, так как и в государевой грамоте последний назван „серебренником“, т. е. был золотых и серебряных дел мастером. Не указывает ли термин „закладное место“ на то, что оно было у М. М. Волженского первоначально в залоге и затем перешло к нему за долг? Известно, что заклад посадских дворов беломестцам, даже в небольшой сумме, с преднамеренным отказом от выкупа их, был явлением распространенным; приобретатель стремился, буде правительство и посадская община не принимали соответствующих мер, обелить приобретенный тяглый двор⁴⁾. Если это верно по отношению к данному случаю, то в характеристику М. М. Волженского вносится довольно любопытный штрих: после „великого розоренья“ на которое он жаловался государю в своей челобитной,

1) № 38.

2) *ibid.*

3) № 24.

4) Лаппо-Данилевский, оп. *cit.*, стр. 155; Павлов-Сильванский. Государевы служилые люди, изд. 2-е, СПБ. 1909, стр. 200—201.

у него оказываются средства, достаточные для того, чтобы пустить их в выгодный оборот; дело ведется так ловко, что находившееся у М. М. Волженского в закладе земельное владение переходит затем в его полную собственность, вместо закладной составляется купчая, конечно, не без выгода для приобретателя. Что упомянутые два документа могут быть сопоставлены,—об этом свидетельствует, как кажется, и другое совпадение: как в царской грамоте, так и в заметке о дворовом закладном месте, находившемся у М. М. Волженского, упоминается о дворовом месте с огородом и с садом. Как бы то ни было, благополучие М. М. Волженского продолжалось недолго: в 1649 г., по государеву указу, последовавшему в ответ на ходатайство посадской общины, двор его отписан был на посад. Ведь при наличии у посадского человека нескольких дворов он обязан был тянуть тягло со всех их; ¹⁾ между тем, М. М. Волженский обелял один из двух посадских дворов Род. Сергеева и тем затрагивал интересы посада. После немалых хлопот ему удалось добиться временного восстановления своего владения, но вслед затем прекращаются в документах всякие упоминания о посадском дворе его в Вязьме. Царская грамота, последовавшая в ответ на челобитную М. М. Волженского, предписывала не отнимать у него двора в Вязьме „до указу“— в связи с расследованием дела; вероятно, исход этого расследования оказался для него неблагоприятным.

Если, однако, М. М. Волженский должен был расстаться со своим посадским двором, то уже в 1652 г. мы встречаем среди наших документов ²⁾ указание на челобитье его о пожаловании ему некоторых земель в Вяземском уезде (ныне это Вяземский, Юхновский, частью Гжатский уезд, как можно судить, проследив по картам течение упомянутых в документе р. р. Жижалы и Сежи), которые он вы婢ашивал себе, надо думать, как бы взамен утраченного им дворового места. В намеченные себе М. М. Волженским места командирован был воеводой кн. Хован-

¹⁾ См. об этом упоминание у Лаппо-Данилевского, оп. cit., стр. 307.

²⁾ № 25.

ским стрелецким сотником Бибиковым, на которого возложено было поручение обследовать их путем повального обыска, но некоторые из них, возможно, остались им не посещенными (пустошь Марфино, а Дарьино тож, пустошь Сельцо, что была Посника Жировлева, пустоши Терпигорево, Сискино, Баулово в Туровском стану); по крайней мере в том месте выписи, где описываются результаты работы Бибикова, о перечисленных местностях вовсе не упоминается, хотя сохранившаяся часть обследования заканчивается фразой, как будто свидетельствующей о завершении работы (после изложения результатов обследования ряда пустошей указывается, что „мерные книги писаны с прямых книг из-за поповых рук“). Возможно, впрочем, и предположение о том, что часть обследования не сохранилась: на одном из пустых листов документа, следующих за исписанными, находим указание: „А в тех пустошах три...ц... (повидимому, 30) четвертей с осминою“ т. е. больше того итога пашенной земли, какой получается из сложения имеющихся данных по отдельным пустошам. Результаты произведенной Бибиковыми работы удобнее всего будет наглядно представить в таблице подобно тому, как мы сделали это по отношению к прежнему поместью М. М. Волженского на Дорогобужском рубеже. Данные о пашне паханой с перелогом и лесе пашенном всюду соединены, так как в самом документе они показываются для многих пустошей не раздельно, а вместе.

	Мест. дворов. пустых.	Пашни с перелог. и паш; лес. в каждой из 3 пол. в десят.	Сена в копнах,	Лесу непаш. в длину в верст.	Лесу непаш. в шир. в верст.	Рыбн. ловли по теч. рек в верст.
Молоцкий стан.						
Костино	2	1 ¹ / ₂	10			
Глебово	1	1	5	{ 1	1 ¹ / ₂	—
Туровской ст.						
Лаврово и почин. Бороздин	2	3	50	1	1 ¹ / ₂	1 ¹ / ₂
Шерлаево	2	2 ¹ / ₂	30	1	1 ¹ / ₂	1
Петелино и почин. Клоков	2	1 ¹ / ₂	15	1	1 ¹ / ₂	
Мешково	1	1 ¹ / ₂	—	1/2	1/4	
Ерыши	1	1	—			
Тризнево	2	1 ¹ / ₂	10	{ 1	1 ¹ / ₂	
Киприяново	2	3 ³ / ₄	6			
Сеженский ст.						
Микулино Малое	1	2	10	1/4	1/4	
Гришкино	1	1	12	? ?	? ?	
Каменский ст.						
Боброво	1	1 ¹ / ₂	10	1/4	?	—
Головино 1) и почин.						
Холопов	1	1	15	— 1	1/2	1

В виду вероятной, а местами и очевидной неполноты данных таблицы, мы не суммируем их вполне. Но и без этого рассмотрение таблицы может привести нас к некоторым выводам. Если прежде за М. М. Волженским было поместье, в котором пригодной под пашню земли было значительное количество, то теперь ее было очень немногого: подводя ей частный итог, получаем ее всего $17\frac{3}{4}$ десятины; если принять одну копну = $\frac{1}{10}$ десятины, то окажется, что луга занимали почти такое же пространство ($17,3$ дес. для всей таблицы; при расчете 1 копна = $\frac{1}{20}$ десятины — вдвое мене); на целую версту иногда тянулся лес, занимавший огромную часть поместья; ведь квадратная верста, если даже принимать ее по современному счету в $500 \times 500 = 250,000$, а не по Уложению²⁾

¹⁾ Пустошь Головино помещается в Каменском стане в начале документа в дальнейшем содержании его она упоминается в Туровском стане.

²⁾ Гл. XIX, ст. 6.

в $1000 \times 1000 = 1,000,000$ квадратных сажен, заключает в себе более 100 десятин. Такой вид местности вполне соответствовал ее пустынному ненаселенному характеру; здесь не было даже бобылей, а располагались одни пустоши; вероятно, наездом пахалась соседними жителями упоминаемая в выписи пашня, косилось сено, ловилась рыба в удобных местах по течению речек. Отметим кстати, что, как можно видеть из более подробного рассмотрения некоторых данных документа, перелог и лес пашенный преобладали над пашней.

Возможно, что приобретением поместья без крестьян М. М. Волженский имел в виду не только вознаградить себя за утраченный двор на посаде, но и возместить себе тягости службы, которая в 1652—1653 г.г. протекала на тех же смоленских рубежах. Обследование намеченных М. М. Волженским владений сотником Бибиковым состоялось в декабре 1652 г.; между тем, уже в августе того же года то лицо, которое отправляло в них Бибикова,—стольник и воевода кн. И. А. Хованский с дьяком Г. Лавровым—давало М. М. Волженскому довольно ответственное поручение по охране литовского рубежа,¹⁾ необходимой при обостренных отношениях Московского государства к Речи Посполитой, особенно ухудшившихся в начале 50-х г.г. в связи с Малороссийским вопросом и восстанием Хмельницкого. В сентябре 1653 г., когда военные приготовления московского правительства приняли уже вполне открытый характер,²⁾ все тот же кн. Хованский, при участии в деле дьяка Г. Лаврова, дает М. М. Волженскому поручение более важное, чем то, которое он исполнял ранее³⁾. Соответственно тревожности момента и важности возлагаемого на М. М. Волженского поручения ему внушительно напоминалось об ответственности, ложившейся, на подчиненных ему и помогавших ему в охране границы лиц в случае небрежного отношения их к своим обязанностям...

¹⁾ № 1.

²⁾ Соловьев, op. cit. t. X, стр. 354—355.

³⁾ № 2.

Итак, М. М. Волженский в начале 50-х г.г. стремился к получению в Вяземском уезде земли и исполнял довольно ответственные служебные поручения. Но намеченная им для себя земля представляла собою пустошь, которую нужно было заселить. Откуда же было взять крестьян? О „людях“ своих он упоминал и ранее в своей членобитной¹⁾: они жили у него на посадском дворе в Вязьме; их мог он теперь перевести на землю. Кроме того, он мог переселить сюда людей с другой земли, которая успела перейти в его владение: если в 20-х г.г. XVII века он мог утверждать, что поместья за ним нет, кроме смоленских краев, нигде, и на этом основании добиваться с успехом возвращения ему отцовских владений, то в 1640 г., после отхода за рубеж его поместья на Дорогобужском рубеже, было ему с семьею „детца негде“ только в Смоленской области, и только при нежелании расставаться с родными местами мог Волженский жаловаться на это государю в членобитной: мы имеем уже вполне определенные данные о наличии у него в это время поместья в Шебальской и Ерской волостях Галичского уезда нынешней Костромской губернии. Вместе с тем в сохранившихся документах Волженского архива отсутствуют какие бы то ни было указаний на состоявшееся пожалование М. М. Волженскому поместья в Вяземском уезде. Возможно, что дело ограничилось одним обследованием испрашивавшихся им земель, а в дальнейшем приняло неблагоприятный для него оборот.

III.

Не вдаваясь более в предположения, остановимся теперь на тех данных, которые связаны с пожалованием М. М. Волженскому поместья в Галичском уезде. Здесь расположена была Шебальская или, как чаще пишется в наших документах, Шейбальская волость,—„близ угла, где смежны границы Галичского уезда с Чухломским и Кологривским—по р. Шуе. Ерская волость название свое получила от

1.) № 38,

небольшой речки Ержи того же уезда¹⁾). Это восточная часть Галичского уезда, как нетрудно определить по карте, сохранившей значительную часть былой географической номенклатуры. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют, как кажется, установить время пожалования М. М. Волженскому поместья в Галичском уезде. Пожалование это можно, думается, отнести к концу тридцатых годов XVII века. В сохранившемся „списке с государевы грамоты слово в слово“, ²⁾ относящемся к 1643 г., встречается упоминание о том, что в росписи, посланной галичским губным старостам „в прошлом во 147-м году, написано: отделено в поместье вязьмину Матвею Михайлову сыну Волженскому в Шербальской да в Ерской волостях деревня Климова—всего три деревни да починок, да жеребей деревни, да жеребей в починке.“ Из самого текста данного отрывка, правда, не совсем ясно, поместье ли пожаловано в этом году, или написано об этом в росписи, относящейся к этому году; но заметку можно связать с отдельными книгами, составлявшимися при отводе поместья, и нам кажется, что можно было бы отнести пожалование М. М. Волженскому поместья в Галичском уезде приблизительно к 1639 г. также на основании фразы, встречающейся в другом документе по поводу тяжбы М. М. Волженского со стольником кн. С. И. Татевым из-за беглого крестьянина Павла Алексеева и относящейся к тем же отдельным книгам: ³⁾ „Как, государь, тое Шейбальскую волость раздали нам холопем, твоим, розным помещиком, и тот Павлик в отдельных книгах Федора Полтева написан в починке Плоском за мною, холопом твоим“. Дело происходило, видимо, таким образом: в Шебальскую волость для отвода земель беспоместным владельцам и размежевания владений явился „раздельщик“, который распоряжался земельными участками, а крестьян записывал в „отдельные книги“, делая их тем самым крепкими помещикам; раздача земель в

¹⁾ Старинные волости и станы в Костромской стороне. Материалы для историко-географического словаря Костромской губ. с предисловием А. Н. Титова стр. 15 и 56.

²⁾ № 50.

³⁾ № 68.

Шебальской волости представляется здесь производимой, повидимому, приблизительно одновременно с записью ее и крестьян в „отдельные книги“, о составлении которых именно в 147-м г. мы имеем вполне ясное сообщение ¹⁾). Едва ли между фактическим отводом земли и записью ее в отдельные книги мог пройти значительный промежуток времени, если даже известный период считать необходимым для систематизации записей. Нужно думать, что „вязмитин“ М. М. Волженский, на всю жизнь сохранивший на новых местах прозвище, свидетельствовавшее о его происхождении, был одним из новонаделенных помешников. Обратим также внимание на слова, заимствуемые из дела Костромского Дворянского Собрания о роде Верховских, где одна из копий ²⁾ гласит: „В отделных книгах 147 году марта 31 дня отделу Федора Полтева да под'ячего Спиридона Второго написано: отделено в поместье вязметину Матвею Михайлову сыну Волженскому в Галичском уезде в Шебольской волости деревня Климова на реке на Шуе... деревня Незяево на речке на Якшице... жеребей деревни Вередишиной на речке на Якшице“. Здесь приблизительная одновременность отдельных книг и наделения поместьем М. М. Волженского также выступает с достаточной ясностью. При таком допущении само собой напрашивается одно хронологическое сближение: в 1634 г. потерял М. М. Волженский свое смоленское поместье, отошедшее за рубеж; вероятно, сряду же после этого начал он хлопотать о пожаловании ему поместья где-либо в другом месте, и возможно, что именно в связи с этим стояло пожалование ему поместья в Галичском уезде, чтобы „от службы не отбыть“. Не в виду ли того, что его материальное положение несколько устроилось, его обделили, как он жаловался, при даче двора в Вязьме, и не потому ли у него оказались некоторые средства, чтобы самому купить себе двор в Вязьме на посёлке и поселиться на нем, вместо того, чтобы окончательно покинуть вяземские места? Как можно судить по уцелевшим в одном из наших документов ³⁾ обрывкам

1) № 50.

2) № 30.

3) № 51.

фраз, М. М. Волженский получил галическое поместье в одних годах с 60 другими помещиками; произведенные раздачи и были закреплены отдельными книгами Ф. Полтева. Источником раздач земли были государевы дворцовые земли, описанные в дворцовых писцовых книгах Влад. Племянникова, ¹⁾ а когда-то принадлежавшие, повидимому, великой государыне иноке Марфе Ивановне ²⁾.

От вопроса о пожаловании М. М. Волженскому поместья в Галичском уезде перейдем к вопросу о составе его владений. В этом вопросе выплысъ из отдельных книг Фед. Полтева и под'ячего Спир. Второва 1639 г., пожалованная М. М. Волженскому по его челобитью, ³⁾ и царская грамота 1643 г. ⁴⁾ почти совпадают: первая насчитывает во владениях М. М. Волженского З деревни, починок, жеребей деревни да жеребей починка „живущих“ и жеребей деревни, уже превратившейся в пустошь; вторая, как мы уже видели, насчитывает в тех же владениях З деревни, починок, жеребей деревни, и жеребей починка, ссылаясь на роспись, посланную из Москвы галичским губным старостам С. Шишкину и И. Свильину и умалчивая о пустоши, так как здесь идет дело о податном обложении по „живущему“. Названия владений, полученных М. М. Волженским в поместье, восстановляются довольно легко, так как упоминаются в документах Волженского архива неоднократно: это дер. Климова, дер. Незятеvo, дер. Сатеево, починок Плоское („усадище“ — с барским домом), жеребей дер. Вередишина и жеребей починка Юркина. Кроме перечисленных населенных мест, встречаются еще указания на владение М. М. Волженским частью (четью) пустоши Белянина: это несомненно, „жеребей деревни пуст“ выписи из отдельных книг 1639 г.

О характере местности в новом крае и тех материальных средствах, которые могло дать поместье М. М. Волженскому, дает некоторое представление как раз толь-

1) *ibid* и № 50.

2) Что Ерская волость была в вотчине за инокиней Марфой Ивановной, — это установлено Веселовским (Сошное письмо, т. I, стр. 418. М. 1915); на принадлежность ей Шебальской волости намекает упоминание одного из наших документов (№ 36) о межевании при великой государыне иноке Марфе Ивановне этой волости Никит. Беклемишевыми и Влад. Племянниковыми.

3) № 23.

4) № 50.

ко что упомянутая выпись. К сожалению, в виду ее плохой сохранности она дает только общие итоги по владениям М. М. Волженского и часть данных по отдельным населенным местам и пустоши. Некоторую помощь в данном случае окажут нам сведения, заимствованные из упоминавшегося уже дела Костромского Дворянского Собрания о роде Верховских, где сохранились по крайней мере данные о количестве пахотной земли по деревням, переданным впоследствии М. М. Волженским зятю его Г. А. Верховскому.¹⁾ По прежним примерам для большей наглядности представим результаты описания поместья М. М. Волженского в виде таблицы. В начале сохранившейся части выписи говорится о неизвестном количестве земли и сене селения, расположенного по речкам Шуе и Якшице. Из сопоставления с другим документом,²⁾ в котором расположенной на этих речках значится деревня Сатеево, ясно, что дело идет о последней. Вычитая ряд частных итогов таблицы из общего итога пахотной земли, видим, что на долю дер. Сатеева приходилось пахотной земли приблизительно 30 четвертей.

	Дворов крестьянских.	Дворов бобыльских.	Крестьян.	Бобыль.	Пашни пахан. с перелогом в четв. в кажд. из 3 пол.	Лесу пашенн. в десятинах.	Сена в копнах.
Шебальская вол.							
Дер. Климово	?	?	?	?	42	?	?
Дер. Незятево	?	?	?	?	49	?	?
Дер. Сатеево	?	?	?	?	?	?	9
Почин. Плоское	2	—	2	—	7	4 3/4	—
Дер. Вередишино (жеребей).	5	1	5	1	6 1/8	1/4	24 1/8
Пуст. Белянина (четы.)	—	—	—	—	5 19/24	—	5
Ерская волость.							
Почин. Юркино (жеребей)	4	—	4	—	4 1/2	1/2	11 1/2
ИТОГО	21	2	27		144 8/8	4 3/4	59

¹⁾ № 30.²⁾ № 31.³⁾ В документе: „лесу непашенного”; обяснение см. далее.

Несмотря на свою неполноту, таблица дает некоторые общие сведения. Прежде всего бросается в глаза большая населенность местности сравнительно с вяземскими владениями М. М. Волженского: там на трехстах слишком четях мы видели население всего в пятнадцать человек. исключительно бобылей, разоренных и разбегающихся; здесь встречаются нам в огромном большинстве не бобыли, а крестьяне и густота населения приблизительно в четыре раза большая. Это и вполне понятно: здесь в XVII веке не от кого было обороняться; разорение происходило здесь разве от непосильных податей да участия в далеких походах, но как раз 1639—1640 г.г. были временем относительного спокойствия для государства. Соответственно большей густоте населения и вся местность имеет более культурный вид: здесь сравнительно часто встречается „пашня паханая“—местами ведется довольно правильная обработка земли: в Плоском, Вередишине, Юркине—там, где населенное место располагает сравнительно небольшим количеством земли, последнее все оказывается распаханным; в Климове и Незятеve, где земельные владения деревни достигали значительно более крупных размеров, население не разрабатывало правильно всей земли, тем более, что деревни были сравнительно мелки,—и большая часть ее оказывается под перелогом ¹⁾: в Климове перелога $\frac{2}{3}$ всей земли, в Незятеve более $\frac{7}{8}$. Очевидно, до больших земельных участков у крестьян руки не доходили... В пустоши Беляниной ввиду отсутствия населения вся лахотная земля оказывается под перелогом. Если перелога оказывается много, то пашенного леса ничтожное количество: ясно, что земля не успевает заростать лесной порослью.—Зато, при более высоком развитии обработки земли, здесь нет земельного простора, и на человека (считая взрослых крестьян и бобылей) приходится пашни и перелога всего 5, 34 четвертей земли, т. е. по 8 десятин—надел недостаточный, если принять во внимание женщин и детей, а также низкий уровень, на котором стояло в

XVII веке наше сельское хозяйство, большое количество перелога и возможное существование барской запашки (на крестьян возлагалась обязанность „пашню пахать“ на помещика)—обычно, впрочем, не встречавшейся на с.-в. Замосковного края¹⁾). Не в связи ли с относительным малоземельем стоят в значительной мере борьба за обработанную землю, происходящая между соседними землевладельцами и их крестьянами, на которой нам придется еще остановиться, а равно и крестьянские побеги?

Приведенная таблица дает еще материал по вопросу о формах землевладения в новой усадьбе М. М. Волженского. Уже сеном он владеет, как видно из документа, на основании которого составлена таблица, частью „вопче“ с соседями, что является показателем известной хозяйственной связи с соседними владениями, расположеными не на большом расстоянии. Заслуживает внимания также факт владения лишь частью населенного места или пустоши, с которым мы не встречались ни в одной из вышеописанных земель Вяземского уезда. Вероятно, это обясняется опять-таки меньшей разоренностью Галичского уезда сравнительно с Вяземским и большей населенностью первого. В последнем поместья были часто в тягость помещику: они требовали несения тяжелой пограничной службы; правительство раздавало здесь пустоши в большом количестве—по полтора—два десятка, присоединяя к ним иногда три-четыре уцелевших еще населенных места; опустошенные места раздавались целиком: количеством их, давая большое пространство земли, как бы возмешали их качество; при большом количестве владений дробление отдельных селений или пустошей, естественно, должно было происходить реже. Кроме того, известно, что раздачей в поместье пустопорожних земель правительство заставляло служилых людей принять меры к их заселению, чтобы иметь возможность нести с них службу,²⁾ и с колонизационной целью щедро раздавало их. В Галичском уезде, напротив, можно

¹⁾ Готье. Замосковный край в XVII веке, стр. 515.

²⁾ Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПБ. 1897, стр. 21.

было дать сравнительно небольшое количество местностей, так как большая часть их не была покинута населением, и это небольшое число легко могло еще дробиться, доходя до раздробления между помещиками-соседями одного и того же селения или даже пустоши: даже владение частью деревни, починка или пустоши могло кое-что давать помещику, особенно если соединялось с владением тремя-четырьмя целыми селениями.

При рассмотрении вышеприведенной таблицы обращает на себя внимание еще одно обстоятельство—отсутствие в подведенных в ней итогах цифры непашенного леса. Правда, при описании починка Плоского упоминается о четырех десятинах лесу непашенного, но общего итога последнему по всем владениям М. М. Волженского не подведено, и невольно закрадывается подозрение, что мы имеем в данном случае дело с ошибкой писца или переписчика, показавшего непашенный лес вместо пашенного,—тем более, что, складывая 4 дес. пашенного леса при починке Плоское с $\frac{1}{4}$ дес. его при упомянутом в выписи жеребье дер. Вередишина и $\frac{1}{2}$ дес. его при починке Юркино, мы получаем как раз общий итог пашенного леса в $4\frac{3}{4}$ дес., подвешенный в выписи для этой хозяйственной статьи во всех владениях М. М. Волженского в совокупности. На сопоставление по этому поводу напрашиваются данные, заимствованные из другого документа¹⁾: по позднейшему челобитью М. М. Волженского о прибавке ему поместья производится обследование ряда местностей, намеченных им себе во владение; при обычном „обыске“ опрашиваемые старости и крестьяне окрестных помещиков из деревень Шебальской волости показывают: „И у нас, в Шебальской волости, за рекою за Шуею, всякие лесы положены вонче у всех государей наших для дров, и хоромного лесу, и жердей“, т. е. в общем владении всех помещиков. Вероятно, такая форма лесовладения была типичною для всех мест Шебальской волости по соседству с владениями М. М. Волженского. Если это так, то мы получаем новое доказательство предположения, что у починка Плоского

1) № 27.

находился именно пашенный лес: лес непашенный значился бы в общем владении нескольких помещиков, а не в личном обладании М. М. Волженского. Непашенного лесу у нас на севере в XVII веке было много; его могло хватить на всех, и совместное им владение, вероятно, шире открывало к нему доступ всем нуждающимся...

Закончив этими соображениями рассмотрение выше-помещенной таблицы, отметим еще, что в галичских владениях М. М. Волженского поместная „дача“, как это бывало очень часто в те времена, далеко не соответствовала „окладу“: последний был определен довольно щедро — в 400 четей пахотной земли, значительно больше того количества ее, каким владел М. М. Волженский в Вяземском уезде; но в действительности дано было, как легко видеть из таблицы, немного более трети оклада: остальное предстояло приискивать себе в поместье самому (в Вяземском уезде дача, при обилии незанятых земель, совпадала у М. М. Волженского с окладом¹⁾).

Из имеющихся в нашем распоряжении документов мы узнаем, что попытка установить большее соответствие между „дачей“ и „окладом“ была сделана, и не без успеха, М. М. Волженским в 50-х г.г. XVII века — немного лишь лет спустя после попытки получить в поместье ряд пустошей в Смоленской области. Именно, он обратился к государю с челобитьем о пожаловании его росчистью из-под черного леса починком Павловым, починком горелым Елизарково займище и займищем Баженка Корепова в том же лесу; просимые места по речкам Шуе и Бобровке, по словам челобитчика, лежали „порожни, в поместье и в вотчину никому не отданы“. ²⁾ Между прочим, починок Павлов упоминается в одном из документов, относящемся ко времени около 1641 г., ³⁾ как принадлежащий помещику Н. Д. Спесивцеву; возможно, что с тех пор он успел сделаться выморочным; по справке в отдельных книгах Ф. Полтева и подъячего Спир. Второва оказалось, что „в Шейбольской волости за роздачею у

¹⁾ № 22.

²⁾ № 39.

³⁾ № 61.

помещиков тех починков и займищев не написано¹⁾); повидимому, починок Павлов перешел во владенье Н. Д. Слесивцева после 1639 г., а к 50-м г. г. снова мог быть отдан в поместье. Некоторое недоумение способны вызвать только ответы крестьян, данные при произведенном по поводу чебобитья повальном обыске, к которому привлечено было значительное число лиц. По крестному целованию крестьяне показывают, что у них за р. Шуею Павлова займища нет, и Баженова займища также нет, и на Горелом про займище Елизарково они не ведают, что у них в Шебальской волости все починки и займища „написаны в писцовых книгах и в мирском окладе, а обводных у нас земель нет и не ведаем“²⁾) Однако перечисленные названия займищ встречаются нам в одном из позднейших документов³⁾) приуроченными как раз к Шебальской волости. Можно, конечно, допустить, что крестьяне поняли повальный обыск, как розыск об „обводных“, ускользнувших от обложения податями землях. Известно, что таких земель всегда оставалось известное количество, и что „общие“ леса обычно не включались в Замосковном крае в данные переписей⁴⁾); при таких условиях только что упомянутые займища могли ускользнуть от обложения особенно легко, как расчищенные уже после составления отдельных книг. Очень вероятно, что крестьяне, не желая увеличения лежавшей на них податной тяготы или отдачи свободных земель во владение какому-либо помещику, умышленно не показали правды, несмотря даже на то, что за них „руку прикладывал“ их отец духовный—священник. Имеет, как кажется, значение и иной факт: крестьяне упорно настаивают на отсутствии в займищах Павлове, Баженкове и Елизаркове „дворовых творил, и хоромного поставления, и овинов, и изгород“; в этом смысле им, конечно, предлагались вопросы. Известно, что в XVII веке происходит постепенный переход от поземельного обложения к подворному, и в 50-х г. г. крестьянам был расчет уклоняться

1) № 39.

2) № 27.

3) № 28.

4) Готье, оп. cit., стр. 167 и 179.

от обложения и „обводных“ распаханных земель, и дворов, если бы даже таковые существовали. Между тем, существование их невероятно. Нижепомещаемая таблица, характеризующая состояние новых владений М. М. Волженского, не упоминает о „местах дворовых“, а починок мог представлять собою просто росчисть без всякого жилья.¹⁾.

Как бы то ни было, чем бы ни обяснять возбуждающий недоумение ответ крестьян при производстве повального обыска, существование просимых мест все же было установлено, и они отведены были в поместье М. М. Волженскому. В цитированном уже деле 1795 г. за № 239 Костромского Дворянского Собрания, касающемся внесения А. И. Волженского в дворянскую родословную книгу, сохранилась копия „отказной выписи“ 7165 (1657) г.²⁾. Подлинник ее среди документов Волженского архива отсутствует, но и копия проливает достаточный свет на произшедшее увеличение поместья М. М. Волженского и на отличительные особенности его новых владений. Таблица, составленная на основании заключенных в ней данных, имеет следующий вид.

	Пашни пах. с перел. в кажд. из 3 полей в четв.	Сена в копнах.	Лесу пашенн. в десятинах.	Лесу непашенн. в длину в верст.	Лесу непаш. в шир. в верст.
Павлово займище . . .	5	2	3	1	1/2
Займ. Баженка Корепова . . .	4	3	3	1/2	1/2
Займище Елизарково . . .	7	20	5	2	2
ИТОГО . . .	16	25	11	43/4	кв. в

Рассмотрение таблицы может привести к некоторым выводам. Ко времени „отказа“ постоянного населения на

1) См. о значениях слова „починок“ хотя бы у Даля. Толковый словарь живого великорусского языка, изд. 4-е под ред. Бодуэн-де-Куртенэ, т. III., столбец 968—9. СПБ.—М. 1912 г.

2) № 28.

отводимых местах не было: выпись предписывала послушание помещику М. М. Волженскому и платеж ему оброка лишь на тот случай, „будет будут на тех займищах жилцы“. Ясно, с другой стороны, что отведенные места могли иметь для хозяйственного благосостояния помещика довольно важное значение. Конечно, оклад в 400 четвертей пашенной земли далеко не был пополнен, так как к 144 четвертям, даже если считать пашенный лес вместе с пашней и перелогом, как это иногда практиковалось, прибавлено было 16 четей + 11 десятин лесу, т. е. $16 + 7\frac{1}{3} = 23\frac{1}{3}$ чети в одном поле, „а в дву по тому ж“, употребляя обычную московскую терминологию. Зато теперь, может быть, ослаблена была необходимость пользоваться непашенным лесом „вопче“ с другими помещиками, так как М. М. Волженский получил такой лес, тянувшийся на несколько квадратных верст, в свое личное владение; лес этот содержал сотни десятин в переводе на последние. Кроме того, при наличии в усадьбе всего 59 копен сена, новых 25 копен, расположенных на лугах, тянувшихся по течению речек, могли иметь значение довольно существенное.

Нам уже приходилось в связи со сказанным выше о составе семейства Волженских говорить о получении сыном М. М. Волженского Никифором в связи с его браком „приданого поместья“ — $\frac{1}{3}$ деревни Цыберины. Роспись приданого упоминает также о трех крестьянах с женами и детьми и четырех дворовых, которые давались вместе с частью деревни и могли, таким образом, пополнить число людей, зависимых от Волженских. По-видимому, Н. М. Волженский располагал еще неизвестным нам поместьем своей матери, которое в 1669 г. спроворил за кем-то ¹⁾. Он пытался также увеличить свои владения и другими, кроме Цыберины, землями, как о том свидетельствует его челобитье царю Алексею Михайловичу ²⁾ о пожаловании ему поместья. В челобитье он описывает свою службу, и это описание позволяет приурочить челобитье к определенному хронологическому

¹⁾ № 41.

²⁾ № 5.

моменту. Н. М. Волженский пока еще прaporщик, а не поручик, как в позднейших челобитьях¹⁾; в то же время он еще не „крымский полонянин“, как в документах последующего времени²⁾, и не упоминает о службе своей под Ригою и Вильною,³⁾ говоря лишь довольно неопределенно, что „на многих боях и на приступех“ был. В то же время он упоминает уже о смерти под Динабургом брата своего Федора Волженского. Известно, что Динабург был взят 31 июля 1656 года⁴⁾; вероятно, при кровопролитном приступе города Никифор Волженский и потерял брата. Осада Риги происходила с 23 августа по октябрь того же года⁵⁾. Виленская служба Н. М. Волженского относится к октябрю 1658 года,⁶⁾ а взятие его в плен крымцами к сентябрю 1660 года⁷⁾. По всей видимости, челобитная относится именно к августу 1656 г.—промежутку времени между взятием Динабурга и осадою Риги. В это время едва начинал службу молодой служилый человек Никифор Волженский, и так естественно, что он при этом просил себе обычно связывавшегося со службой поместного оклада и четвертного⁸⁾ денежного жалованья, выдававшегося нередко при походах с целью поднять боевуюгодность служилых людей. Приурочение челобитной к 1658 году тем вероятнее, что Никифор Волженский просит поместья, между прочим, „за кровь и за смерть брата своею Феодора“. Известно, что московские служилые люди имели обыкновение просить царской милости по поводу каких-либо недавно случившихся семейных событий в роде гибели на царской службе кого-либо из близких родных—под свежим еще впечатлением этих событий. Так поступал, очевидно, и Н. М. Волженский. В позднейшей челобитной⁹⁾ он упоминает уже не

¹⁾ №№ 93, 6.

²⁾ №№ 93, 9.

³⁾ Ср. №№ 93, 6.

⁴⁾ Соловьев, оп. сjt., т. X, стр. 409.

⁵⁾ ibid., стр. 409—410.

⁶⁾ ibid., т. XI, стр. 56—57.

⁷⁾ ibid., стр. 116—122.

⁸⁾ Повидимому, выдававшегося из приказа Галичской четверти.

⁹⁾ № 93.

о гибели брата Федора, а о смерти другого брата Луки под Конотопом. Поражения же под Конотопом относятся, как известно, ¹⁾ к лету 1659 г.

На основании всего вышеизложенного время подачи челобитной устанавливается, думается, с достаточной определенностью. На обороте челобитной имеется помета, с трудом поддающаяся прочтению: „Государь пожаловал, велел учинить (?) оклад 48 четви (?) денег 9 рублев“. Сопровождалось ли это назначение оклада действительным пожалованием поместья,—в этом можно усомниться, так как в позднейших документах мы не встречаем определенных указаний на нахождение во владении Н. М. Волженского каких-либо новых местностей. Кроме того, в одном документе 1685 года, ²⁾ освобождающем Н. М. Волженского от платежа чрезвычайных военных налогов за 1661—3, 1670,71 и 1673 г.г., содержится указание, что „жили они (Никифор и Лука Волженские) с отцом своим вместе, а не в разделе, и особых дач за ними в тех годех не было ни единого двора“.

Н. М. Волженский и позднее не оставил мысли о приобретении самостоятельного поместья, пользуясь для этого благоприятными случаями. Из одного документа ³⁾ мы узнаем, что товарищи Н. М. Волженского были „государевым поместным окладом и денежным жалованьем прибавкою пожалованы“ за участие в сражении отряда кн. Ю. А. Долгорукого с войсками гетмана Гончевского, окончившемся поражением поляков. И Никифор Волженский просил государя об оказании ему такой же милости, „чтоб ему против своей братии оскорблenu не быть и впредь царской службы не отбыть“. К каким результатам привело это челобитье, неизвестно. Одно очевидно—со службой Н. М. Волженского увеличивается и его первоначально скучный поместный оклад.

По стопам Н. М. Волженского в попытках получения поместья шел и рано погибший в битве под Конотопом брат его Лука. Мы имеем среди документов Вол-

¹⁾ Соловьев, op. cit., т. XI, стр. 64.

²⁾ № 56.

³⁾ № 6.

женского архива его челобитную о пожаловании ему в счет поместного оклада в 650 четвертей поместья убитого на государевой службе иноземца Федора Андреева сына Фамендина в Парfenьевской волости Галичского уезда.¹⁾ Из другого документа²⁾ мы узнаем, что ходатайство Л. М. Волженского не увенчалось успехом: в одной из своих челобитных брат его Никифор пишет, упоминая о гибели его под Конотопом: „А за ним, братом моим, твоево царского жалованья поместейца и вотчинки не было ни единой чети“. Возможно, что отказ в пожаловании просимого поместья объясняется содержащимся в Уложении запрещением передавать русским людям поместья служивших в Московском государстве иноземцев, и наоборот³⁾.

Если Волженские стремились, таким образом, приумножить свое достояние, то нам известен случай, когда они вынуждены были поступиться частью его по соображениям фамильного свойства. В 1664 году М. М. Волженский сговорил дочь свою Анну замуж за галичанина Григ. Афан. Верховского⁴⁾, за которым поместья не было нигде, и которой лишь в 1669 и 1670 годах получил, по наследству от родных, самостоятельные земельные владения⁵⁾. В приданое за невестой М. М. Волженский, по распространенному в Московском государстве XVII века обыкновению, готов был дать ряд земельных владений, выделенных из состава собственного поместья,— дер. Незятеvo, жеребей дер. Вередишина и жеребей пуст. Белянина. всего, если судить по таблице, представляющей состав его владений, несколько более 60 четвертей пашной земли в каждом из трех полей. Уступалось, как видим, более трети владений М. М. Волженского, и на уступки будущему зятю последний мог быть тем щедрее, что сын его Никифор находился в крымском плену, и

¹⁾ № 3.

²⁾ № 93.

³⁾ „А иноземские иноземцов беспоместным и малопоместным, а мимо иноземцов иноземских поместей никому не давати; а русских людей поместей иноземцом не давати“. Гл. XVI, ст. 14.

⁴⁾ № 33.

⁵⁾ № 93.

отец действовал, „не чая его в живых“¹⁾). Начались обычные при сдаче части поместья за дочерью формальности, которые, однако, не были выполнены все в виду того, что М. М. Волженский лежал при смерти, весь израненный напавшими на его усадьбу разбойниками²⁾). В этот тяжелый для него момент вернулся в родные места бежавший из крымского плена сын его Никифор и сразу обнаружил, что зять допустил в своих действиях ряд злоупотреблений, приписав, между прочим, к уступаемым ему владениям и дер. Климову. Это было тем легче, что М. М. Волженский был безграмотен. Трудно, конечно сказать, действительно ли имение М. М. Волженского было захвачено Г. А. Верховским настолькоочно прочно, что вернувшийся Никифор Волженский вынужден был „скитатца меж дворы“, „помирая голодною смертию беспоместной и безвотчинной“, или его жалобы—только реторическая фраза, внесенная в челобитье с целью разжалобить государя; во всяком случае началась тяжба, окончившаяся полюбовной сделкой³⁾). Волженский—отец оказался довольно говорчивым: он удовольствовался возвращением ему половины спорной деревни (под деревней разумеются, как очевидно из документа⁴⁾), не одни постройки, а принадлежавшие деревне угодья, прежде всего пашня) и взамен нее дал зятю в 1665 г. займище Павлово и половину займища Баженка Корепова с немного меньшим количеством земли⁵⁾). Как известно, и Уложение требовало при мене землями приблизительного соответствия их количества⁶⁾). Копия с одного из документов, относящихся к роду Верховских и сохранившихся в делах Костромского Дворянского Собрания, из которой мы заимствуем приведенные данные, оставляет только невыясненными два пункта: во-первых, она не упоминает о передаче Г. А. Верховскому чети

1) Отметим кстати, что в своей челобитной по поводу нападения на его усадьбу в 1664 г. (№ 92) М. М. Волженский уверяет, что ему отрубили правую руку; это не мешает ему, впрочем, вместе с сыном участвовать в нападении на владения кн. П. А. Гагарина (№ 82). Не преувеличивает ли он поэтому, и не была ли его рука лишь повреждена?

2) № 94.

3) № 30.

4) *ibid.*

5) Гл. XVII ст. 3.

пустоши Беляниной и не включает количества принадлежащей к ней пахотной земли в общий итог его владений ($97\frac{1}{8}$ четв. в каждом из трех полей), который, вероятно, вследствие этого немного отличается от указанного одним из сохранившихся подлинных документов ¹⁾ ($103\frac{1}{24}$ четв.); во-вторых, количества пахотной земли, указанные в копии для займища Павлова (11 четв.) и половины займища Баженка Корепова (5 четв.), не сходятся с теми, которые даются в приведенной выше таблице, относящейся к тем же земельным владениям. Нельзя ли объяснить последнее обстоятельство тем, что за промежуток времени, в течение которого они находились в руках М. М. Волженского, в них распахано было большее количество земли; оно и внесено было в позднейший документ, составленный при уступке земли Г. А. Верховскому, сопровождавшейся фактической проверкой ее количества. Что касается вопроса о владении пустошью Беляниной, то следует думать, что она была наряду с другими угодьями уступлена Г. А. Верховскому. В этом убеждает нас сохранившаяся в делах Костромского Дворянского Собрания копия жалованной „ввозной“ грамоты, данной царем Алексеем Михайловичем в 1667 г. Никифору Волженскому на владение поместьем, принадлежавшими ранее его отцу ²⁾. В составе поместья оказываются половина дер. Климовой, дер. Сатеево, почин. Плоское, половина займища Баженка Корепова и займище Елизарково—всего $70\frac{1}{12}$ четв., пашни; о пустоши Беляниной упоминания нет вовсе. Точность перечня находит себе подтверждение и еще в одной сохранившейся в том же деле копии с выписи из отказных книг, ³⁾ где исчисляется буквально тот же самый состав поместья, принадлежавшего некогда М. М. Волженскому, а затем, по смерти его сына Никифора, подлежавшего разделу между его внуками Гаврилой и Никитой; и количество пахотной земли здесь указывается почти то же—70 четв. без дроби. Попытаемся, наконец, подсчитать количество земли во владениях М. М. Волженского, несом-

¹⁾ № 40.

²⁾ № 31.

³⁾ № 35.

ненно оставшихся в его руках. Конечно, такого рода подсчет не может претендовать на полную точность, но во всяком случае мы думаем, что косвенное подтверждение нашего вывода об уступке Белянина Г. А. Верховскому мы все же получим. Деревня Климово в оставшейся за М. М. Волженским половине ее заключала 21 четв. паштной земли (считая перелог); дер. Сатеево, как мы высчитывали на основании вышеприведенной таблицы,—приблизительно 30 четв.; почин. Плоское—7 четв.; займище Елизарково—7 четв.; половина займища Баженка Корепова—5 четв. Задимствованными из таблиц данными по отношению к Климову, Сатееву, Плоскому и Елизаркову мы имеем, думается, право пользоваться, не внося в них изменений, так как для Климова эти данные проверялись при передаче его сперва целиком Г. А. Верховскому,¹⁾ а для остальных деревни, починка и займища они были в глазах московского правительства последними официальными данными о количестве пашни (перепись 1646 г. зарегистрировывала дворы), которыми оно пользовалось без дальнейшей проверки, так как только что упомянутые места не выходили из владения М. М. Волженского. Складывая $21+30+7+7+5$ четв., получаем 70 четв.—итог, совпадающий с приведенным выше для владений Н. М. Волженского без пуст. Белянина, которая, очевидно, была уступлена Г. А. Верховскому.

При рассмотрении состава владений М. М. Волженского обращает на себя внимание еще отсутствие в перечне их жеребья починка Юркина, владельцем которого в другом документе²⁾ также выступает Г. А. Верховский: в 1669 г. он берет у шурина своего Н. М. Волженского беглого своего крестьянина из этого починка. Возможно, что Юркино передал зятю М. М. Волженский еще до возвращения сына из плена—вслед за передачей Г. А. Верховскому поселений, назначенных ему в приданое.

В 1665 г., к которому относится примирение М. М. Волженского с зятем, первый был уже стариком: стоит вспомнить, что он служил еще до 1620 г. Приходилось

¹⁾ № 40.

²⁾ № 73.

подумать о сдаче поместья сыну. Уже в 1667 г. поместье было передано Никифору, „отказано“ за ним, и „отказные книги“ присланы в московский поместный приказ¹⁾. Сдаче поместья часто предшествовал „припуск“ годного к службе сына к отцову поместью. С последним стоит, как нам кажется, в связи один документ Волженского архива, не имеющий, к сожалению, ни начала, ни конца²⁾. Это типичный московский „отказ“, в котором участвуют понятые—крестьяне соседних деревень. По упоминанию о дер. Вередишиной и голове московских стрельцов З. В. Волкове, известном нам из другого документа³⁾, можно утверждать, что речь идет о знакомых уже нам местах. Поместье отводится Н. М. Волженскому в счет оклада в 600 четвертей. Оклад этот, как видим, больше оклада отца его, несомненно, в связи с более высоким рангом, который занимает Никифор Волженский в московской служилой иерархии, состоя в чине жильца московского. В документе упомянут „отхожий луг“ по р. Шуе,—из которого на долю Н. М. Волженского отводится половина находящегося на нем сена— $11\frac{1}{2}$ копен; он же получает $\frac{1}{8}$ десятины лесу. Эти цифры невольно наводят на сближение с другим документом⁴⁾, где упоминается „Матвеев жеребей двадцать три копны“ сена у дер. Вередишиной и „лесу пашенного четъ десятины“ там же и во владении того же М. М. Волженского. Очевидно, в данном случае Н. М. Волженский получил половину отцовского сена и лесного участка у дер. Вередишиной. Соотношение цифр во всяком случае может наводить на мысль, что Н. М. Волженскому в силу рассматриваемого „отказа“ была передана в счет его оклада половина всего отцовского поместья; за передачу ему имения его отца (а не каких-либо новых земельных участков) говорит, по нашему мнению, и приводившееся уже нами указание одного из документов, что Никифор Волженский жил с отцом своим вместе, а не в разделе, и особых дач за ним не было ни единого двора, а равным образом совершенное

¹⁾ № 31.

²⁾ № 29.

³⁾ № 96.

⁴⁾ № 23.

отсутствие указаний на принадлежность Н. М. Волженскому каких-либо новых земельных владений, кроме тех, которые нам известны. На первый взгляд несколько сбивающим наши догадки является содержащееся в „отказе“ упоминание о каких-то пустошах и починках, имеющие поселиться на которых крестьяне обязываются повиноваться Никифору Волженскому и нести в пользу его оброк и барщину: починок во владениях Н. М. Волженского нам известен только один (Плоское), а пустошей, после уступки М. М. Волженским Г. А. Верховскому чети пустоши Белянина, вовсе неизвестно. Заслуживает внимания, что в других документах нигде не говорится о владении Н. М. Волженским пустошами или починками. Невольно закрадывается подозрение, не повторял ли производивший „отказ“ площадной подъячий стереотипной формулы, упоминая по привычке о деревнях, пустошах, займищах и починках, и все ли члены этой формулы имелись на лицо в действительности. Что это могло быть лишь такой формулой без полного реального содержания, доказывается отрывком из другого документа ¹⁾). В нем предписывается галичскому воеводе послать „кого пригож“ в те части поместья М. М. Волженского, которые уступаются им Г. А. Верховскому и исчисляются в документе в знакомом уже нам их составе—без починков, селищ и займищ; между тем, посланному предписывается „переписать деревни, и починки, и пустоши, и селища“.

Если припомнить правила московского „припуска“ ²⁾ и сопоставить их с показаниями наших документов или, вернее, их обрывками, то теория окажется соответствующей этим показаниям: припуском совершеннолетнего сына к отцу устанавливался формально раздел поместья на равные части между отцом и сыном—так было, сколько можно судить, и в данном случае у М. М. и Н. М. Волженских; сын, делавшийся юридически самостоятельным владельцем отведенной ему части поместья, часто поддерживал общность фактического пользования поместьем

¹⁾ № 40.

²⁾ Рождественский, оп. cit., стр. 298—9; о совместном владении—также стр. 338.

с отцом; нельзя ли сопоставить с этим уже приведенное показание документа, что М. М. и Н. М. Волженские жили вместе, а не в разделе? „Особых дач за ними не было“, так как они являлись совладельцами прежнего поместья М. М. Волженского. Что припуск действительно имел место, можно видеть также из документа ¹⁾, где Н. М. Волженский представляется имеющим „своих“ крестьян в 1666 г.—до сдачи ему поместья отцом; в 1665 г. он утверждает ²⁾, что беглой крестьянки Любавки „у него во крестьянстве“ ныне нет; ясно, что вообще крестьяне за ним были. Из документов ³⁾ известует также, что при разделе поместья между отцом и сыном Плоское осталось за отцом. Подробности раздела владений М. М. Волженского в связи с „припуском“ остаются неизвестными, равно как и точное время „припуска“ в конце 50-х или 1660 г. (позднее Н. М. Волженский был в плену).

За припуском последовала сдача М. М. Волженским по его „поступке“ своей части поместья сыну по отказным книгам: „ввозная“ грамота на владение отцовским поместьем, пожалованная затем Н. М. Волженскому в 1667 г. по его челобитью. ⁴⁾ перечисляет, как выше упоминалось, его владения в известном уже нам их составе. Однако, фактическое совладение продолжалось: даже в 1669 г. у М. М. Волженского все еще оказываются принадлежащие ему крестьяне—Сем. Григорьев с товарищами. Об этом говорит начало одного из документов Волженского архива. В дальнейшем содержании документа крестьяне эти представляются, однако, находящимися как будто в совместном владении отца и сына Волженских—упоминается уже о Никифоре Волженском и крестьянах „их“. В челобитных 1667—1668 (176) и 1670 г.г. также указываются М. М. Волженским принадлежавшие ему (вероятно, он не разграничивал принадлежавшего ему от принадлежавшего сыну) деревня, двор, крестьяне и сено. ⁵⁾

¹⁾ № 18.

²⁾ № 72.

³⁾ № 71.

⁴⁾ № 31.

⁵⁾ №№ 19, 83, 84.

К 1669 г. относится еще одно мелкое изменение владений Н. М. Волженского: он уступил Г. А. Верховскому 30 саж. одворенной, т. е. находившейся под крестьянскими дворовыми постройками земли дер. Климовой в переднем поле к дер. Сатееву, получив взамен одворенную же землю в равном количестве — гумно в заднем поле к пустоши Белянину и дер. Соломину¹⁾.

Дальнейшая судьба имений рода Волженских представляется, по документам, в следующем виде: имение Никифора Волженского в том составе, в каком он получил его от отца,²⁾ передается затем его потомству; сын его Дмитрюшка живет, как узнаем, в 1699 г. отдельно от отца, усадьба которого находится в Плоском;³⁾ чем он владеет, сказать невозможно. Дер. Сатеево, как увидим ниже, превратилась в пустошь; в займище Елизаркове и половине Баженкова займища не было тяглых дворов, почему о них не упоминается в платежных отписях, и о принадлежности их Н.М. или Дмитрюшке Волженскому судить невозможно. Едва ли Дмитр. Волженский пережил отца: после смерти Н. М. Волженского право на половину его владений — по 35 четвертей пахотной земли в каждом из 3 полей признается за братом Дмитрюшки Гаврилой⁴⁾. Еще один сын Н. М. Волженского — Никита живет с отцом в Плоском⁵⁾; по смерти его из законной его части (также по 35 четвертей в поле) указанную часть — пять четвертей с полуторым четвериком — получает его вдова Авдотья Афанасьевна из рода Черевиных, а из оставшегося удовлетворяются по третям — по 10 четвертей без полчетверика — его сыновья Иван, Афанасий и Федор. Старший — Иван получает половину усадьбы Плоского и десять четвертей без полчетверика в дер. Сатееве⁶⁾. Таким образом, имение Волженских сильно раздробилось; в состав поместья Иванова сына Александра, хлопотавшего о внесении его

¹⁾ № 32.

²⁾ О судьбе дер. Цыберина мы ничего более не знаем.

³⁾ № 102.

⁴⁾ № 35.

⁵⁾ № 102.

⁶⁾ № 35.

в дворянскую родословную книгу Костромской губ., входило уже очень немного из прежних владений рода Волженских. В деле № 239, производившемся в Дворянском Собрании по поводу этого внесения, сохранились данные о землевладении А. И. Волженского и количестве принадлежавших ему крепостных (копия справки из журнала № 15 Костромского Дворянского Собрания 26 ноября 1795 года ¹⁾). По этим данным, за ним значилось всего 56 душ мужского и 71 душа женского пола, занесенные в четвертую ревизию (1782 г.) Из них 20 душ м. п. и 19 ж. п. значились во владении матери А. И. Волженского—Ульяны Ивановны из рода Захаровых—в дер. Высоковой Кадыевской округи; 17 душ м. п. и 23 ж. п. были получены им в приданое за женой в дер. Шутове той же округи, и только 19 душ м. п. и 29 ж. п. приходилось на долю старинного родового гнезда Волженских—дер. Плоского, да и этого было много, если обратить внимание на совершенно ничтожное количество дворовых людей, полученное в половине усадьбы Плоское Иваном Никитичем Волженским, отцом Александра Ивановича. Ив. Ник. получил ²⁾ всего одного дворового человека с женою да другого, находившегося в бегах, с женой и детьми—сыном и двумя дочерьми. В виду замечающейся резкой разницы нельзя ли даже предполагать, что А. И. Волженский переводил в опустевшее Плоское людей из других своих владений? Других представителей рода Волженских, кроме А. И. Волженского с семьею, в Костромскую дворянскую родословную книгу внесено не было, так что нужно полагать, что остальная часть старых родовых владений Волженских со временем безвозвратно ушла из их рода ³⁾. И самое местопребывание свое А. И. Волженский имел уже не в Плоском, а в сельце Шильникове Кадыевской округи, перебравшись затем, с началом службы по дворянским выборам, в гор. Кадый ⁴⁾.

¹⁾ Лист 24.

²⁾ № 35.

³⁾ Владения Г. А. Верховского перешли после него и его сыну Ивану (дело № 253, лист. 6) в 1677 г.

⁴⁾ Дело № 239, лист 17.

IV.

Мы старались проследить, преимущественно на протяжении периода с 40-х г.г. XVII столетия по конец его, те изменения, которые происходили в землевладении Волженских. Мы отмечали то, что положительно устанавливается нашими источниками; мы старались восполнить и об'яснить, хотя бы помощью догадок и предположений, те пробелы, которые оказывались в материале, находившемся в нашем распоряжении по данному вопросу. Но, помимо перемен легальных, оговариваемых в документах и закрепляемых ими, сколько можно отметить перемен, вызванных пограничными спорами о межах, которые были так обычны в XVII веке при недостаточной установленности поземельных отношений между соседними владениями! Как известно, правительство принимало меры, чтобы предотвратить возникновение тяжебных дел о земле: посыпались писцы, раздельщики, измерявшие землю, разграничивавшие соседние владения; составленные ими писцовые, переписные, отдельные и иные подобные книги служили основанием прав на землю или находившиеся на ней дворы. Переход „межи писцовой“ вызывал жалобы и со стороны М. М. Волженского¹); он подавал челобитья о пожаловании ему выписи межевой, а также выписи из отдельных книг²). Наряду с целью размежевания земель правительство преследовало иногда и фискальные цели: таково именно, как хорошо известно, значение писцовых книг. В книге Ю. В. Готье „Замосковный край в XVII веке“ вопрос о переписях и межеваниях в Галичском уезде оставлен почти не освещенным, и вообще Ю. В. Готье уделяет в своем исследовании Галичскому уезду гораздо менее внимания, чем другим частям Замосковного края. Смеем поэтому думать, что издаваемые ныне документы внесут кое-что, хотя (в виду сбивчивости показаний) и не в достаточной мере, в имеющиеся данные о податных описаниях и поземельном межевании этого района. Даже С. Б. Веселовским отмечено не все (занимается

¹⁾ №№ 77, 79, 80.

²⁾ №№ 21, 23, 36.

он лишь податными описаниями), да к тому же, по его собственному заявлению, (стр. 569) данные им в приложении ко II тому, „Сошного письма“ списки податных описаний не претендуют на исчерпывающую полноту. В нашем собрании имеются, прежде всего, указания на межевание, производившееся в 1613—1614 году (цифра написан, впрочем, неотчетливо, так что возможно, вместо—в 122 чтение—е 125 г.) Никитой Беклемищевым и под'ячим „с приписью“ Ф. Л. Тихомировым;¹⁾ „а межевали они з боярскими и с монастырскими вотчинами; и с поместьями, и с поместными землями“. Мы узнаем также, что описание Шебальской волости вместе с измерением владений производилось „писцом и мерщиком“ Влад. Сем. Племянниковым и под'ячим „с приписью“ Гуром Патрикеевым; на этот раз можно с полной определенностью установить не только межевую, но и фискальную цель работы: Племянников „писал дворы и людей в них“,²⁾ и результатом его работы явились писцовые книги³⁾; он насчитал во владениях, перешедших позднее к М. М. Волженскому, четь с осминою и полуторым четвериком пашни.

По вопросу о времени работы Племянникова и Патрикеева наши документы дают разноречивые показания: один из них⁴⁾ относит ее к 130 (1621—1622) году, другой⁵⁾ к 140 (1631—1632); третий⁶⁾ соединяет работы Племянникова и Патрикеева с межеванием Шебальской волости „писцом“ Беклемищевым, т. е. производившимся, вероятно, им здесь составлением писцовых книг. С. Б. Веселовский упоминает о Влад. Племянникове, как о писце гор. Оскола,⁷⁾ но не отмечает его деятельности в галичских краях. Необходимо определить, относилась ли деятельность Племянникова и Патрикеева к 1621—1622 или 1631—1632 году. На основании наших документов этого нет возможности сделать, равно как и на основании имевшихся в нашем распоряжении 1, 2, 7, 11, 12, 13 и 14

¹⁾ № 65.

²⁾ № 50.

³⁾ № 50, 51.

⁴⁾ № 65.

⁵⁾ № 50.

⁶⁾ № 36.

⁷⁾ op. cit., II, стр. 614.

томов „Описания документов и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции”; в силу внешних условий работы в провинции¹⁾ приходится ограничиться лишь более или менее вероятными предположениями и доводами субъективного характера. В цитированном неоднократно исследованием Лаппо-Данилевского есть одно указание на возможность производства переписи в 1622 г. Именно, он приводит показание Успенского, исследователя первой четверти XIX столетия, об издании указа 1622 г., „которым велено было переписать население и земли государства“²⁾. Составление писцовых книг производилось также в 1625—1630 г.г.³⁾. В иные годы только „продолжали производиться переписи плохо или еще вовсе не описанных городов и уездов“⁴⁾. В „Описании документов и бумаг“ архива министерства юстиции находятся указания, что Ерская волость описывалась Н. Беклемищевым, кн. Н. Мещерским и Ф. Тихомировым в 1627—1632 и 1635 г.г. В 1628 г. занимались описанием Ерского и Шебальского станов Н. И. Ласкирев и подъячий Ждан Ромоданов⁵⁾. Шебальский и Ерский станы— надо думать, то же, что волости с этим наименованием.

Из исследования Лаппо-Данилевского узнаем,⁶⁾ что деятельность Беклемищева в Галичском уезде продолжалась до 1648 г., начавшись с 1627 г., т.е. в конце 20-х г.г. Беклемищев работал одновременно с кн. Н. Мещерским; затем он сменил последнего, умершего во время переписи, и завершил его работу⁷⁾. Мы склонны были бы думать, что и Владимир Племянников с подъячим Гуром Патрикеевым работали одновременно с Беклемищевым в начале тридцатых годов XVII века, описывая дворцовые земли, тем более, что описание Галичского уезда далеко не было закончено. По писцовым книгам Владимира Племянникова

¹⁾ Прочих томов „Описания“ мы достать не могли, а равно и описания документов и бумаг московского отделения архива б. министерства императорского двора, где имеются документы, касающиеся дворцовых волостей (такова и Шебальская).

²⁾ op. cit., стр. 192, прим. 2.

³⁾ ibid., стр. 192.

⁴⁾ ibid.

⁵⁾ т. I, стр. 39.

⁶⁾ op. cit., стр. 194.

⁷⁾ сп. № 36; см. у Веселовского, op. cit., II, стр. 213.

предписывает собирать подати с имения М. М. Волженского московское правительство¹⁾). Если бы год, когда составлялись писцовые книги (140=1631—1632 г.), был в этом распоряжении означен ошибочно, и вместо него должен был бы стоять 130 (1621—1622) год, то естественнее было бы ожидать со стороны правительства начала 40-х г.г. повеления собирать подати по позднейшим книгам 1627—1635 г.г., которые должны были бы заменить собою книги 1621—1622 г., если бы таковые в этот год составлялись Влад. Племянниковым. С другой стороны, заслуживает внимания и то обстоятельство, что 1631—1632 г., как год составления писцовых книг Племянниковым и Патрикеевым, указывается в официальном документе—бессспорно более достоверном, чем частная запись, говорящая о различных, совершенно не связанных один с другим предметах, какую представляет собою документ, упоминающий о работах Племянникова и Патрикеева в 1621—1622 г. Таким образом, мы полагаем, что Ник. Беклемишев и Влад. Племянников одновременно составляли писцовые книги в Галичском уезде в начале 30-х г.г., и сопоставление их деятельности, сделанное в одном из вышеупомянутых документов, является совершенно правильным. Результаты работ Н. Беклемишева и В. Племянникова имели важное значение и для М. М. Волженского: с ними связана межевая выпись на его владения, выданная ему по его челобитью и сохранившаяся в Волженском собрании²⁾.

В 1639 г., как нам приходилось уже указывать, составлены были Фед. Полтевым и под'ячим Спир. Второвым отдельные книги, выписью из которых в сохранившейся ее части мы пользовались для составления таблицы, характеризующей владения М. М. Волженского. Отметим кстати, что к этим отдельным книгам обращались, когда новые займища предоставлялись во владение М. М. Волженского, или производилась передача им части его владений его зятю Г. А. Верховскому³⁾.

¹⁾ № 50.

²⁾ № 21. В выписи вслед за упоминанием о крестьянах Шебальской волости в конце ее встречаем зачеркнутые слова: «иноки Марфы Ивановны государыни»—новое, повидимому, упоминание о принадлежности ей указанной волости в момент производства описания.

³⁾ №№ 39 и 40.

Вероятно, те же книги имел в виду М. М. Волженский, упоминая в одной челобитной¹⁾ о показании отнимавших у него землю крестьян кн. П. А. Гагарина, будто у них имеется „за дьячью рукою выпись“ на владение захваченою землею; выпись эту М. М. Волженский видел и находил в ней, напротив, подтверждение своих прав на спорную землю. Фед. Полтев не только делил земли, но и описывал их (см. таблицу выше); с точки зрения принятой московским правительством системы исчисления владений по „дворовым четвертям“ насчитано было „в живущем две чети с полуосминою без полчетверика“²⁾ пашни. Позднее, как и у Вл. Племянникова, насчитываются во владениях М. М. Волженского лишь „четь с осминою и с полуторым четвериком“³⁾. Так условно измеряется „дворовой четвертью“ „живущая пашня“ в его имени и уже в документе, относящемся к 1649 году, и это измерение повторяется в другом документе 1660 года⁴⁾. Очевидно, в промежуток 1639—1649 г.г. произведено было новое обследование земель в Галичском уезде, и закрепленные в документах результаты его могли служить новым подтверждением прав на владение землями и крестьянами. Один из документов упоминает о межевании Шебальской вол. Никит. Беклемишевым в 40-х г.г., сколько можно судить по именам упомянутых в документе лиц;⁵⁾ а в 1646—1648 г.г. со специальной целью урегулирования податного обложения составлялись переписные книги по всему государству⁶⁾. Для Галичского уезда нам известны переписные книги Андрея Сонина да под'ячего Бориса Протопопова, в которых исчислялись дворы, находившиеся во владении помещиков⁷⁾. Уже цитированное выше „Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции“, указывает на

1) № 83.

2) № 50.

3) № 42.

4) № 44.

5) № 37; в Московском архиве министерства юстиции хранится межевая книга Н. И. Беклемишева и Арт. Рагозина по Шебальской и Ерской волостям 1647—1648 г.г. (Опис. докум. и бум., т. I, стр. 41).

6) Лаппо-Данилевский, оп. cit., стр. 192.

7) Ср. № 59.

уцелевшую доныне и хранящуюся в архиве переписную книгу Ерской и Шебальской волости, составленную А. Сониным и Б. Протопоповым в 1648 г.¹⁾). Упомянутая в нашем документе 1649 г. „четь с осминою и с полуторым четвериком” выражает, как увидим ниже, подсчитанную Андр. Сониным цифру тяглых дворов, переведенную обычным тогдашним порядком на дворовые четверти. Еще позднее, когда поместье М. М. Волженского далеко не в полном составе перешло к его сыну Никифору, произведено было новое обследование Галичского уезда при составлении „переписных книг 186 году”; как известно, переписные книги в 1676—1678 г.г. составлялись по всему государству²⁾. Так на протяжении почти всего столетия время от времени подвергались обследованию и межеванию земли Галичского уезда—конечно, главным образом с фискальной целью. Данные этих обследований и могли служить доказательствами прав на владение известными земельными участками—пашней, дворами, а в дополнение к ним давались правительством уже упоминавшиеся нами выписи из отказных книг и „ввозные” грамоты при передаче владений.

Кроме этих официальных данных, велись, повидимому, иногда у помещиков записи частного характера. Вероятно, такую запись представляет собою один документ,³⁾ писанный двумя различными руками, где говорится о беглых крестьянах М. М. Волженского, а далее сделана другой рукой заметка: „А меж де прежде сево промеж Плоским и Борановым не бывало, ни граней”. Рука, сделавшая заметку, кажется нам одинаковой с подписью в дальнейшей части документа: „Поп Александр Калинин, поп, сын попов”. Вслед за заметкой о межах и гранях рукой, писавшей о бегстве крестьян, перечисляются крестьяне дер. Мизина П. Ф. Петлина (?), дер. Тшаникова (в других документах—Чанникова) С. Л. Хрущова, дер. Степина Н. Д. Спесивцева, дер. Вередишина Панф. В. Волкова, дер. Степурина Е. Д. Ржевского, ряд дру-

¹⁾ Т. I, стр. 43.

²⁾ Лаппо-Данилевский, оп. cit., стр. 192.

³⁾ № 61.

гих названий деревень и фамилий помещиков, отчасти известных нам по другим документам (Н. Д. Спесивцев, Г. И. Бутурлин), упоминается также встречающийся в другом документе В. Г. Токарев, и затем продолжается на том же столбце: „Межа Плесковская¹⁾ по прудец по старую изгороду“. Тут же стоит другая касающаяся землевладения помета—об уступке „на престол к Воскресенью Христову“ неизвестно кем починка Седельникова на правой стороне р. Шуи. Вслед за рассматриваемой записью встречается, далее, еще одна, которая свидетельствует о принадлежности починка Павлова Н. Д. Спесивцеву. Записи можно, думается, отнести ко времени вскоре после 1641 года,²⁾ или даже к самому этому году, так как они находятся среди других на том же столбце, упоминающих о происшествиях, относящихся к тому же году. Такое хронологическое приурочение последних, помимо упоминания о бегстве крестьян и свозе имущества именно в 1641 году, приблизительно оправдывается рядом косвенных данных как положительного, так и отрицательного характера (отметим кстати, что тождество почерков различных записей свидетельствует, вероятно, об их одновременности). Так, имя Н. Д. Спесивцева встречается в выписи из отдельных книг 1639 года и документе начала 40-х г.г.; имена В. Г. Токарева³⁾ и С. Л. Хрущова, как владельца дер. Тчаникова (очевидно, того же Чанникова), встречаются в документе 1643 г.;⁴⁾ Е. Д. Ржевский, как владелец дер. Степурина, упоминается в документе 1642 или 1643 г.;⁵⁾ имя Г. И. Бутурлина упоминается в пятидесятых годах: его крестьяне принимали (равно как и крестьяне Панф. Волкова) участие в повальном обыске, связанным с пожалованием М. М. Волженскому трех займищ;⁶⁾ оно же упоминается в одном документе 1657 г.⁷⁾; значит, нет ничего странного в том, что он (как и Панф. Волков) владел поместьем по соседству с М. М. Волжен-

1) Очевидно, Плесковская.

2) № 23 и 75.

3) Он назван В. Г. Токаревским.

4) № 76.

5) № 62.

6) № 27.

7) № 86.

ским также около 1641 г. Подпись другим почерком принадлежит Воскресенскому попу Александру,—несомненно, тому же самому, который упоминается в одном из документов 1643 года ¹⁾). Из отрицательных доказательств появления рассматриваемых записей около 1641 г. можно привести следующие, определенно свидетельствующие, что нельзя приурочить их к значительно более позднему времени: в 1657 г. дер. Мизино (очевидно, то же Мизино) было уже за Ал. Нащокиным ²⁾; дер. Степино перешла к Дм. Булгакову, который владел ею в то самое время, когда Мизино находилось в руках Нащокина ³⁾; в 1667 г. Чанниково числилось за кн. И. П. Гагариным; ⁴⁾ при Воскресенской церкви, вместо попа Александра, оказывается в 1657 г. поп Трифон; ⁵⁾ починок Павлов к 1657 г. переходит в руки М. М. Волженского. Можно, кажется, думать, что имена крестьян, принадлежавших различным помещикам и проживавших в различных деревнях, и вслед затем упоминание об отсутствии межевых знаков между Плоским и Бараповым и о Плосковской меже появились в документе в связи с какой-либо веденной М. М. Волженским из-за этой межи тяжбой. На последнее как будто намекают зачеркнутые в тексте документа слова: „Завладил у меня Яков Савелов землею по прудец да по старую“... Повидимому, для М. М. Волженского делались кем-то (частью попом Александром Калининым) черновые записи по поводу происшествий, почему-либо привлекавших к себе его внимание, и по вопросу о правах на землю его самого и других землевладельцев. Возможно, что он хранил эти записи не без надежды когда-либо воспользоваться ими в случае нужды при отстаивании своих прав на землю.

С „межой писцовой“ и пограничными изгородями и межевыми знаками сопоставляется неоднократно упоминаемый ⁶⁾ „иконный расход“ ⁷⁾—обход владений по межам

¹⁾ № 76.

²⁾ № 86.

³⁾ № 105.

⁴⁾ № 17.

⁵⁾ № 86.

⁶⁾ №№ 77, 79, 80, 82, 83, 84.

⁷⁾ „Образное хожение“, как способ разграничения спорных земель, известно и Уложению (гл. X, ст. 236 и 237),

с иконами, устанавливавший своеобразное право на землю при разрешении поземельных тяжб. Но часто не помогают ни документы, ни пограничные знаки, ни судебные попытки разграничения земель: охрана границ—дело очень трудное и беспокойное. Сколько беспокойств приходилось при этом испытывать,—красноречиво свидетельствует ряд члобитных, подававшихся М. М. Волженским на государево имя. Среди имеющейся в нашем распоряжении сотни с небольшим документов до десятка относится к истории тянувшихся более тридцати лет столкновений между крестьянами М. М. Волженского и самим помещиком—с одной стороны и крестьянами соседних деревень—Чанникова, Мулина и Вепрева с другой. Временами борьба принимает характер какой-то междоусобной войны (нужно, впрочем, считаться с естественным в члобитных сгущением красок). Мы не будем останавливаться на ее подробностях, отсылая интересующихся тогдашними нравами к подлинным документам; отметим только некоторые черты происходивших столкновений и сопоставления, возникающие при изучении документов. Уже в 1639 г., едва только успел М. М. Волженский основаться в Галличских местах, крестьянин дер. Чанникова Петр Арефьев овладел небольшою частью пашни и луга, принадлежавших починку Плоскому¹⁾; Чанниково принадлежало тогда С. Л. Хрущову²⁾. В 1641 г. последовало нападение на владения М. М. Волженского со стороны старосты и крестьян соседних помещиков—того же С. Л. Хрущова, Я. П. Савелова и Н. Д. Спесивцева, а также, возможно, и других³⁾. В 1643 г. крестьяне С. Л. Хрущова из Чанникова стали отгораживать себе в поле принадлежавшую М. М. Волженскому землю и совместно с крестьянами Я. П. Савелова учинили здесь грабеж, захватив и „пострелив“ одного из плосковских крестьян, Сеньку Григорьева, т. е. поранив его⁴⁾. К 1657—8 г. относится новый

1) № 79.

2) №№ 61, 75.

3) Если возможно принять, что отрывочные указания документа № 61 относятся к тому же происшествию, что и данные документа № 75; судя по зачеркнутым словам документа № 61, набег сопровождался захватом принадлежавшей М. М. Волженскому земли. Если допущение неосновательно, то приходится говорить о двух набегах в течение одного года.

4) № 76.

шумный набег на Плоское Хрущовских крестьян, принадлежавших теперь уже Трофиму Хрущову, сыну Степана¹⁾; крестьяне выступают во главе с Петром Арефьевым, все еще владевшим захваченою им в 1639 г. плосковскою землею, и Дружиною Спиридовым; в челобитной, поданной по этому поводу М. М. Волженским,²⁾ фигурирует уже знакомый нам Сенька Григорьев. Наступает следующий год. Петр Арефьев все еще владеет землею, жалоба на него повторяется³⁾, но беспокойные Хрущовские крестьяне не прекращают враждебных действий, и унять их невозможно. Как можно судить по одной из позднейших челобитных⁴⁾, в конце 50-х г.г. имели место и другие захваты земли М. М. Волженского: нарушена была межа с ограждавшими ее знаками, захвачены участки в двух полях и дерти; завязались судебные процессы пред воеводами К. Г. Шиповым и затем кн. С. С. Горчаковым (мы относим эти захваты ко второй половине 50-х г.г., так как имя К. Г. Шипова встречается в другом документе второй половины 50-х г.г.⁵⁾; кн. С. С. Горчаков известен по отписи, данной им Спасскому, что на Воче, монастырю во взносе меховых денег на 164—166 г.г.⁶⁾; обе стороны доказывали свою правоту; но процесс затормозился призывом М. М. Волженского на службу по случаю польской войны, который относится к 1657 или началу 1658 г.⁷⁾ К неизвестному году относится еще одно описание столкновения с теми же чанниковскими крестьянами Троф. Хрущова; на этот раз Сергей Ульянов и Иван Наумов с товарищами завладели принадлежавшими М. М. Волженскому землею, лесом, дертями, сенными покосами, уничтожив пограничные знаки⁸⁾. Повидимому, в данном документе имеются в виду те же факты, которые отмечены и в только что рассмотренной челобитной. К этому же (повторяется имя Серг. Ульянова) или дру-

¹⁾ Руммель и Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. II, стр. 617. СПБ., 1887.

²⁾ № 79.

³⁾ № 80.

⁴⁾ № 83.

⁵⁾ № 39.

⁶⁾ Костромская старина, вып. V, стр. 84.

⁷⁾ № 87.

⁸⁾ № 77.

гому подобному делу, в связи с которым вчинена была М. М. Волженским тяжба, относится сохранившаяся в Волженском архиве краткая заметка,¹⁾ где М. М. Волженский выражал намерение „заприставить деревни Чаникова в земленом деле Данку Васильева, да Илейку Степанова, да Сергейко Ульянов“. Мы понимаем „земленое дело“ не в смысле земляных работ, а в смысле дела, тяжбы о земле, имея в виду, во-первых, постоянно враждебные отношения крестьян М. М. Волженского к Чаниковским крестьянам, а во-вторых, одну цитату из документа XVII века, приводимую М. М. Богословским в I томе его труда „Земское самоуправление на русском севере в XVII в.“: „А целовальнику с судьею в суде сидети, и явки и изветныя (челобитныя) у нас принимать, и на земляныя дела, и на проправныя ходити ко крестьянам, кой побьет челом, и записки записывать“²⁾. „Земляные дела“ сопоставляются здесь с делами о потравах, и смысл термина не оставляет никаких сомнений. Другой термин „заприставить“ имеет, вероятно, тот же смысл, что термин „приставить“ или „приставливати“, неоднократно употребляемый в Уложении для обозначения вчинения судебного дела³⁾.

Троф. Хрущов умирает,—как известно из другого источника⁴⁾,—в 1660 г., но не действует и перемена владельца: среди документов Волженского собрания оказывается заметка, что приходили крестьяне вдовы Троф. Хрущова во главе опять с Дружинкой Спиридоновым, сняли рожь и сено косили⁵⁾. Происходит в деревне новая перемена владельца,—в 1667 г. дер. Чаниково находится уже в руках кн. П. А. Гагарина и сына его кн. И. П.,⁶⁾ но упорно продолжаются пограничные недоразумения. Теперь нападающей стороной оказываются уже

¹⁾ № 78.

²⁾ Стр. 307.

³⁾ Гл. X, ст. 182, 185, 191, 229; гл. XX, ст. 55, 65.

⁴⁾ Руммель и Голубцов, оп. cit., т. II, стр. 617.

⁵⁾ № 81.

⁶⁾ №№ 17 и 82; у кн. И. П. Гагарина Друж. Спиридонов оказывается старостой; повидимому, дер. Чаниково была в совместном владении кн. П. А. и И. П. Гагаринов, из которых первый умер в 1670 г. (Петров. История родов русского дворянства, т. I, стр. 147. СПБ. 1886).

М. М. и Н. М. Волженские, на которых подает жалобу староста кн. П. А. Гагарина Федька Яковлев со своими односельчанами: дело идет о таком же буйном и самоуправном нападении со стороны Волженских на их противников, жертвою подобных которому они не раз бывали сами; кстати и староста Яковлев оказывается знакомым нам участником нападения на владения Волженских в 1641 г.

В 1667—1668 (176) г. на сцену со стороны кн. Гагариных выступает опять тот же неугомонный Петр Арефьев с товарищами, и опять жертвою его является тот же Сенька Григорьев с дочерью, и снова дело идет о захвате земли и бесчинстве крестьян. И новая челобитная М. М. Волженского¹⁾, в которой он напоминает также о столкновениях и процессах 50-х г.г., не улучшает его положения: в 1670 г. ему приходится опять жаловаться на захват земли, бесчинства и угрозы Петра Арефьева и др.; здесь же оказывается и знакомый уже нам Федька Яковлев, Гагаринский староста 1667 г., не оставшийся теперь в долгу перед обидчиком своих односельчан. Видимо, к 1670 г. бесконечная борьба с Хрущевскими и Гагаринскими крестьянами страшно утомила М. М. Волженского: „и яз, государь, от их воровства и насилиства в конец погиб“, пишет он²⁾... и начинает новую тяжбу. Матвею Волженскому было тем труднее найти управу на крестьян, что владельцы их, кн. Гагарины, были людьми родовитыми и, конечно, умели находить себе защиту и покровительство в московских административных кругах. Что касается Хрущовых, то они известны нам из различных источников, как люди довольно видные и состоятельные. Е. Н. Щепкина, изучавшая писцовые и переписные книги Тульского уезда в XVII веке, отзывает о роде Хрущовых, многочисленные представители которого встречаются в этих книгах, как о „цвете Тульского служилого люда“³⁾. Известен был в тульских краях и Степан Лукьянович Хрушов, занимавший

¹⁾ № 83.

²⁾ № 84.

³⁾ оп. си. стр. XII.

должность государева постельничего. О нем есть сведения, что он в 1613 г. был дворянином московским, в 1618 г. послан был царским послом в Крым, но по пути взял его в плен „саадачный наезд“, и пришлось Хрущову испытать литовскую неволю, за перенесение которой он был пожалован в вотчину поместьем в Тульском уезде; его знают тульская писцовая книга 1628 г. и переписная 1646 г. В 1624—1627 г.г. он был воеводой передового полка в Дедилове; с 11 февр. 1628 г. по 1634 г.—постельничим царя Михаила и наместником трети Московской¹⁾). Если должность постельничего была сравнительно неважной, и ее „занимали члены третьестепенных некняжеских родов, которые не бывали не только в боярах, но даже в окольничих“²⁾, то во всяком случае Хрущовы могли иметь придворные связи и были родом честнее Волженских. В 1637 г. мы видим С. Л. Хрущова воеводою в Великом Устюге³⁾; с 27 июня 1641 г. по 1642 г. он был вторым воеводой в Казани. Его сын, Трофим Степанович, стольник, исполнял (1639—1650) различные придворные обязанности, в 1652—1653 г.г. был воеводой в Цареве-Алексееве городе, а в 1656 г. известен, как воевода ахтырский...

Если и М. М. Волженский и его соперники многие годы упорно спорили из-за каждого клоака земли, если не только крестьяне, но и помещик не упускал случая легальным или захватным путем увеличить свое достояние, то что же удивительного, если по стопам барина шел его староста и действовал в том же направлении? До нас дошла одна челобитная⁴⁾, свидетельствующая именно о таком должностном усердии барского слуги—старосты, своей небрежностью,—возможно, умышленной и имевшей целью расширить барские владения, доведшего одного из крестьян Д. Н. Неплюева из починка Юркина

1) *ibid.*, стр. 4, и 136; некоторые сведения о Хрущовых—из Руммеля и Голубцова, оп. *cit.*, т. II, стр. 615—617.

2) Павлов-Сильванский. Государевы служилые люди. Изд. 2-е. СПБ., 1909, стр. 156.

3) Богословский, оп. *cit.*, стр. 104, прим. 2; о нем же см. стр. 85, прим. 1.

4) № 11.

до потери двора и дома. Неизвестно, как отнесся к действиям своего старосты М. М. Волженский, к которому обратился с челобитьем потерпевший, но очень может быть, что плутня старосты была и не так неприятна барину.... Заметим кстати, что дело происходило, вероятно, в сороковых годах XVII века, так как имена лиц, упоминаемых в документе, встречаются также в выписи из отдельных книг Фед. Полтева 1639 г.

V.

На предшествующих страницах мы отмечали те легальные и нелегальные способы, к каким прибегали в XVII веке помещики и крестьяне для добывания земли и закрепления ее за собою. Можно сказать, что они обнаруживают в этом случае иногда большую дерзость, почти всегда—цепкость и настойчивость. Годами приходится вести поземельные тяжбы, ревниво охраняя каждый вершок своих владений¹⁾). Но нужно сказать, что распаханной земли не так много, и что землядается не даром: обладание ею связано для помещика с тяжелой царской службой, и дворянин, начав последнюю в молодости, до старости не получает возможности покинуть ее; кроме того, владение как поместьями, так и вотчинами связано с тяжелыми платежами в царскую казну, которые временами становятся прямо непосильными. Обстоятельства времени властно требуют напряжения всех сил государства; то и дело мобилизуются служилые, требуются даточные люди, комплектируются вновь полки стрелецкие, и создаются полки иноземного строя; взимаются не только обыкновенные, но и чрезвычайные военные налоги... Стойт только вспомнить те многочисленные войны, ко-

1) Не в связи ли с враждебными отношениями, существовавшими между крестьянами Волженских и их соседей помещиков, стоят два документа (№№ 104 и 105), где упоминаются „имена отводным людям”, принадлежавшим различным помещикам? Уложение знает этот термин „отводные люди” (гл. X, ст. 161) в смысле людей, которые, в силу враждебных отношений к одной из сторон, участвующих в деле, могли бы возбудить подозрение в пристрастии, и по отношению к которым мог бы быть возбужден вопрос об отводе их от участия в повальном обыске, выяснявшем нравственную физиономию обвиняемых. Не производился ли когда-либо повальный обыск по поводу столкновений Волженских и их крестьян с соседями?

торые вынуждено было вести Московское государство в XVII веке с того хронологического момента, с которого начинается повествование наших документов о судьбах рода Волженских,—и наряду с этим внутренние нестроения, и смуты, и тяжелые кризисы, которые приходилось переживать государству, где население бродило неудержимо, заселяя новые места, раскидываясь в необ'ятную ширь по громадной территории... И на Волженских сказалось тяжелые обстоятельства времени, и им приходилось иногда подолгу нести ратную службу, испытывать все трудности далеких походов; один из них несколько лет томился в крымском плену; приходилось им и страдать от ран, полученных в сражениях, а некоторым—даже принять смерть на бранном поле...

Мы упоминали уже выше о службе Михаила Волженского, Матвеева отца, и о службе Матвея Михайловича, протекавшей еще до 1620 г.—при царе Михаиле, и в 1652—1653 г.г. После получения Галичского имения—в сороковых годах М. М. Волженский, как мы можем проследить по его челобитным, живет или здесь, или на уже упоминавшемся принадлежавшем ему посадском дворе в Вязьме; в это время Московское государство не воевало. После исполнения служебных поручений в начале 50-х г.г. он снова, повидимому, оказывается в поместье, а в самом конце 1657 или 1658 г. ему вместе с товарищами—другими служилыми людьми „сказана государева служба“¹⁾, об обстоятельствах которой мы не имеем никаких данных, кроме упоминания о ссоре его и поранении²⁾ им земляка—Ф. С. Скobelцына во время похода в Лоеве²⁾ в 1659 г. В каком именно отряде московского войска служил М. М. Волженский, мы установить не могли за неимением детальных сведений о передвижениях и расположении отдельных частей во время войны. Во всяком случае стоит отметить чрезвычайную, свыше сорока летнюю продолжительность его службы и то, что уже стариком он участвует в далеком походе. Вскоре—в 170 (вероятно—1662) г. М. М. Волженский в одной из своих

¹⁾ № 87.

²⁾ № 88.

челобитных¹⁾ говорит уже, как о своей братье, об отставленных от службы дворянах; очевидно, он в это время жил уже на покое в своем поместье. В последующие годы, как уже упоминалось, он уступил свое поместье сыну и зятю.

Если от М. М. Волженского перейдем к его детям, то о службе их мы получим более подробные сведения лишь в отношении к Никифору. Федора Волженского, как мы полагаем, едва ли можно считать родным сыном М. М. Волженского, да и известно о нем лишь то, что он был убит выстрелом из пушки под Динабургом, состоя в чине капитана, т. е. пробыв на службе довольно продолжительное время. По отношению к Луке Волженскому мы имеем, кажется, возможность определить приблизительное время начала его службы: в одной из своих челобитных²⁾ он упоминает о том, что служит седьмой год; челобитная упоминает „прошлый“ 162 г.; так как дело идет о пожаловании Л. М. Волженскому поместья в галицких местах, о смерти владельца которого (она и относится к 162 г.) он мог быстро узнать, то, вероятно, челобитную следует отнести к 1655 г., а начало его службы к 1648 или 1649 г.³⁾ „Драгунского строю поручик“ и одновременно, как и его брат Никифор, жилец московский,—он упоминает о том, что ранен,—надо думать, в одном из боевых столкновений самого начала польской войны. От раны Лука Волженский оправился, и мы снова видим его в походе, пока он летом 1659 г. не был, как уже упоминалось, убит под Конотопом.

Никифор Волженский, как явствует из одного документа⁴⁾, начал службу в 162, т. е. 1653—1654 году; однако в собственной своей челобитной⁴⁾ Никифор дает 163 год. Рейтар, позднее прaporщик пехоты и жилец московский, затем „драгунского строю поручик“, он служил, как уже упоминалось, под Динабургом и Ригою и принимал участие во многих боевых столкновениях. Ему

¹⁾ № 59.

²⁾ № 3.

³⁾ № 56.

⁴⁾ № 9.

привелось, в частности, в октябре 1658 г.¹⁾ принять участие в победоносном сражении с Гонсевским под Вильной; к этому времени он и сделался уже драгунским поручиком²⁾. Но, кажется, он побывал под Вильной еще ранее: среди документов Волженского архива сохранилась роспись солдатам какого-то полка³⁾, тождественная с которой другая была дана под Вильною полковнику: роспись определяет состав четвертой роты полка. „Солдатами“ в московской армии XVII века назывались пехотинцы иноземного строя⁴⁾, и невольно напрашивается сопоставление росписи с упоминанием о пожаловании Н. М. Волженского в прапорщики пехоты⁵⁾. Судя по тому, что роспись упоминает об оставлении ротою больных в Смоленске и Шклове, ясно, что последняя проходила чрез эти населенные места. Но ведь Смоленск, затем Шклов и Вильна—это как раз тот путь, какой проходило русское войско во время Виленского похода 1655 г.,⁶⁾ и если вспомнить, что Н. М. Волженский еще в 1656 г. был прапорщиком пехотного Толмасова полка, то так естественно допустить, что в Виленский поход ему, только начинавшему службу, но уже побывавшему в рейтарах, довелось, командуя одной из пехотных рот в „солдатском“ полку, побывать под литовской столицей. Родпись показывает, что Никифору Волженскому приходилось начальствовать не над галичанами, а над севчанами, ефремовцами, дедиловцами—уроженцами Орловских и тульских краев; правда, на ряду с ними оказывается и один „лопанин крещеной“, но очевидно, что рота комплектовалась преимущественно уроженцами определенных местностей,—так как среди выбывших по разным причинам из строя во время похода мы видим по нескольку уроженцев одного и того же села или деревни. Нужно, конечно, иметь в виду, что комплектование полков в Московском государстве XVII века не носило

1) Соловьев, оп. cit., т. XI, стр. 56—57.

2) № 93.

3) № 4..

4) См. хотя бы Милюкова. Оч. по ист. рус. культ., ч. I, стр. 152.

5) № 5.

6) Соловьев, оп. cit., т. X, стр. 386—387.

строго территориального характера, и группировка уроженцев различных местностей по полкам производилась в значительной мере случайно—в связи с появлением их к смотру¹⁾; но во всяком случае из данных, приводимых П. Н. Милюковым,²⁾ становится очевидным, что во многих полках были целые группы земляков.

После виленской службы 1658 г. Н. М. Волженский оказывается в „черкасских“ городах, где ему, по его заявлению³⁾, пришлось немало испытать, а затем в отряде В. Б. Шереметева, разгромленном поляками и крымцами,—как известно, под Чудновым⁴⁾. В одном из боев здесь Н. М. Волженский был „по ноге застрелен из луку тяжелою раною“ и „отведен“; т. е., вероятно, уведен с поля битвы, а затем под Чудновым же, еще не оправившись от раны, захвачен из обоза в плен крымцами, и началась для него тяжелая татарская неволя, длившаяся четыре года⁵⁾ (иногда⁶⁾ Никифор Волженский говорил даже о „многих“ годах своих мучений в Крыму). Он уверял даже, что „в тяжкой бусурманской неволе изувечен на смерть“⁷⁾; но, повидимому, изувечен он был не настолько сильно, чтобы это совершенно парализовало его силы и энергию: по крайней мере из плена он „вышел уходом, а не по размену и без окупу“, найдя случай бежать; явившись в галичские места, он положил конец злоупотреблениям зятя, не упустивши в то же время случая записать свое „имянишко“ и рану в книгу в послужном столе Разрядного приказа, конечно, не без надежды кое-что получить „за полонное терпенье“. Надежда его обманула, так как в позднейшей челобитной⁸⁾ он жаловался, что „ничем не взыскан и не пожалован“. За-

1) Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Изд. 2-е. СПБ., 1905, стр. 238.

2) *ibid.*

3) № 9.

4) Соловьев, оп. cit., т. XI., стр. 116—122.

5) № 93.

6) № 9.

7) *ibid.*

8) *ibid.*

быв его милостями, не забыли лежавшей на нем обязанности службы, и уже в 1665 г. мы видим его в Смоленской области¹⁾. Неизвестно, долго ли еще продолжалась служба Н. М. Волженского, и что было им сделано в дальнейшем течении войны; в 1667 г. он, как мы видели, оказывается в имении²⁾; в то же время в одном из документов³⁾ есть упоминание о том, что Никифор Волженский служил в 1670—1671 и 1673 годах. Мы снова встречаем его на государевой службе уже при царе Феодоре Алексеевиче, когда он „приволокся“ на службу в полк кн. М. А. Черкасского с товарищами, и вслед затем ему предстояла зимовка в Киеве, от которой он старался избавиться⁴⁾. К сожалению, мы не располагаем сведениями, к какому именно году царствования Феодора Алексеевича относятся приведенные обстоятельства. Во всяком случае Никифор Волженский еще служил в 1685 году⁵⁾, т. е. служба его продолжалась свыше тридцати лет. Наши документы не дают возможности установить его участие в походах кн. В. В. Голицына на Крым и Азовских походах Петра; точно также остается неизвестным, продолжалась ли служба Никифора Волженского и в XVIII столетии, а равно—участвовали ли в походах его сыновья.

Мы видим, таким образом, что семья Волженских должна была приносить тяжелые жертвы для дела защиты родины; то же относится и ко всему их роду. Н. М. Волженский упоминал в одной челобитной⁶⁾, что у него „побиты на великого государя службах братьев родных и двоюродных до смерти четыре человека“. Конечно, военной службой семья Волженских об'ясняется упоминание в некоторых документах о военной „рухлядишке“ в их доме: так, насколько можно судить по не вполне ясному содержанию одного из документов,⁷⁾ барин Матвей Михайлович уезжает в Москву и дает своему старосте Семену Григорьеву, не раз упоминаемому в наших доку-

¹⁾ № 8.

²⁾ № 82.

³⁾ № 56.

⁴⁾ № 9.

⁵⁾ № 56.

⁶⁾ № 9.

⁷⁾ № 106.

ментах, относящихся к поземельным столкновениям, свой адрес — адрес одного под'ячего Поместного приказа, а вместе с тем оставляет распись передаваемым деньгам и „всякой рухляди мелкой”, среди которой оказываются „узда добрая” да „крук карабинной с перевезью”. Среди вещей, похищенных у М. М. Волженского во время разбойного нападения на его усадьбу в 1664 г., упоминаются в его челобитной¹⁾ седла, среди них одно с позолоченными гвоздями, нарядные уздечки, оправные пищаль, сабля, ладунка и „всякая служивая рухлядь”²⁾.

Помимо личного участия в военных действиях, служилые люди обязаны были поставлять с своих поместий являвшихся в поход вместе с ними солдат в армию (являлись „людны”), а те поместья и вотчины, владельцы которых или их ближайшие родственники не участвовали в походе (служащие гражданского ведомства, старики, больные, бездетные и безродные помещики и вотчинники, недоросли, вдовы, девки), выставляли обычно даточных людей³⁾. В царствование Алексея Михайловича сборы даточных людей производились часто⁴⁾, в особенно-критические моменты (1658—1659 г.г.) без изъятий для какого бы то ни было класса населения⁵⁾ или иногда — также для помещиков, члены семьи которых были на службе. М. М. Волженскому равным образом приходилось поставлять даточных, хотя у него были на царской службе сыновья, сопровождаемые своими „людишками”⁶⁾. Известно, что существовала определенная единица для данного рода

1) № 92.

2) В связи со „служивой рухледью” стоит, повидимому, один из имеющихся в нашем распоряжении документов (№ 60), — память приставу дать ему на поруку смоленского шляхту Михайлу Станиславьеву сына Помаску по челобитью Н. М. Волженского „в недоимочной рухледи в служивой рухледи в 20 рублях по челобитной”. Мы затрудняемся вполне уяснить содержание данного документа. Не следует ли понимать его в том смысле, что Н. М. Волженский, как начальник одной из войсковых единиц во время польской войны при царе Алексее, привлекал к ответственности одного из своих подчиненных, человека польского происхождения, который явился на службу с недостаточной „рухледью” или, получив, по склонности, казенное вооружение, промотал его, причинив тем убыток казне на сумму в 20 р.?

3) Лаппо-Данилевский, оп. cit., стр. 390.

4) Милюков. Государственное хозяйство, стр. 54—55.

5) Лаппо-Данилевский, оп. cit., стр. 391.

6) № 59.

податного обложения, менявшаяся в разные периоды XVII века и состоявшая из известного количества четвертей пашни или дворов¹). В случае, если владения отдельного служилого человека не составляли целой податной единицы, правительство предписывало выставлять даточных людей с нескольких владений в складчину²). К такому именно случаю относится один сохранившийся в Волженском собрании документ³), в котором говорится о некоем Трофимке Васильеве, даточном человеке М. М. Волженского; „в складе“ с последним оказывается ряд отставных помещиков, владевших каждый небольшим количеством дворов (менее 10). Повидимому, связь М. М. Волженского с перечисленными в документе помещиками носила более или менее прочный характер: другой документ Волженского архива⁴) говорит о „законном даточном“ с поместья М. М. Волженского „с товарыщи“, которые, очевидно, предполагаются известными и даже не поименовываются. Может быть, речь идет о том самом даточном человеке Троф. Васильеве, который упомянут в документе, только что отмеченном выше. Документ, теперь рассматриваемый, относится к тяжелому для Московского государства моменту польской войны: об этом можно судить по упоминанию в нем различных чрезвычайных денежных сборов 1652—1655 и 1657 г.г., числившихся „в доимочном приказе“, т. е. зачисленных в подлежащую взысканию недоимку. Известно, что в 1659—1661 г.г. производились усиленные сборы даточных людей по всему государству: в течение 1659 г. дважды брались по переписным книгам даточные—с 25 дворов по человеку; в 1660 г. взято было с 20 дворов по человеку, в 1661 г.—по человеку с 20 дворов служилых людей и с 30—принадлежавших городовым дворянам, детям боярским, вдовам и недорослям⁵). Обычно помещики, владевшие менее, чем десятью дворами, освобождались от поставки даточных⁶); в 1659 г. имевшие менее 10 дворов, состоя

1) Лаппо-Данилевский, *ibid*, стр. 390.

2) *ibid.*, стр. 399.

3) № 58.

4) № 52.

5) [Милюков. Государственное хозяйство, стр. 54—55.

6) Лаппо-Данилевский, *op. cit.*, стр. 390.

, в складе* с людьми более состоятельными, платили им по 1 р. с каждого из своих дворов взамен даточного¹⁾. Очевидно, М. М. Волженский стоял во главе своих маломочных товарищ, и поставка даточных тяжелее всего ложилась на него. У него было, по переписным книгам, 17 дворов,²⁾ у товарищей его всех вместе—23 двора; всего, таким образом, „в складе“, по указанию отмеченного выше документа, оказалось при одной поставке даточных 40 дворов, т. е. у М. М. Волженского было менее половины „склада“, а между тем именно он ставил даточного человека. Понятно, что он имел основание быть недовольным, и что у него являлось стремление уклониться от несения возлагавшихся на него обязательств. О вышеупомянутом даточном человеке Троф. Васильеве мы узнаем³⁾, что он был взят на службу в 170 (1661—1662) году; повидимому, дело и при поставке даточного так же не обошлось без оттяжки выполнения лежавшей на поместьи М. М. Волженского повинности, как и с уплатой денежных сборов. Кроме Троф. Васильева из крестьян дер. Незятева, М. М. Волженскому еще ранее пришлось снарядить на царскую службу другого крестьянина—Т. Маркова из починка Плоского. Нужно, к тому же, помнить, что отправляемые на службу должны были снаряжаться, получать оружие, запасы продовольствия и жалованье от посыпавшей их общины⁴⁾. Но всего этого мало: война требовала все новых пополнений войска, и в том же 170 (вероятно, 1662) г., по государеву указу и грамоте монастырского приказа—надо думать, обращенной к владевшему Поломской волостью в соседстве с поместьем М. М. Волженского Успенскому Паисиеву монастырю⁵⁾,—велено было собрать с „братьи“ М. М. Волженского, уже покинувшего к этому времени службу—отставных дворян и детей боярских, а вместе с вдов и недорослей, по одному конному человеку с сорока

1) Милюков. Государств. хоз., стр. 54.

2) №№ 42, 44, 45, 59.

3) № 59.

4) Лаппо-Данилевский, оп. cit., стр. 392—393.

5) Ср. ibid., стр. 391: „Царские грамоты о высылке даточных, людей посыпались воеводам или крупным землевладельцам, например, монастырям“.

дворов, т. е. как раз с такого количества, какое было у М. М. Волженского с товарищами ¹⁾). М. М. Волженскому предстояло, таким образом, лишиться еще одного работника: ведь в даточные люди нельзя было сдать слабо-сильного, и правительство предъявляло к даточным известные требования относительно возраста и физической годности ²⁾). Дело осложнялось большими потерями, понесенными уже ранее поместьем М. М. Волженского в связи с военными обстоятельствами и участием в походе выновей хозяина вместе с некоторыми из крестьян; крестьяне гибли в боях, попадали в плен, разбегались; галичский воевода прибегнул уже с целью получения даточного к репрессивным мерам. При таком положении дел М. М. Волженский ходатайствовал о разрешении ему заменить поставку даточного уплатой денег по расчету, что иногда допускалось московским правительством, временами ставившим, правда, в подобных случаях плательщиков в невыгодные условия ³⁾). К сожалению, мы не знаем, было ли ходатайство М. М. Волженского удовлетворено, или суровая военная необходимость вынудила правительство настаивать на поставке именно солдата для пополнения армии. Удовлетворение ходатайства, помимо сохранения работника, представляло бы, возможно, для М. М. Волженского ту выгоду, что денежный платеж лег бы главною своею тяжестью на „товарищей“ его, которым в совокупности предстояло заплатить со своих 23 дворов больше, чем ему с 17. Отметим, в заключение наших замечаний по данному вопросу, что П. Н. Милюков в своей уже неоднократно цитированной нами работе о государственном хозяйстве России при Петре Великом, вопреки показанию нашего документа, относит ⁴⁾ сбор даточных с служилых людей, не находившихся на службе, не к 1662, а к 1663 году, ссылаясь на Полное Собрание законов, а к 1664 г.—сбор даточных конных. Или, быть может, про-

1) № 59.

2) Лаппо-Данилевский, оп. cit., стр. 392. Отправляя на службу Т. Маркова, М. М. Волженский по крайней мере жертвовал несокрушимым человеком, побывавшим в бегах (ср. № 63).

3) Лаппо-Данилевский, оп. cit., стр. 400.

4) Стр. 55.

изведено было два подобных сбора—один в 1662 г., а другой в 1663 или 1664 году, и первый остался П. Н. Милюкову неизвестным?

Позднее мы не встречаем уже в наших документах указаний на требование правительством даточных людей с имения Волженских, хотя С. Б. Веселовский указывает сбор 1671 г., а П. Н. Милюков—¹⁾ сбор 1679 г.; не было ли имение Волженских освобождено от последних, так как служба с него неслась лично самим сменившим М. М. Волженского во владении поместьем сыном его Никифором? Но был в истории рода Волженских в XVII веке другой момент, когда отбывание военной службы, на этот раз уже самим помещиком, грозило крайне тяжело оказаться на благосостоянии его владений,—время, когда Никифору Волженскому назначено было зимовать в Киеве ²⁾). Несомненно, что принадлежавшим ему четырем дворам не под силу было бы содержать барина в далеких краях в течение продолжительного времени, и понятно, что Никифор взыгает к государю об освобождении его от разорительного служебного поручения,—к сожалению, неизвестно, с каким успехом.

В связи с военными нуждами государства стоял также ряд ложившихся на поместья повинностей и платежей, обыкновенных и чрезвычайных, и на них нам также придется остановиться, поскольку упоминания о них, хотя бы отрывочные и разрозненные, встречаются в наших документах. Одной из тяжелых повинностей было городовое дело—постройка укреплений в различных пунктах государства. „Окольные и тутовые люди“ привлекались к сооружению засек в Смоленской области на литовском рубеже в начале пятидесятых годов XVII века—в то время, когда М. М. Волженский нес службу по охране этого рубежа ³⁾). Но собственно при работах по „городовому и осторожному делу“ строились укрепления более основательные под техническим руководством русских или даже иностранных мастеров и надзором воеводы, городового приказчика или комиссии, причем население должно было до-

1) Веселовский, оп. cit., т. I, стр. 359; Милюков. Гос. хоз., стр. 55.

2) № 9.

3) № 2.

ставлять и денежные средства для сооружений, и материал, и рабочие руки по раскладке и за поруками. Отсылая желающих подробнее ознакомиться с постановкою „городового и осторожного дела“ к известному исследованию Лаппо-Данилевского¹⁾), отметим, что среди документов Волженского собрания сохранился лишь один, относящийся к этой повинности и оставляющий нас в неведении относительно места, к которому можно приурочить заключающиеся в нем данные²⁾. „Городовое звено“, сооруженное где-то в неизвестном году,—очевидно, часть городских укреплений. Для читателя, не посвященного в терминологию древне-русских фортификационных работ, будет, может быть, не бесполезно повторить указания Лаппо-Данилевского³⁾ на значение некоторых терминов, встречающихся в документе: „Тарасами назывались пространства между двумя параллельными стенами, заполненные землей; обламами-брустверы, городнями (несомненно, то же, что огородни нашего документа)—внешние, выдигавшиеся вперед укрепления стены“. Ясных обяснений других терминов того же документа мы, за отсутствием в нашем распоряжении специальных пособий, касающихся сооружения укреплений в Московском государстве XVII века, получить не могли.

Помимо „городового и осторожного дела“—повинности личной, к числу повинностей, тесно связанных с военными нуждами, относится уплата стрелецкого хлеба, взимавшегося то натурой, то деньгами и в 1679 г, превратившегося в денежную стрелецкую поданье, не вытеснившую, впрочем, окончательно сбора натурой⁴⁾. Документы наши иногда говорят о „стрелецком корме“, а не „хлебе“. Нельзя ли думать, что это одно и то-же, тем более, что стрелецкий хлеб „взимался на кормовое жалованье постоянному стрелецкому войску“, „сбирался с местного населения на содержание городовых стрельцов или отправлялся в Москву на корм стрельцам

1) Стр. 377—389.

2) № 57.

3) Ор. cit., стр. 378, прим. 1.

4) См. о нем ibid., стр. 402—408.

московским" ¹⁾? Можно, кажется, привести в защиту нашего предположения и еще одно соображение. Нам пришлось познакомиться с довольно многочисленными отписями во взносе стрелецкого хлеба и денег, заключающимися в составе материалов по истории землевладения в Костромской губернии, издававшихся А. Н. Куломзинным и М. Г. Курдюмовым, И. Д. Преображенским и Н. А. Альбицким, Н. Н. Селифонтовым, А. И. Соловьевым ²⁾. Всюду встречали мы указания лишь на денежные выдачи стрельцам и на сбор для них хлеба (ржи и овса): данные о сборе каких бы то ни было других видов довольствия отсутствуют, и потому мы склонны думать, что стрелецкий корм нельзя отличать от стрелецкого хлеба. О стрелецком корме или хлебе и способах его взимания мы находим в документах Волженского собрания несколько больше упоминаний, чем о поставке материала на „городовое и острожное дело“. Наиболее старинный документ рассматриваемого рода ³⁾ относится к 1621 г., т. е. является одним из самых ранних во всем собрании, но представляет большие неясности в смысле его географического приурочения. Некоторые замечания следует сделать также по поводу одного из позднейших документов, относящегося к последним годам правления царя Михаила ⁴⁾; из документа явствует, что государь, по челобитью галичских помещиков, повелел брать с них стрелецкий корм и ямские деньги по пониженному расчету—применительно к писцовским книгам Влад. Племянникова, а не к отдельным книгам Фед. Полтева 1639 г. Стрелецкий приказ продолжал, однако, требовать стрелецкого корма

1) Лаппо-Данилевский, *ibid.*, стр. 402—403.

2) Подробная опись 962 рукописям начала XVII до начала XIX столетий „Долматовского архива“ (Головцынского и Куломзинского родов (с приложениями), СПБ., 1895; Архив сельца Корнилова. Документы по землевладению в XVII столетии в одном из уголков Костромской губ., СПБ., 1913; Архив сельца Зиновьева (акты и письма), СПБ., 1913; Подробная опись 440 рукописям XVII, XVIII и' начала XIX стол. Первого Собрания „Линевского архива“, с двумя приложениями, СПБ., 1892; Описи документам архива бывших Большесольских посадской избы и ратуши, найденного в посаде Большие Соли Костромского уезда, XVI—XVIII столетия. СПБ., 1902; Костромская старина, вып. V (опись рукописей церкви села Коровного Солигаличского уезда).

3) № 49.

4) № 51.

с поместья М. М. Волженского в прежнем размере, сделав в то же время облегчение для всех его сотоварищей, и по поводу этой несправедливости последний бил челом государю. В Волженском архиве сохранился, однако, документ, может быть, обясняющий дело.—государева грамота от 30 декабря 1643 г.¹⁾. В ней упоминается о последовавшем в 150 (1641—1642) г. распоряжении брать по писцовым книгам Влад. Племянникова с поместья М.М. Волженского ямские деньги, но ничего не говорится о стрелецком корме. Возможно, что о нем просто забыли, и воевода, не получив распоряжения относительно стрелецкого корма, продолжал требовать его с имения М. М. Волженского в прежнем размере, тогда как другие галические помещики, не сделавшиеся жертвами недосмотра, пользовались при уплате корма льготой. Мы не знаем, была ли впоследствии устранена допущенная в отношении к М. М. Волженскому неравномерность. Мы можем до известной степени судить и о тяжести „стрелецкого хлеба“. За 1665 и 1666 г.г. налог с владений Волженских (включая, конечно, и владения Г. А. Верховского) вносился одновременно не натурой, а деньгами, в сумме 10 руб. за оба года²⁾. Если принять во внимание, что рубль того времени равнялся более, чем 15 теперешним—довоенным, и что во владениях М. М. Волженского числилось 17 дворов, то приходится признать, что стрелецкий хлеб ложился в среднем на крестьянский двор суммой в 4 р. 50 к.—5 руб. на наши деньги. Для 60-х г.г. нужно, оценивая обременительность подати, принять во внимание и разорение, вызванное в крестьянском хозяйстве польской войной. В данном случае мы имеем, впрочем, дело с взиманием подати не по отдельным дворам, а по дворовым четвертям, и наш расчет может потому иметь лишь примерный характер; мы воздержимся также, в виду невыясненности вопроса о населенности крестьянского двора в XVII веке, от попытки определить, какая в среднем часть дохода отдельных крестьян поглощалась в данном случае государством в виде указанного налога;

¹⁾ № 50.

²⁾ № 53.

такие расчеты по отношению к этому и другим налогам тем более невозможны, что и народный доход для XVII века является величиной неопределенной. Документ рисует самый механизм взимания „стрелецкого хлеба“, но на нем останавливаться не стоит, так как нарисованная картина является весьма обычной. Заканчивая обзор относящихся к „стрелецкому хлебу“ документов Волженского архива, отметим еще одну частность в документе, не относящемся к усадьбе Волженских, но рисующем кое-какие детали в механизме взимания „стрелецкого хлеба“¹⁾: крестьяне дер. Трифанова и др. всем миром дают обязательство аккуратной доставки их односельчанином в Москву „стрелецкого хлеба“ особо упомянутому в документе московскому стрельцу. Объяснить этот факт поручительства пред отдельным стрельцом можно, предположив, что последний был командирован начальством со специальным поручением об'явить доставку стрелецкого хлеба в Москву. Известно, что стрельцы посылались иногда в качестве агентов наблюдавшего за сбором воеводы в уезд для оповещения о сборе уездного населения²⁾, и возможно, что упомянутый в документе стрелец Иевко Иванов являлся одним из таких воеводских посланцев, хотя и ссылался, как видно из документа, не только на государев указ, но и на предписания своего специального стрелецкого начальства.

Что на содержание стрельцов вносились денежная подать или хлеб неоднократно, и что значительная часть свидетельствующих об этом документов должна почитаться утраченной,— подтверждается перечислением М. М. Волженским в числе похищенных у него при разбойном нападении на его усадьбу в 1664 г. документов также „стрелецких великаго государя платежных всяких отписей“³⁾.

Перечисленными уже сборами, связанными с военными нуждами, далеко не исчерпывается совокупность тех платежей на ратное дело, которые ложились на усадьбу Волженских: мы встречаемся с указанием на платеж по-

¹⁾ № 55.

²⁾ Лаппо-Данилевский, op. cit., стр. 406.

³⁾ № 92.

луполтинного сбора в декабре 1663 г. „великого государя ратным людям на жалованье“¹⁾; упомянутый в документе Ив. Вас. Ларионов,—видимо, галичский воевода, и это тем более ясно, что „справивший“ документ Савка Сыдавнов известен нам из дела Костромского Дворянского Собрания о роде Верховских²⁾, как под'ячий галичской с'езжей избы. Взимание сбора производится по наказу приказа денежного сбора. За доимочным приказом чисились в виду неуплаты в срок рублевые сборы на 1652 и 1653 годы, полтинные полуполтинные и двугривенные на 1654, 1655 и 1657 г.г.³⁾—судя по сопоставлению с „законным даточным“—тоже на военные нужды. Сохранилась еще заметка, сделанная, повидимому, Н. М. Волженским, о необходимости приискать отписи на 1661—1663 г.г. по рублю с двора в Год, а на 1670—1671 г.г. с семи дворов по полтине с двора и сверх того на 1671 г. по две гривны с двора⁴⁾. Уменьшение числа дворов, служивших окладными единицами при взимании чрезвычайных военных сборов, с 17 до 7 зависит, конечно, от разделения имения М. М. Волженского между его сыном и зятем. Какой-то платеж на армию (полтинный, по исследованию П. Н. Милюкова⁵⁾) требовался с имения Н. М. Волженского, как нам становится известным⁶⁾, также в 1673 г. Документы, имеющиеся в нашем распоряжении, могут служить яркой иллюстрацией той медленности, с какой вершились дела в московских приказах. Если Никифор Волженский говорит о необходимости приискать платежные отписи, то несомненно, что требуемые сборы были им уплачены; но, повидимому, галичский воевода требовал с его владений еще платежей „именем отца ево Матвея Волжинского“, и даже с 17 дворов, когда-то бывших во владении

¹⁾ № 45.

²⁾ № 38.

³⁾ № 52.

⁴⁾ № 54.

⁵⁾ Госуд. хозяйство, стр. 56.

⁶⁾ № 56: не об этом-ли сборах № 54—требуется на 170 г. (год едва-ли верен), по полтине с двора с 7 дворов; если бы 170 г. был верен, то почему произошелся сбор с 7, а не с 17 дворов?

последнего¹⁾). Оградить себя от незаконных требований Никифору Волженскому удалось лишь немало времени спустя—уже в царствование Ивана и Петра Алексеевичей²⁾. Не менее характерен и другой случай: в 1689 г. по случаю второго похода кн. В. В. Голицына на Крым назначается сбор на жалованье служилым людям по 1 р. с двора; отпись галичского воеводы А. П. Колтовского в уплате денег относится лишь к 1691 г., а через 13 лет с отписи берется список в галицкой приказной избе „по московской доимочной нетной росписи“: очевидно, в Москве только к этому времени удосужились приняться за поверку сбора, назначенного за 15 лет перед тем, но уже плательщиком—Н. М. Волженским задержанного уплатой на 2 года. Ведает сбором на этот раз Печатный приказ.

Мы остановились на многих подробностях, так как они, как кажется, могут служить некоторым дополнением к данным о чрезвычайных денежных сборах эпохи царя Алексея Михайловича, приводимым П. Н. Милюковым:³⁾ сборы 1652—1653 г.г. относятся ко времени подготовки польской войны и потому выходят за хронологические рамки его сообщений, данные о сборах 1654, 1655 и 1657 г.г., им не упомянутых, дополняют его показания, рублевые сборы с двора в 1661—1663 г.г. им также не отмечены, зато отмечен ряд других сборов, относящиеся к которым документы в Волженском собрании, видимо, не сохранились.

Наступает эпоха преобразований, и только что учрежденный (в 1700 г.⁴⁾) приказ адмиралтейских дел берет по гривне с каждого из принадлежавших Н. М. Волженскому четырех дворов „на починку караблей и на дачу мастеровым людям“ (1702 г.)⁵⁾.

¹⁾ У Н. М. Волженского, как узнаем из других документов, было 7 дворов (№ 54), затем 4 (№№ 47, 48, 9), и потому выражение рассматриваемого документа: „С поместья Никифора Матвеева сына Волжинского с семнадцати дворов“—является неточным: 17 дворов было не у Н. М., а у М. М. Волженского.

²⁾ № 56.

³⁾ Госуд. хозяйство, стр. 55—56.

⁴⁾ Милюков. Госуд. хозяйство, стр. 110.

⁵⁾ № 48.

Мы перешагиваем, таким образом, в XVIII век; но вернемся назад и скажем несколько слов о других обще-государственных сборах, падавших на поместье Волженских еще в XVII столетии. Мы узнаем о них из документов Волженского архива очень мало, и надо думать, что большая часть подобного рода документов утрачена: между прочим, при разбойном нападении на усадьбу М. М. Волженского в 1664 г. похищаются хранившиеся у него полонянничные платежные отписи, а также ямские—уже не имевшие прямой связи с военными нуждами¹⁾. Мы встречаемся с указаниями на обременительность ямской подати—с упоминанием о челобитной галичских помещиков после отдельных книг 1639 г. о взимании ямских денег по писцовым книгам Вл. Племянникова, а не по отдельным 1639 г.; по челобитной облегчение платежа получили и крестьяне М. М. Волженского²⁾. Данные о размере платежа ямской подати, сохранившиеся в одном из наших документов,³⁾ совпадают с исчислением П. Н. Милюкова⁴⁾: в 1649 г. берется с чети с осминою и полуторым четвериком пашни в имении М. М. Волженского 1 р. 65 $\frac{1}{4}$ к. или по 98 к. с дворовой четверти; на двор приходится 9, 8 к.—более полутора рубля по современной нам довоенной стоимости денег (известно, что со времени указа 8 января 1631 г. в Галичском уезде установлено было класть в дворовую четверть 8 крестьянских и 4 бобыльских двора, т. е., считая 2 бобыльских двора по платежеспособности равными одному крестьянскому и переводя бобыльские дворы на крестьянские, 10 крестьянских дворов⁵⁾). О подати определенно говорится в документе, что она взята „московским и разных городов охотником на жалованье и на прогоны“. Отметим еще, что ямские берутся в Большой Приход, а после

1) № 92.

2) №№ 50 и 51.

3) № 42.

4) Госуд. хоз., стр. 5, прим. 3.

5) Лаппо-Данилевский, оп. cit., стр. 531; при расчетах примерных, подобных настоящему, нужно еще иметь в виду хорошо выясненную С. Б. Веселовским условность сошного письма в различных его стадиях.

1639 г., когда дело идет о понижении оклада налога, соответствующая „память“ посыпается из Поместного приказа в Ямской.

Кроме данных о податях общегосударственного характера, мы имеем в наших документах ряд указаний на обложение на местные нужды. Тот же документ 1649 г. говорит о платеже „белого корму“; другой документ ¹⁾ упоминает о таком же платеже за 1660 г. и о взносе недоимки „кормовых денег“ за 1659 г. „Белый корм“ вносился в Галичскую четверть. Имеются также документы о взносе „сторожевых и в с'езжую избу“; в 1649 г. сторожевых берется выборными сошными целовальниками с чети по два алтына ²⁾. Платится также „с чети пашни по три алтына по две денги на жалованье и на подмогу губной избы под'ячим, и сторожем, и палачу, и на дрова, и на бумагу, и на свечи, и на всякой губной розход“ (в 1660 г.), „да в тюремную поделку взято с чети по четыре денги“ ³⁾.

К 1681 г. относится—отметим в заключение—еще один документ, ⁴⁾ связанный с платежами на местные нужды, из которого, кажется, можно извлечь довольно любопытную деталь организации уже не местного обложения, а губных учреждений не местах: среди тяглых людей—конечно, более видных, способных к несению службы, существует, очевидно, известная очередь по ее отправлению; в какой-то очереди несутся должность целовальника губной избы и даже должность губного сторожа. Очередные целовальник и сторож—может быть, в виду обременительности службы—пожелали от нее избавиться; нашлись люди, которые взялись за их дело, выговорив себе от населения по договору с ним „подмогу“—вероятно, в увеличенном сравнительно с прежним размере, делавшем для них несение службы более выгодным; эту подмогу они теперь и получают, и документ говорит об уплате ее с Плоского.

Таковы те данные, которыми мы располагаем относи-

1) № 43.

2) №№ 42 и 43.

3) № 44.

4) № 46.

тельно податного обложения поместья Болженских. Мы лишены, в виду неполноты этих данных, возможности подвести общий итог всем тем платежам, которые падали в разное время на единицу податного обложения. Изменилась, как известно, на протяжении XVII века и самая эта единица: от чистого счета по сохам переходили постепенно через дворовую четверть к подворному счету, и системы обложения по дворовым четвертям и дворам и отмечаются в наших документах. В действительности, как известно, общий податной оклад, положенный на известный район, распределялся населением приблизительно соответственно платежным силам отдельных дворов¹⁾, так что расчет по дворовым четвертям или отдельным дворам имел значение более для государства, чем для отдельных плательщиков; но все же, имея в виду, напр., для 1665—1666 г.г. в среднем 4 р. 50 к.—5 р на наши деньги довоенного времени стрелецкой подати и рубля не менее полутора ямской с двора и принимая во внимание другие сборы нам неизвестного размера в их совокупности, мы получим картину довольно тяжелого обложения. Правда, из данных, приводимых П. Н. Милюковым, становится ясным, что при Петре Великом обложение к концу его правления сделалось еще в несколько раз тяжелее; зато эпоха Петра Великого и была временем тяжелого кризиса для государства, сопровождавшегося убылью числа дворов процентов на 20²⁾ за период 1678—1710 г.г.

VI.

Для Замосковного края XVII века исследовавший его Ю. В. Гольте приходит к выводам в высокой мере оптимистическим: по его выводу, для этого края „коренной факт...—значительный рост сельского населения, доведший его с 600—700 тысяч в 20-х г.г. до 2 слишком миллионов ко времени начала преобразований”; в силу этого успешно велась борьба с перелогом, и возникали „дерев-

1) Ср., напр., Лаппо-Данилевского, ор. си., стр. 291 и 294.

2) Очерки по истории русской культуры, ч. I, стр. 26.

ни, что были пустоши", особенно по переписным 1646 и 1678 г. г. Высказываясь по вопросу о влиянии на население Замосковного края войн и эпидемий, Ю. В. Готье—правда, не приводя фактических подтверждений в пользу своего взгляда, решительно заявляет: „Относительно первых, которыми, в общем, так богато XVII столетие, можно с уверенностью сказать, что на население Замосковного края, избавленного с 20-х г.г. от вражеских нашествий, они не оказали никакого влияния" ¹⁾). Данные П. Н. Милюкова менее оптимистичны; отмечая довольно значительный прирост населения в Костромской, Галицкой и Владимирской четвертях в 40-х—70-х г.г. XVII в., а равно и в ряде других областей, он указывает в то же время на задержку его сравнительно с естественным, вызванную чрезвычайными обстоятельствами и тяжелым фискальным гнетом ²⁾) Известно, кроме того, что во второй половине XVII века население сдвигалось с севера и из области Оки и верхней Волги по направлению к югу и западу—к Черному и Балтийскому морям, так что П. П. Смирнов считает даже возможным говорить о постигшем Север и верхнее Поволжье во второй половине XVII века кризисе ³⁾). Если мы обратимся к нашим документам, то увидим, что по отношению, по крайней мере, к усадьбе Волженских выводы пессимистического свойства являются более приложимыми. Стойт отметить, что М. М. Волженский указывает на возможность бегства своих крестьян—плательщиков налогов и по поводу завязавшейся у него тяжбы, и по поводу трудностей лежавшей на них ратной службы ⁴⁾ (часть крестьян, по утверждению его, уже погибла на войне или разбежалась). Если можно возразить, что подобного рода указания содержатся в челобитных, имеющих вполне определенную цель разжалобить и склонить на милость государя, а потому не вполне обективно—достоверных, то существует и другой

1) Op. cit., стр. 317, 439, 265.

2) Госуд. хоз., стр. 31 и 32.

3) См. его статью „Движение населения Московского государства" во II томе „Русской истории в очерках и статьях" под ред. проф. М. В. Довнар—Запольского, стр. 77—79.

4) №№ 59 и 87.

ряд данных, говорящих за то, что бегство плательщиков было для галичских поместий вообще и владений Волженских в частности вполне реальной опасностью: мы не раз встречаем упоминания о беглых крестьянах М.М. и Н.М. Волженских и соседних помещиков; из сотни с небольшим документов, находящихся в Волженском собрании, к беглым крестьянам относится около полутора десятка¹⁾; документы, закреплявшие владение землей и упомянутые выше, часто являлись также документами на право владения крестьянами, и потому отчасти к получению списков с них или выписей из них так стремились помещики. Два документа Волженского собрания особенно любопытны: они свидетельствуют, что помещики чрезвычайно боялись лишиться крестьян и готовы были на жертвы и уступки последним, лишь бы предотвратить это. Крестьянин М.М. Волженского Титко Мартынов просит прислать ему перемену (вероятно, освободить его от обременительной обязанности, которую он, как увидим ниже, повидимому, нес) или денег в очень внушительной сумме 25 р. тогдашних, грозя в противном случае уйти в стрельцы с братом²⁾. И характерно, что угроза вызывает со стороны помещика не суровые репрессии в отношении к челобитчику, а присылку денег, хотя в гораздо меньшей сумме шестидесяти алтын³⁾. Насколько можно судить по неясному тексту второго из относящихся к делу документов, мягкость помещика обясняется тем, что проситель подряжен был своими сотоварницами—другими крестьянами М.М. Волженского на какую-то службу (не ратную ли?); крестьяне своих обязательств перед ним не выполнили, и помещику приходилось расплачиваться за них из собственных средств, чтобы только избежнуть потери двух тяглецов и, может быть, необходимости поставить на ту же службу нового человека.

Стойте обратить внимание еще на некоторые характерные факты, свидетельствующие о запустении селений

1) №№ 61—74.

2) № 12.

3) № 13.

и задержке роста населения, начиная с середины века. В переписных книгах Вл. Племянникова, относящихся, надо полагать, к тридцатым годам, говорится о чети с осминою и полуторым четвериком пашни, т. е. (полагая по 10 дворов в дворовой четверти) о 17 дворах в будущих владениях Волженских¹⁾; затем, видимо, население несколько увеличивается, и по отдельным книгам Фед. Полтева 1639 г. во владениях Волженских насчитано было две чети с полуосминою без пол получетверика, т. е., переведя чети на дворы,—22 двора крестьянских; с такой именно цифрой—21 двор крестьянский и 2 двора бобыльских и встречаемся мы в одной из вышеприведенных таблиц. И после отдельных книг в одном из наших документов²⁾ упоминаются крестьяне, „кои вновь в тех деревнях поселились“. Однако, переписные книги Андр. Сонина во второй половине сороковых годов вновь упоминают уже лишь о 17 дворах крестьянских и бобыльских или о чети с осминою и четвериком или полуторым четвериком пашни³⁾. Н. М. Волженский получает от отца только часть его владений с 7 дворами, а переписные книги 1678 г. зарегистрировывают 4 двора в Плоском, (о дер. Климове упоминает лишь „отказ“ 1742 г., и с 70-х г.г. до этого времени о ней не упоминается по причине, которой не дают возможности установить наши документы). Число дворов увеличилось в Плоском сравнительно с 2 дворами, отмеченными в 1639 г.; сколько можно судить, сюда переселен один из обитателей дер. Вередишина (Сем. Григорьев)⁴⁾. Зато в других населенных местах дело оказывается далеко не благополучным. О дер. Сатееве (отмечаемой, как деревня, еще в 1668—9 г.) мы прямо узнаем из одного документа 1681 г.⁵⁾, как о пустоши, и запустение ее (теперь, вероятно, неполное, судя по названию „деревня“, а не „пустошь“) продолжается и в XVIII столетии: один из внуков Никифора Волженского, Иван, получает на свою

1) № 50.

2) № 40.

3) №№ 42, 44, 45, 53, 59.

4) № 23.

5) Крестьянин Фед. Савельев из того же Вередишина бежал (№ 61).

6) № 97; ср. № 32. (деревня в 1668-92.)

долю по смерти отца своего Никиты, владевшего половиной земель Н. М. Волженского, часть земель дер. Сатеева ¹⁾)—но ни одного крестьянина из нее. Да и из полученных им в Плоском двух семей дворовых людей одна оказывается в 1742 г. в бегах; повидимому, теперь и в Плоском запустение прогрессирует, если Ив. Волженский, получив половину усадьбы, приобретает лишь одну семью дворовых людей, тогда как прежде при четырех дворах в Плоском на его долю пришлось бы два крестьянских двора. Стоит также отметить, что одна семья—это все, что он фактически получил вместе с ^{1/7} приблизительно целого поместья. В дер. Вередишиной (жеребье ее, принадлежавшем М. М. Волженскому) в 1639 г. (см. таблицу выше) было 5 крестьянских дворов и 1 бобыльский; государева грамота 1664 г. и одна из челобитных Н. М. Волженского ²⁾ говорят уже лишь о двух дворах здесь... Итак, обезлюдение владений Волженских, сколько можно судить, началось с сороковых годов XVII века и неуклонно продолжалось (за исключением разве Плоского) в течение столетия. Уменьшение числа дворов нельзя, думается, обяснить одним сосредоточением в них большего числа тяглецов, тем более, что местами исчезали все дворы в селении. Косвенно подтверждается факт уменьшения населения в ряде населенных мест и теми данными о недоимках по взносу податей, на которых нам приходилось в своем месте останавливаться ³⁾; недоимки накапливались, (упоминающие о них документы относятся ко времени польской войны) и добиваться их уплаты приходилось иногда долгое время—несомненно, в связи с опустением значительной части поместья, а не с одним только ростом налогового бремени. Ведь крестьянская запашка, как увидим ниже, вероятно, увеличивалась. Впрочем, и сосредоточение населения в дворах в связи с переходом к

¹⁾ № 35.

²⁾ №№ 40 и 93.

³⁾ №№ 43, 52, 56.

подворному обложению как будто налицо: выпись из отдельных книг 1639 г. в 23 крестьянских и бобыльских дворах насчитывает 27 крестьян в поместье; один из документов 1662 г.¹⁾ говорит об избиении 12 плосковских крестьян при числе дворов в селении, едва ли превышавшем 4; населенность двора в Плоском сравнительно с прежними средними данными по всей усадьбе оказывается, таким образом, увеличившейся свыше, чем вдвое; этот частный пример совпадает с выводами А. С. Лаппо-Данилевского, основанными на изучении данных по ряду уездов²⁾, правда, — данных, относящихся к 70-м, а не к 60-м годам. Нужно, однако, иметь в виду, что, возможно — в Плоское переселяли крестьян, и оно стояло в несколько исключительных условиях.

Парализовать опустение селений, увеличить число тяглых людей в своих владениях помещики стремились всеми способами, и в документах Волженского собрания мы читаем о крепостях, кабалах и рядных записях, хравившихся в помещичьем доме и служивших основанием прав на владение крестьянами³⁾. Чтобы вернее укрепить за собой крестьянина, М.М. Волженский вносил в рядные записи непосильные для крестьян суммы в 100—200 руб. Иногда основанием прав на крестьян были не договоры, а давнее пребывание их в поместье⁴⁾ или запись в книгу, писцовую или переписную; иногда для укрепления крестьянина или крестьянки практиковался „сыск старожильцами, и окольными людми, и священниками“⁵⁾. Понятно, что при большой тяжести ложившихся на поместье налогов и повинностей для общины и помещика имел значение каждый тяглый человек. Недаром с таким упорством велись тяжбы об укрывательстве беглых крестьян; сведения о большом числе таких тяжб сохранились среди документов Волженского

1) № 89. Само собой разумеется, что последующий расчет, как основанный на данных случайных и довольно произвольных, может иметь лишь очень приблизительное значение.

2) Op. cit., стр. 514—515.

3) №№ 66, 69, 73, 92.

4) № 74.

5) № 65.

архива. Хронологическое расположение документов подобного рода сразу обнаруживает факт, уже хорошо известный нам по другим данным: усиленное преследование крестьян и борьба за них вызваны были тяготами податного обложения. Это очевидно, если принять во внимание, что к началу сороковых г.г. относятся лишь два документа подобного рода ¹⁾, тогда как ко второй половине пятидесятых годов и первой половине шестидесятых — времени, когда к обычновенным налогам присоединились чрезвычайные военные сборы и повинности, относится их до десятка ²⁾. По миновании чрезвычайного напряжения, вызванного войною, документы подобного рода являются опять сравнительно редко ³⁾. Трудно доказать вполне твердо на основании этого подсчета, что количество беглых в эпоху польской войны увеличилось, так как в некоторых случаях несколько документов относится к одному и тому же делу, или документы связаны с побегами, случившимися в предшествующее польской войне время; во всяком случае число тяжебных дел теперь увеличивается, как будто помещики становятся нервнее, что понятно при возросшей тяжести податей, но также обясняется и участиеми, вероятно, случаями бегства. Во всяком случае, если приведенные в нашей работе соображения не решают вопроса о запустении местности и задержке роста населения во второй половине XVII века, в известной мере в связи с польской войной, то они побуждают, думается, уделить вопросу о влиянии последней более внимания, чем сделано это Ю. В. Готье, и рассмотреть весь вопрос о населенности местности в более широком масштабе, чем одна усадьба Волженских ⁴⁾.

1) №№ 61 и 62.

2) №№ 63 — 72.

3) №№ 73, 74.

4) В качестве параллели к скучным данным наших источников по вопросу о движении населения в имении Волженских не бесполезно было бы, думается, воспользоваться показаниями других также скучных печатных источников по вопросу о землевладении в Галичском уезде — описанием 108 рукописей, принадлежавших церкви села Коровного, помещенным в V вып. „Костромской старины“ (здесь находится ряд данных, относящихся к владениям Александровой, что на Воче, пустыни близ Солигалича), и документами, приложенными к статье Ю. В. Арсеньева: „Ближний боярин князь Никита Иванович Одоевской и его переписка с галицкою вотчиной (1650—1684)“ — в „Чтениях общества истории и древностей российских при московском университете 1903 г. (кн. 2-я — 205-я). Для

Куда же бежали крестьяне из мест, пребывание в которых становилось для них тягостным? На этот вопрос наши документы дают ответ, подтверждающий давно уже сделанные исследователями наблюдения: крестьяне бегут либо к влиятельному светскому землевладельцу, либо на монастырские земли,—туда, где можно было лучше укрыться, а самое важное—получить более

владений Александровой пустыни интересны такие сопоставления: по писцовым книгам 1627—1630 г.г. в ее владениях насчитывается 1 слободка, 1 сельцо, 10 деревень и 1 починок живущих да 12 пустошей, в которых оказывается 4 двора монастырских, 8 служных и служебниковых, 1 попов, 2 церковнослужительских, 44 крестьянских и 17 бобыльских—всего 76 дворов. В переписных книгах 1646 г. при исчислении дворов являются новые монастырские владения—дер. Власьево и дер. Югрово; зато деревень Брагиной и Базарцова более не упоминается; между тем, они остались во владении монастыря, что подтверждается упоминанием их среди монастырских владений в описи последних, относящейся к 1765 г. (стр. 41); но опись упоминает о них, уже как о пустых, и нужно предполагать, что запустение их произошло в промежуток 1630—1646 гг. В новых владениях монастыря переписная книга насчитывает 1 двор монастырский, 3 крестьянских и 1 бобыльский, а в старых итог выписи из переписных книг показывает “46 крестьянских, 22 бобыльских, 6 служных, 1 детенышев и 1 монастырский двор”. При проверке этого итога он оказывается не совсем точным: нужно еще прибавить 1 монастырский и 1 вдовий двор, а 1 двор бобыльский оказывается отмеченным ошибочно: в действительности он был пустым. Но для нашей цели важно не это: отметим, что количество дворов сравнительно с данными 1627—1630 г.г. не изменилось существенно, хотя переписная книга констатирует существование пустых дворов, не включенных в общий итог; в 12 случаях из 13 мы узнаем о причине запустения двора: в 8 случаях это смерть хозяина, в 4—бегство его. В более поздний период положение монастырских владений оказывается уже гораздо менее благоприятным, и довольно ясно намечаются признаки постигшего их хозяйственного кризиса: одна из платежных отписей 1665 г. (№ 66 в собрании документов) говорит об уплате Александровой пустынью денег за даточных уже лишь с 24 крестьянских и бобыльских дворов; другая отпись (№ 68) 1671 г. упоминает, сверх 24 дворов, о принадлежавших монастырю 48 дворах выморочных, т. е. лишившихся хозяина. Как видим, 2/3 всех дворов крестьянских и бобыльских запустели, и тяжелое экономическое положение монастырских владений становится совершенно очевидным. Позднее дело как будто обстоит еще хуже: в 1680—1709 г.г. и даже до начала 20-х г.г. включительно монастырь уплачивает подати и несет повинности то с 17, то с 19 дворов (№№ 74—80 и 85—86), причем в его владениях оказываются, по одному документу (№ 74), уже лишь 5 деревень. В описи монастырских владений 1765 г. большая часть бывших когда-то деревень оказывается пустошами. Отметим, однако, что мы имеем, как и во владениях Волженских, дело скорее, повидимому, с задержкой роста населения во второй половине XVII и в самом начале XVIII века, чем с большой абсолютной его убылью: переписная книга 1646 г. насчитывает в монастырских владениях 124 человека в крестьянских дворах, 43 (,оприч вдов“) в бобыльских, 19 в служных, 1 в детенышевом и 1 дворнике в монастырском дворе—итого 188 человек; в 1725 г.—после реформ Петра Великого, вызвавших огромное напряжение сил и средств населения, во владениях Александровой пустыни насчитывается „мужеска полу 177 душ“ (№ 84). Правда, круг занесенных в перепись лиц был теперь шире прежнего.

Что касается вотчины кн. Н. И. Одоевского, то в относящихся к ней документах жалобы на невозможность для крестьян сводить концы с концами и нищету, вынуждающую их, особенно в голодные годы (начало 70-х г.г., 1684 г.), покидать насиженные места, встречаются часто. Эти жалобы не были одной шаблонной фразой, включаемой в челобитье с целью разжалобить помещика: иногда-

льгот в податном отношении. В тех случаях, когда Волженские указывают в своих челобитьях место, где укрывается их беглый крестьянин, лишь в двух случаях беглые крестьяне оказываются в имениях нетитулованных помещиков Е. Д. Ржевского и А. Е. Михнева; ¹⁾ в остальных случаях в деле замешан либо землевладелец с княжеским титулом (Львов, Лыков, Татев ²⁾), либо монастырь ³⁾ (Успенский Паисиев, Варнавинская Троицкая пустынь, Дорофеева пустынь).

Крестьян своих М. М. Волженский отыскивает с величайшим упорством. В этом отношении особенно показателен пример одного из его крестьян, Павла Алексеева, которого отдельные книги Фед. Полтева застали в Плоском, но который уже около 1641 г. проживал в вотчине кн. Львова ⁴⁾; проходит много лет, дочери Павла Алексеева уже давно выданы замуж ⁵⁾, но в начале 60-х г.г. его обнаруживают в вотчине кн. С. И. Татева; вчиняется к последнему иск, начинается процесс, с перипетиями которого можно ознакомиться по документам, и на котором мы не будем подробно останавливаться, так как форма его ничем не отличается от обычной. „Приказный человек“ кн. С. И. Татева с крестьянами берется доставить беглеца с семьей в Галич в с'езжую избу, но обязательство не исполняется, и приставу дается на поруку.

1) №№ 61, 62.

2) №№ 61, 67, 68, 69, 70.

3) №№ 63, 64, 66, 67.

4) № 61.

5) № 67.

крестьянам приходилось питаться травою (№№ 61 и 63 в приложенном к работе Ю. В. Арсеньева собрании крестьянских челобитных, поданных кн. Н. И. и Ю. Н. Одоевским), и неудивительно, что они разбегались. В 1673 г. иные „крестьянишка в мир кормилица разбрелися“, иные „выбежали и живут на Батрасах“ (в другой княжеской вотчине); тогда же деревня Уткина „вся стала пуста“, „а те Уткинские жильцы в бегах, а живут неведомо где“ (см. о бегстве крестьян челобитные №№ 6 и 17). Общее впечатление от чтения челобитных, монотонно повторяющихся жалобы на скучность и нищету крестьянскую, таково, что материальное положение населения очень неустойчиво, а в связи с этим довольно неустойчива и его оседłość. Позволяем себе попутно высказать предположение, не отразился ли голод начала 70-х г.г. на временном запустении дер. Сатеева во владениях Волженских, и не влияли ли на задержку роста населения на ряду с войнами и налогами также нередкие голодовки.

В заседании Костромского Научного Общества 20 июня 1920 года Л. Н. Казариновым читан доклад, посвященный истории гор. Судая и его осады и основанный на архивном материале. Картины голодовок в этой осаде и связанных с ними бегства населения встречались в докладе для конца XVII века неоднократно.

по иску М. М. Волженского, другой крестьянин того же владельца¹⁾. За укрываемых крестьян взимаются вообще обычные „зажилые деньги“²⁾; розыск, вместо пристава, производится иногда рассыльщиком; виновный доставляется к воеводе или сыщику для допроса и возвращения прежнему владельцу; укрыватель-крестьянин подвергается допросу, у укрывателя-помещика или вотчинника отбирается для вознаграждения потерпевшего такое же количество крестьян; в производстве розыска должны были участвовать и обычные в таких случаях понятые³⁾.

Преследуя, беглых крестьян, вчиняя тяжбы против их укрывателей, М. М. Волженский не упускает, однако, случая сам укрыть беглеца, если тот попадет в его владения: несомненно, каковы бы ни были его оправдания, указания на смягчающие обстоятельства и жалобы на злоупотребления галичского сыщика, которыми он старается затемнить дело, что жалоба на него в укрывательстве крепостной девки из монастырской вотчины со стороны келаря Глаисея монастыря старца Боголепа в 1662 г. имела основание⁴⁾. В 1665 году Н. М. Волженскому, несмотря на попытку уклониться от участия в деле⁵⁾, пришлось, вероятно, как совладельцу отца, выступить ответчиком по другому иску того же монастыря об укрывательстве монастырской крестьянки и ее мужа, С. Никитина⁶⁾. Некоторое подозрение в его заявлении по поводу этого процесса возбуждает фраза, что беглой крестьянки „ныне“ у него во крестьянстве нет, и невольно возникает подозрение, не побывала ли она у него и не исчезла ли лишь после возбуждения неприятного судебного дела. И С. Никитин, и его жена у Волженских во владении одно время были⁷⁾, и возможно, что последняя, сохранив связи с его усадьбой, некоторое время в ней скрывалась, о чем и говорил на допросе С. Никитин. Характерно для Н. М. Волженского, между прочим,

1) №№ 69, 70.

2) № 66.

3) №№ 64, 74.

4) № 65.

5) № 71.

6) № 72.

7) № 65.

что в его владениях обнаружена была ¹⁾ крестьянка, принадлежавшая собственному его шурину, Г. А. Верховскому ²⁾.

VII.

Наши документы дают нам некоторый материал для выяснения еще ряда вопросов, кроме вопроса о тяглецах и рабочих руках в поместье. Мы имеем возможность немногими скучными чертами обрисовать характер сельскохозяйственной культуры, какая существовала в поместье Волженских, и отметить некоторые черты сельской общинной организации и отношений крестьян к помещикам. Мы узнаем, что в имении возделывались рожь ³⁾, ячмень ⁴⁾, овес ⁵⁾.—обычные для данной местности хлебные злаки; к сожалению, площадь земли, засевавшаяся ими, остается нам неизвестной.

Какая система земледелия существовала в имении Волженских? На этот вопрос трудно ответить с полной

¹⁾ № 76, 81.

²⁾ № 75.

³⁾ № 63.

¹⁾ № 73.

²⁾ В связи с материалом, рассмотренным в настоящей главе нашей работы, уместно будет, думается, указать на необходимость разрешения более широкого вопроса о движении населения в пределах нынешней Костромской губернии во второй половине XVII века (включая и части Костромской губ., недавно отошедшие к Ивановской губ.). В 1911 году, как известно, вышла в свет работа проф. М. В. Ключкова: „Население России при Петре Великом по переписям того времени. Том первый. Переписи дворов и населения (1678—1721)”. Здесь встречаем (стр. 71—72) указания на огромную, превышавшую 40% убыль дворов помещичьих крестьян в пределах Архангелогородской губернии за время 1678—1710 гг. Известно, что северная часть нынешней Костромской губ. входила в состав Архангелогородской губ. в Петровское время. Равным образом М. В. Ключков указывает (стр. 74) на „весьма значительную” убыль дворов в северной части тогдашней Московской губ., т. е., между прочим, в южной части нынешней Костромской губ. В примечании к стр. 399 имдается очень яркий расчет убыли дворов в гор. Кады и Кадыевской осаде за время с 1678 г. по момент переписи, производившейся после 1715 г.: в 1718 г. здесь оказывается 1251 жилой двор и 2217 пустых; по книгам 1678 г. было 3468 дворов (жилых?); количество пустых дворов в 1718 г., как видим, огромно. Констатируя факт убыли помещичьего крестьянства, а также и населения вообще в пределах нынешней Костромской губернии и многих других местностях России за период 1678—1710 г.г. и пытаясь объяснить этот факт, М. В. Ключков указывает на различные причины „пустоты” дворов. Этому вопросу посвящена значительная часть его работы (вся глава IV очень большого об’ема), и отмечено влияние целого ряда причин; но в главе обрисовано воздействие различных фак-

определенностью, и предстоит, кажется, ожидать опубликования большего числа документов. Имеющиеся в нашем распоряжении данные рисуют дело в следующем виде: наши документы всюду ведут счет земли применительно к трем полям—известное число четей в поле, „а в дву по тому ж“. Мы не решились бы, однако, сделать на этом основании безусловных заключений о существовании в поместье Волженских трехполья. Один из документов того же Волженского собрания, относящийся к Смоленской области¹⁾, позволяет установить, что при описании земель счет применительно к трём полям имел иногда лишь условное значение. Мы упоминали уже об отправлении стрелецкого сотника Гр. Бибикова в ряд пустошей Вяземского уезда, которые испрашивал себе во владение М. М. Волженский. В относящемся к этому делу документе мы читаем, что Гр. Бибиков „пашню, и перелог, и что лесом поросло по пашне измерил в длину по сми-десят сажен, а поперег по трицати сажен, изверстив в тех пустошах четвертную пашню в три поля, и четвертная пашня во всех полях в книги равно написано“—иными словами, верстание на три поля носило характер лишь искусственного приема. С другой стороны, в нашем рас-

1) № 25.

торов, поскольку они действовали в XVIII веке, а XVII век остается, за немногими исключениями, почти незатронутым. В этом, как нам кажется, кроется существенная методологическая ошибка. Гнетущее влияние эпохи начала XVIII века на жизнь и оседлость населения, жившего в пределах нынешней Костромской губ., несомненно. Но не был ли постигший его хозяйственный кризис лишь завершением того, который намечался уже во второй половине XVII века? Быть может, при исследовании движения населения нужно принимать во внимание не одни даты переписей—конец 40-х, конец 70-х гг. XVII века и 1710 г., а установить еще одну хронологическую грань, подразделив период 1678—1710 гг. на два—примерно, один, охватывающий 1678—1700 г.г., и другой, включающий в себя промежуток 1700—1710 г.г. Разумеется, технически это трудно выполнимо и вызовет необходимость в целом ряде кропотливых исследований над отдельными документами вместо суммарного обследования данных, доставляемых переписями; зато не выяснится ли, что в кризисе начала XVIII века, постигшем костромские и галические края, далеко не все объясняется современными ему условиями, а многое должно быть отнесено к воздействию явлений более ранних и глубоких? Если последнее верно, то встанет новая задача—детально выяснить причины кризиса. Уже цитированная выше статья П. П. Смирнова ставит хозяйственный кризис севера и верхнего Поволжья во второй половине XVII века в связь с общим передвижением населения на государственной территории; но, очевидно, это не единственная причина, и во всяком случае вопрос нуждается в более детальном, глубоком и всестороннем исследовании.

поряжении имеется ряд данных, свидетельствующих об очень значительном сравнительно с пашней в трех полях количестве перелога в галичских краях, невольно на-водящем на мысль о преобладании здесь иной—уже не трехпольной системы земледелия. Вспомним, что в собственных владениях М. М. Волженского перелог занимал гораздо большую площадь, чем пашня паханая в трех полях. Еще рече в этом смысле показания немногих печатных источников, освещавших характер сельского хозяйства в Галичском уезде XVII века (правда, в первой половине века). Вот, напр., „подворный список селений Покровской вотчины Галицкого уезда, боярина Ф. И. Шереметева, по отказным книгам галицкого губного старосты Петра Перелешина 1619 г.“¹⁾). Здесь перечисляется более 40 населенных мест, и лишь в двух из них количество паханой земли достигает 1 чети в каждом из 3 полей; в остальных оно выражается дробной частью чети—иногда $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, даже $\frac{1}{16}$ чети; во всем имении паханой земли $18\frac{3}{16}$ чети. Перелога же во много раз больше: во всем имении его $662\frac{1}{2}$ чети в каждом из трех полей; отметим, однако, что и перелог, как пашня, исчисляется применительно к трем полям. Едва ли в данном случае незначительность количества пашни паханой можно объяснить особенно заметным влиянием недавно пронесшейся Смуты: о пустошах перечень не упоминает, и определенного запустения местности в нем не видно. Мы можем воспользоваться в качестве параллели к данным об имении Волженских также указаниями на характер сельско-хозяйственной культуры во владениях Александровой, что на Воче, пустоши невдалеке от Солигалича. Выпись из галичских писцовых книг 1627-1630 г. г., описывающая их²⁾, позволяет отметить то же очень значительное преобладание перелога над пашней: крестьянской средней пашни оказывается $6\frac{3}{4}$ чети, а перелога $228\frac{1}{24}$ чети; худой земли пашни паханой монастырской 8 четей, крестьянской $\frac{1}{2}$ чети, а перелога $21\frac{1}{2}$ четь. В виду всего вышесказанного следовало бы, быть может, остановиться на таком решении вопроса о системе земледелия в галич-

1) Ю. В. Арсеньев, оп. с.т., стр.. 129.

2) Костромская старина, вып. V, стр. 32—37. Кострома. 1901.

ских краях, не претендую, конечно, в виду крайней скучности относящихся к вопросу печатных материалов, на прочную обоснованность вывода: в уезде намечается переход от переложной (часто, может быть, лесопильной—ср. ниже о разработке леса под пашню) системы земледелия к трехпольной, причем первой принадлежало преобладание, и этим обясняется значительное количество упоминаемого нашими источниками перелога.

Отметим кстати, что перелог в Галичском уезде, вопреки тому, что мы видели в смоленских краях, отграничиваются от пашенного леса. Перелог, может быть, отчасти связан с расчисткой леса: под первый запускаются истощающие лесные росчисти. Происходит, повидимому, сколько можно судить по отрывочным указаниям, разработка леса под пашню, о чем свидетельствуют упоминания о „займищах“ в лесу и „росчисти из-под черного леса“ починке Павлове. Мы видели также, что за несколько лет, протекших от получения М. М. Волженским займища Гавлова и половины займища Баженка Корепова до передачи их Г. А. Верховскому, количество паштной земли в них увеличилось. Стдит обратить внимание на название одного из займищ, находившихся во владении М. М. Волженского,—„Елизарково на горелом“; последняя часть названия как будто намекает на способ превращения леса в пашню; вспомним кстати и относительно перелога замечание Ю. В. Готье в применении к Замосковному краю¹⁾, что в местностях с огневым хозяйством перелог не показывает упадка земледелия, а распашку. Может показаться несколько странным увеличение размеров запашки при бегстве крестьян, особенно в эпоху польской войны при царе Алексее; и уменьшении числа дворов в поместье; но почему же не предположить, что бегство части тяглецов при увеличении размеров обложения на двор заставляло оставшихся на месте работников трудиться интенсивнее, чтобы иметь возможность свести концы с концами? Притом же имеющиеся в нашем распоряжении данные о распашке земель отно-

¹⁾ Ор. си., стр. 151.

сятся собственно к периоду не позднее 60-х г.г.; относительно же конца столетия мы не можем сделать определенных заключений. При экстенсивной системе земледелия, несмотря на вероятное увеличение запаски, местного хлеба, повидимому, не хватало, и приходилось ездить за ним в более обильные им местности: один из Волженских упоминает в челобитной ¹⁾ о поездке своей за хлебом в Шанчурев, т.е. Санчурск Казанской губ. Документы не дают для рассматриваемой нами эпохи определенных указаний по вопросу о ценах на хлеб, рассматривая его, лишь как одно из слагаемых, не поддающихся выделению из общей массы крестьянских "животов". Цены на хлеб устанавливаются ²⁾ лишь для самого начала XVII века—эпохи великого голода при царе Борисе Годунове. Мы узнаем, что московская четверть хлеба ³⁾ в Галиче стоила в 110 (1601—1602) г. 1 р. 20 к. на тогдашние деньги, а в следующем году полтора рубля; в Москве в то же время хлеб ценился вдвое дороже. Отметим, что эта последняя цифра совпадает с указанной для момента наибольшей дороговизны у В.О. Ключевского ⁴⁾.

Кроме посевов, в имении, как можно видеть из приводившихся ранее данных, был также лес пашенный и непашенный, отчасти находившийся в общем владении нескольких соседних землевладельцев и предназначенный для получения отопления, жердей и строительного материала, отчасти предоставленный в личное владение Матвею Волженскому; в лесу находились и дерти, с которых получалось лыко ⁵⁾, между прочим—в починке Павлове. В имении были луга, расположенные по течению речек, возможно—заливные, на которых косилось сено. Мы получаем по совокупности всех упомянутых данных картину обычную, не поражающую никакими особенностями.

Волженский архив позволяет также изобразить состояние сельской общины в галичских краях и взаимные

¹⁾ № 101.

²⁾ № 111.

³⁾ О размёре ее и его объяснении см. у В. О. Ключевского. Опыты и исследования, стр. 130—131.

⁴⁾ ibid., стр. 183.

⁵⁾ №№ 77, 83, 86.

отношения помещиков и крестьян, хотя имеющийся в нашем распоряжении материал по данному вопросу довольно скучен и оставляет в тени многие черты картины. Что крестьянская община здесь существует,—не подлежит сомнению: неоднократно упоминаются „староста со крестьяны“, „все крестьяне“, встречается указание на „приговор“ их¹). Община подчинена барину. Барская власть тяготеет над крестьянами прежде всего в том смысле, что на них возлагается обязанность пашню на помещика пахать, платить ему оброк, исполнять необходимые хозяйствственные работы, делать всякое „заделье“²). „Заделье“, очевидно, то же, что известное в ученой литературе „изделье“³). К сожалению, размеры платимого крестьянами оброка остаются нам неизвестными; только в одном документе⁴) встречается упоминание о „поставах“⁵)— приношениях, делавшихся крестьянами к барскому двору в виде „полтретьи (2¹/₂) стены“⁶) холстины. Тот же документ проливает некоторый свет на отношения помещиков к крестьянам, рисуя их в довольно патриархальном виде: сделавшая приношение крестьянка просит барыню вернуть ей „полпята (4¹/₂) локтя круговых“⁷) доставленной холстины, так как ей необходимо обшить мужа, только что возвратившегося из плена. Иногда помещик выступает в роли защитника крестьян и ходатая за них в случае тяжбы. Этот порядок, как известно, был закреплен и Уложением⁸). Так, М. М. Волженский выступал в судном Владимирском приказе по иску в 35 р., предъявленному к его крестьянам соседним помещиком Д. Булгаковым⁹); стольник И. И. Мещеринов выступает защитником своих

1) №№ 13, 55, 75, 76, 82.

2) №№ 28, 29, 31, 34; ср. для смоленских краев № 22.

3) Иногда также „заделье“.

4) № 14.

5) „Постав—у крестьян трубка ткани, как она снята со стану“. Даль Толков. слов., т. III, столб. 894.

6) „У ткачих стена—раздел основы поперек, 6—10 аршин, конец холста“: ibid., т. IV, столб. 606.

7) Локоть—известная древнерусская мера; „круговой“ локоть—не двойной ли, причем измерение ткани производилось путем продевания ее под локоть и обратно вверх?

8) Гл. XIII, ст. 7.

9) № 87.

крестьян от извета Н. М. Волженского¹⁾. Иногда барин входит с крестьянами в те или иные хозяйствственные сделки: один документ²⁾ упоминает об отдаче барином крестьянам телят исполу. Временами все же проявляется, налагая стеснительные пути на личную жизнь крестьян, барская власть: без разрешения помещика нельзя крестьянке выйти замуж в чужое село, и разрешение обставляется в некоторых случаях довольно сложными и обременительными условиями³⁾; помещик меняется, по своему усмстремлению, крестьянскими дворами с соседями⁴⁾: Все это обычные, хорошо знакомые нам черты крестьянского быта. Впрочем, помещик не подавлял вполне самостоятельности крестьян: мы видим, что внутри общины один из крестьян уступает часть своего участка („жеребья“) племяннику с братьем с тем, чтобы те несли с него обязательную службу помещику, для которого такая сделка, конечно, была довольно безразличной⁵⁾. Бряд ли, кстати сказать, помещик, нередко отвлекаемый далекими походами, и мог держать крестьян под постоянной опекой.

При помещике, как это было обычно, оказывается „приказный человек“ его⁶⁾, исполнявший, повидимому, в поместье обязанности управителя, судя по тому, что его имя ставится впереди упоминания о крестьянах,—еще чаще староста, в связи с лежавшими на нем обязанностями по взиманию податей получавший иногда⁷⁾ название земского старосты: он чаще всего вносил причитающиеся с поместья суммы налоговых платежей⁸⁾; случаи, когда вногит подати в соответствующее казенное учреждение простой крестьянин, встречаются в наших документах гораздо реже⁹⁾. Староста передает заинте-

¹⁾ № 99.

²⁾ № 107.

³⁾ № 17.

⁴⁾ № 32.

⁵⁾ № 34.

⁶⁾ №№ 68, 69.

⁷⁾ № 53.

⁸⁾ №№ 43—48.

⁹⁾ №№ 42, 53.

рессованным лицам из крестьянской среды барские распоряжения, напр., относительно условий, на которых могла выйти в чужое село крепостная девка кн. И. П. Гагарина ¹⁾; он является, как мы видели, представителем барских интересов при обмене крестьянином своей земли на землю крестьянина, принадлежавшего другому владельцу ²⁾; в качестве представителя общины он обычно привлекается во главе понятых к следствиям и повальным обыскам ³⁾, и в этих случаях его роль однаакова с ролью других сельских должностных лиц—приказчиков и целовальников, исполняющих подобные же функции по управлению крестьянами и взиманию податей ⁴⁾. Иногда староста действует довольно самостоятельно, ограждая крестьянские интересы от всяких на них посягательств и подавая для того даже челобитные на высочайшее имя ⁵⁾. Такое положение старости в деревне покажется нам вполне естественным, если вспомнить, что, являясь представителем и руководителем крестьян, он был в то же время доверенным лицом барина, на которое последний возлагал охрану своего имущества и интересов ⁶⁾. Иногда мы встречаем, однако, старосту в роли далеко не почтеннейшего предводителя своих односельчан, предпринимавших набег на чужие владения ⁷⁾. На ряду со старостой в деревне действует, исполняя главным образом полицейские обязанности, сотский, принимающий "явки" в связи с происходящими в деревне правонарушениями ⁸⁾. В общем, как видим из сделанной попытки свести вместе черты, разбросанные по различным документам, эти документы рисуют очень обычную картину отправления сельскими должностными лицами их обязанностей и не заключают в себе указаний на какие-либо своеобразные черты деревенского управления.

¹⁾ № 17.

²⁾ № 11.

³⁾ № 27; № 25—то же для Смоленской области.

⁴⁾ №№ 39 и 40.

⁵⁾ №№ 75, 76, 82.

⁶⁾ № 106.

⁷⁾ №№ 75, 76, 86.

⁸⁾ №№ 76, 97.

Под властью помещика и в зависимости от старости находились крестьяне с бобылями и дворовые люди помещика, ¹⁾ не имевшие самостоятельного хозяйства. У нас есть некоторые данные, позволяющие ответить на вопрос о материальном положении крестьян, хотя эти данные в общем довольно скучны; обычно это сведения о „животах“—имуществе, уносимом крестьянами, пускавшимися в бега,—сведения, конечно, далеко не полные, так как нельзя предполагать, чтобы беглая крестьянская семья уносила с собою решительно все свое достояние; реже это сведения об имуществе, разграбленном во время разбойных нападений на поместье; в последнем случае убытки иногда не означались в члобитной, а исчислялись в особой росписи, к ней прилагавшейся и до нашего времени в Волженском архиве не сохранившейся ²⁾). В некоторых случаях крестьянским „животам“ делается соответствующая денежная оценка, и сообщаемые сведения, может быть, окажутся в ряду других не безынтересными для исследователя экономической жизни XVII века, определяющего цены того времени. Встречающиеся местами глухие упоминания о „платье и рухляди“ крестьян, об отнятых у них деньгах и платье, даже перечисления похищенных у некоторых из них рубашек, свитых кафтанов, шапок, рукавиц, топоров, крестов серебряных, ³⁾ конечно, в счет нейдут, так как ничего не дают для определения уровня их материального благосостояния; ничего не дают и встречающиеся упоминания о хозяйственных постройках крестьян—клетях, сенниках, амбара, овинах ⁴⁾; несколько больше узнаем мы в других случаях, и заключающиеся в документах данные, думается, не бесполезно будет выделить и свести в одно целое. Оказывается, между прочим, что бежавшая крестьянская семья из 5 мужчин и 5 женщин уводит с собой 3 лошади и жеребенка, корову, 7 овец, уносит 15 четвертей ржи и 30 четвертей овса ⁵⁾. Очевидно, это была семья довольно-

1) №№ 15, 84, 89, 98, 103

2) №№ 76, 100.

3) № 89.

4) №№ 32, 100.

5) № 63.

но зажиточная, и сравнительное обилие ее имущества об'ясняется, конечно, большим количеством рабочих рук в ней. Стòит указать также на Насона Петрова, крестьянина дер. Вередишина, принадлежавшего помещику Гарф. Волкову, неоднократно упоминаемого в наших документах¹⁾; в нашем распоряжении есть данные, свидетельствующие о его сравнительной зажиточности,—именно, в известной уже нам ръписи из отдельных книг 1639 г. упоминается у М. М. Волженского „сена вopче с Ываном Нашекиным, да с Парфеном Волковым, да с Воином Есиповым, что было на оброке деревни Вёредишиной за крестьянином за Насонком Петровым по реке по Шуе... восмьдесят копен“²⁾). Восемьдесят копен сена—цифра довольно крупная, особенно если вспомнить, что во всех владениях М. М. Волженского выпись насчитывает сена только 59 копен; повидимому, Насон Петров брал на оброк сенные покосы у нескольких помещиков, перечисленных в данном месте записи, что, несомненно, предполагает у него довольно хорошие материальные средства. Но, конечно, крестьяне обычно располагали лишь скромными средствами: так, другой беглый крестьянин, не из упомянутой выше крестьянской семьи, с матерью, женою и четырьмя сестрами уводит лишь 1 лошадь и уносит 5 четвертей ржи и 10 овса, не считая платья³⁾; для пояснения стоимости уносимого имущества укажем, что один из документов⁴⁾ дает оценку 2 лошадей в 6 рублей по тогдашнему счету. Еще в одном случае у беглого крестьянина оказываются кобыла, корова, хлеба и платья всего на 20 р. 50 к. тогдашних⁵⁾. У беглой девки, не имевшей самостоятельного хозяйства, скота, как и следовало ожидать, не оказывается вовсе, зато порядочно всякого добра из одежды,⁶⁾ и среди него упоминается даже унесенная у родственника шапка мужская лисья, крытая сукном, и ряд вещей из мужской одежды; и всему

1) №№ 36, 61.

2) № 23.

3) № 63.

4) № 86.

5) № 61.

6) № 62.

этому добру делается соответствующая оценка в челобитной, направленной, как и подобало, на имя государя: баранья шуба ставится в полтора рубля, бараний кафтан в рубль, да 20 аршин сукна тоже в. рубль, сермяжный кафтан—в 90 к.; вышеупомянутая шапка мужская—в 60 к., десять овчин в 1 р., платье белое, рубашки и холсты—в полтора рубля; сравнительно дорогими оказываются предметы женского туалета: женская „шапка“ ценится в 2 р., а двойи серьги в 1 р. В общем сравнительно скромное имущество крестьян представляет заметную противоположность с внушительным состоянием, принадлежавшим, как указывалось выше, М. М. Волженскому, не упускавшему, однако, повода при всяком удобном и неудобном случае пожаловаться государю на свою „скудость“¹⁾. Никифор Волженский был, конечно, значительно беднее отца, тем более, что материальное благосостояние последнего было, вероятно, сильно подорвано нападением на его усадьбу в 1664 г., да притом после отца Никифор получил лишь часть его владений. Зато Н. М. Волженский не упускал случая приумножить свой капитал, пуская его в рост²⁾; заслуживает внимания, что в подобного рода сделках принимали участие и некоторые из крестьян, располагавшие, видимо, небольшими свободными средствами.

VIII

Помимо данных, рисующих материальное положение помещиков и крестьян, документы Волженского собрания дают известный материал для характеристики того культурного уровня, на котором стояли помещики и крестьяне XVII века. Известно, что этот уровень был очень невысок, и неудивительно, если М. М. Волженский оказывается неграмотным, и за него в потребных случаях „руку прикладывают“ другие; удивительнее, что среди документов Волженского собрания оказываются записи о различ-

¹⁾ № 59.

²⁾ №№ 18, 19.

ных исторических событиях ¹⁾); заслуживает также внимания, что довольно многие из упоминаемых в документах служилых землевладельцев и членов их семей—Никифор Волженский, Г. А. Верховский, Ф. С. Скобельцын, Дмитрюшка и Лаврушка Волженские, Данило Волженский оказываются в состоянии писать или подписывать свои челобитные и иные деловые бумаги собственноручно ²⁾). Иногда, впрочем, очевидно, что грамотность таких лиц весьма невысокого достоинства: стоит, напр., взглянуть на рукописание Г. А. Верховского ³⁾, на неуклюжие буквы, выводимые его рукой, на эти многократно повторяющиеся твердые знаки, вставляемые им с заслуживающим лучшего применения усердием и без всякой нужды в середину самых общеупотребительных слов, чтобы понять, каким камнем преткновения бывала грамота для московского заурядного служилого человека. И что, пожалуй, еще характернее,—нетвердыми в основных правилах правописания оказываются даже нравственно обязанные посвятить себя „книжному научению“ мирян насельники монастырей: переписчик, снимающий копию с одной из челобитных братии Паисиева монастыря, пишет безграмотно и не умеет даже безошибочно написать имени архимандрита ⁴⁾; очевидно, более грамотные люди для писания нужных документов в распоряжении монахов бывали не часто; за казначея того же монастыря старца Паисия подписывается другой старец ⁵⁾; то же и с другим казначеем—старцем Кириллом, вместо которого подписывается архимандрит ⁶⁾. Что касается крестьян, то о них не приходится много говорить: обычно за многих крестьян „руку прикладывает“ приходский священник или случайный грамотей из их собственной среды, которого не так-то легко сыскать среди крестьян, даже принадлежавших другому помещику, и которого приходится „всем миром“ просить о написании какой-нибудь сказки „для ради

1) №№ 110, 111.

2) №№ 56, 73, 94, 88, 101, 102, 31.

3) № 73.

4) № 95.

5) № 18.

6) № 19.

мирской ссоры¹⁾). Сохранилось, правда, даже письмо к барыне, писанное крестьянкою²⁾; но писано-ли оно собственноручно—сказать трудно.

При низком культурном уровне как помещиков, так и крестьян, что же удивительного, если в деревне разыгрывались иногда дикие сцены насилий, описание которых занимает заметное место в наших документах, если разбои были в галичских краях явлением довольно обычным? Не говорим уже о воровстве³⁾ и браня, подвергшись которой, служилый человек не упускал случая потребовать себе „бесчестья“,⁴⁾—даже о конокрадстве и краже другой скотины⁵⁾). От некультурности же зависело, конечно, и кляузничество, которое отчасти приводило к подаче бесконечных челобитий и многолетним разорительным тяжбам; стоит отметить, что в те времена, при слабости надежды добиться правосудия на месте, подавались челобитные на высочайшее имя и по таким делам, которые в наши дни были бы предметом разбирательства мирового судьи или земского начальника. Как продолжительны были и как дорого обходились иногда тяжебные дела, ближе нам неизвестного и тянувшегося несколько более года, пришлось уплатить судебных издержек 42 р. 80 к. по тогдашнему счету, т. е. рублей до 700 наших довенных⁶⁾ Тяжба была, думается, тем разорительнее, что платить приходилось по гривне за день, т. е. производившим дело был некоторый расчет возможно более затягивать его не в собственных интересах только, но и в интересах казны, что могло служить довольно удобным оправданием медленности. „Поклепное и убийственное дело“, вчиненное Н. М. Волженским против крестьян стольника И. И. Мещеринова;⁷⁾ обошлось еще дороже, несомненно, в виду своей чрезвычайной серьезности и

¹⁾ № 85.

²⁾ № 14.

³⁾ №№ 61, 97.

⁴⁾ №№ 79, 90, 96.

⁵⁾ №№ 95, 100.

⁶⁾ № 91.

⁷⁾ №№ 98, 99.

продолжительности (начавшись в 1684—1685—193 г., оно не окончилось еще в 1688 г.)—именно в 115 р., т. е. немного менее 2000 р. по нынешней довоенной стоимости денег.

Среди документов Волженского собрания сохранились данные, относящиеся к судебным разбирательствам по делам различной важности—от тяжких уголовных преступлений до проступков, производящих впечатление скорее комическое и дающих, кажется, только лишнее подтверждение высказанной еще Владимиром Святым истины, что „Руси веселье есть пити“: стойт познакомиться с документом, рисующим во всей ее первобытной непосредственности сцену, происшедшую у церкви в день Светлого Христова Воскресения¹⁾). А рядом с этим грабежи и избиения людей и домашнего скота²⁾ (дел, связанных с поземельными межевыми отношениями и рассмотренных выше, мы теперь не касаемся). Иногда неподобные дела творились даже монастырскими старцами, совсем не обнаруживавшими приличествовавшего их положению смирения. По крайней мере, М. М. Волженский в одной из своих челобитных 1662 г.³⁾ обвиняет строителя Паисиева монастыря старца Боголепа в том, что тот организовал и сам произвел избиение и ограбление его крестьян и впредь хвалится по отношению к ним, к дворовым и к нему самому, М. М. Волженскому, „всякими лихими делы, и тем же боем, и грабежем, и подметом, и пожегом, и смертным убивством“. Не тот же ли самый старец Боголеп упоминается в качестве келаря Паисиева монастыря в другом документе⁴⁾, где говорится о возбуждении им против М. М. Волженского обвинения в укрывательстве принадлежавшей монастырю крепостной девки? Если это тот же самый старец, и если М. М. Волженский не преувеличил под влиянием раздражения его злокозненных замыслов и действий, то возможно, что организованный старцем разбойничий набег на поместье М. М. Волженского был вызван желанием отомстить за

1) № 96.

2) №№ 86, 92, 97.

3) № 89.

4) № 65.

причиненный монастырю ущерб. В том же году М. М. Волженский оказывается, кроме того, судящимся со старцем того же монастыря Гурием „в приезде, и в бесчестье, и в бою крестьянском, и в свозном сене“, причем предписывается для разрешения тяжбы произвести повальный обыск ¹⁾. Бывают моменты, когда дела, к которым Волженские оказываются прикосновенными, принимают неблагоприятный для них оборот. Так случилось с Н. М. Волженским; тогда и он ведет себя не лучше противников—упорно противится всем требованиям явиться в Москву ²⁾—надо думать, без особенно неприятных последствий для себя, так как позднее мы видим его по-прежнему в Плоском. Иногда, впрочем, ему не удается отделаться от временного ареста на галичском съезжем дворе по доносу ³⁾.

И дети Н. М. Волженского также фигурируют в наших документах подобного рода, и так же ревниво, как их отец, отстаивают они свое достояние, не останавливаясь даже перед требованием пытать лиц, заподозренных в воровстве ⁴⁾. Дмитрюшке Волженскому пришлось даже подвергнуться обвинению в разбойном нападении на одну из соседних усадеб и испытать вместе с остальными членами семьи ряд неприятных минут ⁵⁾. Чем кончилось для него дело, сказать вполне определенно нельзя за неимением данных; но возможно, что оно прошло для обвиняемого благополучно: во-первых, трудно допустить, чтобы Дмитрюшка Волженский лгал, устанавливая в челобитной на имя государя свое alibi, выдумал факт своей поездки во время нападения на усадьбу за хлебом в Санчурск, да еще, будучи неправым, решил требовать в челобитной допроса своей обвинительницы и ее дочери; во-вторых, известно, что брат Дмитрюшки, Никита, был женат на Авдотье Афанасьевне Черевиной ⁶⁾. Не была ли она родственницей возбудив-

1) № 90.

2) № 99.

3) № 103.

4) № 100.

5) №№ 101, 102

6) См. поколенную роспись рода Волженских в приложении к документам.

шей дело против Дмитрюшки Волженского К. Т. Валмасовой (урожденной Черевиной)? Установить это родство путем справок в делах Костромского Дворянского Собрания нам не удалось, так как представительниц дворянских родов Черевиных, носивших только что упомянутые имена, в их поколенных росписях не оказалось; так же безрезультатны были справки в генеалогических указателях, имеющихся в библиотеке Костромского Научного Общества по изучению местного края. Во всяком случае, если А. А. Черевина и К. Т. Валмасова состояли в родстве (естественно допустить, что Ник. Волженский женился на соседке), то приходится признать, что едва ли бы Черевины выдали дочь за Никиту Волженского, если бы брат его Дмитрюшка осужден был за разбой в упомянутом случае. Не свидетельствует ли, напротив, брак Ник. Волженского с А. А. Черевиной о примирении враждавших родов?

Заканчивая нашу работу, мы позволим себе напомнить ее ход. Мы пытались установить состав семьи Волженских в течение нескольких поколений. Мы видели, как расширялись и сокращались пределы земельных владений одного из средних дворянских родов XVII века, как цепко и ревниво, не останавливаясь даже перед не вполне чистыми средствами, отстаивали и приумножали Волженские свое достояние, как несли государеву службу, платили налоги, как жили в семейном кругу, как вели хозяйство и боролись за рабочие руки в тяжелые моменты хозяйственного кризиса. Мы имели также возможность проследить обстановку помещичьей и крестьянской жизни в одной из помещичьих усадеб XVII века и тот культурный уровень, на котором стояли лица, обрисованные в наших документах. Конечно, было бы весьма важной задачей сравнительное изучение того положения, в котором находилась усадьба Волженских, с тем, в каком стояли другие усадьбы в той же местности; но это задача, ожидающая будущего исследователя, который имел бы возможность ознакомиться с неизданными архивными материалами, посвященными землевладению в галичских краях. И для самих Волженских тогда бы, наверное, еще многое выяснилось. Пока же изданные материалы по

землевладению в Костромской губернии относятся в большинстве к южной, ближайшей к Волге части губернии¹), а неоднократно цитированная уже нами книга Ю. В. Готье уделяет как раз Галичскому уезду наименее внимания, так что говорить о том, что вопросы, связанные с землевладением в галичских краях XVII века, выяснены, никак нельзя. По отношению к усадьбе Волженских почти полное отсутствие сравнительного изучения связанных с нею вопросов возмещается в известной мере лишь тем, что по вопросам о землевладении, службе, налогах, крестьянской общине и формах хозяйства, культурном уровне обитателей усадьбы и их соседей мы встречаемся в значительной степени с повторением уже знакомых нам по источникам и пособиям общего характера широко распространенных черт; немногие отступления и особенности, какие нам удавалось отметить при изучении документов Волженского архива, мы указывали в своих местах. Во всяком случае смеем думать, что издаваемые ныне Костромским Научным Обществом изучения местного края документы Волженского собрания

¹) Некоторые из известных нам изданий такого рода перечислены выше там, где говорилось о стрелецком хлебе и корме, в примечании Насколько мало дают (иногда совершенно ничего не дают) эти сборники для характеристики землевладения в галичских краях в XVII веке, можно убедиться хотя бы из беглого просмотра самых сборников или имеющихся в большинстве их указателей. К немногим относящимся к предмету настоящей работы и цитированным в ней местам „Костромской Старине“, рисующим бытовые черты жизни в Галичском уезде XVII века, можно было бы прибавить разве стр. 3—11 отд. 11 из вып. 2 „Костромской старине“: „Несколько старинных рукописей, рассмотренных членом архивной комиссии И. В. Миловидовым“; немногие сведения об Александровой, что на Воче, пустыни (близ гор. Солигалича) из вып. В того же издания нами по возможности использованы, равно как и материал, представляемый цитированной выше работой Ю. В. Арсеньева о кн. Н. И. Одобровском; „Обзор грамот коллекции экономии“ вып. 4-й—Кострома „с товарищи“ и Пересла вль-Залесский. М. 1917—С. Шумакова является в сущности лишь справочным материалом, но для нашей цели мало пригоден. „Материалы по истории гор. Чухломы“, изданные в 1902 г. (т. I.) в Красноярске Г. В. Юдиным, дают, между прочим, писцовую и переписную книги по Чухломской осаде Галичского уезда, но лишь для первой половины XVII века, слабо затронутой в нашей работе. Ряд указаний на связанные с галичскими краями материалы, не имеющие, впрочем, значения, можно найти также в издании Костромской Ученой Архивной Комиссии: „Указатель книг, статей и мыслей о Костромском крае по концепции их содержания“. Кострома. 1907. В настоящее время новый библиографический указатель исторической литературы и печатных источников по истории Костромского края подготавливается к печати В. И. Омирновым и Н. И. Уинновым в трудах Костромского Научного Общества изучения местного края.

окажутся в ряду других подобных не бесполезными для будущего историка не только в отношении к своему основному содержанию, но и в смысле сообщения ряда других, иногда чисто случайных сведений о многих помешиках, воеводах, должностных лицах московских центральных учреждений и т. д. Эти же соображения могут, думается, служить некоторым оправданием появления в свет и настоящей нашей работы, представляющей собою опыт введения к изучению издаваемых документов.

Документы Волженского собрания, а равно дела Костромского Дворянского Собрания о родах Волженских и Верховских вместе с дворянской родословной книгой находятся в настоящее время в архиве Костромского Научного Общества изучения местного края. Пунктуация в документах принадлежит автору настоящего введения. Транскрипция документов сделана покойным И. Д. Преображенским, проверена и местами исправлена нижеподписавшимся¹⁾. Система расположения документов выработана в некотором соответствии с принятой в некоторых других подобных изданиях документов по истории землевладения в пределах Костромской губ. (Линевский и Долматовский архивы). Перечень отделов дается в оглавлении. Документы, связанные с судебными делами, в виду их сравнительной многочисленности разбиты на несколько отделов. В рамках каждого отдела документы размещены по возможности в хронологическом порядке.

C. Фрязинов.

1) При транскрипции надстрочные буквы снесены в строку применительно к строчному письму; предлоги, пишущиеся обычно без твердого знака, так и переданы, и твердый знак ставится лишь там, где встречается в оригинале.

Документы Волженского собрания.

Документы, касающиеся государственной службы, и челобитья о пожалованье поместий.

1.

Лѣта 7160-го августа въ 24 день, по государеву, цареву і великого князя Алексія Михайловича всеа Русиї указу, стольникъ і воевода князь Іванъ Андрѣевичъ Хаванской вѣлелъ ъхать взямятину Матвѣю Михайловичю Волжинскому в Вяземской уѣздѣ в Максимово помѣстье Собакина в сёло Большево, а приїхавъ стояти ему на той заставе в селѣ Большове с велиkimъ береженьемъ и, стоячи на той заставе, стеречи того накрепко и около той заставы заказать накрепко жъ: будеть которые литовские люди поѣдутъ за рубежъ, а провожатыхъ с ними рускихъ людей не будетъ и проѣзжихъ, и они бѣ тѣхъ литовскихъ людей имали, и писемъ всякихъ у нихъ осматревали, и приводили ихъ с тѣми писмами в Вязму в съѣзжую избу, и писма и тѣхъ иноzemцовъ объявляли стольнику і воеводе князю Івану Андрѣевичу Хаванскому да дьяку Гарасиму Лаврову. К се памяти стольникъ і воевода князь Іванъ Андрѣевичъ Хаванской печать свою приложилъ (печать черного воска). На обороте: Длакъ Гарасимъ Лавровъ..

2.

Лѣта 7162-го сентября въ 3 день, по государеву, цареву і великого князя Алексія Михайловича всеа Русиї указу, стольникъ і воевода князь Іванъ Ондрѣевичъ Хаванской вѣлѣлъ быть на заставѣ в Вяземскомъ уѣзде в вотчине боярина Никиты Івановича Романова в селѣ Жиркове взямятину Матвѣю Михайловичю Волжинскому на перемѣну прежнимъ заставщикомъ взямичамъ Матвѣю Соѳонову да Захарью Козловскому и, будучи имъ на той заставе, беречь накрепко, чтобы из государевы стороны за рубежъ, также из литовские стороны из за рубежа в государеву сторону и гдѣ меж заставъ засечены в проселочные дороги, для воровства не проходили и нигдѣ не прокрадывались, и чтобы на заставе и на большихъ и на про-

селочныхъ дорогахъ и на малыхъ стежкахъ никто бес проѣзжие, никаковъ человѣкъ не ъздилъ, и пѣши не ходили, чтобы однолично от литовскаго рубежа во всякихъ мѣстехъ было бережно; и будетъ объявятца вновь проселочные дороги и малые стежки, и имъ велѣть по тѣмъ проселочнымъ дорогамъ стеречь тутощимъ и окольнимъ людемъ, а малые стежки засѣчь окольними и тутощими людми, чтобы никто-никаковъ воровской человѣкъ из за рубежа и за рубежъ не проѣхалъ и пѣшъ не прошоль и не прокрался; а засеки бѣ засѣчены были на три сажени косыхъ попегъ, а вверхъ полторы сажени, а наверхъ наваливать большимъ лѣсомъ. А будетъ ихъ небереженѣемъ мимо ихъ заставы и тѣми проселочными дорогами проѣдетъ и через засеки каковъ нибудь воровской человѣкъ пѣшъ пройдетъ или прокрадетца, а онъ, заставщики, и окольние и тутощие люди тѣхъ воровскихъ людей пропустятъ, и имъ, заставщикомъ, и тѣмъ людемъ быти отъ государя, царя і великого князя Алексія Михайловича всеа Русиї в великой опале и в жестокомъ наказанье; а однолично имъ на заставе беречь того накрепко, и по рубежу о томъ всякимъ людемъ заказать накрепко против государева указу, и по проселочнымъ дорогамъ сторожи учинить, и по малымъ стежкамъ засеки засѣчь, і велѣть сторожамъ сходитца с сторожами жъ, а самимъ по проселочнымъ, дорогамъ и по малымъ стежкамъ надзирать того жъ накрепко, а будетъ гдѣ какова вора изымутъ, и тѣхъ воровъ приводить в Вязму в съѣзжую избу к стольнику і воеводе ко князю Ивану Ондрѣевичю Хаванскому да к дьяку к Гарасиму, Лаврову. К сей памяти стольникъ і воевода князь Иванъ Ондрѣевичъ Хаванской печать свою приложилъ. Приложена печать черного воска.

На оборотѣ по склейке: Діакъ Гарасимъ Лавровъ.

3.

Царю, государю і великому князю Алексію Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиї самодержцу, бѣть челомъ холопъ твой, раненай жилецъ, драгунскаго строю поруччикъ Лучка Матвеевъ сынъ Волжинской. Служю я, холопъ твой, тебѣ, государю, всякия твои государевы службы седмой годъ, а окладъ мнѣ, холопу твоему, шесть-

сотъ пятьдесятъ четвертей, а твоево государева жалованья за мною, холопомъ твоимъ, поместья нетъ ни одной четверти. И в прошломъ, государь, во 162-мъ году на твоей государевой службѣ иноземца Федора Андреева сына Фамендина не стало, а послѣ, государь, ево жены и детей никого не осталось, а твоево государева жалованья поместье за нимъ было в Галитцкомъ уезде в Парееньевской волости деревня Кренькова с починками и з займиши, и то, государь, поместейцо лѣжитъ порозжо, в поместья никому не отдано. Милосердый государь, царь і великиі князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, за мое службишко, за кровь и за рану темъ вымороочнымъ поместейцомъ в мой окладъ в шестьсотъ пядьдесятъ четвертей, с чево бѣ мнѣ, холопу твоему, твои государевы была службы служить. Царь, государь, смилийся.

4.

Такова роспись дана полковнику под Вильнею.
Роспись четвертой роты салдатомъ, сколько на лицо:
37 человѣкъ да барабанщикъ,
да в Смоленске осталось болныхъ 5 человѣкъ.
Севчане:

деревни Осоцкой Микулка Елистратовъ,
Стенка Өроловъ, Өедка Даниловъ,
села Кропотова Тихонка Степановъ,
села Девятиннова Гришка Кондратьевъ,
да во Шкловѣ осталось болныхъ 6 человѣкъ:
села Кропотова Сидорка Карповъ,
Антипка Өилимоновъ, Потапка Нестеровъ,
деревни Осоцкой умеръ Өилимонка Тимоѳьевъ,
Ондрющка Ивановъ,
дѣдиловецъ
Захарко Курцовъ;
да збежали дѣти боярские еорѣмовцы два человѣка:
Іванъ Андрѣевъ сынъ Өилатовъ,
Семенъ Гавриловъ сынъ Даншинъ,
да барабанщикъ бежалъ Васка Өедосѣевъ;
да без вѣсти пропалъ сѣвчанинъ деревни Сотцкой
Өилька Яковлевъ;

да умерли два человѣка;

съвчанинъ села Кропотова Івашко Кузминъ

да лопанинъ крещеной Івашко Ларионовъ;

да за пушками четыре человѣка, дѣти боярские:

Тимоѳѣй Дмитреевъ сынъ Жиляевъ, Еѳиѳѣй Івановъ
сынъ Іоатѣевъ,

съвчане

Симка (?) Захаровъ, Екимка Івановъ.

На обороте: Власова рухледи послано домой две рубашки да дрои поргѣки, штаны, онучи, платочки рушные, кавътанъ шубно Власова, серой каѣтанъ (?) без рукавъ.

5.

Царю, государю і великому князю Алексѣю Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росії самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой жилецъ Микеорко Волъжинской. Служилъ я, холопъ твой, тебе, государю, рейтарскою службу, из рейтаръ я, холопъ твой, пожалованъ х пешему строю в прaporщики в Толмасовъ полкъ бели (?), и на многихъ бояхъ и на приступехъ я, холопъ твой, былъ; да в томъ же, государь, полку Толмасова былъ братъ мой в капитанехъ Федоръ Волъжинской, и волею Божию под Динаборъкомъ убили брата моево Федара ис пушки до смерти, а я, холопъ твой, твоимъ государевымъ жалованьемъ поместнымъ окладомъ и четвертнымъ денежнымъ жалованьемъ не верстанъ. Милосердый государь, царь і велики князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великия и Малыя и Белыя Росії самодержецъ, пожалуй меня, холопа своеово, за мое службишко, за кровь и за смерть брата моево Федара, вели, государь, меня своимъ государевымъ жалованьемъ поместнымъ окладомъ и четвертнымъ денежнымъ жалованьемъ поверстать, чемъ тебе, праведнаму государю, обо мне Богъ известить. Царь, государь, смилуйся.

На обороте: „Государь пожаловалъ, велѣлъ учинить (?) окладъ 48 четыни, денегъ 9 рублевъ.

6.

Царю, государю і великому князю Алексѣю Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росії самодержцу,

бъеть челомъ холопъ твой жилецъ. драгунского строю порутчикъ Еганова полку Евиша Банговина Микиорка Матвѣевъ сынъ Волъженской. В пршломъ, государь, во 166-мъ году по твоему великого государя указу, былъ я, холопъ твой, на твоей государевѣ службѣ в полку боярина і воевод князь Юрья Алексѣевича Долгоруково, и против гетмана Гансевского на бою я, холопъ твой, былъ; а которыя, государь, моя братъя были на твоей государевѣ службѣ в томъ же полку, и по твоему великого государя указу моя братъя за тое службу твоимъ государевымъ помѣснымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ прибавкою пожалованы, а я, холопъ твой, за тое службу твоимъ государевымъ помѣснымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ прибавкою противъ своей братъи не пожалованъ. Милосердыи государь, царь і великий князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великия и Малая и Бѣлыя Росии самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, за мою службишку своимъ государевымъ помѣснымъ четвертнымъ и денежнымъ жалованьемъ прибавкою против моей братъи, чтобы мнѣ, холопу твоему, противъ своей братъи оскорблenu не быть і впредь твоей царъской службы не отбыть. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

7.

Царю, государю і великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великия и Малая и Бѣлыя Росии самодержцу, бъеть челомъ бѣдная раба твоя Дѣдилова, Омѣнскія женишко Данилова сына Валкова, вдова Марѳутка Яковлева дочь. В прошломъ, государь, во 167-мъ году на твоей великого государя службе под Конотопомъ в полку окольничево князя Григорья Григорьевича Ромадановскаго былъ мужъ мой в раттарскомъ строє або нечей голова, и на той твоей государевѣ службе на бою мужа моего убили, а я, раба твоя, после мужа своего осталась з дѣтишками сама пята, помираю голодною смертию, а твоего государева жалованья на поминокъ мужу моево мнѣ, бѣдной, не дано. Милосердыи государь, царь і великии князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великия и Малая и Бѣлыя Росии самодержецъ, пожалуй меня, рабу свою, з дѣтишко своимъ государевымъ жало-

ваниемъ на поминокъ мужа моего, чемъ тебѣ, праведному государю, о мнѣ, бѣдной, Богъ известить. Царь, государь, смилийся.

Ниже другими чернилами: по 5 руб. по 13 ал. по 2 де.

На обороте: Выписа крепости на валуевскихъ крестьянъ.

8.

Лѣта 7174-го сентября въ 21 день, по государеву, цареву і великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росії самодержца, указу, стольникъ і воевода князь Петръ Большой Семеновичъ Прозоровской с товарыщи отпустили іс Смоленска дс Вязмы жильца Микиюра Волжинскаго, и по городомъ воеводамъ, а по селамъ и по деревнямъ і по заставамъ приказнымъ людемъ и залогамъ того жильца Микиюра Волжинского пропускатъ вездѣ без задержанья. К сей проѣзжей великого государя, царя і великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росії самодержца, отчины города Смоленска стольникъ і воевода князь Петръ Большой Семеновичъ Прозоровской печать приложилъ. (восковая печать).

9.

Царю, государю і великому князю Феодору Алексѣевичу, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росії самодержцу, бѣть чоломъ холопъ твой, крымской полоненикъ жилецъ Мишика Матвеевъ сынъ Волженской. Служилъ я, холопъ твой, блаженныея памяти отцу твоему государеву, великому государю, царю і великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росії самодержцу, и тебѣ, великому государю, многия лѣта со 163-го году и по се число, и вѣзде я, холопъ твой, на вашихъ великого государя службахъ быль—въ польскихъ, и въ литовскихъ, и въ немецкихъ, и въ черкасскихъ городехъ, на полевыхъ бояхъ, и на приступехъ, и на вылоскахъ съ приѣзду и до отпуску быль, и во многихъ въ осадехъ сидель, всякую нужду и голодъ терпелъ, и билъ съ неприятельскими людми везде, не щадя головы своей, и раненъ я, холопъ твой, на бою по ноге застреленъ изъ луку.

тяжелою раною; и какъ розымали польския и крымския
люди боярина и воеводу боярина Василья Борисовича
Шереметева с товарыщи, и в то число взять я, холопъ
твой, в Крымъ в полонъ, и в полону я, холопъ твой,
животъ свой мучилъ в Крыму многия годы, в тяжской
бусурманской неволѣ изувѣченъ на смерть, ис полону я,
холопъ твой, вышелъ уходомъ, а не на размену и бѣз
окупу, а имянишко мое в разрядѣ в послужномъ столѣ в
книгу и рана записана; да у меня жъ, холопа твоего,
побиты на вашихъ великого государя службахъ братьевъ
родныхъ и двоюродныхъ до смерти четыре человѣка, а
твоимъ великого государя жалованье я, холопъ твой,
ничемъ не взысканъ і не пожалованъ, а поместейцо, твое
государское жалованье отца моего, за мною, холопомъ
твоимъ, в бѣдныхъ местехъ в Галитцкомъ уѣзде, в Ше-
больской волости четыре двора крестьянскихъ; а приво-
локся я, холопъ твой, на твою великого государя службу
в полкъ к боярину и воеводамъ ко князю Михайлу Але-
гуковичю Черкасскому с товарыщи августа въ день,
имянишко мое в приѣзде записано, а ныне мнѣ, холопу
твоему, сказано зимовать в Киеве. Милосердыи государь,
царь і великии князь Феодоръ Алексѣевичъ, всеа Вели-
кия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ, пожалуй
меня, холопа своего, за мою службишку, за кровь, и за
раны, и за полонное терпение, не вели, государь, мне,
холопу твоему, быть в Киеве, чтобы мнѣ впредь твоей
царской службы не отбыть. Царь, государь, смилийся.

10¹).

Божиєю милостию мы, Екатерина Вторая, Императ-
рица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая,

и прочая.

Известно и вѣдомо да будетъ каждому, что мы
Александръ Волжинского, которыи намъ прaporщикомъ слу-
жилъ, для его оказанной к службе нашей ревности и
прилежности, в наши подпоручики 1767 года ноября 16
дня всемилостивѣши пожаловали и учредили; якоже мы

¹⁾ См. дело № 239 „о даче на дворянское достоинство грамоты по проше-
нию кадыевскаго ломъщика подпоручика Александра Иванова сына Волженскаго.
Решено ноября 26 дня 1795 года“, (лист 10).

симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелевая всемъ нашимъ помянутаго Александръ Волженскаго за нашего подпоручика надлежащимъ образомъ признавать и почитать, напротивъ чего и мы надеемся, что онъ в семъ ему от насъ всемилостивѣше пожалованномъ новомъ чине такъ верно и прилежно поступать будетъ, какъ то верному и добруму офицеру надлежитъ. Во свидѣтельство того мы сие нашей государственной военной коллегіи подписать и государственную печатью укрепить повелели. Данъ в Санктъ Петербурге лета 1768 марта 15 дня. Подлинной патентъ подписали генераль порутчикъ баронъ фонъ Диц; генераль майоръ князь Федоръ Щербатовъ; генераль майоръ Петръ Языковъ; оберъ секретарь Алексеи Микешинъ; секретарь Иванъ Петуховъ. С приложениемъ печати. При запечатаніи в коллегіи иностранныхъ делъ № 1499-и.

Частные письма и челобитья крестьян помѣщикам.

11.

Государю Матвею Михайловичю бьетъ чelомъ сирота Давыда Никиоровича Неплюева крестьянинъ Пронка Елизарьевъ. Жалоба, государь, мнѣ на твоего государева крестьянина на Григорья Федорова деревни Климова: былъ, государь, у насъ в починке Юркине твой крестьянинъ Гришка Дмитреевъ и минялъ со мною под хоромы поставки по дворъ землею, і тотъ Григорей Федоровъ у тебя, государь, былъ староста и с темъ Гришкою землею под хоромы ужышемъ отмерилъ, а язъ имъ отмериль сколько жъ, и написали мы меж себя приговорныя записи, что было тому Гришке меня из земли не теснить, и родамъ нашимъ дѣла нетъ, а мнѣ его не теснить; и язъ, государь, на приговорную землю запись далъ Григорью Федорову, а ему было такова жъ дать мнѣ, а онъ в записи и в очисткѣ ручался—зайдеть мѣна в записи и в очиске, и мнѣ, государь, тотъ Григорей извериль и записи не далъ, и твой, государь, крестьянинъ Савка Дементьевъ своевъ (?) рукою з дворишкa меня потеснилъ и хоромишкa у меня розорилъ. Умилостивися, государь Матвей Михайловичъ, дай мнѣ на того Григорья в той

записи и в разоренье свой праведной судъ и управу.
Государь, смилийся, пожалуй.

12.

Государю Матвею Михайловичю сирота твой Титко Мартыновъ чломъ бьетъ; государыне Авдотье Кириловне сирота твой Титко чломъ бьетъ. Да пожалуй, государь Матвѣй Михайловичъ і государыня Авдотья Кириловна, пришли мнѣ перемѣну; а будетъ перемены не будетъ, і вы велите денги собрать против прѣжнаго двадцать пять рублейвъ; а будетъ не пришлете перемены іли денегъ, и я стану в стрельцы і брата к себе возму, по томъ чломъ бью.

На обороте: отдать грамотка на Плоское, государю Матвею Михайловичю.

13.

Государю Матвѣю Михайловичю, да государынѣ Овдотье Кириловнѣ, государыне Анне Матвѣевнѣ крестьянинецъ вашъ Титко Мартыновъ за вашу великую милость чломъ бью. Какъ васъ, государей моихъ, Христосъ сохранияетъ и милуетъ? Да пожаловалъ ты, государь Матвѣй Михайловичъ, прислаль ко мнѣ денегъ шестьдесятъ алтынъ, и я на вашей государей своихъ милости много чломъ бью. А не спасибо вамъ, государя моево крестьяномъ, а моимъ сосѣдя, что не попомнили воево слова и приговору, какъ у насъ с вами договоръ быль. По семъ вамъ чломъ бью, сколько вы пожаловали, не попомня Бога и своево слова, денегъ дали, по тому вамъ и служба буде.

14.

Государыне Мавре Михаловне сирота работница твоя (имя не разобрано) чломъ бьетъ. Посылали мы, государыне, к тебе поставы, а я, государыне, роба твоя, обміхнулася, послала свою холстинишку, всево в ней полтретъ стены, а защита моя холстина синею ниткою. Пожалуй, государыне, прішли мою холтинишку. (зачеркн.: а я, государыне, тотъ поставъ послала с Ловрентьемъ Михайловичемъ) Государыне Мавре Михайловне работница ваше Медведиха.

челомъ бьетъ. Пожалуй, государыне, пришли мое займы (?) полпета лохти (?) холстини круговихъ. Медведь ис половину вышелъ, а мне портокъ сшить не в чёмъ.

Приданые росписи.

15.

Роспись от Никитинъския жены Гиневлева Ксѣнии Лаврентьевъны: икона Богородицы Казанъская окладъня, да икона Троица Живоначальня окладъная же, да икона Михало арханъль, да третъ деревни Рыбериша, а въ ней крестьянинъ Матеей Гавриловъ женой и зъ детми, да въ толь же деревъне крестьянинъ Разуря (?) Марковъ и женою и з детми, да крестьянинъ Самойло Федоровъ и женою и з детми, да приданова на пятьдесятъ рублевъ, да четыре головы людей, а въсему тому договорка на сыске (?) будетъ.

16.

Роспись приданому: образъ Воскресение Христово, обложенъ сереброкл (?), позолоченъ, да образъ Николы чудотворца не в огъклада (?), да приданова платья и серебряные кузнин а двацать рублевъ, да при нихъ людей Гарку и женою и з детми, да Устина Борк..... (не разобрано), да крестьянъ половина деревъни Гусарево (?) Гришъка (не разобр. буква) Яковлевъ, а с нимъ четыре брата (зачеркн. 1 слово—не разобр).

Отпускная в замужество на девку.

17.

Се язъ, Галицъкаго уѣзду, Шебальский волости, деревъни Чанникова князь Ивана Петровича Гогарина староста Дружина Спиридоновъ сынъ, даю есьми по пъриказу государя своего отпусъкную память Устиновѣ дочере дѣвке Оєимье тое же Шебальский волости Матвѣя Михаловича Волженска за крестьянина ево за Богъдана (зач. неск. букв) Екимова сына в деревъни Климовомъ, что (вырвано, видны буквы: з...с...в...етца)

судомъ Божиимъ, закономъ, зъговоромъ, а не подгово-
ромъ даю я; староста, Устинову дочь дѣвѣку Оѳимью за
Богдана Екимова сына; и будетъ воля Божия составитца—
Богданъ сомъреть прежде жены своея Оѳимьи сомъреть, а
от роду не останетца, иное я вольно изъ прида назать
взять, и будетъ то же (?) воля Божия составитца—Оѳимья
сомъреть прежде мужа своего Богдана, а (?) и вольнъ
приданое отдать, а приданова с нею одѣна да обута; в
томъ язъ, староста Дружина, и отпускъную память далъ;
а на то послухи князь Ивана Петровича крестьяня Ке-
мянтея Авдокимовъ, да Осипъ Петровъ, а отпускъную па-
мять писалъ князь Ивана Петровича крестьянинъ Якунка
Яроѳевъ по ево старости вельнико лѣта 7175-го году
генваря въ 13 день.

На обороте: К сей отпускной памети Воскресенской
попъ Триоенъ вмѣсто князь Иванова старосты Дружины
Спиридонова по его вельнико руку приложил.

Заемные отписи.

18.

Память мнѣ, Успения Пречистые Богородицы Паисъ-
сина монастыря казначѣю старцу Паисью, в томъ, взяль
есми у Никиюра Матеѧева сына Волжинского и у кресть-
янъ ево по заемной кабалѣ уплаты два рубли денегъ, в
томъ есми я, казначѣй старецъ Паисъ, я ему, Микиюру
Матеѧеву сыну Волжинскому, и крестьяномъ ево и от-
пись далъ; а отпись писалъ того жъ монастыря казенной
дьячекъ Гаврилко Павловъ лѣта 7174-го ѿвраля въ 25 день.

К сей отписи Паисъсина монастыря старецъ Иосиѣ
Колосовъ вмѣсто казначея старца Паисия руку приложилъ.

19.

Лѣта 7177-го генваря въ 4 день Успения Пречи-
стые Богородицы Паисъсина манастиря казначѣй старецъ
Кирило далъ есми сю отпись по благословению отца
архимарита Сергия и братии Микиюру Матеѧеву сыну
Волжинскому и крестьяномъ отца ево Матеѧ Михаи-
лова сына Волжинского Семену Григорьеву с товарыщи
в томъ, взяль есми у него, Никиюра, и у крестьянъ ихъ

по кабалѣ в уплату в тритцать рублевъ казенныхъ денегъ шесть рублевъ с полтиною, в томъ есми ему, Микиору, и крестьяномъ ихъ и отпись далъ; а отпись писаль по благословенію отца архимарита Сергия и братии казенной дьячекъ Гаврилко Павловъ. Архимаритъ Сергii.

На обороте: К сей отписи архимаритъ Сергii вместо казначаѧ старца Кирила руку приложилъ.

Выписи с писцовых и межевых книг.

20¹⁾.

Выпись с вяземскихъ книгъ письма и меры Юрья Михайловича Мусина Пушкина да подъячего Сидора Андрѣева ²⁾ 134 и 135 годахъ в Жаденскомъ стану в поместье написано за Матвѣемъ за Михайловымъ сыномъ за Волженскимъ в поместье, что было напередъ тово за Веригою за Юрьевымъ сыномъ за Волженскимъ, что было за княземъ Иваномъ за новокрещеномъ за Тирикилевымъ, селцо, что была деревня Онцыфорова, а Сиргіево тожъ; да къ тому жъ селцу припущено в пашню деревня Другое Дятлово, а Максимовская и Степанково тожъ, на речке на Дежинки, а к нимъ дворъ помещиковъ: бобыль во дворе Гаврилька Павловъ с братьемъ с Ысачкомъ Павловымъ, да с Васкою Кузминымъ, да с шуриномъ Захаркомъ Киреевымъ; да место дворовое; пашни перелогомъ и лесомъ поросло середня земли тритцать четыре четъ в поле, а в дву по тому жъ; сена тритцать копенъ: лесу ненапашенного десять десятинъ. Деревня Оксентьевъ, а Ульетеева тожъ, а в ней бобыль во дворе Ондрюшка Палубьяновъ, да с нимъ Мишка Володинъ, да Ивашка Корниловъ, да дворъ пустой Кондрашка Романовъ, а онъ ныне живеть за Гавриломъ Пушкинымъ; дворъ пустой Сенки Кузмина; дворъ пустъ Ивашка Петрова да четыре места дворовыхъ; пашни перелогомъ и лесомъ поросло середня земли двадцать а на четъ в поле, а в дву по

1) См. листы 4 и 5 вышеуказанного дела № 239 Костромского Дворянского Собрания.

2) При транскрипции ж надстрочное на конце слов передано через жъ.

тому жъ; сена трицать копѣнъ; лесу непашенного три десятины. Деревня Безсонова, а Ондрейково тожъ, а на ней бобыль во дворѣ Якушко Тереховъ, да с нимъ племянникъ ево Елизарко Наумовъ да Куска Исаевъ, да пасынокъ ихъ Данилко Микитинъ; во дворе бобыль Митка Степановъ, да с нимъ въ одномъ дворе Кондрашка Борисовъ, да Захарка Мосѣевъ, Данилко Семѣновъ; да дворъ пустой Федки Ливонова, а онъ ныне живеть з1 Гаврилою Пушкинымъ; да восмь месть дворовыхъ; пашни перелогомъ и лесомъ поросло середніе земли трицать четыре четъ в поле, а в дву по тому жъ; сена трицать копѣнъ; лесу непашенного две десятины. Пустошь, что былъ починокъ на Лесномъ вражке, Игнатово тожъ, а на ней два места порозжая, пашня лесомъ поросло середніе земли шеснадцать четъ в поле, а в дву по тому жъ; сена пять копенъ. Пустошь, что была деревня Лосиное куплище, а Онѣфимово тожъ, а на ней четыре места дворовыхъ; пашни лесомъ поросло средніе земли сорокъ четыре четъ в поле, а в дву по тому жъ; сена трицать копенъ. Пустошь, что была деревня Болеуки ¹⁾, а на ней два места дворовыхъ; пашни лесомъ поросло середніе земли двадцать одна четъ в поле, а в дву по тому жъ; сена десять копѣнъ. Пустошь, что была деревня Куприна, на речке на Жаденке, а на ней два места дворовыхъ; пашни лесомъ поросло середніе земли двадцать четъ в поле, а в дву по тому жъ; сена трицать копенъ. Пустошь, что была деревня Холмина, на речке на Жаденке, а на ней три места дворовыхъ; пашни лесомъ поросло середнія земли пятнадцать четъ в поле, а в дву по тому жъ; сена двадцать копенъ. Пустошь, что была деревня Другая Холмина, а Терьнино тожъ, а на ней три места дворовыхъ; пашни лесомъ поросло середнія земли осинатцать четъ в поле, а в дву по тому жъ; сена пятнадцать копенъ. Пустошь, что была деревня Милгошинская, а Мужилинская тожъ, а на ней место дворовое; пашни лесомъ поросло середнія земли десять четъ в поле,

1) Болсуки? Думается, это то же, что Бояни в № 22; разница в начертании могла произойти в виду принятия переписчиком сложного начертания ста-ринного я за несколько букв или наоборот—нескольких букв за я и к за и или обратно.

а в дву по тому жъ; сена пять копѣнъ. Пустошь, что была деревня Молахова, Лукьянщево тожъ, а на ней три места дворовыхъ; пашни лесомъ поросло середнія земли осмнагцать четъ в поле, а в дву по тому жъ; сена дватцать копѣнъ. Пустошь, что была деревня Ломея Куприна, а Вошново тожъ, а на ней три места дворовыхъ; пашни лесомъ поросло середнія земли дватцать четъ в поле, а в дву по тому жъ; сена тритцать копѣнъ. Пустошь, что была деревня Курбинъ починокъ, а Малышовъ тожъ, а на ней место дворовое; пашни лесомъ поросло середніе земли четъ в поле, а в дву по тому жъ. Пустошь, что былъ починокъ Вешняковъ, на речке на Волхе, а на ней два места дворовыхъ; пашни лесомъ поросло середнія земли две четъ в поле, а в дву по тому жъ. Пустошь, что былъ починокъ Буренка, а Фольево тожъ, а на ней два места дворовыхъ; пашни лесомъ поросло середніе земли шеснатцать четъ в поле, а в дву по тому жъ. Пустошь, что былъ починокъ на Волщинскомъ Волшинскомъ верховыи, Аксаковъ (?) и Анътипинъ тожъ, а на ней два места дворовыхъ; пашни лесомъ поросло середніе земли две четъ в поле, а в дву по тому жъ. Пустошь, что былъ починокъ Новоселки,¹⁾ по обе стороны речки Долгой, а на ней два места дворовыхъ; пашни лесомъ поросло середнія земли пять четъ в поле, а в дву по тому жъ; сена десять копенъ. Пустошь, что былъ починокъ Кузьминъ, а Козино тожъ, на речке на Боренке, а на ней два места дворовыхъ; пашни лесомъ поросло середнія земли две четъ в поле, а в дву по тому жъ. Пустошь, что былъ починокъ Быковъ, на речке на Косливце, а на ней четыре места дворовыхъ; пашни лесомъ поросло середнія земли тритцать четъ в поле, а в дву по тому жъ; сена дватцать копенъ. А всего за нимъ, за Матвѣемъ, в поместье селцо, да две деревни живущихъ, да шеснатцать пустошей, а в нихъ дворъ помѣщиковъ, да четыре двора бобыльскихъ, а людей в нихъ пятнадцать человѣкъ, да четыре двора пустыхъ, да пятдесятъ одно место дворовыхъ; пашни перелогомъ и лесомъ поросло середнія земли триста двенадцать четви с осминою, а.

¹⁾ Конец названия исправлен.

доброю землею с наддачею двести пятдесятъ четь с осминою в поле, а в дву по тому жъ; сена двести восемдесятъ пять копѣнь; лесу непашенного пятнадцать десятинъ. На подълинной подписано тако: приписалъ подъячей Сидоръ Андрѣевъ.

21.

(Начала нет).

..... на яму же, а изгорода стоитъ межъ починка Раменного и Шейбальский волости починка Плоскова, да от тое (зач.: ели) ямы по той же изгороде прямо къ лѣсу черному на ель, на ней грань, а у ели въыкопана яма, да от тое ели и с ямъ на троеверховатую, на ней грань, да от тсе ели к рѣчкѣ Нозме, у рѣчкѣ у Нозьмы на берегу на ели грань, а у ели выкопана яма, а с ели и с ямы тою рѣчкою Нозмою вънизъ на ель, на ней грань, а у ели выкопана яма, а от тое ели и от яммы и от рѣчкѣ Козьмы напъраво гъ горе прямъ на яму, а яма выкопана вершина хъ у въвъ па га (?), да с тое ямы прямъ на сухую липу, а у ли(зач.пы)выкопана яма, да с тоелипъ и с ямы прямъ г дерти на сухую подгорѣлую ель. на ней грань, у ели выкопана яма, да с тое ели і отъ ямы тѣми же дертьми на липу, на ней грань, у липы выкопана яма, да от тое липы и съ ямы лѣсомъ прямъ на ель же, на ней грань, да от тое ели на березу грань, а (испр. из „от“) у березы выкопана яма, да от тое ели на ель же, на ней грань, у ели выкопана яма, да от тое ели и съ ямы на ель же большую, на ней грань, да от тое ели на ель же, на ней грань, а у ели выкопана яма, да от тое ели и от ямы на ель же большую, на ней (зач: грань) грань, да от тое ели на ель же, на ней (зач: выкопана, грань) грань, а у ели выкопана яма, да от тое ели и от ямы на яму же, против ямы сажени зъ двѣ стоять ель да береза на одномъ кореній, на березе грань, да от тое (зач: ли бѣ) ямы и от березы налево на ель, на (зач: ней) ней грань, да от тое ели на ель же, на ней грань, да от тое ли' на бе-

резу, на ней грань, а (испр. из „от“) у березы чыкапана яма, да от тое березы и от ямы на верхъ рѣчъки Кастеницы, да рѣчъкою Косътеницею вънизъ в рѣчъку Могизъ, на пѣрвой сторонѣ тѣхъ межъ от рѣче(зач:н)къ Мареницы да рѣчъки до Ногиза Шейбальский волости крестьянъ и (зач: наки Мареы Ивановны государыни, а налево земля и), а на лѣмой сторонѣ тѣхъ межъ земля илѣсь Посѣнина маастыря Поломский волости, а по даче (конца нет).

Другие документы, устанавливающие право владения землей, и обыскные речи при повальных обысках о земельных владениях.

22¹⁾.

Отъ царя и великаго князя Михайла Федоровича всея Руси в Вяземской уездѣ, в Жаденской станѣ, в селцо что была деревня Онцыфорово, Сергѣево тожъ, да к тому жь селцу припущена в пашню деревня Другое Дятлово, а Максимовская и Степанково тожъ, на речке на Жаденке, в деревню Аксентьеву, Лухяньево и Матюшино тожъ, в деревню Бесконеву, Ондрейково тожъ, в починокъ на Лесномъ вражке, Игнатовъ тожъ, в пустошь, что была деревня Лесиное Куплище, а Онфимово тожъ, в пустошь, что была деревня Бояни, в пустошь, что была деревня Куприна, на речке на Жадовке, в пустошь, что была деревня Холмово, на речке на Жадовке, в пустошь, что была деревня Другая Холмина, в пустошь, что была деревня Милчошинская, а Мижулинская тожъ, в пустошь, что была деревня Малахово и Лукьянинщево тожъ, в пустошь, что была деревня Ломѣево Куприна, Вашутино тожъ, в пустошь, что былъ починокъ Курбинъ, в пустошь, что былъ починокъ Озеренка, Фалѣево тожъ, на речке на Дубце, в пустошь, что былъ починокъ на Волшинскомъ верховье, Ансиковъ и Антипинъ тожъ, в пустошь, что былъ починокъ Новоселки, по обе стороны речки Долгой, в пустошь, что былъ починокъ Кузминъ, а Кузино тожъ, в пустошь, что былъ починокъ Быковъ, на реке на Коростливице, что

1) См. листы 2 и 3 дела № 239 Костромского Дворянского Собрания; при транскрипции ж надстрочное в конце слов передано через жъ.

было то селцо и деревня, починки и пустоши в поместье за Веригою Юрьевымъ сыномъ Волженскимъ, а послѣ того за сыномъ ево за Михайломъ. Есемъ крестьяномъ, которые ныне в томъ поместье живутъ, а на пустошахъ учнутъ впередъ жити. Билъ челомъ вязьмитинъ Матюшка Михайловъ сынъ Волженской: по окладу велѣно за нимъ нашего жалованья учинити на двести на пятдесятъ четъ, а было де наше жалованье, деда и отца его выслуга, поместье в Вяземскомъ уезде селцо Анцыфорово з деревнями и с пустошами, и отца де ево Михайла в Смоленске в осаде не стало, а онъ де, Матюшка, послѣ отца своего с того поместья служилъ пять лѣтъ; и как де в прошломъ во 128 году былъ в Вязме разделщикъ Матфей Стрешневъ, и тому де Матфею о томъ отца его поместье били челомъ казаки ложно, а сказали, что будто за нимъ, за Матюшой, опричъ того поместья, в Замсковныхъ городехъ поместье есть, и за ним де поместья не в негоде, и ныне де онъ, Матюша ¹⁾ волочитца межъ дворъ, и нам бы ево, Матюшу, пожаловать в Вяземскомъ уезде тѣмъ деда ево Веригинымъ и отца Михайловымъ поместье Волженскихъ с селцомъ Аんцыфоровымъ, з деревнями и с пустошами, велеть ему дать в поместье по прежнѣму. И будетъ такъ, какъ намъ Матюша Волжинской бил челомъ. И по вяземскимъ писцовыемъ книгамъ письма и меры Василья Волынского да подьячего Второволника ²⁾ 102 и 103 году написано: в Жаденскомъ стану за Веригою Юрьевымъ сыномъ Волженскимъ в поместье в томъ селцѣ и деревняхъ, в починке и пустошахъ пашни паханыя и перелогомъ и лесомъ поросло доброй земли двесте пятдесятъ четвертей с осминою в поле, а в дву по тому жь. И въ памяти Матвея Стрешнева и нынешняго 129-го году сентября въ 29 написано: раздалъ онъ, Матвей, Вяземскомъ уезде Мосѣевы станицы казакомъ по челобитью Андрюшки Никитина да Михалка Васильева, что они били челомъ о Матюшкине поместье.

¹⁾ Известно, что описание производилось Вас. Волынским с подьячим Вторым Ильиным (Веселовский, Ор. cit., т. II, стр. 586). Имя последнего, очевидно, искажено переписчиком.

²⁾ Конец слова подчищен.

Волженского, а сказали, что де то поместье выморочное Вериги Волженского да сына его Михайла, а после де Михайла детъй не осталось никого; и по ихъ челобитью то Веригинское поместье отдано имъ—пустошь, чо была деревня Андронкова, а в ней пашни двадцать четъ, да пустошь Матюшина двадцать четъ в поле, а в дву по тому жъ; и по челобитью Матюшки Михайлова сына Волженского, что послѣ деда его Вериги Волженского было за отъцомъ его за Михайломъ поместье в Вяземскомъ уезде, и отца де его не стало, а после отца его то поместье дано было ему, Матюше, на Дорогобужскомъ рубеже, а оприч де того поместья нетъ за нимъ нигде, и в томъ месте темъ казакомъ Андрюшке Никитину да Михалку Васильеву изъ выморочныхъ поместей дано по двадцати четъи человѣку; а потому у нихъ то поместье поворочено, что те пустоши на Дорогобужскомъ рубеже. И вы бъ, все крестьяне, которые ныне в поместье живутъ, а на пустошахъ учнутъ впередъ жить, Матюши Михайлова сына Волженского слушали, пашню на него пахали и доходъ ему помѣщиковъ платили. Писанъ на Москве лета 7129 октября въ 31 день. На подлинной грамотѣ на оборотѣ подписано тако: Царь и велики князь Михайло Федоровичъ всея Русіи.

Думной діакъ Николай Новокщеновъ.

Справиль Гриша Поликарповъ.

23.

Начала нет.

тникомъ в поле, а в дву по тому жъ, сѣна по рекѣ по Шуе и по рѣчке по Якшице девять копенъ. Починокъ, что было займище Плоское, а в немъ крестьянь: Павликъ Олексѣевъ сынъ Зайцовъ, во дворѣ Онтомонко Микитинъ; пашни паханые середние земли семь четъи в поле, а в дву по тому жъ, лѣсу непашенного четыре десятины. Четъ пустоши Биляниной, а пустошь без чеи за Микиворомъ Спесивцовымъ, а на Матвѣеву четъ пашни перелогомъ середние земли шесть четъи бес полуосмины с полполполтретникомъ в поле, а в дву по тому жъ, сѣна пять копенъ. Жеребѣй деревни Вередишины на рѣчкѣ на Якъ-

шице, а деревня без жеребья за Парееномъ Волковымъ; на Матвѣевъ жеребѣй крестьянъ: ѡетка Савельевъ, во дворѣ¹⁾ Iвашко Савельевъ, во дворѣ Куземка Савельевъ сынъ Губинъ, во дворѣ бобыль Нєедко Григорьевъ сынъ Двоешерстовъ; да вновь взто у Пареена жъ Волкова лишние дворы: во дворѣ Гришка Петровъ сынъ Губинъ, во дворѣ Сенка Григорьевъ; пашни паханые середние земли шесть четви с четверикомъ в поле, а в дву по тому жъ, съна по рѣчке по Якшице копна с полукопною, да съна жъ вончѣ, да съна жъ вончѣ с Ываномъ Нашекинымъ, да с Парееномъ Волковымъ, да с Воиномъ Есиповымъ, что было на оброке деревни Вередишиной за крестьяниномъ за Насонкомъ Петровымъ, по рѣкѣ по Шуе на крукове (?) восмьдесятъ копенъ, да Матвѣевъ жеребѣй дватцать три копны; лѣсу пашенного чети десятины. Да въ Ерской волости жеребѣй починка Юркина, а починокъ без жеребья за Давыдомъ Неплюевымъ, а на Матвѣевъ жеребѣй в деревне крестьянъ: во дворѣ Гришка Дмитриевъ, во дворѣ Iвашко Юрьевъ Сметана, во дворѣ Оeonка Васильевъ сынъ Шехряковъ, во дворѣ Савка Дементьевъ; пашни паханые середние земли четыре четви с осминою в поле, а в дву по тому жъ, съна полторы копны, лѣсу пашенного полдесятины. И всего отделено Матвѣю Волжинскому в Шейбальской і въ Ерской волостяхъ три деревни, да починокъ, да жеребѣй деревни да жеребѣй: починка живущихъ, да жеребѣй деревни пустъ, а в нихъ дватцать одинъ дворъ крестьянской, два двора бобыльскихъ, людей в нихъ дватцать семь человѣкъ; пашни паханые и перелогу середние земли сто сорокъ четыре четви с полуосминою и с четверикомъ, съна пятьдесятъ девять копенъ, лѣсу пашенного четыре десятины с полу-десятиною и с четвертью десятины. Данася выпись Матвѣю Волжинскому в нынешнемъ во 148-мъ году по помѣте на выписке думного дьяка Михайла Данилова по съво Матвѣеву челобитью; а у подлинной выписи припись дьяка Ондрѣя Строева, а спра подъячево Калины Страхова.

24.

У вдсовы, Ларинской жены казенного кузнеца, у Соломанидки двора вдоль 6 сажень, поперегъ 4 сажени, да

¹⁾ Обозначается сокращенно „в“.

у ней же огородъ позадъ Родкина (зач: двора) огорода золотарева вдоль 28 саженъ, поперегъ 10 саженъ.

У Матвѣя Волженскаго двороваго закладнаго мѣста съ садомъ посадцкого человѣка Родки золотаря двора и огорода вдоль с садомъ 28 саженъ, поперегъ 23 сажени.

25.

Лѣта 7161-го декабря въ 10 день по государеву, цареву і великого князя Алексія Михайловича всеа Русиї указу и па ноказной памяти стольнику I воеводы князя Ивана Андрѣевича Хаванскаго да дьяка Гарасима Лаврова велено сотнику стрелецкому Григорью Бибикову ехать в Вяземскої уѣздѣ, в Молотцкой станѣ, на пустошь Костино, на пустошь Глѣбова, да в Туровской станѣ на пустошь Лаврово, на пустошь Шерлаево, на пустошь Петелино, на пустошь Мешково, на пустошь Мареино, а Дарьино тожъ, на пустошь Селельцо, что бывала Понсника Жировлева, на пустошь Терпигорево, на пустошь Сискино, на пустошь Ерышино, на пустошь Тризнево, на пустошь Киприяново, на пустошь Баулово, на пустошь, да в Сеженской станѣ на пустошь Микуленскою Маалаю на пустошь Гришѣкино, Мешаево тожъ, да в Каменской станѣ на пустошь Бобровъки, на пустошь Головино, по челобитью вязьмитина Мотвея Михайлова сына Волжинскаго. И сотникъ стрелецкої Григорей Бибиковъ, приехавъ в Вяземской уѣздѣ, в Молотцкой станѣ, на пустошь Костино, на пустошь Глебово, да в Туровской станѣ на пустошь Лаврово, на пустошь Шеръ(?)лаево, на пустошь Петелино, на пустошь Мешѣково, на пустошь Ерыши, на пустошь Тризнево, на пустошь Киприяново, да в Сеженской станѣ на пустошь Микулинку Малаю, на пустошь Гришѣкино, Мешаево тожъ, да в Каменской станѣ на пустошь Бобровки, на пустошь Головино, взявъ с собою тутошихъ и стороннихъ людей— Вяземскаго уезду Михайловыхъ крестьянъ Коробанова деревни Соколовой старосту Ивана Ондрѣева да крестьянъ Гетра Тимоѳеева, Филипа Оеонасьева, да Семенова крестьянина Коробанова деревни Слукиной Мортына Иванова, Москимовыхъ да Оверкиевыхъ крестьянъ Рокочевыхъ деревни Петрушиной старосту Левона Филипова да крестьянъ

Парёна Алексеева, Гарасима Михайлова, да Можайского уезду, Вяземской трети, государева дворцового лесового кругу села Сежи Никольского попа Родиона, да государева дворцового жъ того жъ лесового кругу села Вырубава крестьянъ Павла Куприянова, Иева Алексеева, деревни Гашиной Мотвея Исаева, Михайлу Иванова, Фому Мотвеева, Ивана Климентеева, деревни Крутой Костентина Ларивонова, Фому Костентинова, деревни Познековой Друпана Иванова, Ивана Никонова, Алексея Перөильева, Мотвея Микитина, Савелья Ларивонова, да Вяземского уезду государева дворцового села Горакъ крестьянъ Сидора Осипова, Данилу Павлова, Савелья Матвеева, да сельца Безобразова Прокофьевыхъ крестьянъ Творогова Нестра Мосеева, Василья Федорова, да Степановыхъ крестьянъ Беляусова того жъ сельца Безобразова старосту Петра Моксимо ...да крестьянъ Родиона Иванова, Еуёима Окксеньова, Исаю Федорова, и сотникъ стрелецкой Григорей Бибиковъ на техъ пустошахъ с теми сторонними людми переписалъ места дворовые, а пашню, и перелогъ, и что лесомъ поросло по пашне измерилъ в длину по смидесять сажень, а поперегъ по трицати сажень, изверставъ в техъ пустошахъ четвертьную пашню в три поля, и четвертная пашня во всехъ поляхъ в книг... равно написно, а сенные покосы и леса, пашенъные и непашенъные по тому же измерилъ в десятины, а где большие леса, а мерить ихъ в десятины нельзя, и Григорей Бибиковъ те леса писалъ, выпрашивая тутошнихъ и сторонннихъ людей, и самъ онъ, Григорей, смечаль накрѣпъка, изъ колко гдѣ кокова лесу будетъ пашенного и непашенного верстъ или десятинъ, и сена на колко копенъ будетъ, а что на техъ пустошахъ по ево описи и мѣрѣ месть дворовыхъ, и пашни, и сена, и лесу, и рекъ, и рыбныхъ ловель, и всякихъ угодей объявилось, и то писано въ сехъ книгахъ подлинно порознь: в Вяземскомъ уезде уезде, в Молотцкомъ стану пустошь ¹⁾ Костино на суходоле, на ней два мѣста дворовыхъ пустыхъ пустыхъ, пашни пахной и перелогомъ полдесятины да лесу пашенного де-

1) Слово „пустошь“ обозначается далее сокращенно „пуш“.

сятина в поли, а в ду по тому жъ, сена промеж поль десять копенъ. Густошь Глѣбова на суходоле, на ней места дворовое пустое, пашни пахоной и перелогомъ и ...есомъ поросло десятина в пол.... а в дву по тому жъ, сена промеж поль пять копенъ, да лесу непашенного большого пустоши Костиной да пустоши Глебовой в длину на версту, а поперегъ на полверсты; а те пустоши меж государевыхъ пустошей столовыхъ Да в Туровъскомъ стану пустошь Лаврова на рекѣ на Жижяле, на ней дза места дворовыхъ пустыхъ, пашни пахоной десятина, да перелогомъ и лесомъ поросло две десятины в поли, а в дву по тому жъ, сена по обе стороны реки Жижялы тритцать пять копенъ да по Теплой речкеверхъ сена пятнадцать копенъ, да рыбной ловли по реке по Жижале вврхъ и внизъ на полторы версты. Да к той же пустоши припущенъ в пашню к полевой земли починокъ Бороздинъ, лесу большого непашенного в длину на версту, а поперегъ на полверсты. Пустошь Шерлаева на реке на Жижяле, на ней два места дворовыхъ пустыхъ, пашни пахоной полдесятины, да перелогомъ и лесомъ поросло пашенной земли две десятины в поли, а в дву по тому жъ, сенъныхъ покосовъ по реке по Жижка (замарзно: лѣ взерхъ и внизъ на версту, да лесу большого не па го ного) ле тритцать копенъ, да рыбной ловли по той же реке Жижале вврхъ и внизъ на версту, да лесу большова непашенного в длину на версту, а поперегъ на полверсты. Пустошь Петелина на речке на Ворозне, на ней два места дворовыхъ пустыхъ, пашни пахоной полдесятины, да перелогомъ и лесомъ поросло десятина в поле, а в дву по тому жъ, сена по речке по Ворозне по обе стороны пятнадцать копенъ. Да к той ж... пустоши припушонъ в пашню к полевой земли починокъ Клоковъ, лесу большова в длину на версту, а поперегъ на полверсты. Пустошь Мешкова на суходоле, на ней место дворовое, пашни и перелогомъ и лесомъ поросло полдесятины в поли, а в дву по тому жъ, да лесу большого в длину на полверсты, а поперегъ четверть версты. Пустошь Ерыши на суходоле, на ней место дворовое пустое, пашни пахоной и перелогомъ и лесомъ поросло десятина в поли, а в дву по тому жъ. Пустошь Тризнев... на суходоле, на ней два

места дворовыхъ пустыхъ, пашни пахоной полдесятины, да перелогомъ и лесомъ поросло десятина в поли, а в дву по тому жъ, сена промеж поль десять копенъ. Густошь Киприянова на потоке, на ней два места дворовыхъ пустыхъ, пашни пахоной и перелогомъ и лесомъ поросло десятина безъ четверти в поли, а в дву по тому жъ, сена промеж поль и по потоку шесть копенъ; лесу большого чернова пустоши Ерышовой, да пустоши Трызновой, да пустоши Киприяново.... длину на версту, а поперегъ по полуверсте. Пустошь Головино на рекѣ на Жижале, на ней место дворовое пустое, пашни пахоные и перелогомъ и лесомъ поросло десятина в поли. а в дву по тому жъ, сена по реке Жижале пятнадцать копенъ, рыбной ловли по рѣке по Жижале вверхъ и вънизъ на версту. Да в той же пустоши припущено в пашню к полевой земли починокъ Холоповъ, да лесу большого чернова в длину на верст.... поперегъ на полуверсты. Да в Сеж.....комъ стану пустошь Микуленка Малая на речке Увозной, на ней место дворовое пустое, пашни пахоной десятина, да перелогомъ и лесомъ поросло десятина жъ в поли, а в дву по тому жъ, сена по речке Увозной по реку по Сежу десять копенъ, лесу большого чернова в длину четверть версты, а поперекъ тожъ. Пустошь Гришъкино, а Мешаево тожъ на суходоле, на ней место дворовое пустое, пашни пахоной и десятина в поли, а в д..... му жъ, сена двенатца копенъ лесу большого по реку по Сежу да по речку по Каменку. Да в Каменскомъ стану пустошь Боброва на суходоле, на ней место дворовое пустое, пашни пахоной и перелогомъ и лесомъ поросло пашенной земли полдесятины в поли, а в дву по тому же, сена на лугу десять копенъ лесу большого четверть версты; а мерные книги писаны с прямыхъ книгъ из за поповыхъ рукъ.

После пробела в З страницы (рукопись не на столбце, а на листах, сшитых в тетрадь):

А въ техъ пустошахъ три... ц....
четвертей с осминою.

26.

Документ не цельный. Начало оторвано нискось,
великого Михайловича Росії крестномъ

цел...ванью, то они вѣтвятъ, что резандовъ Ивана да Мелентья Вѣлодимѣровыхъ, а прозвище Ворошиловыхъ детей Голощиповыхъ татаровъ в полонъ взяли тому 36 лѣтъ, а помѣстя за ними в Ряскомъ уѣзде, в Пехлецкомъ стану, в жеребью, что было деревня Казиковъ, 25 четыри было, и ныне то помѣстя лежитъ позорожно, никому не отдано.

А в мѣрныхъ книгахъ описи і мѣры рѣсихъ писцовъ Оенонасья Беклемишева да поцѣячего А. І. Петрова 161 го ноября въ 15 день написано (конец оторван)

27.

Документ без начала.

лости Григорья Иванова сына Бутуринъ староста Горамско Еедоровъ да крестьяне Мелешки Терентіеъ, Демка Титовъ, Естюшка Лукояновъ, Филонко Тэр сьевъ, Іашко Макарьевъ, Івашко Ивановъ, Карпунка Елизаревъ, Дмитрюшка Ганкратовъ, Нәездко Олексыевъ, Мелешка Трифоновъ, Демка Ондрѣевъ, Июдка Осиповъ, Очдрюшка Федоровъ, Кузка Константиновъ, Бажѣнко Онтильевъ, да Пантелейна Васильева сына Волкова староста Титъ Романовъ да крестьяне Бажѣнъ Насоновъ, Яковъ Семеновъ, Карпъ Романовъ, Насонъ Петровъ, Оноорейко Мамонтовъ, Вѣска Демидовъ, Сидорко Михайловъ, Парамонко Григорьевъ, Провоторшко Оенонасьевъ, Стакѣйко Карповъ, да Петра Митроѳанова сына Микулина Васка Корѣповъ, крестьяне Карпунка Ульяновъ, Первушка Григорьевъ, Логинко Емельяновъ, Фавка Федосьевъ, Устинко Григорьевъ, Кондрашко Соѳроновъ, да Якова Прокоѳева сына Савелова староста Прокоѳей Григорьевъ, Васка Ермолинъ, Івашко Григорьевъ, Екушко Федоровъ, Петрушка Ивановъ, Кузма Васильевъ, Гришка Федоровъ сказали в обыску по святої евангильской и непорочной заповеди Господни, еже ей, ей: про то намъ вѣдомо, что у насъ в Шейбалской волости за рекою за Шуею на Бобровице Павлова займища нетъ и не вѣдаемъ, да и Бажѣнова займища нетъ же, и дворовыхъ творилъ, и хоромного поставления, и овиновъ, и изгородъ не вѣдаемъ, да и на горѣломъ про займище Елизарково не вѣдаемъ же,

и хоромного поставления тожъ не вѣдаемъ, и у насъ в Шейбальской волости за рѣкою за Шуею всякие лѣсы положены вончѣ у всѣхъ государен нашихъ для дровъ, и хоромного лѣсу, и жердей, а такихъ у насъ в Шейбальской волости имяны нѣть и не вѣдаемъ, а кои у насъ в Шейбальской волости были починки и займища, и тѣ починки и займища написаны в писцовыхъ книгахъ і в мирскомъ окладе, а обводныхъ у насть земель нѣть и не вѣдаемъ, то наши в обыску и рѣчи. А обыскные рѣчи писалъ Григорьевъ крестьянинъ Иванова сына Бутуртина ѡетко Матвѣевъ.

На обороте: К сему обыску Воскресенской попъ Трифонъ вмѣсто прихожанъ своихъ, кои в семъ обыску имяны писаны, по ихъ велѣнию руку приложилъ. К сему обыску Сергушка руку приложилъ.

28¹⁾.

Лѣта 7165-го году маія въ 30 день, по государеву, цареву и великаго князя Алексея Михайловича, всея Великія, Малыя и Белыя Россіи самодержца, указу, и по грамоте ис помѣстного приказа за приписью дьяка Степана Шишкина, и по наказъной памяти галицкаго губнаго старосты Свойтина Фѣдосѣевича Шишкина, Галицкой подъячей Ивашко Полетчиковъ отказалъ взамитину Матвею Михайлову сыну Волжинскому въ его окладъ в четыреста четъ в поместье со въсеми угодьи к галицкому ево поместью, что в Шейбалской волости, к деревнѣ Климовезь з деревнями, ко сту и сороку четыремъ четъямъ въ Галицкомъ в уезде, в Шейбалской волости займище Павлово на речке на Шуе да на речке Бобровке пашни паханые и перелогу середніе земли пять четъи в поле, а в дву по тому жъ; сена по речке Бобровке две копны; лесу пашенного три десятины, а непашенного лесу вдоль на версту, а поперегъ на полверсты; да на рѣчке ²⁾ Бобровке займище Баженка Коропова, а в немъ пашни паханые и перелогу середніе земли четыре четъи в поле, а в дву потому жъ; сена по речке Бобровке три копны;

¹⁾ См. лист 7 дела № 239 Костромского Дворянскаго Собрания; надстрочное *и* в конце слов передается через *жъ*,

²⁾ ъ исправлено из у.

лесу пашенного три десятины, а непашенного лесу вдоль на полверсты, а поперегъ тожъ; займище Елизарково Горелой на реке на Шуе, на речке Бобровке—пашни паханые и с ¹⁾ перелогу середніе земли семь четви в поле, а в дву по тому жь; сена по речке по Шуе и по речке Бобровке двадцать копѣнь; лесу пашенъного пять десятинъ. а непашенного лесу вдоль на две версты, а поперегъ тожъ. И будѣтъ будуть на техъ займищахъ жилцы, всемъ крестьяномъ помещика своего Матвея Волженского во всемъ слушать и оброкъ ему платить. К подлинной выписи подписалъ: к сей выписи отказной откащикъ Ивашко Полетчиковъ руку приложилъ.

29.

Без начала.

окладъ в шестьсотъ четви в помѣстье со всѣми угоды, да на рѣке на Шуе отхожей лугъ на крушье (?), а на Микиорову половину Волженского сѣна одиннадцать копенъ с послукопиою. лѣсу на ево же Микиорову половину осмая доль десятины; і ему, Микиору Матвѣеву сыну Волженскому, с того помѣстья великого государя служба служить, а имъ, крестьяномъ, *(на оборотѣ:) которые в тѣхъ деревняхъ живутъ і впредь на тѣхъ пустошахъ и на займищахъ і на починкахъ поселятца і учнутъ жить, (снова на лицевой сторонѣ:) ево, Микиора, во всемъ ево слушать, і оброкъ ево боярской ему платить, і пашня на него пахать, і всякая работа работать—задѣлье дѣлать. А на отказе были понятые головы московскихъ стрельцовъ Зимы Васильева сына Волкова крестьяни Яковъ Семеновъ да Оноорей Мамантовъ деревни Вередишина, да Ивановъ крестьянинъ Артемьевъ сына Михнева Климъ Захарьевъ деревни Залѣсья Малова, да стольника князь Бориса Семеновича крестьяни Логинъ (?) Григорьевъ. (конца нет).

30 ¹⁾.

В отдельныхъ книгахъ 147 году марта 31 дня отделу Федора Полтева да подьячего Спиридона Второго написано:

1) м. б., ис?.

2) Выписка из дела № 253 Костромского Дворянского Собрания о даче на дворянское достоинство грамоты по прошению вдовы подпоручицы Аксиньи Степановой дочери жены Верховской; решено января 23 дня 1796 г. (лист. 6).

Отделено в поместье вязметину Матвею Михайлову сыну Волженскому в Галичскомъ уезде, в Шебольской волости деревня Климова на реке на Шуе пашни паханыя середние земли четырнадцать четвертей да перелогу двадцать восемь четвертей въ поле, а в дву по тому жъ; деревня Незятево на речке на Якшице, а в ней пашни паханыя середние земли шесть четвертей да перелогу сорокъ три четверти въ поле, а в дбу по тому жъ; жеребеи деревни Вередишина на речке на Якшице — пашни паханыя середние земли шесть четвертей съ четверикомъ въ поле, а в дву по тому жъ.

И во 173 году Матвей Волжинской то свое поместье — деревню Климово, деревню Незятево, жеребеи деревни Вередишина пашни паханыя середние земли девяносто семь четвертей съ четверикомъ поступилъся въ место приданова за дочерью свою зятю своему Григорию Афонасьеву сыну Верховскому.

Во 173 году Григорей Верховской ис того своего поместья полдеревни Климова двадцать одну четверть променилъ тестю жъ своему Матвею Волженскому, а у него выменилъ изъ ево поместья въ то же волости займище Павлово одиннадцать четвертей, половина займища Баженка Корепова пять четвертей; всего за Григорьемъ Верховскимъ поместья девяносто две четверти съ четверикомъ въ поле, а в дву по тому жъ.

31¹⁾)

Отъ царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея Великія и Малыя и Белыя Россіи самодержца, в Галицкой уездѣ, в Шебалскую волость, в половину деревни Климовой, в деревню Сатѣево на реке на Шуе да на речке на Якшице, в починокъ, что было займище Плоское, и на речке Марфенке²⁾ в половину займища Баженка Корѣпова, в займище Елизарково Горелой на реке на Шуе и на речке на Бобровке, что та деревня, и половина деревни, и починокъ займище были в поместье

1) См. дело № 239 Костромского Дворянского Собрания (лист. 6).

2) Не относятся ли слова: "И на речке Марфенке" к Плоскому? Ср. № 39, где займище Баженка Корепова представляется находящимся на Бобровке; ср. № 35.

за Матвѣемъ Волженскимъ; а в прошломъ во 175-мъ году, по нашему великаго государя указу, то Матвѣево поместье Волженского по ево поступке дано сыну ево жилцу Микифору Волженскому в поместье. Всемъ крестьяномъ, которые в той деревнѣ, и в половине деревнѣ, и в починке живутъ, а на займищахъ учнутъ жить. Биль чесомъ намъ, великому государю, жилецъ Микифор же Матвѣевъ сынъ Волженской, нашего де жалованья велѣно за нимъ по окладу учинить поместья на шѣстьсотъ четыри, и за ним де поместья, что ему дано от отца ево поместье в Галицкомъ уезде в Шейбалской (и испр из н) волости половина деревни Климовы, деревня Сатѣево, починохъ, что было займище Глоское, да половина займища Баженка Карепова, займище Елизарково, Горелое тожъ, и то де поместье ему отказано, и отказные книги к намъ к Москве в Гоместной приказъ присланы. а наше де великаго государя ввозные грамоты на то отца ево поместье съ отказныхъ книгъ ему не дано; и намъ, великому государю, пожаловат бы ево, велеть ему съ отказныхъ книгъ дать нашу великаго государя ввозную грамоту. А по даче и по отказнымъ книгамъ отъказу галицкаго площаднаго подъячего Васки Иевлева прошаго 175-го году в томъ Микифорове поместье Волженского в деревнѣ Сатѣеве, в полудеревне Климове с починкомъ и займищи написано пашни середніе земли семидесять четыри с полпоптетникомъ в поле, а в дву по тому жь; а по скаске жилца Микифора Волженского, что в томъ ево поместье спору и челобитья ничьево никакова ни с кемъ ныне нетъ и гпредь не будѣть; да к той скаске Данило Волженской вместо Никифора Волженского по его веленью руку приложилъ. И мы, велики государь, Микифора Волженскаго пожаловали, велели на то его поместье дать ему нашу великого государя ввозную грамоту. И вы бъ, все крестьяне, которые в той деревнѣ, и в починке, и в половине деревнѣ живутъ, а на займищахъ учнутъ жить, жилца Микифора Матвѣева сына Волженского слушали, пашню на него пахали и доходъ помещиковъ ему платили. Гисана на Москве лета 7176 сентября 22. У подлинной грамоты черная восковая печать. На обороте той грамоты написано тако: царь и велики князь Алексей Михай-

ловичъ, всея Великія и Малыя и Белыя Россіи самодержецъ.

Диякъ Степанъ Венедиктовъ.

Справиль Васка Долговъ.

Помета дьяка Андреяна Яковлѣва.

32.

Се азъ, Микиоръ Матвиевъ сынъ Волженской, въ нешъномъ во 177 году променилъ зятю съвоему Григорию Аѳонасьеву сыну Верховъскому въ Шейбальской волости, в деревнѣ Климове одворенные зевъли жеребья Осипа Григорьевыя сына Белякова въ передънемъ поле г деревнѣ Сатиеву отъ улицы трицать сажень, а у зятя съвоево противъ тово выменялъ одворенные же земъли Миникитинъкова жеребью трицать сажень гуменъникъ и с овъномъ въ зяднемъ поле хъ пустоши Белянину и гъ деревнѣ Соломину, и мнѣ, Микиору, на него, зятя съвоего Григорья, и о той одворенъной земълѣ великому го ударю не бить чесомъ; и будетъ я стану бить чесомъ, и на мнѣ, Микиоре, по сей записи възягъ ему, Григорью, десеть рублевъ; въ томъ я на себя и запись далъ.

33¹⁾.

За Григорьемъ Афонасьевымъ сыномъ Верховскимъ поместья, по отказнымъ 177 году генваря 19 дня отказу галичской площиади подъячаго Василья Иевлева книгамъ, что ему отказано поместье бабки ево вдовы Авдотии Антиповой жены Верховскаго в Галичскомъ уезде жеребей села Богословскаго, в деревнѣ Шерстневе половина пустоши Жукова, жеребей пустоши Окатова, жеребей пустоши Никифорова, а в нихъ пашни трицать четвертей со всеми угодьи.

За нимъ же, Григорьемъ Верховскимъ, поместья, по разделнымъ 178 году июня 17 дня разделу галичские съѣзжие изъбы подъячаго Савы Сыдавнова книгамъ, что ему отделено изъ Филипова поместья Верховскаго, в Га-

¹⁾ См. дело № 253 Костромского Дворянскаго Собрания (выписка—лист 5 обр. и лист. 6).

личскомъ уезде шестой жеребей в полуселе Богословскомъ, шестой жеребей деревни Старкина, Заречье тожъ, шестой жеребей деревни Яковлеского, а Ивановское тожъ безъ трети, в половине пустоши Шунурине четвертой жеребей, в полупустоши Жукове треть с полутретью четвертью; пашни в жиле пятнадцать да в пусте семнадцать четвертей с осминою и с наддаточными четвертьми на тридцать четвертей в поле, а в дву по тому жъ, со всеми угодьи.

34.

Лѣта 7182-го году. Паметь мнѣ, Семену Григорьеву, в томъ, что отдалъ я, Семенъ, земли своего жебы треть племяннику своему Полукту Неведову з братьему, и ему, Полукту, владѣть тою землею и з братьему нынешного же с Ыльина дни (зач.: тягло всякое тянутъ и государевой (?) боярской), и во дворѣ и тамъ же треть, а до хоромъ на дворѣ моемъ ни до какихъ дѣла нѣтъ, и задѣлье боярское дѣлать; и впредь мнѣ, Семену, о то землѣ государю своему не бить челомъ, и ни дѣлямъ моимъ, ни мнучатамъ дѣла нѣтъ и не вѣступатца, в томъ я, Семенъ, ему, Голукту, и паметь дѣлъ; а паметь писалъ Едора Васильевича Волкова крестьянъ Кондрашка Ивановъ по его Семенову велѣнию июня в день.

На сбороте: К сей памети Никольской попѣ Анѣдрѣи по Семенову велѣнию руку приложилъ.

35¹⁾.

Выпись съ отказныхъ книгъ. 1742-го году августа 21 дня, по указу Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ Москвы изъ государствѣнной вотчинной коллегіи, по челобитью прaporщика Ивана Никитина сына Волженского и по наказу ис парфеньевской воеводской канцеляріи, вѣльно в Галицкомъ уезде в Шебалской волости недвижимое жилца Никифорова имѣние Матвѣева сына Волженского, къ которое вымянилъ отецъ ево у зятя своего родного у Григорья Верховскаго, полсвину деревни Климовой, деревню Сатѣево на реке

1) См. листы 8 и 9 дела № 239 Костромского Даорянского Собрания.

Шуе да на речке на Якшице, починокъ, что было зѣй-
мище Плоское, на речке на Нозме и на речке Мар-
фенке. половину замища Баженка Корепово, замище
Елизарково Горелой на реке на Шуе и на речке Бобровке,
а в нихъ пашни середніе земли семдесять четвертей в
поле, а в дву по тому жъ, которое надлежало спрavitъ
за детми его Никифоровыми—за болшимъ Никитою и
за меншимъ Гаврилою Волженскими пополамъ по трит-
цати по пяти четвертей человѣку, а по смерти Никити-
ной изъ ево половины указную часть по расписке пяти
четвертей с четверикомъ и с полъчетверикомъ оставить
до чепобитья жены ево Никитиной вдовы Авдотьи, а за
темъ оставленемъ ис той ево Никитиной половины третей
жеребей по расписке десять четвертей бес полъчетверика
справить за болшимъ ево Никитинымъ сыномъ, а за
Никифоровымъ внукомъ за Иваномъ Волженскимъ, а два
жеребья таковы жъ по десяти четвертей бес полъчетверика
оставить до чепобитья Никитиныхъ детей, а Никифоро-
выхъ внучать Афанасья да Федора Волженскихъ, а (испр.
из и) другую ево Никифорова галицкаго недвижимаго
имѣнія половину оставить до чепобигья сына ево Ники-
форова, а Никитина брата родного помянутого Гаврилы
Волженского, буде послѣ ихъ Никифора Волженского
другихъ равныхъ наследниковъ никого не осталось, и
спору, и запрещенія нетъ. И по тому Ея Император-
скаго Величества указу и по наказу ис Парѣфеньевской
воеводской канцеляріи я, канцеляристъ Андрей Петровъ
сынъ Наумовъ, с нижепоказанными оконными людми в
помянутое умершаго жилца Никифарово имѣніе Волжен-
ского ездилъ і (?) ис половины умершаго сына ево Никиты
Волженского изъ тритцати пяти четвертей по расписке за
большаго Никитина сына, а Никифорова внука Ивана
Волженского полъусадбы Плоскова, да в деревнѣ Са-
тѣеве десять четвертей бес полъчетверика, да на ево жъ
доль в той же усадбе Плоскове дворовыхъ людей Лазаря
Сергѣева з женою ево Василисой Евдокимовой до-
черью да в бегахъ Ивана Макарова з женою ево Степа-
нидой Ивановой дочерью и з детми ихъ девками Улья-
ной, Марфой да с сыномъ Михайлой отказалъ; а другая
Никифорова половина и оставшее сына ево Никитино

недвижимое имение по росписке оставлено до членитья другова сына ево Никифорова, а Никитина брата Гаврилы, и Никитины жены вдовы Авдотьи, и детей ево, а Никифоровыхъ внучать родныхъ Афанасья да Федора Волженскихъ; и при томъ отказе спору и запрещенія ни от кого не было. А окончая при томъ были люди Галицкаго уезду Поломской волости вотчины Пасеина монастыря деревни Раменъя крестьянинъ Полиектъ Сергѣевъ, Шебалской волости Григорья Алексѣева сына Плохово деревни Иконнова крестьянинъ Петръ Веденеевъ, князь Григорья княжъ Иванова сына Черкасова деревни Кожина крестьянинъ Игнатей Тимоѳеевъ, да Парфеньевской осады Нейской и Пезобалской волости полковника Андрея Яковлѣва сына Михѣева деревни Папина крестьянинъ Захаръ Ивановъ, да брегадира Василья Григорьева сына Титова деревни Чалникова крестьянинъ Иванъ Абросимовъ.

К темъ отказнымъ книгамъ церкви Николая Чудотворца, что на Голоме, попъ Петръ Алексѣевъ вместо вышеписанныхъ понятыхъ руку приложилъ.

Сия выпись дана при отказе для владенія и для сыску беглыхъ крестьянъ. Оное недвижимое имѣніе отказывалъ и сю выпись при отказе съ отказныхъ книгъ даль для того, что при томъ отказе спору и запрещенія ни от кого не было, откащикъ канцеляристъ Андрей Наумовъ.

Скрепа вдоль 1-й стр: Города Парфеньева крепостныхъ дель в должности надъсмотрщика канцеляристъ Андрей Наумовъ.

Документы, связанные с предоставлением прав на владения и межеваниями.

36.

Царю, государю і великому князю Алексю Михайловичю, всеа Великия и Малыя і Бѣлыя Росії самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой взаметинъ Матюшка Михайловъ сынъ Вольжейской. Дано мнѣ, холопу твоему, твое царское жалованье помѣстейцо в Галицкомъ уезде, в Шейболѣской волости деревнишко Климова з деревнишками, с починкомъ Плоскимъ и з жеребьями,

а на то твое царъское жалованье на помѣстейцо выписи у меня, холопа твоего, нетъ межовой. Милосердый государь, царь і великий князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великия и Малыя і Бѣлыя Росіи самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мнѣ на то свое царъское жалованье на помѣстейцо старыхъ межевыхъ книгъ дать межовую выпись писца Микиты Беклемишева да (зач: Володимера Племянникова да) князь Никиїра Мещерскова, подъячево Гура' Патрекѣва, какъ межевалъ Микита Бекълемишевъ і Володимерь Племянниковъ при великой государыни іноки Марѣфы Івановъны Шейбальскую волость от розныхъ помещиковъ і от монастырской вотчины, от Поломские волости, деревни Раменъя. Царь—государь, смируйся, пожалуй.

37.

Какъ межевалъ Микита Беклѣмишевъ Шейбальскую волость от розныхъ помещиковъ, а на межаванье былъ Фроловской попъ Артемей да Сергей Устиноеъ, Федоръ Матеевъ, Василей Шогутъ, да Григорей Рамановъ, да Захарей Дасадинъ, Алексѣй Гаїрловъ, да Астаѳей Кузминъ, да Олѣксѣй Левонтіевъ, да Алөөръ Понтелеевъ, да Игнатей Микиоровъ, да Василей Івановъ, Тимоѳей Федоровъ, да Насонъ Гетровъ, Дасада Емельяновъ, (другим почерком:) Гарасимъ Степановъ, Первой Аристовъ, Конанъ Аристовъ.

38.

Списокъ з государевы грамоты слово в слово. От царя і великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русиі Василью Петровичю Отяеву. Биль намъ челомъ вязметинъ Матвѣй Волженской, а сказалъ, помѣстье де у нево было в Вяземскомъ уѣзде, и то де ево помѣстье и у иныхъ товарыщевъ ево отошли за рубежъ литовскимъ людемъ, и по нашему де указу велено имъ в Вязме дать дворовые мѣста, и ево де товарыщемъ дворовые мѣста в Вязмѣ даны, а ему де дворового мѣста противъ ево товарыщевъ не дано, и в прошломъ де во 148-мъ году, какъ то ево помѣстье отошло литовскимъ людемъ, вмѣсто данного дворового мѣста купилъ онъ в Вязме на посадѣ

у вязметина у посацкого человѣка у Родки Сергѣева сына Бородина купленой же ево дворъ, потому что с такова ево великого розореня детца было ему з женю и з детми и с людми негде; и ныне де, по нашему указу, тотъ ево дворъ отписанъ на посадъ, а ему де ныне детца негде жь; а у того де, у посацкого человѣка у Родки в Вязме на посаде свой тяглой дворъ есть, опричь того ево купленого двора, что онъ ему, Родка, продалъ, и с того де своего двора онъ, Родка, наше тягло платить и всякие подати даетъ; да онъ же, Матвѣй, в приказе сыскныхъ дель перед бояриномъ нашимъ перед княземъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгоруково да перед яки перед Иваномъ Потрѣкеевымъ да перед Степаномъ Чернышевымъ на то свое дворовое купленое мѣсто положилъ купчую, а в купчай написано: 148-го году мая в 27-й день вязметинъ посацкой человѣкъ Родка Сергѣевъ сынъ Бородинъ серебреникъ продалъ ему, Матвѣю, в Вязме на посаде, в Спаскомъ приходе, дворъ свой с мѣстомъ, и с огородомъ, и с садомъ, и половина пруда, и с хоромы, а то де у него мѣсто купленое, что онъ купилъ у вдовы, у Ларинской жены Кузнецова, у Любки Васильевы дочери; и у подлинной ево купчай назади написано: Егорьевской попъ Алексѣй вмѣсто сына своего духовного Родиона Сергѣева сына Бородина руку приложилъ. И намъ бы ево, Матвѣя, пожаловать, велѣть дать нашу грамоту. И будѣть такъ, намъ Матвѣй Волженской билъ чelомъ. И какъ к тебѣ ся наша грамота придѣть, и ты бѣ про тотъ ево Матвѣевъ дворъ в Вязмѣ сыскаль архимариты и игумены, попы и дьяконы по священству, а старосты и посацкие люди по нашему крестному целованью, есть ли у того Родки ныне свой дворъ, и даетъ ли с него тягло, и для чего посацкие люди о томъ Матвѣеве дворѣ намъ бьютъ чelомъ, новыхъ ли сыскныхъ людей селить негде, или для того, что прѣжъ сего totъ тяглой дворѣ бывалъ. И ты бѣ о томъ велель о всемъ описать; а новыхъ сыскныхъ людей велель селить по нашему указу врядъ старыми посады на порожнихъ мѣстехъ, а у Матвѣя Волженского да нашего указу двора отыматъ не велель да о томъ к намъ отписаль, а отписку и сыскъ за обыскныхъ людей и отцовъ

ихъ духовныхъ руками велелъ подать въ приказе сыскныхъ дель боярину нашему князю Юрью Алексѣевичю Долгорукова да дьякомъ нашимъ Ивану Патрѣкѣеву да Степану Чернышову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7157-го апреля въ 29 день. А у подлинной грамоты назади припись дьяка Степана Чернышова.

39.

Списокъ зъ государевы грамоты слово въ слово. Отъ царя і великаго князя Алексія Михайловича всеа Русии въ Галичъ Климу Гавриловичю Шипову. Билъ намъ челомъ вязметинъ Матвей Михайловъ сынъ Волжинской, нашего жалованья вѣлено за нимъ по окладу учинить поместья на четыресто четвертей, и за нимъ де поместья въ Галиче сто сорокъ четыре четверти, а не додано де ему въ окладъ двусотъ пятидесять шти четвертей, и намъ бы ево пожаловать въ Галитцкомъ уезде въ Шейбальской волости росчистью изъ чернаго лесу починкомъ Павловымъ на речке на Бобровке да на речке на Шуе, да Баженка Корепова займищемъ, и въ томъ же лесу на речке на Бобровке да на речке на Шуе починкомъ горелымъ Елизарково займище въ томъ же лесу; а тѣ де починки и займище лежать порожни, въ поместье і въ вотчину никому не отданы; а въ галитцкихъ раздельныхъ книгахъ разделу Федора Полтева да подъячево Спиридона Второва 147-го году въ Шейбальской волости за раздачею у помещиковъ техъ починковъ и займищевъ не написано. И какъ къ тебе ся наша грамота прийдетъ, и ты бъ, взявъ съ собою тутощихъ и стороннихъ поповъ, и дьяконовъ, и старостъ, и целовальниковъ, и крестьянъ, сколько чловекъ пригоже, въ Галитцкой уездѣ, въ Шейбальскую волость на починокъ Павловъ на речке на Бобровке да на рекѣ Шуе, что росчищено изъ чернаго лесу, да Баженка Корепова на займище въ томъ же лесу на речке на Бобровке да на рекѣ на Шуе, ¹⁾, да на починокъ горелой Елизарково займище въ томъ же лѣсу ехалъ да около техъ починковъ и займища съ поля на поле по полуверсте, и по

1) Точно ли выражение? Ср. выше, где расположеннымъ на речкахъ Шуе и Бобровке значится Елизарково займище; о томъ же см. №№ 28, 31 и 35; ср. также ниже, где упоминается о займище Баженка Корепова на Бобровке, но не на Шуе,

версте, и по две, и по три, и по пяти, и по шести, и по десяти, и по пятнадцати, и по двадцати, и больши сыскаль всякими сыски накрепко большимъ повальнымъ обыскомъ, попы и дьяконы по священству, а дворяны и детми боярскими и ихъ приказщики, и старосты, и целовальники, и крестьяны по нашему крестному целованью, в Галитцкомъ уезде в Шейбельской волости починокъ Павловъ на речке на Бобровке да на реке на Шуе, да Баженка Корепова займище в томъ лесу на речке на Бобровке жъ, да на реке на Шуе починокъ горелой Елизарково займище в томъ же лесу есть, и будетъ есть; и четского поместья или вотчины наперед сего те починки и займища бывали, и ныне оне лежать порожни ль, в поместье, і в вотчину, и на оброкъ никому не отданы ль, и к нашимъ к дворцовымъ сёламъ и к инымъ ни х какимъ землямъ не приписаны ль, и не владеетъ ли теми починки и займищемъ хто, и будетъ хто владѣеть, и по чому владеетъ, по нашей ли грамоте, или по писцовъ или по отдельщиково выписи, или хто теми починки и займищемъ владѣеть без дачъ; да хто что про то про все в обы (конца нет.)

40.

(Начала нет) . . . , бу служитъ, а помѣстнымъ окладомъ... і помѣсья за нимъ нѣтъ нигдѣ. И в нынешнемъ в.. 172-мъ году зговорилъ онъ женитца у Матвѣя Михайлова сына Волжинского на дочери ево, на дѣвке Анне, а вмѣсто де приданова поступился ему іс помѣсья своего в Галитцкомъ уѣзде, в Шейбельской волости, деревню Незяево, жеребей деревни Вередишина, жеребей пустоши Белянина, деревню Климово со крестьяны, і с пашнею, і с сенными покосы, і со всѣми угоды по отдельнымъ книгамъ, і кои вновь в тѣхъ деревняхъ поселились крестьяне, і то де помѣсье за нимъ не справлено. И намъ, великому государю, пожаловать бы ево, велѣть то помѣстие за нимъ справить и Матвѣй Волжинской намъ. Великому государю, о томъ билъ же челомъ, в ны-

нешнемъ де во 172-мъ году зговорилъ онъ дочь свою, дѣвку Анну, замужъ за Григорья Оенонасьева сына Верховского, а за нею де даётъ вмѣсто приданова нашего жалованья, а своею помѣсья в Галитцкомъ уѣзде, в Шейбельской волости деревню Незятеvo, а в ней крестьяня, і пашня, и сенные покосы, і всякое угодье, і кои в той же деревне Незятеvo опосле отдѣльныхъ книгъ поселились; да жеребей деревни Вередишина, а в ней два двора крестьянскихъ, а в жеребью крестьянъ: Паноилко Івановъ з детьми да Кузка Савельевъ з детьми, а пашня, і сенные покосы, і всякое угодье по отдѣльнымъ же книгамъ; да жеребей пустоши Белянина, да сенные покосы, (не разобр. слово) і угодья по отдѣльнымъ же книгамъ; деревню Климово на рекѣ на Шуе, а в ней крестьяня, і пашня, і сенные покосы, і всякое угодье, і вновь кои в тѣхъ деревняхъ поселились после отдѣльныхъ книгъ; чтобы намъ, великому государю, пожаловать бы ево, велѣть то ево помѣсье за Григорьемъ Верховскимъ справить; да к той, челобитной Марко Олеерьевъ вмѣсто Матвѣя Михайлова сына Волжинского по ево велѣнию руку приложилъ. А по даче і по отдѣльнымъ книгамъ отдѣлу Федора Полтева да подъячего Спиридона Второва 147-го году написано: за вязметиномъ за Матвѣемъ Михайловымъ сыномъ Волжинскимъ в помѣстье в Галитцкомъ уѣзде в Шейбельской волости, что онъ поступился зятю своему Григорью Верховскому за дочерью своею, за дѣвкою Анною, деревня Климово на рекѣ на Шуе, деревня Незятеvo на речке на Якшице, четь пустоши Беляниной, жеребей деревни Вередишина, а в нихъ пашни паханые і перелогу середние-земли сто три четви с полполпоптретникомъ в пол, а в дву по тому жъ. И мы, великии государь, указали послать нашю грамоту, велѣли Матвѣя Волжинскаго допросить перед собою, і буде дочь зговорилъ і помѣсья за нею вмѣсто приданова поступаетца, велѣли ему отказать и какъ к тебѣ ся наша великого государя грамота придетъ, і ты бъ Матвѣя Волжинскаго велѣлъ поставить перед собою в съѣзжей избѣ и ево допросилъ против челобитья ево, іс помѣсья онъ своего Григорью Аенонасьеву (испр. из „Аенонасьева“) сыну Верховскому (было: „Верховскаго“) вмѣсто приданова за дочерью свою, за дѣвкою Анною, поступаетца, і к

челобитной ево Марко Олөерьевъ руку приложилъ по ево ль велѣнью Да будегъ перед тою против челобитья своею скажеть, что онъ іс помѣстья своего Григорью Аенасьеву сыну Верховскому вмѣсто приданова за дочерью своею, за дѣвкою Анною, поступаетца, і к челобитной ево Марко Олөерьевъ руку приложилъ по ево велѣнью, і ты бъ у него о томъ взялъ скаску за рукою отца єво духовнаго іли кому онъ вѣритъ, а взявъ скаску, в Галитцкой уѣздѣ в Шейбальскую волость в Матвѣеве помѣсье Волжинского в деревню Климово, в жефебей деревни Вередишина, в деревню Незятево, в четь пустоши Бѣляниной, что поступаетца вмѣсто приданова зятю своему Григорью Верховскому за дочерью своею, за дѣвкою Анною, послалъ кого пригожъ, а велѣлъ ему взять с собою тутошныхъ і стороннихъ людей, старость, і целовальниковъ, і крестьянъ, сколько человѣкъ пригожъ, да в томъ помѣстье велѣлъ переписать деревни, і починки, і пустоши, і селища, і займиша, і в нихъ дворы крестьянские і бобыльские, і в нихъ людей по імяномъ, і мѣста дворовые, і пашню, і сѣно, и лѣсъ, і всякия угодья, а переписавъ да іс того ево помѣстья против челобитья ево, а в немъ пашни сто три четви с полполдоптретникомъ в поле, а в дву по тому жъ велѣлъ отказать галичанину Григорью Верховскому в помѣстье со всѣми угоды, а ему с того помѣсья наша служба служить і дочь ево, дѣвку Анну, за себя понять; да что ему в томъ помѣстье откажеть дворовъ і в нихъ людей по імяномъ, і мѣстъ дворовыхъ, і пашни, і сѣна, і лѣсу, і всякихъ угодеі, і ты бъ то все велѣлъ написать в книги подлинно порознь земскому дьячку да тѣ книги за руками тѣхъ людей, которые в томъ помѣсье на отказе будутъ, Матвѣя Волжинского допросные рѣчи і за откащиковою руками прислать к намъ, великому государю, к Москве і велель подать в помѣстномъ приказе окольничему нашему Федору Козмичю Елизарову да дьякомъ нашимъ Григорию Караполову да Ондреяну Ансимову да Ондреяну Яковлеву, Писанъ на Москвѣ лѣта 7172-го году генваря въ 16-й день. У подлинныя государевы грамоты припись дьяка Андреяна Яковлева. Справка Михайла Оловеникова.

41.

178-го октября въ 16 день дано Цыберинево, и отказаныя книги положены в томъ же году; 177-го году апреля въ 5 день спровиль матушкино помесье, а отказаныя книги положены въ томъ же году.

Платежные отписи.

42.

Лѣта 7158-го ноября въ 27 день, по государеву, цареву і великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русії указу, и по грамотамъ из розныхъ приказовъ, и по приказу воеводы Семен.... Ондрѣевича Голочолова, выборныя сошныя целовальники Григорей Федотовъ да Союронъ Васильевъ взяли в государеву казну ямскихъ денегъ московскими і розныхъ городовъ охотникомъ на жалованье і на прогоны на нынешней на 158-й годъ Галицкого уѣзду, Ерской і Шейбальской волостей, с помѣсья вязмитина Матвѣя Михайлова сына Волженского, з деревни Климова з деревнями с чети с осминою і с полутора четверика ямскихъ денегъ рубль двадцать одинъ алтынъ полпять деньги; бѣлого корму в Галицкую четь в окладъ в пятьдесятъ в шесть рублей в шесть алтынъ в двѣ денги, ямскихъ в Бельшей Приходѣ в окладъ в сорокъ рублей пять денегъ, сторожевыхъ с чети по два алт....на, Платилъ деньги крестьянинъ Якимко Дементьевъ. К сеі отписи воевода Семенъ Андрѣевичъ Голочоловъ печать свою приложилъ. (Приложена печать черного воска).

На обороте: Справиль подъячей Карпунка Кусынинъ.

43.

Лѣта 7168-го марта въ 17 день, по государеву, цареву і великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великия і Малыя і Бѣлыя Росії самодержца, указу і по грамотѣ ис приказу Галицкие чети, воевода Олексѣй Семеновичъ Ушаковъ взялъ в государеву казну Галицкого уѣзда, Ерские и Шейбальские волости с помѣсья вязмитина Матвѣя Михайлова сына Волжинского з деревни Климова з деревнями с чети с осминою с полуторымъ

четверикомъ пашни бѣлого корму в Галицкую четь в окладъ в пятьдесятъ в шесть рублевъ в шесть алтынъ в две денги на нынешней на 168-й годъ, да кормовыхъ же денегъ в доимку в десять рублевъ на прошлой на 167-й годъ по розчету сполна. Платилъ деньги староста Давыдка Григорьевъ. К сей отписи воевода Алексѣй Семеновичъ Ушаковъ печать свою приложилъ. (Приложена печать черного воска). А сторожевые і в съѣзжую избу взяты.

44.

Лѣта 7169-го ноября въ 29 день, по государеву, цареву і великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великия і Малыя і Бѣлыя Росії самодержца, указу и по приказу галитцкихъ губныхъ старостъ Алексѣя Дмитреевича Конюхова да Василья Белехова, взято в Галиче в губной избѣ на нынешней на 169-й годъ с чети пашни по три алтына по две денги на жалованье и на подмогу губной избы подъячимъ, и сторожемъ, і палачю, і на дрова, и на бумагу, и на свечи, і на всякой губной розходъ Галитцкого уѣзду Шейбальской волости с Матвѣева помѣсья Волженского з деревни Климова з деревнями с чети с осминою і с полуторымъ четверикомъ, да в тюремную подѣлку взято с чети по четыре денги. Платилъ деньги староста Панка Ивановъ; а отпись писалъ Евтихѣйко Триeanовъ. На обороте: Василеі Белеховъ.

45.

Лѣта 7172-го декабря въ 17 день, по государеву, цареву і великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великия і Малыя и Бѣлыя Росії самодержца, указу, и по наказу ис приказу денежного збору за приписью дьяка Ивана Зиновьева, і по приказу Ивана Васильевича Ларионова, выборные целовальники Артемей Панфильевъ да Алексѣй Елизарьевъ взяли в государеву казну на нынешней на 172-й годъ Галитцкого уѣзду, Шейбальские волости с помѣсья Матвѣя Михайлова сына Волжинского з деревни Климова з деревнями, по сказке старости ево, с крестьянскихъ и з бобыльскихъ с семінатцати дворовъ великого государя ратнымъ людемъ на жалованье по осми алтынъ по две

денги з двора. Платилъ денги староста ево Івашко Григорьевъ. К сей отписи Иванъ Васильевичъ Ларионовъ печать свою приложилъ. (Печать черного воска). Была у справы у переписныхъ книгъ в Галиче.

На обороте: Иванъ Ларионовъ. Справилъ Савка Сыдавновъ.

46.

189 году августа въ 29 день галицкя губныя избы, целовальникъ Меркушка Семеновъ да сторожъ Естюнъка Теренътиевъ взяли мы Галицкого уѣзду, Шебольская волости с помѣстия жильца Никиюра Матвеева сына Волженского с усадища, что было Плоское, с четырехъ дворовъ по договору и по выбору сошныхъ людей въмѣсто очереднаго целовальника и сторожа свою ряженую подмогу на нынешней на 189 годъ всю сполъна, в томъ мы и отпись дали. А деньги платилъ староста ево Агапитко Ивановъ. А отпись писалъ губныя избы целовальникъ Меркушка Семеновъ своею рукою лѣта 7189 году августа въ 29 день.

47.

Лѣта 7199—го марта въ 5 день, по указу великихъ государей, царей і великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа Великия и Малая і Бѣлая России самодержцевъ, і по грамоте і по росписи іс печатнаго приказу за приписью дьяка Петра Швартова, взято в Галиче в съѣзжей избѣ въ ихъ, великихъ государей, казну ратнымъ коннымъ і пѣшимъ людемъ на жалованье на прошлой на сто девяносто седмой годъ Галицкого уѣзду Шебольской волости с помѣстия жильца Никиюра Матвеева сына Волженского, с усадища, что было займище Плоское, с четырехъ дворовъ по рублю з двора, ітого четыре рубли. Платилъ деньги староста Демка Нєедовъ. К сей отписи стольникъ і воевода Алексѣй Переильевичъ Колтовской печать свою приложилъ (печати нет).

1704-го ноября въ 16 день с сей отписи в Галиче в приказной избѣ взять списокъ по московской доймочной нѣтной росписи.

На обороте: Справилъ Филька Ниѳантовъ.

48.

(на гербовой бумаге).

Лѣта 1702-го ноября въ 16 день, по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа Великия и Малыя й Бѣлыя Росії самодержца, и по грамотамъ ис приказу адмиралитейскихъ дѣль, и по приказу стольника і воеводы Леонтия Рамановича Яковлева, взято в казну великого гоударя в Галиче в приказной избѣ на починку караблей и на дачю мастеровымъ людямъ на нынешней 1000 семсотъ второй годъ Галитцкого уѣзду, (другой рукой:) Шейбальской волости с помѣстя Микиюра Матвѣева сына Волжинского, с усадища Плоского, с четырехъ дворовъ по переписнымъ книгамъ 186-го году і по скаскѣ старосты Лазарка Елѳимова, а в переписныхъ книгахъ написано за нимъ, Микиюромъ. Платилъ денги онъ. Лазарь, по гризвне з двора, ітого тринадцать алтынъ дѣве денги. Принялъ денги подъячей Агапіи Петровъ

Другие документы, относящиеся к платежу налогов.

49.

Лѣта 7129 году июля въ 21 день Бересце (?) Никулинской (?) четверке, а борщикъ¹⁾ тое жъ четверки Семенъ Еремиевъ сынъ, а брати ему в голову по окладу, что окладывалъ Федоръ Ларионовъ сынъ, а собрати ему денги тотчасъ в стрелецкой кормѣ и нести к столу.

50.

Списокъ з государевы грамоты слово в слово. От царя і великого князя Михайла Федоровича всеа Руси в Галичъ стольнику нашему і воеводе Василью Тимоѳьевичу Грязново. В росписи, какова послана под нашу грамотою в Галичъ к губнымъ старостамъ к Своетину Шишкому да к Ивану Свинину для платежу ямскихъ денегъ в прошломъ во 147-мъ году, написано: отделено в помѣстье взямятину Матвѣю Михайлова сыну Волженскому в Шербальской да въ Ерской волостяхъ деревня Климова, всѣго три деревни да починокъ, да жеребѣй дерев-

¹⁾ Сборщик?

ни, да жеребѣй в починке, а в нихъ по роздѣльнымъ книгамъ Федора Полтева да подъячево Спиридона Оторова 147-го году в живущемъ двѣ чети с полуосминою без полполчетверика пашни; а в прошломъ во 150-мъ году по памяти ис помѣсного приказу за приписью дьяка нашего Ивана Переносова с того Матвѣева помѣстя Волжинскогс велѣно ямские денги имать по дворцовымъ писцовы姆ъ книгамъ писма и мѣры Володимера Племянникова да подъячего Гура Патрекѣева 140-го году з живущего с чети с осминою и с полутора четверика пашни. И какъ к тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ с Матвѣева помѣстя Волжинкова з деревни Климова з деревнями, да с починка, да з жеребья деревни, да з жеребья починка ямские денги на нынешней на 152-й годъ велѣль взять і впредь имать по памяти с помѣсного приказу прошлого 150-го году по дворцовымъ по писцовыムъ книгамъ писма и мѣры Володимера Племянникова да подъячего Гура Патрекѣева 140-го году з живущего с чети с осминою и с полутора четверика пашни. Писанъ на Москвѣ лѣта 7152-го декабря въ 30 день. А у подлинные государевы грамоты припись дияка Микиоры Демидова, справка подъячего Данила Васильева.

51.

. холопъ твой ве
. олжинской да .
штидесятъ человѣкомъ твое царско..
тейца в Галицкомъ уѣзде ис твои....

выхъ сель, и по роздѣлу, государь, Федора Полтев.....гло было положено на нась тежело, и мы, холопи твои, все помѣщики, били чепомъ тебѣ, государю, чтобъ ты, государь, насть пожаловалъ, велѣль тегло положить по писцовыムъ книгамъ Володимера Племянникова. И ты, государь, насть пожаловалъ, велѣль то тегло положить по писцовыムъ книгамъ Володимера Племянникова и пр....тивъ старыхъ помѣщиковъ і вотчинниковъ галицкихъ; и памяти, государь, ис помѣснова приказу с писцовыхъ книгъ Володимера Племянникова в стрелецкой приказъ і в ямской посланы, а в тѣхъ памятяхъ напи-

сано, что велено намъ тегло платить против писцовыхъ книгъ; і в емскомъ, государь, приказе по твоему государеву указу емлють тягло против памяти, какова прислана ис помѣсново приказу, а в стрелецкомъ, государь, приказе корму стрелецкого у меня, холопа твоего, против памяти с писцовыми книгъ не примутъ, а у нашей, государь, браты, которые с нами испомѣщены, стрелецкой кормъ против памяти с писцовыми книгъ у всѣхъ принимаютъ, а у меня, Матюшки, емлють стрелецкой кормъ по роздѣлу Федора Полтѣва, а не против писцовыхъ книгъ. Милосердый государь, царь і великий князь Михайло Федоровичъ всеа Русии, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, на мнѣ стрелецкой кормъ имать против своего государева указу и писцовыхъ книгъ и не вели, государь, своего государева указу мною нарушить. Царь-государь, смилиуйся.

52.

В доимочномъ приказе с помѣстя Матвѣя Михайлова сына Волжинскаго рублейхъ на 160-й и на 161-й годы, полтинныхъ і полу полтинныхъ і двугривенныхъ на 162-й и 3-й і 5-й годы, да съ ево жъ помѣстя с товарыщи законнаго даточнаго.

53.

Се азъ, Галитцкого уѣзду, Шейбельской волости Федора Володимеровича и Михайла Григорьевича Бутурлиныхъ крестьяне Сава Устиновъ сынъ, да язъ, Левонтей Костянтиновъ сынъ, да язъ, Тимофѣй Козминъ сынъ, да язъ. Панкратъ Сергѣевъ сынъ, да язъ, Титъ Макарьевъ сынъ, да язъ, Калина Естиоевъ сынъ, поручилися есмя того жъ Галитцкого уѣзду, Шейбельской волости Матвѣя Михайлова сына Волжинского земскому ево старосте Семену Григорьеву сыну государей своихъ по крестьянине по Кузмѣ Костянтинове сыне в томъ, что взяль онъ, Козма Костянтиновъ, у него, Матвѣева старосты, у Семена Григорьева сына, и у крестьянъ за стрелетцкой хлебъ денгами на прошлой на 173-й и на нынешней на 174-й годы, а денегъ взяль на оба года с полуторы чети с четверикомъ десять рублей; и ему, Козмѣ, тотъ стрелетцкой хлѣбъ заплатить на Москве на срокъ ны-

нешнего 174-го году на первое зборное воскресение за нашу порукою и принести платежная московская отпись. А будетъ онъ, Козма, не заплатить того стрелетцкого хлѣба на оба года на тотъ срокъ, кой в сей поручной писанъ за нашу порукою, ино на насъ, на порутчикахъ, тотъ стрелетцкой хлѣбъ и платежная отпись. А на то послуси того жъ помѣщика крестьяне Иванъ Макарьевъ сынъ да Сергеѣ Родионовъ сынъ; а поручную запись писалъ Дмитрия Козмича Булгакова крестьянинъ Ивашко Ивановъ сынъ лѣта 7174-го году генваря въ 28 день.

На обороте: К сей поручной записи Воскресенской попъ Василеи вмѣсто поручиковъ, кои в сей поручной имяны писаны, по ихъ велѣнию руку приложилъ.

54.

Приіскать отпись на 169-й, и на 170-й, і на 171-й годъ по рублю з двора на годъ, а на 178, і на 179, і на 170 на годъ с семи дворовъ по полтине з двора да на 179-й же годъ по две гривны з двора.

55.

Се азъ, Ерской волости Андрѣевъ староста Юрьевъ сына Бельского Насонъ Дементьевъ да крестьяня Семенъ да Захаръ Троѳимовы, Богданъ Оилиповъ, Переирий Васильевъ, Пополитъ Кириловъ, Иванъ Гавриловъ і всѣ крестьяня поручились есми, по государеву, цареву і великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малая і Бѣлыя Росії самодержца указу, і по наказу из стрелетцкого приказу, і по приказу сотника Степана Артемьевича Болотова, московскому стрельцу Иевку Иванову помѣщика жъ своею по крестьянине по Ермоле Оенонасьеве в томъ, что заплатить ему за нашу порукою на Москву стрелетцкой хлѣбъ на нынешней на 181-й годъ с помѣсья помѣщика жъ своею з деревни Триоанова з деревнями.

На обороте: К сей записи подъячеи Федка Рудомазинъ вмѣсто порутчиковъ руку приложилъ.

56.

Лѣта 7193-го августа въ (вырвано) день, по указу великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа Великия и Малыя и Бѣлля Росії самодержцевъ, в Галичъ стольнику и воеводе князю Федору Семеновичю Шаховскому. Какъ к тѣбѣ сей великихъ государей указъ придетъ, и ты бѣ Галицкого ўѣзду с помѣстья Никифора Матвѣева сына Волжинского с семинагати дворовъ на 169-й, на 170-й, на 171-й, на 178-й, на 179-й, на 181-й гдѣ рублевыхъ и полтинныхъ и двугривенныхъ денегъ именемъ отца ево Матвѣя Волжинского править не велѣль для того, в тѣхъ годѣхъ Никифоръ и братъ ево Лука служили великихъ государей службу, и ныне служитъ онъ, Никифоръ, и в полону былъ многое время, а братъ ево Лука убитъ на службѣ; а в скаске ево за рукою Никифора Волжинского, что жили они с отцомъ своимъ вмѣсте, а не в раздѣле, и особыхъ дачъ за ними в тѣхъ годѣхъ не было ни единого двора, и то де помѣстье за нимъ спрѣвлено, а онъ, Никифоръ Волженской, служитъ со 162-го году. А прочеть сей великихъ государей указъ и списавъ с него списокъ, оставилъ у себя в съѣзжей избѣ, а сей великихъ государей указъ отдалъ бы ему, Никифору, впредь для иныхъ воеводъ и приказныхъ людей. Діакъ Леонтей Улановъ. На оборотѣ: Справилъ Сенка Надѣинъ.

Документы, касающиеся отбывания личных повинностей.

57.

На городовое звено пошло на 69 саженъ, а въ техъ во щтидесятъ девяти саженехъ зделано 24 огородни, а в агородни мернава лесу пошло в переднюю (зач: стены) и в заднюю стены с обламы (?), и в поперечния (испр. из „поперешнюю“) связныя стены нижния и верхния, и в касыя тарасы и в премяя, і в столбы (зач: и в столбики), и в мости верхния и нижния, (зач: и в катки) и в потставки (зач: пот катки, и в пальцы, и в катки), и на пальцы, и на катки (зач: и в те огородни по смете пошъ-

ло мернава лесу 2 тысячи 600 сфт 93 бревна ава), а все-го в то звено мерънава лесу пошло въ 24 огородни и с лесницы 2 тысячи 693 бревна.

Лѣта 7000.

На обороте ряд неразборчивых полустертых слов; видны слова: „царю, гд“ (государю), несколько раз повторяющиеся: повидимому, простая проба пера.

58.

(есть дублет; для последнего разночтения указываются под строкой ¹⁾).

Даточнай²⁾ Матвѣя³⁾ Волжинскаго⁴⁾ Троѳимко Васильевъ, а в складе отставныя Алипия Семенова сына Леонтьева⁵⁾ 9 дворовъ, Ивана Никитина⁶⁾ сына Свињина 7 дворовъ, Григорья Васильева сына Тарбѣева⁷⁾ 5 дворовъ, Ратмана да Григорья Васильевыхъ детей⁸⁾ Посникова 2 дворовъ⁹⁾.

59.

Царю, государю і великому князю Алексію Михайловичю, всеа Великия і Малыя и Бѣлыя Росиі самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой взямятина Матюшка Михайловъ сынъ Волжинской. Твое царское жалованье помѣстейца за мною, холопомъ твоимъ, в Галицкомъ уѣзде, в Шебельской волости, деревня Климова з деревнишками по переписнымъ книгамъ Ондрѣя Сонина семнадцать дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ; і ныне, по твоему великого государя указу и по грамоте из монастырского приказу велено в Галицкомъ уѣзде с нашей братии—с отставленыхъ дворянъ и детей боярскихъ, и со вдовъ, і с недорослеі взять в твою государеву службу с помѣстей и с вотчинъ с сорока дворовъ крестьянскихъ конного чело-вѣка, і в Галиче, государь, воевода Сергеі Васильевъ сынъ Марковъ с того твоево царского жалованья, а с моево помѣстейца править на крестьянишкахъ моихъ коннаго

¹⁾ Вверху несколько слов, верхняя часть которых оторвана, и которые вследствие этого не поддаются прочтению; можно разобрать „и в оса...“ или „а в оса...“).

²⁾ даточного³⁾ Матвѣя⁴⁾ Волжинскаго⁵⁾ Леонтьева⁶⁾ Ильинкина⁷⁾ Тарбѣева⁸⁾ дете⁹⁾ двора.

человѣка в твою государеву службу; и крестьянишка, государь, от скудости многие розбрелись, а достальные в томъ конномъ человѣке в Галиче і ныне стоятъ на правеже, а преж, государь, сего, какъ по твоему государеву указу иманы с наше браты с помѣстей в салдацкую службу, і с того, государь, моево галицкого помѣстейца с крестьянскихъ из бобыльскихъ с семинатцати дворовъ взять в салдацкую службу крестьянинъ мой с починка Плоскова Титко Марковъ и посланъ быль на твою государеву службу (было: на твоей государеве службѣ) подъ Быхсвъ і по се число с твоей государевы службы не бываль, убитъ ли іли живъ, и про то, государь, не вѣдомо; да с того жъ, государь, моево помѣстейца взять в твою жъ государеву службу в подмогу двумъ даточнымъ человѣкомъ—Александрову крестьянина Нащокина да Петрову крестьянину Микулину, да с того жъ, государь, моево помѣстейца с семинатцати дворовъ взять в даточные в нынешнемъ во 170-мъ гсду крестьянинъ мой деревни Незятерой Троимко Васильевъ і посланъ на твою государеву службу в Севескъ в полкъ боярина і воеводы Петра Михайловича Салтыкова і по се число с твоей государевы службы не бываль (зач: и по се число); і от тѣхъ, государь, даточныхъ и от салдацкихъ зборовъ крестьянишка розбрелись, и помѣстышко мое разорилсс. Да у меня жъ, холопа твоего, іс того жъ моево помѣстейца сынишко мой Лукашко Волжинской убитъ на твоей государеве службѣ под Конотопомъ, а другой сынишко мой Микиорко в полку боярина і воеводы Василья Борисовича Шереметева в обозе взять в полонъ в Крымъ; а которые ¹⁾ государь, людышка были, и тѣ с ними на твоей государеве службы іные побиты і в полонъ поіманы, а іные от дальние службы розбежались безвѣсно. M²⁾), пожалуй меня, холопа своеvo, за мое службишко, і за смерть, і за полонное терпенье детишокъ моихъ, и для моей скудости, не вели, государь, с того моево помѣстейца с семинатцати дворовъ в свою государеву службу конного человѣка имать, і вели,

¹⁾). Последняя буква неясна.

²⁾ Вместо повторения полного титула.

государь, с того моево помѣстяца в свою государеву казну против своево государева указу с семинатцати дворовъ взять зг того конного человека по розщѣту денгами, что ты, великии государь, укажешь, чтобъ. государь, крестьянишкомъ моимъ и достальнымъ розно не разбрестись.

60.

Память приставу дати ему на поруку смоленскова шляхту Михайлу Станиславьеву сына Помаску по чеобитью жильца, порутчика Никиюра Мотвеева сына Волженскава, в недоимочной рухледи, въ служивой рухледи въ 20 рублехъ по чеобитной.

Документы, относящиеся к крестьянским побегам.

61.

(зачеркнуто: месяца ее).

Лѣта 7149 (зачеркнуто: августа) өевраля в 10 (?) день збежалъ, государь, иза меня крестьянинъ Өедка Са....евъ(?) сынъ Старцевъ, а прозвище Губинъ деревни Вередишина, а живетъ, государь, бѣгаючи в Галитцомъ пригородке в Парәеньеве в волости в Неиской за Ортемьемъ Ермолаевичемъ Михневымъ в деревне на Яму, да свель, государь, живота кабылу гнѣду, да карову, да хлѣба, да платье снесъ на двацать рублей с полтиною.

Да збежалъ, государь, из за меня, холопа твоево, крестьянинъ с починка Плоскова Павликъ Алексиевъ сынъ, а живетъ, государь, бѣгаючи в Галитцкомъ уѣзде на Ветлуге на Лапшанской дороге за князь Олексиемъ Михаиловичемъ Лвовымъ в селѣ в Никольскомъ, в деревне на Мумарахъ.

А межъ де прежде сево промеж Плоскимъ и Борановымъ не бывало, ни граней.

На обороте: Деревни Мизина Путила Өилильевича Петелина(?), деревни Тшаникова Степана Лукияновича Хрущева, Марка Климантовичъ Нелидовъ, Василий Григорьевъ сынъ Токаревъ, деревни Степина Никифора ҆єва крестьяня Спесивцева, Григорьевы крестьяне Иванова сына Буторнина, Панюиловы крестьяне Васильева сына Волкова деревни Вередишина, Ермолы ҆єва сына Ржевского крестьяня деревни Степурйна

(Зач: завладилъ у меня Яковъ Савеловъ землею по прудецъ да по старую).

Межа плесковсковская по прудецъ по старую изгороду.

Придано на престолъ къ Воскресенью Христову починокъ Седельниково на рекѣ на Шуе на правой сторонѣ.

На рекѣ на Шуе починокъ Павловъ за Никиоромъ за Спесивцевымъ.

Попъ Александръ Калинниковъ, сынъ поповъ.

А живетъ тотъ Ивунка (?) да Федка от города отъ Шанчурина три версты. Да Панюла Волкова крестьяне (?) Якунка Семеновъ сынъ да Насонко Петровъ съ товарищи деревни Вередишина свезли клить Федки Савельева сына Старцева во 149 году.

62.

Начала нет.

(зачеркнуто несколько букв) ова от крестьянина моево отт Олонки Гаврилова племянница ево Ирина Июдина дочь нынешнаго 151 въ Филиппово говинье въ Николинъ день, а бѣгаючи, государь, живетъ въ Галицкомъ уѣзде въ Шейбальской волости въ Ермолиномъ помѣстье Диева сына Рѣжевъскова въ деревне Степурине а снесла, государь, у меня крестьянскихъ животовъ Алонки Гаврилова две шубы бораныхъ одеваша, шуба, цена полтора рубли, да кавтанъ бораней, цена рубль, да сукно двадцать аршинъ, цена рубль, да кастанъ сермяжной, цена, трицать алтынъ, да шапъка муская лисья подъ сукномъ подъ однорядошнымъ, цена двадцать алтынъ, да шапъка женская, цена два рубли, да двои серги (зач: съ каменьемъ съ черце), цена рубль, (зач: восемь авчинъ), да десеть авчинъ, цена рубль, да платья бѣлова рубашекъ и холстовъ, цена полтора рубли. Милосердыи государь, царь и великий князь Михаило Федоровичъ всеа Русиї.

63.

Царю, государю і великому князю Алексію Михайловичю, всеа Великия и Малая и Бѣлляя Росії самодержцу, бѣть челомъ и являеть холопъ твой государевъ, взямятинъ Матюшка Михайловъ сынъ Волженской. Въ нынешнемъ, государь, во 166-мъ году въ Филипповъ постъ, после

Николина дни недълю спустя, збежалъ из за меня, холопа твоего, крестьянинка Марко Ивановъ с женою с Марьицею Савельевою дочерью да с трема сыньями с Титкомъ с женою с Оринкою да з дочерью с Анюткою, да сыномъ с Петрункою и з женою с Настасьицею да сыномъ с Трошкою, да сыномъ з Гаврилкомъ, да з дочерью Соломанидкою и со всѣми своими с крестьянскими животами; а лошадей свели три лошади: меринъ карь, да кобыла гнеда, да меринъ гнѣдъ, да четвертой жеребенокъ, да корову, семь овецъ, да хлѣба тритцать четвертей овса да пятнадцать четвертей ржи; да в то жъ число збежалъ крестьянинецъ Лазарко Савинъ с матерью со Даркою с Никитиною дочерью да с четырмя сестрами: с єодоскою, да с Окулькою, да с єедоркою, да с Оксюткою, да с женою с Оксюткою, да свелъ лошадь, да хлѣбъ десять четь овса, да ржи пять четвертей, да ппять шубнова и сермжнова, а бѣгающи живутъ в Коряковской волости в Дороѳиеве пустыне в Воскресенскомъ приходе.

64.

Лѣта 7170-го генваря въ 14 день, по государеву, цареву і великого князя Алексія Михайловича, всеа Великия і Малыя и Бѣлыя Росии самодержца указу и по наказу ис помѣсного приказу за приписью діяка Степана Шишкина, сыщикъ Василей Ондрѣевичъ Сукольновъ велѣлъ галитцкому разсыльщику (пробел для имени) ъхать в Галитцкой уѣдѣ в Поломскую волость в вотчину Успенія Пречистые Богородицы Паисієна монастыря в деревню Якимово, а не доѣзжая взять с собою понятыхъ тutoшнихъ и окольнихъ людей—старостъ, и целовалѣниковъ, и крестьянъ, сколько человѣкъ пригожъ, а приїхавъ при тѣхъ понятыхъ по челобитью вязматина Матвѣя Михайлова сына Волжинского, поимать бѣглыѣ ево дѣвокъ, что ныне за мужьями, Степанидицу с мужемъ с Павелкомъ Савельевымъ да Лукѣрицу с мужемъ з Галахтионкомъ Ларионовымъ, а поимавъ ихъ и съ ихъ крестьянскими животы на ихъ подводахъ привести в Галичъ с собою вмѣсте перед сыщика перед Василья Ондрѣевича Сукольнова, а будетъ тѣхъ бѣглыхъ

крестьянскихъ дочерей и ихъ мужевей переимать въ той вотчине не дадутъ и ихъ ухоронять, і въ ихъ мѣсто взять тое вотчины праeыхъ крестьянъ человѣкъ дву, а взявъ ихъ, по тому же привести въ Галичъ съ собою вмѣсте. У сей наказные памятни рука Василья Ондрѣевича Су-
колѣнова. Василий Сукољновъ.

65.

Во 130-мъ году былъ писецъ и мѣрщикъ въ Шей-
балской волости Володимерь Семеновичъ Племянниковъ,
да съ нимъ былъ московской подъячей Гурей Патрекѣевъ
съ приписью, писалъ дворы и людей въ нихъ.

А во 122-мъ году межевалъ Шейбальскую волость
на кругъ Микита-Івановичъ Бѣклемѣшевъ да подъячей
съ приписью московской Фектистъ Левонтьеви-ть Тихо-
мировъ: а межевали они зъ боярскими і съ монастырски-
ми вотчинами, и съ помѣстьями, и съ помѣстными землями.

Да билъ чelомъ тебѣ, великому государю, Успения
Пречистыя Богородицы Гаисъина монастыря келарь Бо-
голѣпъ Самыловъ на вязмитина на Матвѣя на Михайлова
сына Волженского, а я чelобитьѣ своимъ написалъ,
будто зѣжала отъ него и монастырской вотчины ис Поломской
волости дѣвка Овдонка, а въ чelобитьѣ у него
годовъ не написано, сколько годовъ отъ нихъ изъ вотчины
зѣжала, а та ихъ монастырская вотчина съ моимъ помѣ-
стшишкомъ смежно, а та дѣвка взта въ помѣстье мое
за дѣтяти мѣсто, лѣтъ зъ двацать, какъ у неѣ, Овдонки,
судомъ Божиимъ матери не стало, а отдалъ еї, Овдонку,
отецъ еї родной руками своими, и я билъ чelомъ вели-
кому государю, а въ Галиче сыщику Василью Ондрѣевичю
Сукољнову о сыску, чтобы пожаловалъ, сыскалъ старо-
жильцами, и окольными людми, и свѣщенниками, и
тотъ сыщикъ по моему чelобитью сыску не учинилъ; а
выдана та дѣвка за Микитина крестьянина Мусина и
Пушкина (зач: въ прошломъ во 168-мъ году) въ деревню Мо-
кѣевъ починокъ за Івашкова сына (пробел около $\frac{1}{2}$ стро-
ки) въ прошломъ во 168-мъ году, а выдавалъ ту дѣвку
вспоя, вскормѧ крестьянина мой Сенка Микитинъ и ст-
лускную на неѣ далъ, и тотъ сыщикъ потпсной кресть-
янина моего обвинилъ, отдалъ сыщикъ крестьянина
моего (зач: монастырскому) Мусину старосте и з-

женою с Любавкою старосте Олешке Левонтьеву; а в твоемъ государеве указе і в Соборномъ Уложеніе написано за бѣглую дѣвку десять рублевъ, і в нѣказе у него, у сыщика, написано тажъ десять рублевъ, а крестьянъ моихъ продавалъ и убытчилъ з боявлеева дни да и по се число 170-го году июня по 8 день.

Вверху на обороте:

Громешикъ князь Степанъ Івановичъ Татева Павликъ Алексѣевъ сынъ, прозвище Зацовъ, сыномъ с Ганкратомъ да с Оeonкою.

66.

Списокъ с отписи. Се азъ, Матвѣй Михайловъ сынъ Волженской, далъ есми сию отпись Живоначальные Троицы Варнавины пустыни строителю старцу Гурию з братьемъ, что в нынешнемъ во 171 году взяль я, Матвѣй, бѣглова своего крестьянина Гришку Петрова з женою, и з детми, і со всѣми ево крестьянскими животы с хлѣбомъ стоячимъ, і с мѣлоченымъ, и з землянымъ, против государева указу Соборного Уложения з зажилыми денгами у него, старца строителя Гурия, з братьемъ по крѣпостямъ попрежнему во крестьянство, что тотъ мой бѣглой крестьянинъ Гришка жилъ бѣгая в вотчине Живоначальные Троицы Варнавины пустыни во крестьянеъ, впредь мнѣ, Матвѣю, женѣ моей, ни дѣтямъ, ни роду, ни племени на тѣмъ старце строителе Гурие з братьемъ того бѣглова своего крестьянина Гришки, і жены ево, дитей, і ево крестьянскихъ животовъ, і зажилыхъ денегъ і убытковъ не спрашивать і того дѣла не вчинать; в том азъ, Матвѣй Михайловъ сынъ Волженской, ему, старцу строителю, з братьемъ и сю отпись даль. А у подлинной отписи рука приложена Семена Григорьева сына Совинского вместо Матвѣя Михайлова сына Волженского по вѣнью же его Овдотьи, Матвѣевы жены, да рука приложена послуховъ съѣзжей избы подъячева Оеонасъя Попова. А отпись писал Гришка Васильевъ лѣта 7171-го марта въ 17 день. Списокъ

67.

Столника государёва князь Степана Івановича Татева выда.... Павла Алексѣева дочь в отчине Ульяньяна въ

ревне в Карис.... за Микитнимъ сыномъ за Одреевымъ, а выдана она семнацать лѣтъ. Святыя Троицы и Живо-чалныя Варнавины пустыни Воротиха выдана Павлова (зач: дочь) Алексѣева дочь Оеросинья за Юрьевымъ за Аристомъ девять лѣтъ (?).

Князь Федора Ивановича Лынгова в отчине Килютино Грѣгорьева дочь Барзина Анна в деревне Килютене за Лукояномъ с за Митровановымъ сыномъ, а выдана она.

На обороте: с четырмя десеть.

68.

Царю, государю і великому князю Алексію Михайловичю, всеа великия и Малыя і Бѣлыя Росии самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой взметинъ Матюшка Михайловъ сынъ Волженской. Была, государь, у меня в Галиче перед сыщикомъ перед Васильемъ Суколѣновымъ очная ставка князь Степана Ивановича Татева с приказнымъ ево человѣкомъ во крестьянстве, а слался я, холопъ твой, на старые писцовы книги Володимера Племянникова, что Алешка Зайцовъ и сынъ своимъ с Павликомъ написаны в деревне в Белозеровой; і какъ, государь, тое Шейбельскую волость раздали намъ, холопемъ твоимъ, рознымъ помѣщикомъ, і тотъ Павликъ в отдельныхъ книгахъ Федора Полтева написанъ в починке Плоскомъ за мною, холопомъ твоимъ. Милосердый государь, царь і великий князь Алексій Михайловичъ, всеа Великия и Малыя і Бѣлыя Росии самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мнѣ старыхъ писцовыхъ книгъ Володимера Племянникова выпись дать. Царь, государь, смилиуся, пожалуй.

69

Царю, государю і великому князю Алексію Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой Матюшка Михайловъ сынъ Волженской. В прошломъ, государь, во 170-мъ году билъ членъ тебѣ, великому государю, я, холопъ твой, а в Галиче на съезжемъ дворѣ перед сыщикомъ перед Васильемъ Андрѣевичемъ Суколѣновымъ на стольника на князь Степана Ивановича Татева в бѣгломъ крестьянине о Па-

велке Олексєеве і о женѣ ево да о дитяхъ--о сыне Оєонкѣ да о сыне Панкрушке, і о женахъ ихъ, і о дитяхъ; і о ихъ крестьянскихъ животахъ; і того стольника князя Степана Івановича человѣкъ ево Воинъ Мелентьевъ съ крестья в тѣхъ крестьянехъ даль по себѣ поручные записи, что было тѣхъ крестьянъ ему, Воину, после просныхъ речей з женами ихъ, и з дитми, і со всѣми ихъ крестьянскими животы, а помоимъ, холопа твоего, крѣпостямъ поставить в Галиче на съѣзжемъ дворѣ перед сыщикомъ перед Василемъ Андрѣевичемъ Суколѣновымъ к оддаче; і тотъ Воинъ съ крестьяны тѣхъ моихъ бѣглыхъ крестьянъ з женами, и з детми, і со всѣми ихъ крестьянскими животы в Галиче к оддаче не поставилъ. Милосердій государь. царь і велики князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росії самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, тому приказному человѣку Воину і крестьяномъ тѣхъ моихъ бѣглыхъ крестьянъ з женами, и з детми, і со всѣми ихъ крестьянскими животы в Галиче на съѣзжемъ дворѣ к оддаче поставить. Царь, государь, смилийся, пожалуй.

На обороте: 1° сей чelобитной Васка Іановъ сынъ Іевлева(?) вмѣсто Матеѧ Михайлова сына Волженского по ево вельнью руку приложилъ.

70

Списокъ с памяти слово в слово. Память приставу дать ему на поруку стольника князь Степана Іановича Татева крестьянина ево Лариона Емельянова в бѣгломъ крестьянине в Павелке Алексєеве з женою, и з детми, и с ихъ крестьянскими животы по чelобитью Матвѣя Михайлова сына Волженского по чelобитной.

71¹⁾

173-го году юня во ²⁾ 8 день, ставъ в Галиче на съѣзжемъ дворѣ перед сыщикомъ перед Василемъ Андрѣевичемъ ³⁾ Суколѣновымъ, жилецъ Микиоръ Матеѧ сынъ Волженской сказалъ по святой непорочной евангельской заповеди Господни, еже ни, ни, что в Галитцкомъ уѣзде в Шейбальской волости деревня починокъ Плоское ⁴⁾ за отdomъ моимъ, а не за мною, і того по-

¹⁾ Имеется копия с надписью: „подана такова жъ“.

²⁾ въ ³⁾ Андрѣевичемъ ⁴⁾ деревня Плоское в помѣстье починокъ

чинка, деревни Плоскова, в крестьянехъ против чело-
битья Успения Пречистые Богородицы Пасищина мона-
стыря архимарита Сергия да келаря старца Мелетия
з братьемъ я ¹⁾ без отца своеевс отвечать не смѣю, а какъ
то помѣстье будетъ за мною. тогда того помѣстья, по-
чинка Плоскова, ²⁾ против того челобитья в кресть-
янехъ я ³⁾ і буду отвечать; а отецъ мой ныне на Москвѣ
живетъ для своего дѣла, то моя и скаска. А скаску пи-
салъ Исидорко Сараѳановъ.

На обороте: К сей скаске Гришка Васильевъ вмѣсто
Никифора Матвѣева сына Волженского по ево ведѣнью
руку приложилъ. ⁴⁾

72.

Бьетъ челомъ холопъ твой, жилецъ Микиѳрко Ма-
твѣевъ сынъ Волжинской. В нынешнемъ, государь, во
173-мъ. году били челомъ тебѣ. великому государю, а в
Галиче на съѣзжемъ дворѣ сыщику Василью Андрѣевичю
Сукольнову на отца моево Матвѣя Михайлова сына
Волжинского і годавали челобитную Успения Пречистыя
Богородицы Пасищина монастыря архимаритъ Сергѣй да ке-
ларь старецъ Мелетий з братьемъ о крестьянине о Сенке
Никитине і о женѣ ево Любавкѣ; і ныне тотъ крестья-
нинъ Сенка Никитинъ пойманъ в ихъ монастырѣской
вотчине і приведенъ в Галичъ на съѣзжай дворѣ і рос-
прашиванъ, а в роспросе своемъ сказалъ онъ, Сенъка.
буто та ево Сенкина жена живетъ во крестьянстве у ме-
ня, холопа твоево; а тое ево Сенкины жены ныне у ме-
ня, холопа твоево, во крестьянстве нѣтъ. ^{М⁵)}, пожалу меня,
холопа своеево, вели, государь, по ево Сенкину жену Лю-
бавку Селиванову дочь дать пристава с наказной паметью
для поимки, гдѣ еѣ изъѣдутъ, і поставить ее в Галиче на
съѣзжемъ дворѣ перед сыщика перед Василья Андрѣеви-
ча Сукольнова. Ц, ⁶⁾ смилийся.

¹⁾ „Я“ нет. ²⁾ Плоского ³⁾ „я“ нет.

⁴⁾ А у подлинной скаски рука приложена Гришки Васильева вмѣсто Никофора Матвѣева.

⁵⁾ Сокращение царского титула.

⁶⁾ Сокращение обычного „царе-государь“.

177-го году марта въторы день възялъ язъ, Григорей Аѳонасьевъ сынъ Верховъской, у шурина съвоево Микиюра Матеиева сына Волжинскова бѣглова съвоево крестьянина Ерсия волости починка Юрькина Лазарку Савельева съ матерью и съ сестрою, женою и з дѣтми и съ ево крестьянскими животы, да язъ же, Григорей, възялъ у нево жъ, Микиюра, за бѣгълую съвою дѣвъку Федорку выводъ, за дѣвъку Федорку, что онъ, Лазорка, выдалъ въ бегахъ замужъ, а взялъ онъ, Микиюръ, тово крестьянина в Царевекашайскомъ уезъде перед воеводою перед Веленъбашемъ Семеновымъ сыномъ Охлѣбининъ по крепосстямъ; и въпредь мнѣ, Григорю, на нево, Микиюра, великому государю не бить чelомъ о томъ съмоеимъ крестьянине, и объ матер ево, и о сесътрахъ, которыя выданы в бегахъ, объ выводе, і объ женѣ ево и о о детяхъ, и о ево крестьянскихъ животахъ не бить чelомъ, в томъ я. Григорей, ему, Микиюру, и роспиську далъ, а роспиську писалъ язъ, Григорей, съвою рукою лѣта 7177-го году марта во въторы день.

Беть чelомъ холопъ вашъ Микѣшка Матаѣевъ сынъ Волженъской. В прошломъ, государи, во 198-мъ году бежалъ из за меня, холопа рашего, старинной мо крепосной крестьянинъ, покиня жену свою и дѣти, Титко Елеимовъ, а бѣгаючи онъ, Титко, живетъ в Унежъскомъ уездѣ, Верховской волости в деревне Золотавинъ у Микѣшки Васильева сына Седухина (?), а чей онъ, Микѣшка крестьянинъ, которова помѣщика, и какъ его помѣщика зовутъ, тово я, холопъ вашъ, не вѣдаю. М¹). пожалуйте меня, холопа своего, велитъ, гссудари, мнѣ дать наказную память и пристава и велитъ, государи, ево, Титка, привесть собою вместе на Унжу в приказную избу перед воеводу Семена Степановича Племянникова и про тотъ побѣкъ ево, Титка, роспросить; а будетъ ево, Титка.

1) Сокращение царского титула.

ухоронять і не изъедутъ, велитъ, государи, взять ево, Микѣшку, жену ево или дѣтей ево Микѣшкиныхъ и по тому жъ поставить въ приказную избу и про побѣгъ бѣгълова мужика моево роспросить.

Великия государи, смилуйтесь.

Документы, относящиеся к борьбе за землю.

75

Царю, государю і великому князю Михаілу¹⁾ Федоровичу всеа Русії бьють челомъ и являютъ сироты твои Галицкаго уѣзда. Шеібальские волости Матвѣевъ староста Волженскаго Федка Васильевъ да крестьяне Демка Еремиевъ, да Гришка Биляковъ, да и всѣ крестьяне Матвия Волженсково Галицкаго же уѣзда Шеібальский же волости, сотенника московскихъ стрельцовъ на Яковлевыхъ крестьянъ Савелова на старосту на Троима Моісѣова да на Якима Степанова и на всѣхъ крестьянъ Якова Савелова. Въ нынѣшнемъ, государь, во 149-мъ году августа въ 20 день приходили, государь, тѣ Яковлевы крестьяне со многими людми розныхъ помѣстей въ твоє царьское жалованье, а государя нашего Матвия Мохайловича (?) въ помѣстье под деревню Плоское, собрався со всякимъ оружьемъ Степановыми крестьяны Хрущева старостою съ Федоромъ Яковлевымъ съ товарищи да Микиюра Спесивъцова старостою съ Ларивономъ Степановымъ съ товарищи; и пришедъ, государь, тѣ крестьяне, коі въ сеі явке имены писаны, под деревнею Плоскимъ пожали ячмень нашъ и къ себѣ перевозилі насильствомъ своімъ съ тѣмъ со многими людми, а нась, сиротъ, учили бить и грабить; а сколько, государь, онѣ ячмени пожали и повозили, и на сколькихъ четвертяхъ, и сколько людей переувичилі, и живота, и денегъ, и платья грабежемъ взялі у нась, и то объявитца тобѣ, государю, въ ыскової члобитной. Милосерды государь, царь і велики князь Михаіло Федоровичъ всеа Русії, пожалуй нась, сиротъ своіхъ, вели, государь, члобитьше наше явку записать. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

¹⁾ Черезъ „і“ въ данномъ документе передаемъ—въ отличие отъ другихъ начертаний, встречающихся въ немъ же, часто повторяющийся знакъ, какъ съ точкою надъ нимъ такъ и безъ нее, пишущійся въ строку или надъ строкой.

Царю, государю і великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси бьетъ челомъ и являеть сирота твои государевъ, Галитцкого уѣзда, Шейбальской волости. Матвѣя Михайловича Волжинсково старостишко Гришка Федоровъ і во всѣхъ крестьянъ мѣсто Матвѣя Михайловича тое жъ Шейбальской волости Якова Прокоѳьевича Савелова на старосту на Прокоѳья Иванова да Степана Лукьянновича Хрущева на старосту на Осипа Петрова и на всѣхъ крестьянъ тѣхъ дву помѣстей. В нынешнемъ, государь, во 151-мъ году августа въ 9 день приѣзжали тотъ Прокоѳей да Осипъ государя нашего Матвѣя Михайловича на царское жалованье, а на ево помѣстную землю в деревню Плоское со многими крестьянами и (?) с незнаемыми людми, да с ними жъ приѣзжалъ галичанинъ Вasilей Григорьевъ сынъ Токаревской (?), государя нашего крестьянъ перебили и переграбили, и деревни (?) Плоскова рожь пожали і свозили къ собѣ в деревню Бораново, и крестьянина государя нашего Матвѣя Михайловича Сенку Григорьева из лука пострелили, и ныне тотъ Сенка лежытъ во сельцѣ, живота невѣдомо, будетъ живъ или нѣть; а которые у насть, сиротъ, Яковлевы крестьянѣ и Степана Лукьянновича на томъ бою поимали, и тѣмъ животомъ будетъ от государя нашего исковая челобитная и росспись. Милосердый государь, царь і велики князь Михайло Федоровичъ всеа Русии, пожалуй; государь, насть, сиротъ своихъ, вели, государь, явку и челобитье наше принять и записать. Царь, государь, смилуйся пожалуй.

Да тѣ жъ Степана Лукьянновича крестьяне деревни Тчаникова государя нашего помѣстную землю отгораживають къ собѣ (?) въ поле за иконной розсходъ.

На обороте: Дана явка соцкому Сергею Устинову, да Воскресенському попу Олександру, да Пречистые Богородицы Пайсейна монастыря Никольскому попу Ондрею в Раменье.

77.

Царю, государю і великому князю Алексію Михайловичу і всеа Руси бьетъ челомъ холспъ твой Матюшка Волженской. Жалоба, государь, мнѣ на Троєимовыхъ крестьянъ Хрущова Шейбальские волости, деревни Тчаникова на Сергѣя Ульянова да на Ивана Наумова с товарыщи. Завладѣли у меня, холопа твоего, твоимъ царѣскимъ жалованьемъ, а моего помѣстяца въ Шейбальской волости, починка Плоскова, за писцовы межи, за иконной розходъ землею, и лѣсомъ, и дертьми, и сennыми покосы къ своей деревне Тчаникову, и писцовы межи и грани поськли, и ямы заровняли, и огородъ старинной пожгли и поськъли: Милосердыи государь, царь і великии князь Алексій Михайловичъ і всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, въ той землѣ дать свой царѣской судъ и управу? Царь, государь, смилийся, пожалуй.

78.

Заприставить мнѣ, Матею Волженскому, деревни Чаникова въ земленомъ дѣле Данку Васильева, да Илеинку Степанова, да Сергико (зач: Степа) Ульяновъ новъ.

79.

Царю, государю і великому князю Алексію Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой взямятинъ Матюшка Михайловъ сынъ Волжинской. Жалоба, государь, мнѣ Галицкого уѣзу Шейбальские волости на Троєимовыхъ крестьянъ Хрущева деревни Тчаникова на Петра Ареѣвъ: завладѣль тотъ Гѣтръ твоего царѣского жалованья, а моей земли починка Плоскова, перелѣзчи за межу писцову и за иконной розходъ, и владѣеть онъ насильствомъ тою мою землею с прошлово 147-го году да по нынешней по 166-й годъ, а завладѣль онъ моей земли з десятину, пашни пашетъ полдесятины, а другую сѣно коситъ полдесятины по десяти копенъ; да тотъ же Гѣтръ въ нынешнемъ во 166-мъ году приходилъ на мою же землю и хотѣлъ отнять у робятъ

моихъ лошади мои, и за робятишкомъ моимъ за Купряшкою с ножемъ гонялся, и на крестьянина моего на Сенку Григорьева ножемъ похвалялся; да Троѳимовы же, государь, крестьяня Дружина Спиридоновъ с товарыщи приходили под ревнишко мое с луками и с топорками, и за робяты моими гонилися, и меня, холопа твоего, бралии всякою неподобною бранью. Милосердый государь, царь і великий князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мнѣ на него, Петра, с товарыщи его в томъ дать свой царськой судъ и управу во владѣнье, а безчестью моему что ты, государь, укажешь. Царь, государь, смилиуся, пожалуй.

На обороте 2 раза: чelobitnaya vcherne.

80.

Царю, государю і великому князю Алексѣю Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу, бьетъ чelомъ холопъ твой вязмятинъ Матюшка Михайловъ сынъ Волжинской. Жалоба, государь, мнѣ Галицкого уѣзду. Шеибальские волости на Троѳимовыхъ крестьянь Хрушева на Петра Ареевьева сына: завладѣль тотъ Петъ твсего царського жалованья, а моей земли починка Плоскова, перелѣзчи за межу писцову и за иконной расходъ, и владѣеть онъ насильствомъ тою мою землею с прошлого 147-го году да по нынешней 167-й годъ, а завладѣль онъ моей земли з десятину, пашни пашетъ полдесятины, а другую полдесятины съно косить по десяти копенъ: да в прошломъ, государь, во 166-мъ году тотъ же Петъ приходилъ на мою же землю и хотѣль отнять у робяты моихъ лошади мои, и за Купряшкою моимъ с ножемъ гонялся, и на крестьянина моего на Сенку Григорьева ножемъ похвалялся. Милосердій государь, царь і великий князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мнѣ на того Петра въ его насильстве во владѣнье тої моей земли дать свой царськой судъ и управу, а владѣнью, государь, той моей земль что ты, государь, укажешь. Царь, государь, смилиуся пожалуй.

На обороте: чelobitnaya vcherne.

81.

Приходили Трооимовские жены крестьяня Хрущева
Дружинка Спиридоновъ с товарищи, да снять рожь и
съно косил (замарана неясная надстрочная буква)
тое жъ вдовы крестьянинъ Петрунка Андреевъ.

82.

Царю, государю і великому князю Алексію Михайловичу, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росії самодержцу, бѣтъ чечеломъ, извещаетъ сирота князь Петра Аѳанасьевича Гогарина крестьянинъ ево староста Ѣетка Яковлевъ и со крестьяны Галитского уѣзду, Шебальской волости на вязметина Матея Михайлова сына Волжинского и сына ево Никиюра Матея Матвѣева усадьбы деревни Плоскова в такомъ дѣле, что сошлася с нимъ, Матвѣемъ, государя моего (вотчинная пахотная земля, изгорода межъ землями у насъ поставледена, и по той изгороде былъ иконной розходъ, ямы и грани, и сверхъ тово государевы писсовые книги; и онъ. Матвѣй, с сыномъ своимъ на ту изгороду лѣсь навалилъ и грани пожегъ, изгороду розориль и ямы заоралъ своимъ насильствомъ; иконной розходъ почель ни во что, и грани и ямы ставить ни во что, и сена у насъ и граней иззъ за ямъ увозить, и государя моего крестьянъ на нашей питоманной землѣ побиваетъ смертнымъ убивствомъ, косы и топоры отнимаетъ, и скотъ нашъ на своеи поле побиваетъ, и впредъ тѣмъ же худомъ на насъ хвалится. Милосерды государь, царь и великий князь Алексіи Михайловичъ, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росії самодержецъ, пожалу меня, сироту вели, государь, чelобитъ мое принять и записать. Царь государь, смилиуся.

На обороте: 175-го ду июля 24 день пода явка.

(есть дублет; для последнего разночтения указываются под строкой).

Царю, государю і великому князу Алексію Михайловичу, всея Великия¹⁾ и Малыя и Бѣлыя Росії самодержцу²⁾, бьетъ челомъ, извещаетъ холопъ твой, вязмитинъ Матюшка Михайлова сынъ Волжинской князь Петра Оенонасьева сына Гогарина на крестьянъ³⁾ ево на Петра Ареевъева с товарищи ево⁴⁾: и тотъ⁵⁾, за иконной розходъ, за ямы и за грань перещетцы⁶⁾ насильство⁷⁾ своимъ, сена у меня повозили, и у крестьянишкъ⁸⁾ моихъ у Сенки Григорьевъ сена повозили, и дочерь ево Сенкину Авдонку билий⁹⁾, и лошедь отняли нынѣшнаго 176-го году¹⁰⁾; да с тѣми же княжими¹¹⁾ крестьянины¹²⁾ судъ былъ в тѣхъ¹³⁾ межахъ перед Клиномъ Гавриловичемъ Шиповымъ¹⁴⁾: переслѣчи¹⁵⁾ иконной розходъ, граны и ямы¹⁶⁾ пожгли¹⁷⁾, и ямы закопали¹⁸⁾, и землею мою завладили и дергами, а з суда взяли к¹⁹⁾ себѣ жъ на душу, а в другомъ поле и²⁰⁾ больши тово завладили; и в тои²¹⁾ скоре и в межахъ былъ судъ перед воеводою князь Семеномъ Савиновичемъ²²⁾ Горчаковымъ с тѣмъ Петрункою Ареевымъ, и онъ, Петрунка²³⁾, взялъ х себѣ жъ на душу²⁴⁾; искалъ своего²⁵⁾ безчестья и робятъ²⁶⁾ своихъ убийства²⁷⁾, и онъ в томъ заперлись²⁸⁾: землею де мы твоевъ²⁹⁾ не владилемъ, а тебя не бранивали³⁰⁾, и за ротами³¹⁾ носились^(?)³²⁾, а мы де землею³³⁾ твою³⁴⁾ не владилемъ, владилемъ де мы государя своего землею, и в томъ де у насъ³⁵⁾ выпись есть; и князь Семенъ допрашивалъ, есть ли де у васъ за дѣячевъ рукою выпись; и онъ сказали, есть де; и язъ, Матюшка, слался из виноватыхъ³⁶⁾ на ихъ же выпись, которая за дѣячевъ рукою; и

¹⁾ Великия ²⁾ самодержцу ³⁾ крестьянина ⁴⁾ „ево“ нет. ⁵⁾ добавлено: „Петръ с товарищи своими“ ⁶⁾ перещетцы ⁷⁾ насильствомъ ⁸⁾ крестьянишко ⁹⁾ билии ¹⁰⁾ слов: „нынѣшнаго 176-го году“ нет. ¹¹⁾ княжими ¹²⁾ крестьяны ¹³⁾ тѣхъ же ¹⁴⁾ Шиповыми ¹⁵⁾ переслѣчи ¹⁶⁾ слов „и ямы“ нет ¹⁷⁾ пожгли ¹⁸⁾ закопали ¹⁹⁾ х ²⁰⁾ „и“ нет ²¹⁾ tol. ²²⁾ Савиновичемъ ²³⁾ Петруха ²⁴⁾ взялъ себѣ на душу (без титла) ²⁵⁾ своею ²⁶⁾ ребять ²⁷⁾ убийства ²⁸⁾ запирались ²⁹⁾ землею твою ³⁰⁾ бранили ³¹⁾ робатами ³²⁾ не хонялись ³³⁾ землею. ³⁴⁾ твою землею ³⁵⁾ добавлено: „и“ ³⁶⁾ и виневатыхъ.

в тѣ поры зашла государева служба твоя¹⁾; и нынеча²⁾. приходяты³⁾ под воришко мое человѣкъ по сороку и больши. Милосердій государь, царь і велики князь Алексѣи Михаловичъ, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцъ, пожалуи меня, холопа своего, вели, государь, челобитье мое и явку принять и записать⁴⁾. Царь, государь, смилиуся, пожалуи.

84.

Царю, государю і великому князю Алексѣю Михаловичу, всея Великия и Малыя і Бѣлыя Роси самодержцу, биетъ челомъ і являеть холопъ твои Матушка Михалсвъ сынъ Волжинской вязметинъ на князь Петровыхъ крестьянъ Оенонасьева сына Гагарина дерев Чанникова, деревни Мулина і Вепрева, на крестьянъ ево на Петрунку Ореевъева, да на Оску Петроа, да на Онизка Сосоновъ, да на Ѣедку Яковлева, да на Ярунъку Родионова сына с таварищи со многими людми; приходили онъ в нынешнемъ во 178-мъ году мѣсяца майя 28 дн с топорами своимъ насильстомъ и озорничествомъ на мою землю, лѣсъ, сѣн і пашню, і траву помяли, і землю мою і землю мою отгордили за иконой рссходъ въ свое поле; да приходили тѣ же крестьяня мѣсяца майя 30 дн собраниемъ с луками і с рогатинами подъ мою деревнишко, і крестьянина оу меня Петрунъку Марькава били на смерть, а не на животъ, да и предъ хвалятъся своимъ бездѣльемъ и ношною порою подходятъ под деревнишко мое, а не вѣдаю, что оу нихъ вымышлено, і похваляются на ккрестьянъ і на людышекъ моихъ оубистомъ и въсякимъ воростомъ; і язъ, государь, от ихъ воросва и насильства в конецъ погибъ. Милосердій государь, царь і вели князь Алѣксѣй Михаловичъ, всея Великия і Малыя і Бѣлыя Росии самодержецъ, пожалуи, государь, меня, холопа своего, вели, государь, мое челобитье и явку принять і подписать, чтобы челобитье и явка вѣдомо было. Смилиуся, государь, пожалуи.

¹⁾ твоя государёва служба ²⁾ в нын(ѣ)шнюю годъ ³⁾ пригодяты ⁴⁾ подписать.

Другие документы, относящиеся к тяжебным делам.

85.

Стряпчева Якова Артемьевы сына Михнева старосты Ивана Степановъ, крестьяне Павелъ Игнатьевъ, Яковъ Провоторховъ, Иванъ Ларивонъ въ, Иванъ Шестаковъ, Гаврило Семеновъ, Яковъ Анеймовъ, Иванъ Семеновъ, Степанъ Симановъ, Яковъ Алексеевъ, Евъсъ (замарана неясная буква) вей Меншиковъ, Семенъ Ларивоновъ, Григорей Ивановъ, Иванъ Петровъ, Аломпей Шестаковъ, Левонтей Яковлевъ, Михѣй Семеновъ, Микиоръ Григорьевъ, Семенъ Аѳанасьевъ, Титъ Михѣевъ, Василий Яковлевъ, Неупокой Ларионовъ, Гаврило Шумиловъ, Аврамъ Яковлевъ, Филиппъ Федосьевъ, Вавилъ Аносовъ, Грекоѳей Михайловъ, Овдокимъ Яковлевъ, Данило Федосьевъ, Павелъ Ивановъ, Савелей Патаумовъ, Василий Сергѣевъ, Яковъ Андрѣевъ, Кондратей Русиновъ, Филиппъ Ивановъ, Третьякъ Еорѣмовъ, Иванъ Шестаковъ, Кондратъ Феѳиловъ, Михайло Еорѣмовъ, Иванъ Семеновъ, Триѳанъ Третьяковъ, Андрѣй Замятнинъ, Фатѣй Марковъ, Андрѣй Поликарповъ, Тимоѳѣи Поликарповъ, Фроль Мѣрковъ, Федоръ Минѣевъ, Шестакъ Григорьевъ, Козма Фадѣевъ, Феѳанъ Фроловъ, Иванъ Андрѣевъ, Гаврило Дементьевъ, Ларионъ Фроловъ, Костентинъ Ивановъ, Михайло Семеновъ, Тимоѳѣй Петровъ, Григорѣй Ивановъ да і всѣ крестья сказали въ обыску: да пожалуй, государь мой Семенъ Григорьевичъ, напиши и скаску против поповы и нашей для ради мирской ссоры, чтобъ мнѣ было не ссороно.

86.

Царю, государю і великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великие и Малые и Бѣлые Росии самодержцу, бьетъ чоломъ холопъ твой взямятинъ Матюшка Михайловъ сынъ Волженской. Жалоба мнѣ, холопу твоему, Галицкого уезду, Шеибальские волости на Дмитреевыхъ крестьянъ Булгакова на старосту на Логина Аврамьевы да на Третьяка Павлова съ товарищи въ томъ, что, государь, диялось въ (испр. изъ: про) нынешнемъ во 166-мъ году октября въ 16 днѣ: ъздилъ твоево государева жалованья помѣстенца моего тое же Шеибальские волости

крестьяницеъ мой Гришка Федоровъ з детьми с Акипсимкомъ, за з Давыткомъ, да с Ывашкомъ, да с Ортюшкою, да с Мишкою, да с (испр. из Мотькою) Мокѣйкомъ (?) да з Демкою (испр. из: да с) на починокъ на Павловово (?) занище для дровъ и для лыченокъ; и тотъ Дмитреевъ староста Логинъ Аврамьевъ да крестьяня Третьякъ Павловъ с товарищи, выshedъ на дсрогу, и того крестьянина моего Гришку и детей ево Акипсимка да Давытка з братьею перебили на смерть, и переграбили, и лошадей перебили, и от того ихъ убийства умерли два мерины, а цена тѣмъ крестьянскимъ лошадемъ шесть рублей, да грабежемъ взяли с того моего крестьянинца с Гришки и с детей ево, кои в сей челобитной имяны писаны, сняли с нихъ

(на-отдельном столбце)

Шлюся, 'государь, какъ крестьянишка мой Гришка Федоровъ з детьми на починокъ Павловъ, и ъздиль для ради дровъ и лыкъ, вестимо, государь, Григорьевымъ крестьяномъ Иванова сына Буторлина Исаку (испр. из: вести) Максимову деревни Княжева, да Созону Максимову тое же деревни Княжева, Третьяку Тиханову, да Никону Третьякову, да Самсону Савельеву, да вестимо, государь, Иванову крестьянину Оголина деревни Бобнова Парену Петрову в томъ, что какъ Дмитреевъ староста Логинъ Аврамьевъ да крестьянинъ Тренка Павловъ с товарищи, выехавъ на дорогу, того крестьянинца моего Гришку и детей ево (исправлено что-то) грабили, да вестимо, государь, тое жъ Шеибальские волости помѣстя Борисовымъ крестьяномъ Дѣва сына Ржевскова Василью Васильеву сыну Щекину, да Третьяку Архипову деревни Тимонова, да Якову Герасимову, да Григорьевымъ же крестьяномъ Буторлина Дементию Титову, да Фоке Логинову, да Мелентию Терентьеву деревни Микулина, вестимо, государь, Александрову крестьянину Нащокина Осипу Васильеву деревни Мызина, да шлюся, государь, из виноватыхъ тое же Шеибальские волости на отца ихъ духовнаго на Воскресенскова св(я)щенника на попа на Триенона в томъ, что тотъ св(я)щенникъ тѣхъ моихъ крестьянъ грабленыхъ видель, извѣтъ о нихъ слышалъ.

87.

Царю, государю і великому князю Алексѣю Михайловичю, всеа Великия і Малыя и Бѣлыя Росії самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой вязмитинъ Матюшка Михайловъ сынъ Волженской. В нынѣшнемъ, государь, во 166-мъ году декабря въ 12 день ималъ твою государеву грамоту Дмитрей Булгаковъ по крестьянишекъ моихъ Гарилицкого уѣзду, деревни Климовой по Ѣедку Васильева да по Оленику Семенова с товарыши в ыску в трицати в пяти рублехъ, и тѣ крестьянишка мои даны на поруку стать имъ на Москвѣ на зборное воскресене в судномъ Володимирскомъ приказе к ответу; и я холопъ твоі, вмѣсто крестьянишекъ своихъ на срокъ к ответу сталъ на Москвѣ, и чelobitъе (конец слова исправлен) мое и ставка в судномъ Володимерскомъ приказе записано, а онъ, Дмитрей, на мнѣ, холопе твоемъ, не ищетъ; а намъ, холопемъ твоимъ, сказана твоя государева служба. Милюсердый государь, царь і велики князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великия і Малыя и Бѣлыя Росії самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, для своей государевы службы, вели государь, мнѣ в томъ с нимъ, Дмитриемъ Булгаковымъ, отсрочить, покамѣста твоя государева служба минетца, чтобъ мнѣ, холопу твоему, от ево Дмитриевы напрасной волокиты в конецъ не погинуть и твоей бы государевы службы не отбыть, и крестьянишкомъ моимъ от нево врознь не розбрестись. Царь, государь, смилиуся, пожалуи.

88.

Царю, государю і великому князю Алексѣю Михайловичю, всеа Великиа и Малыа и Бѣлыа Росії самодержцу, бьютъ челомъ холопи твои вязмиchi Ѣедка Сергеевъ сынъ Скобѣльцынъ да Матюшка Михайлова сынъ Волъжинской. В нынешнемъ, государь, во 168-мъ году сентября въ 4 день билъ чезомъ тебѣ, великому государю, я, холопъ твой Ѣедка, на него, Матеѧ, в томъ, ч то учинилась у меня, Ѣедора, с нимъ, Матеѧемъ,ссора в походе в мѣстечке Лоеве, и на той ссоре онъ, Матеѧй, покололъ меня, Ѣедку, ножемъ; и мы, поговоря меж себя полюбовно, в той

ссоре помирилися. Милосердый государь, царь і великии князь Алексѣи Михайловичъ, всеа Великии и Малыя и Бѣлыя Росии самодержецъ, пожалуй нась, холопей своихъ, вели, государь, наше челобитье и миръ записать. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте: К сей мирии чelobитной ѡетка Скобельцинъ руку приложилъ. К сей мирии чelobитной Левка Озеровъ в Матюшкина место Волжинского по его веленю руку приложилъ.

89.

Царю, государю і великому князю Алексѣю Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу, бѣть чelомъ и являетъ холопъ твой вязмятинъ Мат....¹⁾ Михайловъ сынъ Волжинской вотчины Успени.... Пречистые Богородицы Паисина монастыря на стро. . . .

ля старца Боголѣпа з братьею. В нынешнемъ, государь, во 170-мъ году июня въ 15 день приезжалъ онъ, строитель ст. . . рецъ Боголѣпъ, з братьею въ монастырскую свою вот. . . .ну, в Поломскую волость, в деревню Раменье, и приѣха.... онъ, строитель старецъ Боголѣпъ, выслалъ вотчинныхъ своихъ монастырскихъ крестьянъ тое жъ Поломской волост.... деревни Раменья Ярунку Лукоянова да Тимка (?) Обрамова, (испр. из „Іашка“) Степашка Денисова съ т...варыщи в помѣсную мою, холопа тв....ево, (зач: деревнишко) в починокъ Плоское; прѣшедъ тъ ево м. ские крестьяня по ево строителеву науч. крестьянишекъ моихъ ѡектистка (испр. из „Ѳехтиста“) Троѳимова, да Якимка Крусанова (?), д... Іашка ѡедотова, да Демку (?) Апиксе. . . ва. (?). Артюшку Григорьева, Кирюшку ѡилильева с товарыши перебили 12 человѣкъ на смерть, а не на ж....вотъ и битыхъ моихъ крестьянишекъ погра. , а грабежемъ с нихъ сняли двенатца. . . . топоровъ, да двенатцать кавтановъ свитн. . . . , да двенатцать шапокъ, да двенадцати . . . кавицы, да 12 крестовъ серебряныхъ (зач: и кресты с нихъ сорвали), и 12 рубашенъ (конеч-

¹⁾ Край столбца поврежден, и некоторые буквы оторваны.

ное ъ испр. из а) мускихъ с нихъ сняли, і деревнишка мой хот. . . . разорить, да и впредь онъ, строитель старецъ . . . лѣпъ, з братъю и со крестьяны хвалитца на меня, холопа твоево, и на людышекъ моихъ, и на крестьянишекъ всякими лихими дѣлы, и тѣмъ же боемъ, и грабежемъ, и подметомъ, и пожегомъ, и смертнымъ убивствомъ, а н... сколько, государь, тѣ ево монастырьскіе крестьян... с тѣхъ моихъ, холопа твоево, битыхъ крестья. . . шекъ грабежемъ (зач: грабежемъ, испр: сняли (?)) платья (?), и топоровъ, и рук. . . вицъ, и шапокъ, и крестовъ серебряныхъ, и рубашекъ) сняли, и то тебѣ, великому государю, (слово не разобрано) в ысковой члобитной. (Ми¹), пожалуй меня, холопа своеvo, вели, государь, члобить мое ику записать. Царь, государь, смилийся.

90.

Списокъ з государевы грамоты слово в слово. От царя і великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержца, въ Галичъ воеводе нашему Сергею Васильевичю Маркову. В прошломъ во 170-мъ году августа въ день послана къ тебѣ наша великого государя грамота—велено тебѣ послать ково пригожъ в Галицкой уездѣ в Никольской приходѣ Баstryгина в Бгданово²) помѣстье Коротнева, в князь Семеново помѣстье Вяземъского, в Митроѳаново помѣстье Моклокова, в Сергеево помѣстье Микулина, въ Емельяново помѣстье Спешнева, да въ Нѣжскую і въ Калѣкинскую волости в Воскресенской приходѣ, да в Воскресенской же приходѣ Шейболъские волости против общей ссылки вязмѣтина Матѣея Волженского и Паисѣя монастыря старца Гурья в приезде, і в безчестье, і в бою крестьянскомъ, і в свозномъ сѣне сыскать повальнымъ обыскомъ и распрашивать поповъ і всякихъ чиновъ людей порозь, а сыскавъ велено отписать и обыски прислатъ к Москве в монастырьской приказъ. И ты о томъ къ намъ, великому государю, не писывалъ, и обыскныхъ речей не присыпалъ, исцу и

¹⁾ Сокращение царского титула.

²⁾ Без титла над началом слова.

ответчику мешкоту, и прость, і волокиту чиниш для своей корысти. И какъ к тебѣ ся наша великаго государя грамота придетъ, і ты бъ по прежней и по сей нашимъ великого государя грамотамъ обыски приспаль къ Москвѣ тотчасъ да о томъ к намъ, великому государю, отписалъ і отписку и обыски велель подать в монастырьскомъ приказе окольничему нашему Ивану Большому Федоровичю Стрешневу да дьякомъ нашимъ Ондрѣяну Ерохову да Филипу Орѣтмѣеву; а будетъ обысковъ вскоре не пришлешь, и мы, великий государь, укажемъ послать нарочно пристава іс прогоновъ.

Писанъ на Москвѣ лѣта 7171 году декабря въ 30 день. А у подлинной государевой грамоты помѣта дьяка Филипа Арѣтмѣева. Писалъ Савка Емельяновъ.

91.

Судное дѣло зачалось во 170-мъ году генваря въ 29 день, а вершилось в нынешнемъ во 171-мъ году марта въ 30 день, и с того числа доведетца истцу проести проѣсти і волокиты против государева указу по гривне на день 42 рубли 26 алтынъ 4 де.

92.

Царю, государю і великому князю Алексѣю Михайловичю, всеа Великия и Малая и Бѣлыя (зач: и Бѣлыя) Росії самодержьцу, бьетъ челомъ и являеть холопъ твои вязметинъ Матюшка Михайлова сынъ Волженской на ведомыхъ воровъ Галецкаго уезду, Поломъские волости, Успения Пречистыя Богородицы Пайсейна монастыря на водчинаго крестьянина на Макѣсима Степанова починка Истомина да Шеибальские волости і на Григорьевъ крестьянина Иванова сына Бутурлина на Панкрата Сергеева починъка Кожина с таварищи. Въ прошломъ, государь, во сто семъдесятъ второмъ году енъваря против девятаго на десеть числа вночи и приежжали ко мѣнѣ, холопу твоему, розбоемъ они, Максимъ Степановъ с таварищи і с незнаемыми розбойниками, и тотъ Григорьевъ крестьянинъ Бутурлина Панкратъ Сергеевъ быль у

тѣхъ разбойниковъ въ вожахъ, и я, холопъ твой, на томъ розбое у себя въ домишку узналъ ихъ, ево, Максима, да Панкрата, а приезжали они, государь, меня, холопа твоего, розбивать и грабить и розбивая учили меня, холопа твоего, саблями и топорками сечь, и отсекли мнѣ, холопу твоему, правую руку, и прострелили женишко мое, и детишекъ, и людишекъ, и крестьянишекъ моихъ били, а что, государь, они, тотъ Максимъ да Панкратъ съ таварыщи і съ незнаемыми разбойниками, у меня, холопа твоего, денегъ, и платья, и лошадей, и всякой домашнѣй посуды, и серебряной кузни разбоемъ взяли, и седель, сабля оправъная, и ледунка оправная, да пищаль оправъная, а у седла гвоздье позолоченое, и узды нарядные, и всякой служивые рухъляди на шессотъ на двадцать на пять рублевъ; да они же, государь, те разбойники, рядные записи въ двусотъ рубрубляхъ и во сте рубляхъ, и кабалы, и ямъские, и стрелетцкие, і полонянничные твои, великаго государя, платежные всякие отписи, и всякие крепости побрали. Милосердныи государь, царь і великий князь Алексѣи - Михайловичъ, всеа Великия и Малая и Бѣлыя Росии самодержецъ, пожалуй меня, холопа своеvo, вели, государь, досмотрить на мне, холопе твоемъ, ранъ и досмотря, государь, вели чelобитъ мое и явъку записать. Царь, государь, смилиуся пожалуи.

93.

Царю, государю і великому князю Алексѣю Михайловичю, всеа Великия і Малая і Бѣлыя Росии самодержцу, бѣть чelомъ холопъ твой жилецъ, драгунскаго строю порутчикъ Яганова полку Гевеша Энговена крымской полонянникъ Никиѳорко 'Матеѣвъ сынъ Волжинской. Былъ я, холопъ твой, на твоей государеве службѣ под Ригою съ приходу и до отпуску, да былъ я, холопъ твой, на твоей государеве службѣ з бояриномъ і воеводою со княземъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ под Вильнею на бою противо гетмана Гонсевского, да былъ я, холопъ твой, въ полку боярина і воеводы Василья Борисовича Шереметева против крымскихъ людей, и на томъ бою я, холопъ твой, раненъ въ (?) отводе и ранено мѣ-

ня взяли в полонъ в Крымъ, і в Крыму животъ свой мучилъ четыре года. Да у меня жъ, холопа твоево, убитъ под Конотопомъ братъ мой роднай Лука Волжинской, а за нимъ, братомъ моимъ, твоево царъскаго жалованья помѣстяца і вотчинки не было ни единой чети. И в прошломъ, государь, во 172-мъ году зговорилъ отецъ мой Матвей Волжинской дочь свою, а мою сестру девку Анну замужъ за галеченина за Григорья Верховскаго без меня, холопа твоево, не чая меня в живыхъ, а за нею, сестрою мою, поступился зятю своему вмѣсто приданово ему, Григорью Верховскому, деревню Незятеvu, да жеребей деревни Вередишиной, а в ней крестьянскихъ два двора: Панеилка Івановъ да Куска Савельевъ, да четъ пустоши Белянина; и онъ, зять мой Григорей Верховской, приписалъ в записи і в челобитье своемъ без веленъя и без дачи и бес поступки отца моево деревню Климову, а отецъ мой грамоте не умѣетъ, писали записи и руки прикладывали вмѣсто отца моево Григорьевы дядья и друзья; и по ево, государь, Григорьеву челобитью то отца моево помѣстяце за нимъ, Григорьемъ, справлено, а челобитной и скаски отецъ мой ему, Григорью, на то не давывалъ и руки прикладывать не веливалъ, и справилъ не ведомо почему; а кто, государь, к челобитной и к скаске руки прикладывалъ, и тово отецъ мой не ведаетъ. А писаль онъ, Григорей, в челобитье своемъ, бутто онъ, Григорей, твою великого государя службу служитъ давно, а онъ, Григорей, на твоей государевой службѣ нигде не бывалъ і ныне дома. А в отказной ево грамотѣ написано: велино отца моево в Галиче в съезжей избѣ воеводе Івану Готовцову допросить; и отецъ мой в Галиче не бывалъ, і в съезжей избѣ воевода не допрашивалъ (надстрочное „л“ испр. из „н“), и скаски ѿдопросныхъ речей у нево, отца моево, не имывалъ, и руки отецъ мой скаски і к допросу не прикладывалъ, і вмѣсто себя не веливалъ; а почему зять мой Григорей тое деревню Климову отказалъ, тово отецъ мой не ведаетъ—лежалъ боленъ при смерти, от разбойниковъ изсеченъ быль. А я, холопъ твой, вышедь іс полону, скитаюся меж двор, по мираю голодною смертию беспоместной и безвотчинной. Милосерды государь, царь і великиі князь Алексѣи Ми.

хайловичъ, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ, пожалуй меня, холопа своево, за мое службишка, и за кровь, и за раны, за полонное терпение и за смерть брата моево рѣдново, не вели, государь, ево Григорьеву ложному челобитью поверить і вели, государь, то выслуженое помѣстейце отца моево деревню Климову поворотить и отдать мне, холопу своему, чтобъ мнѣ, холопу твоему, скитающись меж дворъ, голодною смертию не помереть і впредь твоей царськой службы не отбыть. Царь, государь, смилийся.

94.

Се азъ, Григорей Аѳонасьевъ сынъ Верховской, что били челомъ на меня великому государю, царю і великому князю Алѣксѣю Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу, тестъ мой Матвей Михайловъ ѿнъ Волжинский и шуринъ Микиөръ Матвеевъ сынъ Волженской въ помѣсномъ приказе об очной ставкѣ, и имали по меня зазывную великого государя грамоту въ Галичъ на воеводу, и спорили у меня приданую мою деревню Климово въ Галицкомъ уезде, въ Шейбельской волости приписью, и нынѣ мы, я, Григорей, съ тестемъ своимъ и съ шуриномъ съ Микиөромъ Волжинскими въ томъ деле і въ ихъ челобитье меж собя полюбовно договорились; і впредь мнѣ, Григорью, на него, тестя своего, и шурина въ томъ делѣ великому государю о провести, и об волоките, и о своемъ Григорьеве о вснестье великому государю не бити чelомъ; а будетъ я, Григорей, учну на тестя своего и шурина великому государю о провести, и об волоките, и о своемъ Григорьеве о вснестье бити чelомъ, и на мне, Григорье, по сей записи взять ему, Матвею, и сыну ево Матвею ¹⁾ сто рублевъ денегъ. А на то послуси Ульянъ Борисьевъ да Андрей Еѳеремовъ; а запись писаль Ивановския площиади подъячей Микитка Болховитиновъ лѣта 7173-го году августа въ 23 день.

На обороте: К сей записи Григорей Аѳонасьевъ сынъ Верховской руку приложилъ. Послухъ Ульянко руку приложилъ. Послухъ Андрюшка руку приложилъ.

¹⁾ Sic.

95.

Бьютъ челомъ бгомольцы¹⁾ твои Успения Пъресь-
вятыя Богородицы Пасѣна марастыря архимаритъ Сер-
гий з братъю. В прошломъ, государь, во 178-мъ году
приведенъ въ Галичъ в Галичъ в губѣ с поличънымъ с
крадеными лошадми вотчинихъ нашихъ крестьянъ Полом-
сия влости²⁾ Сидорки Никитина с товарищи Микиоровъ
крестьянинъ Матвиева сына Волжинскова Алешка Се-
риевъ по язычно молке Андрѣевы дворовой жонки Ко-
лычова Соѣици Данилковы жены, и ево Микиоровъ кре-
стьянинъ Волженъского Олешка съ роспросу говорилъ на
ловѣка ево Микиорова на Купрѣашку Иванова. И
ныне мы, бгомольцы³⁾ твои, въпредь о томъ дѣле на
ево Микиорова крестьянина Волженъского на Олешку
Сергиева и на члвка⁴⁾ ево Купрѣашке Иванова тебѣ,
великому государю, не челобитчики и не исцы, а въ винѣ
ихъ ты, велики государь, воленъ Милосерды⁵⁾, пожалуй
насъ, бгомольцовъ воихъ, вели,(зач: челобитье) государь,
челобитье нше⁶⁾ записать і сию нашу челобитную г дѣ-
лу принять. Царь, государь, съмилуйся, пожалуй. А под-
линой челобитной на затыли рука: К сей челобитной
Успенія Пресвятая Богородицы Пасѣна манастиря
архимаритъ Сеги въмѣсто братъи руку приложилъ.

96.

Царю, государю і великому князю Алексѣю Михай-
ловичю, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росії само-
держцу, бьетъ челомъ и являетъ холопъ твой Микишка
Матвѣевъ сынъ Волжинской. Жалоба, государь, мнѣ на
крестьянина Зимы Васильева сына Волкова деревни Ве-
редишина на Якунку Семенова в томъ, что в нынѣшнемъ,
государь, во 179-мъ году апрѣля въ 23 день в Свѣтлое
Воскресение Христово у приходская церкви у Воскресе-
ния Христова за обѣднею стали звонить къ евангелию;
и тотъ мужикъ Якунка, с товарыщемъ стакавшись,
веревки у колоколовъ обрѣзалъ; и я, холопъ твой, сталъ

¹⁾ Без титла. ²⁾ Без титла. ³⁾ Без титла. ⁴⁾ Без титла. ⁵⁾ Сокращение марс-
кого титула. ⁶⁾ Без титла.

ему говорить: за что ты, мужикъ, пъние Божие останавливаешь, веревки у колоколовъ обрѣзываешь? И тотъ мужикъ Якунка учаль бранить и бесчестить меня, холопа твоего, въ церкве, и после пъния на погосте бра-ниль же и бесчестиль, и похвалялся всякимъ бездѣлнымъ умысломъ. Милосердый государь, царь і великии князь Алексѣи Михайловичъ, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, чelобитъ и явку мою принять и записать. Царь, государь, смилийся, пожалуй.

97.

Имеется дублет; для последнего разночтения указываются под строкой.

Царю, государю¹⁾ и великому князю Феодору Алексѣевичю, всеа Великия и Малыя и²⁾ Бѣлыя Росии³⁾ самодержцу⁴⁾; бьетъ чelомъ, извещаетъ жилилецъ⁵⁾, холопъ твой, Никѣшка Матвиевъ сынъ Волъжинской въ томъ, что въ нынешнемъ⁶⁾, государь, во 189-мъ году въ татейномъ⁷⁾ дѣле увезли у меня, холопа твоего, стогъ сена съ пустоши Сатиева, а следъ, куды сено везено, въ помѣстье Степана Федорова сына Волькова, а кой онъ чинъ имѣть⁸⁾, жилетцъ-ли или страпчей, тово язъ не вѣдаю. А слѣдъ пошелъ въ деревню Вередишино, и язъ⁹⁾, холопъ твой, на следъ ималъ выборныхъ соотцкого¹⁰⁾ и съ понятными, и соотцкой Емельянъ съ понятными слѣдомъ пришли въ деревню Вередишино, и ево Стѣпановы крестьяне¹¹⁾ следу сену изъ деревни не отвели; а что сено пропало, и скота сколько¹²⁾ померло, и то будетъ написано въ ысковой чelобитно¹³⁾. Милосердіи государь, царь и великий¹⁴⁾ князь Феодоръ Алексѣевичъ¹⁵⁾, всеа Великия і Малыя и Бѣлыя Росии¹⁶⁾ самодержецъ, пожалуй¹⁷⁾ меня, холопа своего, вели, государь, чelобитъ¹⁸⁾ мое принять и записать. Царь, государь, смилийся¹⁹⁾.

1) слово написано подъ титломъ такъ: „гдю” 2) і 3) Росии 4) самодержцу 5) жилилецъ 6) нынешнемъ 7) татейномъ 8) а кой онъ, чelовѣкъ, чинъ держить, имѣть 9) язъ 10) соотцкого 11) крестьяня 12) сколько скота (испр. изъ „скотины”) 13) чelобитной, 14) великии 15) Алексѣевичъ 16) Росии 17) пожалуй 18) чelобите 19) смилийся.

98.

В нынешнемъ во 193 году Микиөоръ Матъвѣевъ сынъ Волъженъской человека своего Купрюшку да крестьянина Титка Елеимова в приданое свое помѣстье в деревню Цыберино посыпалъ, ли і они, Купрюшка и крестьянинъ Титко, в Шейбальской волости в помѣстье стольника Ивана Иванова сына Мещеринова в деревню Бораново к старосте Левке Савастьянову да х крестьяномъ х Петрушке Прокоѳьеву с таварищи взошли ли, и в той деревне Борановъ у нихъ, Левки і у Петрушки, двои сутъки были ли, они, Левка и Петrushka, ево, Купрюшку, до смерти убили ли іли зарѣзали, и того убийца Купрюшку они, Левка и Петrushka, у себя в крепости три дни держали ли, про то де они не вѣдаю и ни от кого не слыхали, а за воровствомъ и за татьбой онъ, Левка и Петrushka, не ходятъ, и татиной и розбойной ружълѣдью не промышляютъ, и стану и приезду воровскимъ людямъ не дерѣжатъ, и в приводе по язычнымъ молкамъ и по лихоаннымъ обыскомъ не бывали, і никого до смерти они не убивывали, люди они добрыя—то наши в обыску и рѣчи.

99.

Списокъ великихъ государей з грамоты. От великихъ государей (спол.) в Галичъ воеводе нашему Василью Андрѣевичу Секѣрину да губнымъ старостамъ Кирилу (зач.: Васильевичу) Скудину да Василью Рылѣеву. В нынешнемъ во 196-мъ году декабря въ 2 день послана к вамъ наша великихъ государей грамота по челобитью Ивана Мещеринова, а ведено челобитье Микиөора Волъженского, іроспросные рѣчи Ивановыхъ крестьянъ, і обыски, что сыскывано про ево Ивановыхъ крестьянъ, і все подлинное дѣло за своими руками для подлинного розыску приспалъ¹⁾ к Москве тотчасъ, а Микиөора Волъженского велено сыскавъ дать на поруки з записью, а за поруками выслать к Москве жъ на срокъ, а срокъ ему учинить по нашему великихъ государей указу і

¹⁾ Sic.

Уложеню, і о томъ велено писать, а по немъ, Микиеоре, поручную запись прислать к Москве жъ. I апрѣля въ З день писаль к намъ, великимъ государемъ, ты, Василей, а в отпїске твоей написано: по нашему великихъ государей указу і по грамоте, по челобитью Ивана Мещеринова, посыпалъ ты, по Микиеора Волженского галитцкихъ росыльщиковъ, і онъ де, Микиеоръ. нашему великихъ государей указу учинился силенъ, и подлинное де дѣло из Галича из губной избы послано въ Ярославль; і прислалъ посыльныхъ людей дѣ доѣзжие памяті, а в доѣзжей памяті галитцкого росыльщика Іашка Обрядина с товарищи написано, ъздили де они в Галитцкой уѣздѣ в помѣстье Микиеора Волженскогѡ, а велено имъ при понятыхъ людехъ дать ево на поруки з записью против челобитья Ивана Мещеринова, а за поруками выслать в Галичъ, і онъ де, Микиеоръ, при понятыхъ людехъ поруки по себѣ не далъ і в Галичъ не поѣхалъ, учинился нашему великихъ государей указу силенъ; а в другой доѣзжей памяті галитцкого воротника Кирюшки Иванова написано, онъ же де, Микиеоръ, при понятыхъ людехъ нашего великихъ государей указу учинился силенъ же и людей і крестьянъ взять не даль. I ныне биль челомъ намъ, великимъ государемъ, Иванъ же Мещериновъ, в нынешнемъ де во 196-мъ году въ генварѣ мѣсце послана к вамъ наша великихъ государей грамота, а велено выслать к Москве в приказъ сыскныхъ дѣлъ за поруками Микиеора Волженского в убыткахъ крестьянъ ево Галитцкого уѣзу Шебальской волости деревни Баранова (н испр. из а) старосты Левки Савастьянова да Петрушки Прокоѳьева с товарищи во сте в пятнадцати рублехъ, что учинилъ онъ, Микиеоръ, тѣ убытки вышеписаннымъ крестьяномъ в ложномъ своемъ, поклепномъ, напрасномъ, бутто в убивственномъ (испр. из чего-то) челобитьѣ, и распросные рѣчи тѣхъ ево крестьянъ, и обски, что сыскывано про тѣхъ крестьянъ, і все подлинное дѣло прислать к Москве в приказъ сыскныхъ дѣлъ для подлинного розыску; і въ нынешнемъ же де во 196-мъ году писаль ты, Василей, к намъ, великимъ государемъ, что онъ, Микиеоръ, к Москве не поѣхалъ і поручной по себѣ записи не даль, і доѣзды тѣхъ росыльщиковъ под

тою отпискою присланы, а челобитье де ево, Микиөорово, что на крестьянъ, і роспросные тѣхъ ево крестьянъ рѣчи, і обыски, что про тѣхъ ево крестьянъ сыскывано, і все подлинное дѣло послано въ Ярославль; и намъ, великимъ государемъ, пожаловать бы ево, велѣть в Галичъ к воеводе дать нашу великихъ государей другую грамоту с/прежнего отпуску для высылки ево, Микиөора Волженского, к Москве в приказъ сыскныхъ дѣль, в томъ ево вышеписанномъ иску, а в Ярославль дать нашу великихъ государей грамоту жъ для вышеписанного дѣла с/прежнего отпуску. И какъ к вамъ ся наша великихъ государей грамота придетъ, і вы бъ по прежнему і по се-му нашему великихъ государей указу Микиөора Волженского велѣли сыскавъ дать на поруки з записью, а за поруками выслали к Москве на срокъ, а срокъ ему учнили по нашему великихъ государей указу і Уложенью, да о томъ к намъ, великимъ государемъ, писали, а отписку і по Микиөоре Волженскомъ поручную запись велѣли подать і ему. Микиөору, явитца в приказе сыскныхъ дѣль думному нашему дворянину Викуле Федоровичю Извольскому с товарыщи. Писана на Москвѣ лѣта 7196-го апрѣля въ 7 день. Припись дьяка Василья Киприянова. Справа подъячего Лариона Константина.

100.

Бьетъ челомъ холопъ твой Дмитрюшка да Лавр..шка (?) да Митка Микиөоровы дѣти, Волженские. В прошлыхъ, государь, годѣхъ украли воры из усадбы отца нашего из деревни, і клетей, і ис сенниковъ, і из онбаровъ всякое платье, і посуду, і всякой крестьянской заводъ, і из дворовъ і ис полъ лошади, і коровы, і быки, і всякую скотину; а на сколько, государь, тѣ воры у отца нашего і крестьянъ (зач. несколько букв) кражею взяли всякихъ животовъ, і скота (зач. что-то), і что (?) цена, і тому мы, холопи твои, принесемъ роспись с ценюю; і в нынешнемъ, государь, 205-мъ году приведены воры в Галичъ в губную избу Галитцкого уѣзду, Шейбольской в¹), Павла Фе-

¹) Сокращение слова „волости“.

дорова сына Головкова деревни Тиманова к²) ево Івашко Наумовъ, Веденка Политовъ (зач.: деревни), Демка Про-коєевъ с товарыщи. М³), пожалуй насъ, холопей своихъ, вели, государь, против сего нашего чelобитья тѣхъ приводныхъ людей роспросить і роспросить пытать.

На обороте другой рукой: Февраля въ 16 день.

101.

Великому государю, царю і великому князю Петру Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Бѣлля Росії самодержцу, бьетъ чelомъ холопъ твой Дъмитрюшка Ники- єоровъ сынъ Волжинской. В нынешнемъ, государь, въ 207-мъ году била чelомъ тебъ, великому государю, а в Галиче в губной избѣ і подала явочную чelобитную Семенова жена Ларионова сына Валмасова Ксѣнья Тимоє-ева дочь Черевина, а в той еѣ явочной чelобитной напи-сано, что де будто десмъ, мужа еї воровские люди розби-вали і всякие мужа еї и еї животы воровски взяли, а что чего порознь, і то писано в той еї явочной чelобит-ной; а будто ис тѣхъ воровскихъ людей на томъ разбое будто узнала меня, холопа твоего, еї, Ксѣньина дочь, Анна большая ли, іли меньшая, того я, холопъ твой, не вѣдаю. А я, холопъ твой, не воръ, і не разбойникъ, і ни за какимъ воровствомъ не хожу, человѣкъ я доброй, і в то время меня, холопа твоего, и дома не было, а ъздилъ я, холопъ твой, для ради хлѣбной нужды в Шанчуревъ, і про то у меня, холопа твоего, есть многия свидѣтели. Милосерды, велики і государь, царь і великій князь Петръ Алексеевичъ, всеа Великия и Малыя и Бѣлля Росії самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, противъ еї явочного чelобитья еї, Ксѣнью Тимоєеву дочь, сыскавъ поставить в Галиче в губной избѣ, будто из тѣхъ воровскихъ людей на томъ разбое узнала будто меня, холопа твоего, которая еї дочь, Анна большая ли, іли меньшая, і про то еї, Ксѣнью, допросить, і про которую она, Ксѣнья, дочь в допросе скажеть, і тое еї дочь

²) Сокращение слова „крестьяня“. ³) Сокращение царского титула.

вели, государь, съскавъ по тому жъ поставить в Галиче в губной избѣ і про тотъ разбой допросить, какъ она меня, холопа твоего, узнала. Великиі государь, смилийся.

На обороте: К сей чelобитной Дмитрюшка Вольженской руку приложилъ.

102.

Великому государю, царю і великому князю Петру Алексѣевичю, всеа Великия і Малыя і Бѣлыя Росії самодержцу, бьетъ чelомъ холопъ твой Микишка Матвѣевъ сынъ Волжинской. В нынешнемъ, государь, въ 207-мъ году по твоему великого государя указу і по наказной памяти приѣжалі галитцкой губной избы подъячей Данило Телешевъ да розсыльщики Івашко Лыткинъ да Івашко Метелевъ с товарыщи по сына моего Дмитрюшку в усадбу Плосково а онъ, сынишко мой Дмитрюшка; со мною, холопомъ твоимъ, живетъ в роздѣле, і в доме ево не изѣхали і взяли из домишку моего сынишка жъ моего Микитку да крестьянскую жонку Степашку безвинно, і у крестьянишекъ моихъ всякое платье і всякую рухлядь, из домишекъ ихъ побравъ, взяли и увезли с собою, а на меня, холопа твоего, і на крестьянишекъ моихъ і челобитья никакова нѣтъ. Милосердыі великиі государь, царь і великиі князь Петръ Алексѣевичъ, всеа Великия і Малыя і Бѣлыя Росії самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, ему, подъячему Данилу, і розсыльщикомъ то платье і всякую рухлядь, что они взяли у крестьянишекъ моихъ, отдать мнѣ, холопу твоему. Великиі государь, смилийся, пожалуй.

На обороте: Лаврушка Волъженско руку приложилъ. Лаврушка Волженской руку приложилъ.

Бжиею¹⁾ млотию²⁾ великий.

Крестиянинъ Стебана Іванова сына Корина Евсивей Емельяновъ с товарыщи.

¹⁾ Без титла.

²⁾ Без титла,

103.

1702-го сентября въ 28 день, по приказу капитана Дмитрея Ивановича Рагульского, дано сие писмо Никифору Матвьеву сыну Волженскому і крестьяномъ ево Лазарю Елеимову, (испр. из „Полиектову“) Полиекту Неведову, Агапиту Иванову, что они, Никифоръ Волженской і крестьяня ево Лазарь, і Полиектъ, і Агапитъ, взяты были в Галичъ на съезжей дворъ по оговору человѣка ево, Никифорова, Лаврентия Елеимова, прозвище Сурка, і они, Никифоръ Волженской (начальное В исправлено) і крестьяня ево Лазарь, и Полиектъ, и Агапитъ, в Галиче съезжого двора освобожены на росписки, і ему, Никифору Волженскому, і вышеписаннымъ ево крестьянамъ в усадбе Плоскомъ в домѣхъ своихъ жить по прежнему вольно. Дмитреi Рогульский.

Документы, разного содержания.

104.

Имяна отводнымъ людямъ: Сережка Устиновъ, Ѹедка (испр: Алексеевъ) Матвиевъ сынъ Нось, Якушка Семеновъ, Гарасимко Степановъ, Савка Устиновъ.

105.

Имена отводнымъ людемъ Степана Лукьянова сына Хрущева деревни Чанникова з деревнями, да Олександра Нащекина крестьянъ деревни Мизина, да Дмитрия Булгакова деревнi Степина з деревнями.

106.

На одной стороне:

Роспись: оставляю узду доброю у Семена у Григорьева, да сковородку бѣлую, да солонку мѣденую, да крукъ карабинной с перевезью, и всякую рухлядь мѣлкую, розходнымъ денгамъ два єёимка да два рубли 20 два ал. 4 ден.

На другой стороне:

Помѣстъного приказу подъячей Иванъ Васильевъ,
а дворъ у нево на Устритинской (?) улице у самой
Тройцы, а дьякону братъ родной Троецкому, по тому
ево сыскать.

Пятница (слова 2 не разобр.) в Боровскомъ уѣзде.

107.

Вопросить в селѣ Глазове мужика Аѳанасья, Му-
кулина пасынка, а отданы ему исполу двое телятъ с
товарыщамъ, во сте 64 году отданы, и тому семь лѣтъ.

108.

Царю, государю і великому князю Алексѣю Михай-
ловичю, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии само-
держцу, бьетъ чelомъ холопъ твой вязмитинъ Матюшка
Михайловъ сынъ да жилецъ Мишишка Матвѣевъ сынъ
Волжинские. Приволоклись мы к Москве, а с собою
привезли пять ведръ вина, а стоимъ мы в Садовникахъ
у Максима Маковѣева сына въ его (?) доме (?). Мило-
сердый государь, царь і великий князь Алексѣй Михай-
ловичъ, всеа Великия і Малыя и Бѣлыя Росии само-
держецъ, пожалуй нась, холопе своихъ, вели, государь,
челобитье наше і явку записать. Царь, государь,
смилийся.

109.

Приискать записка кабальная в людяхъ Ивана Ива-
новича Волженского в Парамошкѣ да в Матюшка со
170-го году¹⁾ да 180-го году въ кабальныхъ московскихъ.

110²⁾.

В лѣто 7092 году марта 19 день преставися благо-
верный царь і великий князь Иванъ Васильевичъ всеа

1) Цифра 70 исправлена из ясной другой, вернее всего — из а. 2) Документ
написан на другой стороне документа № 14.

Руси, и по немъ восприемлетъ скиаетъ Росийскаго государства сынъ его, благоверныи царь Феодоръ Ивановичъ всеа Руси, а други остася сынъ его благоверныи царевичъ Дмитрий Ивановичъ всеа Руси; и тако убенъ бысть царевичъ Дмитрий Ивановичъ всеа Руси в лето 7099-е мая въ 15 число. В лѣто 7106-е генваря въ 6 день преставися благоверныи царь і великии князь Феодоръ Ивановичъ всеа Руси.

И в лето 7107-е сентября въ 1 день воцарился въ Росийскоя государъство царь Борисъ Годуновъ. Преставися царь Борисъ Годуновъ 113¹) году апреля 13 день, въ суботу светыхъ жень миросицъ.

111.

Лѣта 7109 с Петрова дни і Павлова святыхъ апостоль пошли дожы великия і до осени, а с Покрова и зима стала, и с того лѣта в Росискомъ царствѣ межень стала великая при царѣ Борисе Годунове; а Борисъ Годуновъ царсвовалъ в Росинскомъ царствѣ 7 лѣтъ. При царѣ великомъ князѣ Федоре Ивановиче всея Руси царскаго колѣна Борисъ Годуновъ и при потриярхѣ Ieve четверть ржы купили в Галиче 110 году московку по сороку алтынъ, а 111 году и в полтора рубли, а на Москвѣ в три рубли черверть московскую ржы, і з гладу много людей мерло, і люди людей яли и лошадей вного сяли, и стояло межени три годы, і 112-мъ году подешевѣлъ хлѣбъ. И 113-мъ году въ Петровъ посѣ пришелъ к Москве із Литвы, назвался прерожныи царь і великии князь Дмитрий Ивановичъ всея Росиі, і сѣде на престолѣ (зач.: сѣд) царьstemъ, і царсвовалъ годъ, а на свѣтильски престолъ возведе Ігнатия потриярха гречанина. 114-мъ году лѣта о Николинѣ дни вешнемъ женился царь Московскии в Литвѣ у пана Польской земли у Юрия. Из Московскаго²) государъства князи и бояра и дворяни і все народъное множесво выбрали, излюбили на Московское государство князя Василья Ивановича Шуйскаго, і восприя скипетръ Росинскаго царсва, и царсвова царь Васелей Ивановичъ четыре годы.

¹) ріг вместо ргі. ²) Зачеркнуто над словом чѣ-то—повидимому, 1—2 надстрочные буквы.

Дополнения и поправки.

К прим. 2 на стр. 121 (стр. 8 отдельного оттиска) добавить: „Описание доку́ментов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции“ (СПБ. 1869, кн. 1, стр. 36) упоминает не Жаденский, а Жадельский стан.

К стран. 150 (стр. 37 отдельного оттиска), строки 16—21 сверху: данные по Сатееву, Плоскому и Елизаркову могли проверяться при припуске Н. М. Волженского к отцу; но по крайней мере для Вередишина сохранившиеся показания, связанные с припуском, не свидетельствуют о каких-либо изменениях в данных, относящихся к этой деревне, сравнительно с более ранними; может быть, то же справедливо и для рассматриваемых местностей, относящиеся к которым показания для времени припуска не сохранились.

К стран. 161, строки 3—7 сверху (стр. 48 отдельного оттиска): рецензия П. Н. Милюкова на известное исследование А. С. Лаппо-Данилевского, помещенная в приложении к тому 70-му „Записок Императорской Академии Наук“ (С. П. Б. 1893) в отчете о тридцать третьем присуждении наград графа Уварова (стр. 20-202), сделалась известной нам уже тогда, когда сдан был в печать после второй корректуры последний лист вступительной статьи; до тех пор мы безуспешно отыскивали эту рецензию в библиотеках Костромы, да и теперь обнаружили в библиотеке костромского музея местного края совершенно случайно. Ознакомление с этой рецензией побуждает нас исправить ошибочное утверждение, допущенное нами в вышеприведенных строках. П. Н. Милюковым выяснено, что для налогов старых и обычных и после переписных книг 1646-8 г. г. сохранено было старое сошное и четвертное обложение; очевидно, „четь с осминою и полуторым четвериком пашни“ во владениях М. М. Волженского—это старое показание дворцовых писцовых книг Вл. Племянникова, применительно к которым, по государеву повелению, собирались старые и обычные налоги с усадьбы М. М. Волженского даже и после того, как составлены были Андр. Соиним новые переписные

книги, отмечавшие в ней 17 дворов; применительно к дворовому числу взимались после переписи лишь экстренные сборы на специальные нужды и полоняничные деньги (см. Милюкова, op. cit., стр. 142—143). Таким образом выясняется, что четь с осминою и полуторым четвериком пашни и 17 дворов—результаты подсчетов различного порядка.

К стран. 165 (стр. 52 отдельного оттиска), строк. 19—21 сверху добавить: упоминание окн. С. С. Горчакове, как галичском воеводе, по распоряжению которого произведен был в Галичском уезде „отказ“ землям кн. В. П. Львова в начале 1659 г., см. также в „Историческом сборнике“ Костромского Научного Общества изучения местного края (Кострома 1917) в сообщении А. А. Ширского: „Исторические и бытовые материалы, извлеченные из дел архива Костромско-Ярославского управления З. и Г. Имуществ“ (стр. 53 „Сборника“).

К прим. 2 на стр. 166 (стр. 53 отдельного оттиска) добавить: ср. ibid, стр. 26, прим. 2: „И доложа меж собою волостеля Федора Федоровича на стану в Шангale между собою помирились в земляном деле.“

На стран. 180 (стр. 67 отдельного оттиска) к прим. 4 добавить: ср. также указания П. Н. Милюкова на неточности в суждениях А. С. Лаппо-Данилевского (Отчет о 33 присуждении наград гр. Уварова, стр. 111—117).

Стран. 186—187 (стр. 73—74 отдельного оттиска), поправка к сказанному о ямской подати: нами допущено смешение больших и малых ямских денег; те и другие упомянуты в документе № 42 Волженского собрания: платеж „в государеву казну ямских денег московским и розных городов охотником на жалованье и на прогоны“ по 98 к. с дворовой четверти—это большие ямские; поступали они, как указано в рецензии П. Н. Милюкова на работу А. С. Лаппо-Данилевского (стр. 166—167), в Ямской приказ; к этим большим Ямским деньгам относятся и челобитная галичских помещиков о взимании их применительно к дворцовым писцовым книгам Вл. Племянникова, и „память“, посланная в связи с челобитной из Поместного приказа в ямской. На ряду с большими ямскими тот же документ Волженского архива упоминает

еще платеж „ямских в Большой Приход в оклад в сорок рублей в пять денег“; очевидно, это малые ямские; они (а не большие ямские) и берутся, как видим, в Большой Приход.

На стран. 191 (стр. 78 отдельного оттиска), строки 17—18 сверху, нужно устраниить слова: „или о чети с осминою и четвериком или полуторым четвериком пашни“, а в прим. 3 к тай же странице устраниить ссылку на документы Волженского архива №№ 42, 44 и 53.

К прим. 1 на стран. 193 (стр. 80 отдельного оттиска) добавить: Необходимо также считаться с утверждением Г. А. Максимовича, что „писец ни в коем случае не указывал общего количества населения дворов, а только хозяев этих дворов“ („Очерки по истории экономического быта Вяземского уезда по писцовым книгам XVI и XVII в. в.“ Студенческий историко-этнографический кружок при императорском университете св. Владимира под руководством профессора М. В. Довнар-Запольского. Сборник статей. Выпуск VII, стр. 115). Если согласиться с этим утверждением об указании лишь хозяев дворов, то произвольность нашего расчета сделается еще очевиднее.

К стран. 201 (стр. 88 отдельного оттиска), строк. 13—15 сверху: ср. в „Исторических и бытовых материалах“ А. А. Ширского данные о расчистке починка Мундора некиим Софонкою („Исторический сборник“ Костр. Научн. О-ва, стр. 157). Интересно было бы также исследовать данные о распашке и росчистях, изданные Г. В. Юдиным в „Материалах для истории гор. Чухломы“ (т. I. Красноярск. 1902); изучение этих „Материалов“ в отношении к хозяйству, землевладению, движению населения и в др. отношениях могло бы составить предмет особой работы, дополняющей нашу и другие материалами, относящимися к первой половине XVII века.

К примечанию на стран. 214 (стр. 101 отдельного оттиска) можно было бы еще добавить указание на цитированное выше в настоящих „Дополнениях и поправках“ сообщение А. А. Ширского („Исторические и бытовые материалы“....).

Указатели к документам Волжского собрания.

(Цифры означают номера документов).

I. Указатель личных имен.

Абросимов Иван-35.		Аносов Вавил-85.
Авдокимов Клементий-17.		Ансимов Адриан-40.
Авдо́нька-83 (см. еще Овдо́нька).		Анфимов Яков-85.
Авдотья Кирилловна-см. Волженская А. К.		Анютка-63
Аврамов Логин-86.		Апиксе....в (?) Демка-89.
Акипсимко-86.		Арефьев Петр-79,80,83,84.
Александр, поп,-см.		Аристов Конан-37.
Калинников Александр.	См.	Аристов Первой-37:
Алексеев Иев.-25.	еще	Артемий, поп,-37,76.
Алексеев Павлик-см.		Артемьев Филипп-90.
Зайцов Павлик Алексеев.	Оле-	Архипов Третьяк-86:
Алексеев Парфен-25.	ксе-	Афанасий-см. Мукулин пасынок.
Алексеев Петр, поп,-35.	ев.	Афанасьев Семен-85.
Алексеев Яков-85.		Барзина Анна Григорьева-67
Алексей Михайлович, царь, -1,2,3,5,6,7,8, 9,25,26,28,31,36, 38,39,42,43,44,45, 55,59,63, 64, 68,69,77,79,80,82,83,84, 86, 87, 88,89,90,92,93,94,96,108.		Бастрыгин (?)-90.
Алексей, поп-38.		Беклемишев Афанасий-26.
Андреев Иван-85.		Беклемишев Никита-36,37,
Андреев Петрунка-81.	См. еще	65.
Андреев Сидор-20.	Онд-реев.	Белаусов Степан-25.
Андреев Яков-85.		Белехов Василий-44.
Андрей, поп,-34,76.		Бельский Андрей Юрьевич-55.
Анна Матвеевна-см. Волженская А. М.		Беляков Осип Григорьев-32.

- Борис Семенович (фамилия неизвестна), князь,-29.
Борисов Кондрашка-20.
Борисьев Ульянко-94.
Борк..... Устин-16.
Бородин Родион Сергеев-38
(возможно, он же-см.Родька).
Булгаков Дмитрий Кузь-
мич-53,86,87,105.
Бутурлин (Буторлин, Бутор-
нин) Григорий Иванович-27,
61,86,92.
Бутурлин Михаил Григорьев-
ич-53.
Бутурлин Федор Владимиров-
ич-53.
Валков Фома Данилов-7.
Валкова Марфутка Яков-
лева-7.
Валмасов Семен Ларионов
-101.
Валмасова Анна-101.
Валмасова Ксения Тимо-
феевна-см. Черевина.
Валуевские крестьяне-7.
Василий Иванович Шуй-
ский, царь,-111.
Василий, поп,-53.
Васильев Гришка-66,71.
Васильев Данил-50.
Васильев Данка-78.
Васильев Иван-106.
Васильев Кузьма-27.
Васильев Михалко-22.
Васильев Осип-86.
Васильев Порфирий-55.
Васильев Софон-42.
Васильев Трофим-58,59.
Васильев Федор-75,87.
Васильева Любка-38.
Веденеев Петр-35.
Венедиктов Степан-31.
Верховская Авдотья-33.
Верховский Антипа-33.
Верховский Григорий Афа-
насьевич-30,32,33,35,40,72,93,
94.
Верховский Филипп-33.
Власов-4.
Волженская Авдотья Кирил-
ловна-12,13,66; жена М. М.
Волженского (без имени)-92.
Волженская Авдотья (жена
Никиты Волженского)-35.
Волженская Анна Матве-
евна-13,40,93.
Волженский Александр Ива-
нович-10.
Волженский Афанасий Ни-
китич-35.
Волженский Верига Юрьев-
ев-20,22.
Волженский Гаврила Ни-
кифорович-35.
Волженский Данило-31.
Волженский Дмитрюшка-
100,101,102.
Волженский Иван Ивано-
вич-109.
Волженский Иван Ники-
тич-35.
Волженский Лаврушка-100,
102.
Волженский Лука Матве-
евич-3,56,59,93.
Волженский Матвей Ми-
хайлович-1,2,11,12,13,17,19,20
22,23,24,25,28,30,31,35(отец Н.
М. Волженского-без имени),36
38,39,40,42,43, 44,45,50,51,52,

53,56,58,59,63,64,65,66,68, 69,
70,71 (отец Н. М. Волжен-
ского-без имени), 72,75,76,77,
78,79,80,82,83,84,86,87, 88,89,
90,92,93,94,108.

Волженский Митка (веро-
ятно, Микитка)-100.

Волженский Михайло Ве-
ригин-22.

Волженский , Никита Ни-
кифорович-35,102, (вероятно,
и 100).

Волженский Никифор Мат-
веевич-5, 6, 8, 9, 18, 19, 29,
31,32,35,46,47,48,56,59, 60,71,
72,73,74,82,93,94,95,96,97, 98,
99,100,102,103,108.

Волженский Федор-5.

Волженский Федор Ники-
тич-35.

Волков Зима · Васильевич-
29,96.

Волков Панфил Василье-
вич-27,61.

Волков Парфен-23.

Волков Степан Федорович-
97.

Волков Федор Васильевич-
34.

Володин Мишка-20.

Волынский Василий-22.

Второв (Второй) Спиридон-
30,39,40,50.

Второволник (искаженное
—Второй Ильин)-22.

Вяземский Семен, князь,-90

Гаврилко-63.

Гаврилов Алексей-37.

Гаврилов Иван-55.

Гаврилов Матвей-15.

Гаврилов Офонька-62.
Гагарин Иван Петрович,
князь,-17.

Гагарин Петр Афанасьев-
ич, князь,-82,83,84.

Гансевский см. Гонсевский.
Гарасимов Яков-86.

Гарка-16.
Гиневлев Никита-15.

Гиневлева Ксения Лав-
рентьевна-15:

Гогарин-см. Гагарин.
Годунов Борис-см. Борис

Годунов.
Головков Павел Федоро-
вич-100.

Голочолов Семен Андре-
евич-42:

Голощапов Иван Владими-
рович (Ворошилов)-26.

Голощапов Мелентий Вла-
димирович (Ворошилов)-26.

Гонсевский, гетман,-6,93.
Горчаков Семен Савино-

вич, князь,-83.

Готовцев Иван-93.

Григорьев Акипсимко-см.

Акипсимко.

Григорьев Артюшка-89 (воз-
можно, также 86.)

Григорьев Давыдка-43 (воз-
можно, также-86).

Григорьев Демка-см. Демка.

Григорьев Ивашко-45 (воз-
можно, также 86).

Григорьев Ивашко-27.

Григорьев Йогин-29.

Григорьев Мишка-см. Миш-
ка.

Григорьев Мокейко-см. Мокейко.

Григорьев Никифор-85.

Григорьев Парамонко 27.

Григорьев Первушка-27.

Григорьев Прокофий-27.

Григорьев Семен-19,23,34,
53,76,79,80,83,85,106.

Григорьев Устинко-27.

Григорьев Шестак-85.

Грязново Василий Тимофеевич-50.

Губин Гришка Петров-23.

Губин Куземка Савельев-23
(вероятно; он же-40,93).

Губин-см. Савельев Федор.

Гурий, старец,-66.

Гурий, старец,-90.

Давыдко-86 .(возможно, он же-см. Григорьев Давыдка).

Данилкова жена Софьица-95

Данилов Михайло-23.

Данилов Федька-4.

Даншин Семен Гаврилов-4.

Дасадин Захарий-37.

Двоешерстов Нефедко Григорьев-23.

Дементьев Гаврило-85.

Дементьев Насон-55.

Дементьев Савка-11,23.

Дементьев Якимко-42.

Демидов Васька-27.

Демидов Никифор-50

Демка-86

Денисов Степашко-89

Дицьфон, генерал-поручик,-

10

Дмитриев Гришка-11,23

Дмитрий Иванович, царевич,-110

Дмитрий Иванович, царь,-
111

Долгов Васька-31

Долгоруков Юрий Алексеевич-6,38,93.

Дьякон Троцкий-106

Евдокимова Василиса-35

Екатерина II, императрица,-
10

Екимов Богдан-17

Елизаров Федор Кузьмич-40

Елизарьев Алексей-45

Елизарьев Карпунка-27

Елизарьев Пронька-11

Елистратов Микулка-4

Елфимов Лаврентий (Су-
рок,-103

Елфимов Лазарко-48,103

Елфимов Титко-74,98

Емельян, сотский.-97

Емельянов Дасада-37

Емельянов Евсевий-102

Емельянов Ларион-70

Емельянов Логинко-27

Емельянов Савка-90

Еремиев Демка-75

Еремиев Семен-49

Ермолин Васька-27

Ерохов Адриан-90

Есипов Воин-23

Естифеев Калина-53

Ефремов Андрей-94

Ефремов Михайло-85

Ефремов Третьяк-85

Жиляев Тимофей Дмитри-
ев-4

Жировлев Посник-25

Зайцов Алешка-68

Зайцов Павлик Алексеев-23,
61,65,67,68,69,70

- Замятнин Андрей-85
Захаров Симка (?)-4
Захарьев Клим-29
Зиновьев Иван-45
Иван Васильевич, царь,-110
Иванов Агапитко-46,103
Иванов Василий-37
Иванов Григорий-85
Иванов Григорий-85
Иванов Друпан (?)-25
Иванов Екимка-4
Иванов Захар-35
Иванов Ивашко-27
Иванов Ивашко-53
Иванов Иевко-55
Иванов Кирюшка-99
Иванов Кондрашко-34
Иванов Константин-85
Иванов Купряшка-95
Иванов Марко-63
Иванов Мартын-25
Иванов Михайло-25
Иванов Михайло-см. Михайло
Иванов Ондрюшка-4
Иванов Павел-85
Иванов Панка-44
Иванов Панфилко-40,93
Иванов Петрушка-27
Иванов Прокофий-76
Иванов Родион-25
Иванов Филипп-85
Иванова Марфа см. Марфа
Иванова Степанида-35
Иванова Ульяна-см. Ульяна
Ивашко-86 (возможно, он же-см. Григорьев Ивашко).
Ивашков сын (имени нет)-65
Ивунка (?)-61
Игнатий, патриарх,-111
Игнатьев Павел-85
Иевлев Васька-31,33,69.
Извольский Викула Федорович-99
Иоанн Алексеевич, царь,-47
56,99
Иов, патриарх,-111
Иосиф Копосов, старец,-18
Исаев Кузька-20
Исаев Матвей-25
Июдина Ирина-62
Калинников Александр, поп,-61,76
Караулов Григорий-40
Карепов Бажен-см. Корепов
Карпов Сидорка-4
Карпов Стакейко-27
Киприянов Василий-99
Киреев Захарко-20
Кирило, старец,-19
Кирилов Ипполит-55
Климентеев Иван-25
Кожухов Алексей Дмитриевич-44
Козловский Захарий-2.
Козмин Тимофей-53; см. еще Кузмин
Колтогской Алексей Перфильевич-47
Колычев Андрей-95
Кондратьев Гришка-4
Копосов Иосиф-см. Иосиф Копосов
Корепов Баженко-28,30,31, 35,39
Крепов Васька-27
Корин Степан Иванович-102
Корнилов Ивашко-20
Коробанов Михайло-25
Коробанов Семен-25

- Коротнев Богдан-90
Костентинс Фома-25
Костянтинов Кузьма-27,53
Костянтинов Ларион-99
Костянтинов Леонтий-53
Крусанов (?) Якимко-89
Кузмин Астафий-37 См.
Кузмин Васька-20 еще
Кузмин Ивашко-4 Коз-
Кузмин Сенька-20 мин.
Кузнецова Ларинская жена
-см. Васильева Любка.
Куприянов Павел-25
Купрюшка-98
Купряшка-79,80
Курцов Захарко-4
Кусынин Карпунка-42
Лаврентий Михайлович-14
Лавров Герасим-1,2,25
Ларинская жена Кузнецо-
ва-см. Васильева Любка
Ларинская жена Салома-
нидка-24
Ларивонов Иван-85
Ларивонов Константин-25
Ларивонов Савелий-25
Ларивонов Семен-85
Ларионов Галактион-64
Ларионов Иван Василье-
вич-45
Ларионов Ивашко-4
Ларионов Неупокой-85
Ларионов Федор-49
Левонтиев Алексей-37,65
Леонтьев Алипий Семе-
нов-58
Ливонов Федька-20
Логинов Фока 86
Лукерьица-64
Лукоянов Естюшка-27
- Лукоянов Ярунка-89
Лыткин Ивашко-102
Львов Алексей Михайло-
вич, князь,-61
Лынгов (вероятно, Лыков)
Федор Иванович, князь,-67
Любавка-см. Селиванова
Любавка
Мавра Михайловна-14
Макаров Иван-35
Макарьев Иван-27,53
Макарьев Тит-53
Маковеев Максим-108
Максимов Исак-86
Максимов Созон-} см. еще
86 } Максимов
Мамантов (Мамонтов) Оно-
фрейко-27,29
Марков Гаврилко-см Гаврилко
Марков Петрунка-84 (воз-
можн., он же-63)
Марков Разуря (?)-15
Марков Сергей Васильевич-
59,90
Марков Титко-59,63
Марков Фатей-85
Марков Фрол-85
Маркова Соломанидка-см.
Соломанидка
Мартьянов Титко-12,13
Марфа-35
Марфа Ивановна, инокиня-2136
Матвеев Са-
велий-25
Матвеев
Федька-27 } (см. еще
Матвеев (Матфеев)
Федор-37,104 (мо-
жет быть, однолично
с предыдущим) } Матвеев)

- Матюшка-109
Медведиха-14
Медведь-14
Мелентьев Войн-69
Мелегий, старец,-71,72
Меншиков Евсевий-85
Метелев Ивашко-102
Мещеринов Иван Иванович-98,99
Мещерский Никифор, князь,-36
Микешин Алексей-10
Микитин Да-
нилко-20
Микитин Мат-
вей-25 } см. еще Ни-
китин
Микитин Он-
томонко-23
Микитин Сенька-см. Ни-
китин
Микифоров Игнатий-37
Микулин Петр Митрофано-
вич-27,59.
Микулин Сергей-90
Минеев Федор-85
Митрованов Лукоян-67
Михаил Федорович, царь,-
22,50,51,62,75,76
Михайлс-35
Михайлов Герасим-25
Михайлов Прокофий-85
Михайлов Сидорко-27
Михеев Андрей Яковлевич-
35
Михеев Тит-85
Михнев Артемий Ермолаевич-61
Михнев Иван Артемьевич-29
- Михнев Яков Артемьевич-
85
Мишса-86
Мнишек Юрий-111
Моисеев Тро- } см. еще
фим-75 } Моеев
Мокейко-86
Моклоков Митрофан-90
Моксимов } см. еще
Петр-25 } Максимов
Мосеев Захар-
ко-20 } см. еще
Мосеев Нес-
тер-25
Мотвеев Фо- } см. еще
ма-25 } Матвеев
Мукулин пасынок Афанасий-
107
Мусин-Пушкин Никита-65
Мусин-Пушкин Юрий Ми-
хайлович-20
Надеин Сенька-56
Насонов Бажен-27
Настасьица-63
Наумов Андрей Петров-35
Наумов Елизарко-20
Наумов Иван-77
Наумов Ивашко-100
Нащекин (Нащокин) Алек-
сандр-59,86,105
Нащекин Иван-23
Нелидов Марко Клименто-
вич-61
Неплюев Давыд Никифоро-
вич-11,23
Нестеров Потапка-4
Нефедов Демка-47
Нефедов Полиект-34,103

Никитин Ан-	см. еще Микитин	Оринка-63
дрюшка-22		Ортемий, поп.-см. Артемий
Никитин Сенька-65,72		Ортемьев Филипп-см. Артемьев
Никитин Сидорка-95		Ортюшка-86 (возможно, он же-см. Григорьев Артюшка)
Никитина Дарька-63		Осипов Июдка-27
Никонов Иван-25		Осипов Сидор-25
Нифантов Филька-47		Отяев Василий Петрович-38
Новокщенов Николай-22		Офонасьев Ермола-55
Нос-см. Матвеев Федор		Офонасьев Провоторшко (?)-27
Обрамов Тимко-89		Офонасьев Филипп-25
Обрядин Ивашко-99		Офонька-65,69
Овдонька-65	см. еще Авдонька	Офросинья-67
Оголин Иван-86		Охлебинин Веленбаш Семенович-73
Озеров Левка-88		Павлик-см. Алексеев Павлик
Оксенов Ефим-25		Павлов Гаврилка-20
Оксютка-63		Павлов Гаврилко-18,19
Окулька-63		Павлов Данило-25
Олександр-см. Калинников		Павлов Исачко-20
Александр		Павлов Офонька-см. Офонька
Олексеев Недеко-27		Павлов Панкратко (Панкрушка)-см. Панкратко
Олексеев Павлик-см. Зайцов	см. еще Алексеев	Павлов Третьяк-86
Павлик Алексеев		Павлова Офросинья-см. Офросинья
Оловеников Михайло-40		Павлова Ульяна-см. Ульяна
Олферьев Марко-40		Паисий, старец-18
Ондреев Демка-27		Палаумов Савелий-85
Ондреев Иван-25.	см. еще Андреев	Палубьянин Андрюшка-20
Ондреев Никита-67		Панкратко (Панкрушка)-65,69
Ондрей, поп.-см. Андрей		Панкратов Дмитрюшка-27
Онтильев Баженко-27		Панфильев Алексей-45
Орефьев Петрунка- см. Арефьев		Парамошка-109

- Патрекеев Гурий-36,50,65
Патрекеев (Потрекеев)
Иван-38
Первой Аристов-см. Аристов Первой
Переносов Иван-50
Перфильев Алексей-25
Петелин (?) Пугил Филиппьевич-61
Петр Алексеевич, царь,-47,
48,56,99,101,102
Петров Агапий-48
Петров Агей-26
Петров Гришка-66
Петров Иван-85
Петров Иващко-20
Петров Насон-23,27,37,61
Петров Осип-17,84
Петров Осип-76
Петров Парфен-86
Петров Тимофей-85
Петров Трошка-см. Трошка
Петрунка-63 (возможно, он же-см. Марков Петрунка)
Петухов Иван-10
Племянников Владимир Семенович-36,50,51,65,68
Племянников Семен Степанович-74
Плохово Григорий Алексеевич-35
Полетчиков Ивашко-28
Поликарпов Андрей-85
Поликарпов Гриша-22
Поликарпов Тимофей-85
Политов Веденка-100
Полтев Федор-30,39,40,50,
51,68
Помаска Михайло Станиславьев-60
- Понтелеев Алфер-37
Попов Афанасий-66
Посников Григорий Васильевич-58
Посников Ратман Васильевич-58
Потрекеев Иван-см. Патрекеев
Провоторхов Яков-85
Прозоровский Петр Большой Семенович, князь,-8
Прокофьев Демка-100
Прокофьев Петрунка-98,99
Пушкин Гаврило-20
Рагульский-см. Рогульский.
Раманов Григорий-37; см. еще Романов.
Ржевский Борис Деевич-86
Ржевский Ермола Деевич-61,62
Рогульский Дмитрий Иванович-103
Родион, поп.-25
Родионов Сергей-53
Родионов Ярунка-84
Родька-24 (возможно, он же-см. Бородин).
Рокочев Аверкий-25
Рокочев Максим-25
Романов Карп-27
Романов Кондраш-
ка-20 см. еще
Романов Никита Раманов.
Иванович-2
Романов Тит-27
Ромодановский Григорий
Григорьевич, князь,-7
Рудомазин Федъка-55
Русинов Кондратий-85

- Рылеев Василий-99
Савастянов Левка-98,99
Савелов Яков Прокофьевич-
27,61,75,76
Савельев Ивашко-23
Савельев Кузька-40,93 (ве-
роятно, он же-см. Губин/Ку-
земка)
Савельев Лазарко-73
Савельев Павелко-64
Савельев Самсон-86
Савельев Федька-23,61
Савельева Марьица-63
Савин Лазарко-63
Савина Оксютка-см. Оксютка
Савина Окулька-см. Окуль-
ка
Савина Федорка-см. Фе-
дорка
Савина Федоска-см. Фе-
доска.
Салтыков Петр Михайло-
вич-59
Самылов Боголеп, старец-65
Сарафанов Исидорко-71
Свињин Иван Никитич-
58
Свињин Иван-50 (одно ли-
цо с предыдущим?).
Седухин (?) Микешка Ва-
сильев-74.
Секерин Василий Андре-
евич-99.
Селиванова Любавка-65,72.
Семенов Гаврило-85.
Семенов Данилко-20.
Семенов Иван-85.
Семенов Иван-85.
Семенов Меркушка-46.
Семенов Михайло-85.
- Семенов Михей-85.
Семенов Олфимка-87,
Семенов Яков-27,29,61,96,
104.
Семенова Авдонька-см. Ав-
донька.
Сергеев Василий-85.
Сергеев Лазарь-35.
Сергеев Панкрат-53,92.
Сергеев Полиевкт-35.
Сергиев Алешка-95.
Сергий, архимандрит.-19,
71,72,95.
Сергушка-27.
Симанов Степан-85.
Скобельцын Федор Серге-
евич-88.
Скудин Кирилл-99.
Сметана Ивашко Юрьев-23
Собакин Максим-1.
Совинский Семен Григорь-
евич-66.
Соломанидка-63.
Соломанидка-см. Ларин-
ская жена.
Сонин Андрей-59.
Сосонов Ониско-84.
Софонов Матвей-2.
Софронов Кондрашко-27.
Софьяица, Данилковажена-95
Спесивцев Никифор Деев-
维奇-23,61,75.
Спешнев Емельян-90.
Спиридонов Дружина-17,79,
81.
Старцев Федор Савельев-61
(вероятно, он же-23).
Степанидица-64.
Степанов Герасим-37.
Степанов Иван-85.

Степанов Илейка-78.
Степанов Ларион-75.
Степанов Максим-92.
Степанов Митька-20.
Степанов Тихонка-4.
Степанов Яким-75.
Степашка-102.
Страхов Калина-23.
Стрешнев Иван Большой
Федорович-90.
Стрешнев Матфей-22.
Строев Андрей-23.
Суколенов Василий Андре-
евич-64,65,68,69,71,72.
Сурок-см. Елфимов Лав-
рентий.
Сыдавнов Савва-33,45.
Тарасьев Филонко-27.
Тарбеев Григорий Василь-
евич-58.
Татев Степан Иванович,
князь,-65,67,68,69,70.
Творогов Прокофий-25.
Телешев Данило-102.
Терентьев Естюнка-46.
Терентьев Мелешка-27,86.
Терехов Якушко-20.
Тимофеев Игнатий-35.
Тимофеев Петр-25.
Тимофеев Филимонко-4.
Тирикилев Иван, князь-20.
Титко-63 (он же-см. Мар-
ков Титко).
Титов Василий Григорь-
евич-35.
Титов Демка 27,86.
Тиханов Третьяк-86.
Тихомиров Феоктист Ле-
нтьевич-65
Токарев (вероятно, он же

Токаревский) Василий Гри-
горьевич-61,76
Третьяков Никон-86.
Третьяков Трифон-85.
Трифанов Евтихейко-44.
Трифонов Мелешка-27.
Трифон, поп,-17,27,86.
Трофимов Захар-55.
Трофимов Семен-55.
Трофимов Феоктист-89.
Трошка-63.
Уланов Леонтий-56.
Ульяна (Иванова)-35.
Ульяна (Павлова)-67.
Ульянов Карпунка-27.
Ульянов Сергей-77,78.
Устинов Савва-53,104.
Устинов Сергей-37,76,104.
Устинова Офимья-17.
Ушаков Алексей Семено-
вич-43.
Фадеев Кузьма 85
Фамендин Федор Андре-
евич-3.
Фанговен (Фанговин) Яган
Гевеш (Еган Евиш)-6,93
Фатеев Евтифей Иванов-4
Федорка-63
Федорка-73
Федоров Василий-25
Федоров Григорий-11,76,86
Федоров Гришка-27
Федоров Екушко-27
Федоров Исаи-25
Федоров Ондрюшка-27
Федоров Парамошко-27
Федоров Самойло-15
Федоров Тимофей-37
Федосеев Васька-4
Федосеев Данило-85

Федосеев Фавка-27	Швартов Петр-47
Федосеев Филипп-85	Шереметев Василий Бори-
сович-9,59,93
Федоска-63	Шестаков Алипий-85.
Федотов Григорий-42	Шестаков Иван-85.
Федотов Ивашко-89	Шестаков Иван-85.
Федька-61	Шехряков Оfonька Василь-
ев-23.
Феодор Алексеевич, царь,-
9,97	Шипов Клим Гаврилович-
39,83
Феодор Иванович, царь,-
110,111	Шишкин Своитин (Своетин)
Фефилов Кондрат-85	Федосеевич-28,50
Филатов Иван Андреев-4	Шишкин Степан-28,64
Филимонов Антипка-4	Шогутъ Василий-37
Филипов Богдан-55	Шуйский Василий Ивано-
вич-см. Василий Иванович
Шуйский.
Филипов Левон-25	Шумилов Гаврило-85
Филиппьев Кирюшка-89	Щекин Василий Васильев-
86
Фролов Ларион-85	Щербатов Федор-10
Фролов Стенька-4	Юрий, пан польский,-см.
Мнишек.
Фролов Фофан-85	Юрьев Арист-67
Фторов Спиридон-см. Вто-
ров	Языков Петр-10
Хованский (Хаванский)	Яковлев Аврам-85
Иван Андреевич, князь-1,2,25	Яковлев Адриан-31,40
Хрущев Степан Лукъяно-
вич-61,75,76,105	Яковлев Василий-85
Хрущев Трофим-77,79,80	Яковлев Гришка-16
Хрущева Трофима вдова-81	Яковлев Леонтий-85
Черевина Ксения Тимо-
феевна-101	Яковлев Леонтий Романо-
вич-48
Черкасский Григорий Ива-
нович, князь,-35	Яковлев Овдоким-85
Черкасский Михаил Алегу-
кович, князь,-9	Яковлев Федор-75,82,84
Чернышев Степан-38	Яковлев Филька-4
Шаховской Федор Семено-
вич, князь,-56	Ярофеев Якунка-17

Указатель географический.

Аксаков (?) починок-20 (он же-Ансиков)	Варнавина Троицкая пустынь-66,67
Аксентьева-см. Оксентьева	Баулово-25
Андронкова-22 (вероятно же, что Ондрейкова)	Вашутино-22
Ансиков починок-22 (он же Аксаков)	Вепрево-84
Антипин починок-20,22	Вередишино-23,29,30,40,61, 93,96,97
Анцыфорово-см. Онцыфорово	Верховская волость-74
Баженово займище (Баженка Корепова займище)-27,28, 30,31,35,39	Ветлуга-61
Бараново-см. Бораново.	Вешняков починок-20
Бдоренка-20	Вильна-4,93
Безобразово-25	Волха-20,22
Белозерова-68	Волш (щ) инское верховье (починок на нем)-20,22
Белянино-23,32,40,93	Ворозна-25
Бересце (?)-49	Воротиха (?)-67
Бесконево-22	Воскресенский приход Калекинской (?) волости-90
Бессонова-20 (одно с предыдущим)	Воскресенский приход Косяковской волости-63
Биянина-см. Белянино	Воскресенский приход Шебальской волости-90; церковь- 61,96
Бобново 86	Вошново-20
Бобровица-27	Вырубово-25
Бобровка-28,31,35,39	Вяземская треть-25
Бобровки-25	Вяземский уезд-1,2,22,25, 38
Богословское-33	Вязьма-1,2,8,22,38
Болеуки-20	Галич-39,44,45,47,48,50,56, 59,64,65,68,69,71,72,90,93,94, 95,99,100,101,103,111
Большово-1	Галичский уезд-3,9,17,28, 30,31,33,35,36,39,40,42,43,44, 45,46,47,48,51,53,56,59,61,62,
Бораново-61,76,98,99	
Боровский уезд-106	
Бороздин починок-25	
Бояни-22	
Буренка-20	
Быков починок-20,22	
Быхов-59	

- 64, 71, 75, 76, 79, 80, 82, 86, 87, 90,
92, 94, 99, 100
Гашина-25
Глазово-107
Глебово-25
Головино-25
Горки-25
Горелое-см. Елизарково
Гришкино-25
Гусарево-16
Дарьино-25
Девятиново-4
Дедилов-7
Дежинка (?)-20
Динабург-5
Долгая-20, 22
Дорогобужский рубеж-22
Дорофеева пустынь-63
Другая Холмина-20, 22
Другое Дятлово-20, 22
Дубец-22
Елизарково на Горелом-27,
28, 31, 35, 39
Ерская волость-23, 42, 43, 50,
55, 73
Ерыши (Ерышино, Ерышо-
ва)-25
Жаденка-20, 22
Жаденский стан-20, 22
Жадовка-22 (та же Жаден-
ка)
Жижала-25
Жирково-2
Жуково-33
Залесье Малое-29
Замосковные города-22
Заречье-33
Золотавино-74
Ивановская площадь (в
Москве)-94
Ивановское-33
Игнатово-20, 22
Иконново-35
Истомин починок-92
Казакова-26
Калекинская волость-90
Каменка-25
Каменский стан-25
Карис....., деревня.-67
Кастеница-см. Костеница
Киев-9
Килютино-67
Киприяново-25
Климово-11, 17, 28, 30, 31, 32,
35, 36, 40, 42, 43, 44, 45, 50, 59, 87,
93, 94
Клоков починок-25
Княжево-86
Кожин починок-92
Кожино-35 (может быть,
одно с предыдущим)
Козино-20
Козма-см. Нозма
Конотоп-7, 59, 93
Корепово (Корепова Бажен-
ка) займище-см. Баженово
займище
Коростливица-22 (то же-см.
Косливца)
Коряковская волость-63
Косливца-20 (то же-см.
Коростливица).
Костеница-21
Костино-25
Кренькова-3
Кропотово-4
Крутая-25
Крым-9, 59, 93
Кузино-22
Кузьмин починок-20, 22

- Куприна-20,22
Курбин починок-20,22
Лаврово-25
Лапшанская дорога-61
Лесиное Куплище-см. Лесиное Куплище
Лесной вражек (починок на нем)-20,22
Литва-111; литовская сторона-2; литовские города-9; литовский рубеж-1,2
Лоев-88
Ломеево(Ломея)Куприна-20,22
Лосиное(Лесиное)Куплище-20,22
Лукьянцево-20,22
Луханьево-22
Максимовская-20,22
Малахово (Молахова)-20,22
Малышов починок-20
Марфенка-31,35
Марфиница-21
Марфино-25
Матюшино-22
Мешаево-25
Мешково-25
Мижулинская (Мужилинская)-20,22
Мизино-61,86,105
Микулинка (Микуленка, Микуленская) Малая-25
Микулино-86
Милгошинская (Милчошинская)-20,22
Могиз-см. Ногиз
Можайский уезд-25
Мокеев починок-65
Молахова-см. Малахово
Молоцкий стан-25
Мосеева станица-22
- Москва-22,31,35,38,40,50,53
55,71,87,90,99,108,111
Московское Государство-111
Мужилинская-см. Мижулинская
Мулино-84
Мумары-61
Мызино-см. Мизино
На Волшинском (Волщинском) верховье починок-см. Волшинское верховье
На лесном вражке починок-см. лесной вражек
На яму деревня-61
Нежская волость-90 (м. б. Нейская?)
Незятево-30,40,59,93
Нейская волость-35,61 (м. б. одно с Нежской волостью?)
Немецкие города-9
Никифорово-33
Николая Чудотворца, что на Поломе, церковь-35 (м. б. она же (центр. Никольского прихода?)
Никольская церковь с. Сежи Можайского уезда-25
Никольский приход Галичского уезда-90 (м. б. вокруг церкви Николая Чудотворца на Поломе?)
Никольское-61
Никулинская(?) четверка-49
Новоселки-20,22
Ногиз-21
Нозма-21,35
Озеренка-22
Окатово-33
Оксентьева-20,22

- Ондрейково-20,22.
Онфимово-20,22
Онцыфорова-20,22
Осоцкая (м. б. одно с Сотцкой?) -4
Павлово займище (Павлов починок)-27,28,30,39,61,86
Паисиев Успенский монастырь-18,19,21,35,64,65,71,72,76,89,90,92,95
Папино-35
Парфеньев-35,61
Парфеньевская волость-3
Парфеньевская осада-35
Гезобальская волость-35
Петелино-25
Петрушина-25
Пехлецкий стан-26
Плоское (Плосково)-12,21,23,31,35,36,46,47,48,59,61,68,71,75,76,77,79,80,82,89,102,103.
Познекова-25
Полома-35
Поломская волость-21,35,36,64,65,89,92,95
Польская земля-111
Польские города-9
Раменье-21,35,36,76,89
Рига-93.
Российское государство-110; царство-111
Рыберино-см. Цыберино
Ряжский уезд-26
Садовники-108
С-Петербург-10
Санчурск-см. Шанчурев
Сатеево (Сатиево)-31,32,35,
97
Севск-59
- Седельниково-61
Сежа, река-25
Сежа, село,-25
Сеженский стан-25
Сельцо-25
Сергеево (Сиргиево)-20,22
Сискино-25
Слукина-25
Смоленск-4,8,22
Соколова-25
Соломино-32
Сотская (м. б. одно с Осоцкой?) -4
Спасский приход в Вязьме-38
Сретенка-см. Устритинская улица
Старкино 33
Степанково-20,22
Степино-61,105
Степурино-61,62
Теплая-25
Тернино-20
Терпигорево-25
Тиманово (Тимоново)86,100
Тризнево (Трызнова)-25
Трифаново-55
Троицкая Варнавина пустынь-см. Варнавина Троицкая пустынь
Троицкая церковь-106
Трызнова-см. Тризнево.
Туровской стан-25
Тчаниково, Тшанниково-см. Чанниково.
Увозная-25
Ульятеева-20
Унежский(Унженский)уезд-74
Унжа, город,-74

Успенский Паисиев монастырь-см. Паисиев Успенский монастырь	Шебальская волость-9,17, 21,23,27,28,30,31,32,35,36,37, 39,40,42,43,44,45,46,47,48,50, 53,59,62,65,68,71,75,76,77,79, 80,82,86,90,92,94,98,99,100.
Устритинская (Сретенская, Сретенка в Москве) улица-106	Шерлаево-25
Фалеево (Фолеево)-20,22	Шерстнево-33
Холмина (Холмово)-20,22	Шклов-4
Холопов починок-25	Шунурино-33
Царевокашайский (Царевококшайский) уезд-73	Шуя, река,-23,27,28,29,30, 31,35,39,40,61.
Цыберино (Цыбериново, Рыберино)-15,41,98	Юркино-11,23,73
Чальниково-35	Якимово-64
Чанниково-17, 61, 76, 77, 78, 79,84,105	Яковлевское-33
Черкасские города-9	Якшица-23,30,31,35,40
Шанчурев, Шанчурин (Санчурск)-61,101	Ям (деревня на нем) см. Наяму
	Ярославль-99

В документах Волженского собрания упоминаются следующие начальники приказов: кн. Ю. А. Долгорукий, Ф. К. Елизаров, В. Ф. Извольский, Ив. Большой Фед. Стрешнев (см. по указателю); следующие дьяки: А. Ансимов, Ф. Артемьев, С. Венедиктов, М. Данилов, Н. Демидов, А. Ерохов, И. Зиновьев, Г. Караполов, В. Киприянев, Г. Лавров, Н. Новокщенов, И. Патрекеев, И. Переносов, А. Строев, Л. Уланов, С. Чернышев, П. Швартов, С. Шишкун, А. Яковлев (см. по указателю); следующие городовые воеводы: С. А. Голочолов, кн-С. С. Горчаков, Ив. Готовцев, В. Т. Грязново, А. П. Колтовской, И. В. Ларионов, С. В. Марков, В. П. Отяев, В. С. Охлебинин, С. С. Племянников, кн. П. С. Большой Прозоровский, В. А. Секерин, А. С. Ушаков, кн. И. А. Хованский, кн. Ф. С. Шаховской, К. Г. Шипов, Л. Р. Яковлев (см. по указателю); следующие галичские губные старости: В. Белехов, А. Д. Кожухов, В. Рылеев, И. Свинин, К. Скудин, С. Ф. Шишкун (см. по указателю); из московских приказов встречаются упоминания о следующих: адмиралтейских дел (48), Большом Приходе (42), Владимирском судном (87), Галичской чети

(42,43), денежного сбора (45), доимочном (52), монастырском (59,90), печатном (47), поместном (28,31,40,50,51,64, 94,106). Разряде (9), стрелецком (51,55), сыскных дел (38, 99), ямском (51); упомянуты военная коллегия (10), вотчинная (35), иностранных дел (10); из местных правительственные учреждений упоминаются вяземская съезжая изба (1,2), галичские губная изба (44,46,95,99,100,101,102), приказная изба (47,48), съезжая изба (33,40,43,47,56,66, 93) с двором (69, 71, 72,103), унженская приказная изба (74), парфеньевская воеводская канцелярия (35).

Очень скучны в документах Волженского собрания данные о монастырях, церквях и духовенстве при них. Из первых упомянуты лишь Успенский Паисиев монастырь, Варнавина Троицкая пустынь и Дорофеева пустынь (см. по указателю), из духовенства—Воскресенский (Галичского уезда¹) поп Александр Калинников, Егорьевский (в Вязьме) поп Алексей, Никольский (на Поломе?) поп Андрей, Фроловский (Галичского уезда²) поп Артемий, Воскресенский поп Василий, Никольский (с. Сежи Можайского уезда) поп Родион, Воскресенский поп Трифон, Никольский (на Поломе) поп Петр Алексеев (см. по указателю); без упоминания духовных лиц при них названы еще Воскресенский приход Коряковской волости (о церкви Воскресения в Коряковской волости и селе Воскресенье-Коряково упоминается в цитированной нами работе „Старинные волости и станы в Костромской стороне“, стр. 27 и 28), Спасский в Вязьме и Троицкая церковь (на Сретенке в Москве).

В качестве приложения к работе сообщаем данные о роде Волженских, почертнутые из I тома VI части дворянской родословной книги Костромской губ. (лист 272 и 271 обор.) Родословная Волженских начинается здесь с Вериги Юрьева; упоминаются его сын Михайло, сын Ми-

¹) Воскресенская, что в Помизье, церковь существует и до настоящего времени (см.-хотя бы „Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. Издание Редакции Костромских Епархиальных ведомостей, Кострома, 1911; стр. 81-82.) Не находится ли эта церковь на месте Воскресенской, упоминаемой в документах Волженского собрания?

²) Троицкая церковь с.-Шебаль (см.то же издание, стр. 82) до настоящего времени имеет придел во имя мучеников Флора и Лавра. Не указывает ли это на ее историческую связь со старинной Фроловской?

хайла Матвей, сын Матвея Никифор, сыновья Никифора Гаврило и Никита; как происходящие от Никиты, указываются Афанасий, Федор и Иван, женатый на Ульяне Ивановне Захаровой; сын Ивана Александр, женатый на Татьяне Федоровне Мацкой, имел детей Арсения, Николая, Авдотью (в замужестве за Белеховым) и девиц Катерину, Марью и Анисью. От брака коллежского асессора Арсения Александровича Волженского с Серафимой Ивановной Верховской родились дети Николай (1808), Александр (1810), Иван (1815), Арсений (1816), Василий (1819), Александр (16 янв. 1823). Коллежский асессор Василий Арсеньевич Волженский был женат два раза и имел от первого брака детей Василия (род. 2 февр. 1861 г.), Николая (род. 5 мая 1862 г.), Анну (род. 31 авг. 1866 г.) и Логина (род. 28 дек. 1867 г.); от второго брака с Марией Константиновной Толвинской у него родились дети Елизавета (6 окт. 1869 г.), Александр (3 окт. 1872 г.), Владимир (7 мая 1874 г.), Борис (26 янв. 1892 г.), Глеб (14 мар. 1895 г.); дочь Александра Васильевича Волженского-Клеопатра родилась 23 сент. 1907 г. Брат Василия Арсеньевича Волженского подпоручик Александр Арсеньевич от брака с Екатериной Петровной (фамилия не упомянута) имел детей Екатерину (род. 19 авг. 1862 г.), Петра (род. 8 февр. 1864 г., женат на Евдокии Андреевне Голятиной), Николая (род. 15 февр. 1865 г.) и Марью (род. 28 апр. 1867 г.). Каких-либо других лиц из рода Волженских на вышеуказанных страницах дворянской родословной книги Костромской губ. не отмечено. Вопреки нашему обещанию выше даем не копию с поколенной росписи Волженских, а пересказ данных об их роде, заключенных в дворянской родословной книге, в виду затруднительности печатания генеалогической таблицы с сетью разветвляющихся кружков; к тому же, она доведена в подлиннике лишь до Александра Ивановича Волженского, а далее идут записи без расположения их в таблицу.

Указатель содержания работы.

I. Общие сведения о документах Волженского собрания и роде Волженских	Стр. 114 (по оттиску- 1).
II. Материальное положение Волженских. Жизнь их, владения и служба в смоленских краях	119 (по оттиску- 6).
III. Пожалованье Волженским поместья в галичских краях; изменения в составе их владений	133 (по оттиску- 20).
IV. Поземельные и подворные описания и межевания земель в районе поместья Волженских; борьба за землю	156 (по оттиску- 43).
V. Служба Волженских с галичского поместья; поставка солдат; данные о повинностях и налогах в документах Волженского собрания	169 (по оттиску- 56).
VI. Данные о движении населения в районе поместья Волженских	188 (по оттиску- 75).
VII. Сведения о сельском хозяйстве в документах Волженского собрания; отношения крестьян к помещикам: данные о материальном положении крестьян	198 (по оттиску- 85).
VIII. Культурный уровень помещиков, духовенства, крестьян по документам Волженского собрания. Общее заключение к работе	208 (по оттиску- 95).
Документы, касающиеся государственной службы, и челобитья о пожаловании поместий	216 (по оттиску- 103).
Частные письма и челобитья крестьян помещикам	223 (по оттиску- 110).
Приданные росписи	225 (по оттиску- 112).
Отпускная в замужество на девку	225 (по оттиску- 112).
Заемные отписи	226 (по оттиску- 113).

- Выписи с писцовых и межевых книг 227 (по оттиску-114).
Другие документы, устанавливающие право владения землей, и обыкновенные речи при повальных обысках о земельных владениях 231 (по оттиску-118).
Документы, связанные с представлением прав на владения и межеваниями 247 (по оттиску-134).
Платежные отписи 254 (по оттиску-141).
Другие документы, относящиеся к платежу налогов 257 (по оттиску-144).
Документы касающиеся отбывания личных повинностей 261 (по оттиску-148).
Документы, относящиеся к крестьянским побегам 264 (по оттиску-151).
Документы, относящиеся к борьбе за землю 273 (по оттиску-160).
Другие документы, относящиеся к тяжебным делам 280 (по оттиску-167).
Документы разного содержания . 296 (по оттиску-183).
Дополнения и поправки 299 (по оттиску-186).
Указатели и сведения о роде Волженских из дворянской родословной книги Костромской губ. 302 (по оттиску 189).

Оглавление „Второго Исторического Сборника“.

В. Апушкин. Печальник Костромской старины (Памяти И. Д. Преображенского)	3
Е. Дюбюк. Повесть о том, как польский шляхтич, попав в крепость к русскому помещику, отыскивал свободу себе и своему семейству	15
В. Миндовский. Вичугская фабричная старина	39
М. Диев. Город Нерехта в XVIII и в первой четверти XIX века	65
Архив усадьбы Волженских в Галичском уезде (вступительная статья С. В. Фрязинова и документы)	114

Важнейшие опечатки¹⁾.

Стран. по сборнику.	Стран. по аттику.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
116	3	Прим. 2.	К словам: последнее упоминание о М. М. в наших документах относится к 1670 г. (№ 84) добавить: платежи с его поместья его именем требовались правительством и за время более позднее (ср. № 56).	
121	8	6 снизу.	Тирипилева	Тирикилева
124	11	в таблице	Милчошинская	Милгошинская
133	20	14 сверху	в 1640 г.	к 1640 г.
145	32	9 сверху	3)	4)
145	32	9 снизу	к 1658 году	к 1656 году
146	33	11 снизу	Гончевского	Гонсовского
147	34	прим. 4	№ 33	№ 93
147	34	прим. 5	№ 93	№ 33
148	35	примечания.	Вместо прим. 1 д. б. ссылка на № 93; далее прим. 1 д. б. вторым, 2-третьим, 3-четвертым, 4-пятым, 5-шестым.	
148	35	14-15 сверху	меж дворы	меж двор.
148	35	прим. 5	Гл. XVII.	Гл. XVI.
—	40	9 снизу	4)	цифры примечания
157	44	8-9 снизу	производившимся, вероятно, им здесь составлением писцовых книг	быть не должно. производившимся, вероятно, им здесь вместес межеванием составлением писцовых книг.
157	44	прим. 2	№ 50	№ 65
160	47	18 сверху	Слова „Очевидно“ не должно быть, и вместо него д. б. красная строка.	

¹⁾ Ввиду значительного, при современных типографских условиях, количества опечаток, исправляем в тексте истинительной статьи опечатки, влияющие на смысл; в тексте документов и указателе исправляем все замеченные опечатки, кроме перекрещущих букв и опечаток в знаках препинания; при указании строк имеем в виду строки основного текста, а не примечаний.

Стран. по сборнику.	Стран. по оттиску.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
161	48	6-7 снизу	Калинин, поп	Калинников
161	48	4 снизу	Петлина (?)	Петелина (?)
162	49	13 сверху	Цифра 2) примечания д. б. на стр. 11 снизу после слов „и документе начала 40-х г.г.“	снизу после слов „и документе начала 40-х г.г.“
162	49	16 сверху	последних	записей
163	50	10 снизу	Калининым	Калинниковым
164	51	прим. 2 (ошибоч- но напе- чатано-8)	№№ 61,75	№№ 61,76
166	53	5 снизу	сняли рожь и се- но косили	и один из крестьян Хрущевой снял рожь и косил сено
167	54	14 снизу	вороства	вороства
173	60	13-14 сверху	и „отведен“, т. е., вероятно, уведен с поля битвы	„в отводе“, т. е., вероятно, при отступ- лении с поля битвы
175	62	прим. 2	дать	дати
175	62	прим. 2	смоленсково	смоленскова
185	72	4-15свер- ху	Добавить ссылку № 47	в примечании на
191	78	прим. 6	деревня в 1668-92	деревня в 1668-9 г.
192	79	6-7 снизу	ко времени поль- ской войны	ко времени поль- ской войны и более позднему
193	80	9-10 снизу	были не договоры, а давнее пребывание их в поместье	было давнее пре- бывание их в поме- стье
198	85	прим. 3	№№ 76,81	№ 76,81,63
201	—	4 сверху	лесопильной	лесопольной
207	94	прим. 1	№№ 36,61	№№ 27,37,61
—	104	22 сверху	дорогам	дорогамъ
223	110	7 сверху	Свидѣтельство	свидетѣльство
224	111	11 сверху	брата	брата

Стрн. по сборнику.	Стрн. во органику.	Страна.	Напечатано.	Должно быть.
225	112	20 сверху	кузини а	кузни на
226	113	17 сверху	приложил	приложилъ
—	114	13 сверху	сынома	сыномъ
—	114	14 сверху	зъ	за
227	114	17 сверху	была	была
—	115	12 снизу	дватцат	дватцать
—	115	9-10снизу	Жъденке	Жаденке
—	115	8-9 снизу	паоросло	поросло
229	116	4 снизу	бобылъскихъ	бобылскихъ
232	119	примеч.	Примечание 2 д. б, на месте 1 и об- ратно	
—	119	прим. 1 (д. б. 2)	вторым 'Ильиным	Вторым Ильиным
238	125	22 сверху	десять	десять
241	128	3 снизу	1)	2)
241	128	прим. 2	Верховской	Верховской
—	129	прим. 2	№ 35	ср. № 35
251	138	20 сверху	займишемъ	займищемъ
252	139	1 снизу	свою	свою
255	142	7 сверху	печатъ	печатъ
256	143	13 снизу	избѣ	избѣ
—	157	прим. 4	Должно читаться так: деревня Плос- кое в помѣстье починокъ	
268	155	8 сверху	помешика	помещика
280	167	17 снизу	Дементьевъ	Дементьевъ
—	168	5 сверху	лыченок	лыченокъ
—	168	14 сверху	с них	с нихъ
—	168	20 снизу	Максиму	Максимову
—	168	17 снизу	Нголина	Оголина
—	168	16 снизу	как	какъ
—	168	13 снизу	испраплено	исправлено
—	168	8 снизу	Ѳока	Ѳoke
—	168	6 снизу	Оиспу	Осипу
—	168	4 снизу	их	ихъ
—	168	2 снизу	крестьянь	крестьянъ

Стран. по сборнику.	Стран. по оттиску.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
287	174	3 снизу	двор	дворъ
298	185	15 снизу	черверть	четверть
298	185	прим. 1.	Должно быть обозначение 113-го года славянскими цифрами.	
300	187	17 сверху	стр. 53	стр. 150
302	189	1 столб., 10 сверху	Аврамов	Аврамьев
305	192	1 столб., 5 снизу	Дицьфон	Диць-фон
305	192	2 столб., 6 сверху	Троцкий	Троицкий
308	195	2 столб., 1 снизу	Полиект,	Полиевкт
—	204	1 столб., 2 снизу	76	97

Важнейшие опечатки¹⁾.

Стран. по сборнику.	Стран. по втиску.	Срока.	Напечатано.	Должно быть.
116	3	Прим. 2.	К словам: последнее упоминание о М. М. в наших документах относится к 1670 г. (№ 84) добавить: платежи с его поместья его именем требовались правительством и за время более позднее (ср. № 56).	
121	8	6 снизу.	Тирипилева	Тирикилева
124	11	в таблице	Милчошинская	Милгошинская
133	20	14 сверху	в 1640 г.	к 1640 г.
145	32	9 сверху	3)	4)
145	32	9 снизу	к 1658 году	к 1656 году
146	33	11 снизу	Гончевского	Гонсовского
147	34	прим. 4	№ 33	№ 93
147	34	прим. 5	№ 93	№ 33
148	35	примечания	Вместо прим. 1 д. б. ссылка на № 93; далее прим. 1 д. б. вторым, 2-третьим, 3-чётвертым, 4-пятым, 5-шестым.	
148	35	14-15 сверху	меж дворы	меж двор.
148	35	прим. 5	Гл. XVII.	Гл. XVI.
—	40	9 снизу	4)	цифры примечания быть не должно.
157	44	8-9 снизу	производившимся, вероятно, им здесь составлением писцовых книг	производившимся, вероятно, им здесь вместе с межеванием составлением писцовых книг.
157	44	прим. 2	№ 50	№ 65
160	47	18 сверху	Слова „Очевидно“ не должно быть, и вместо него д. б. красная строка.	

¹⁾ Ввиду значительного, при современных типографических условиях, количества опечаток, исправляем в тексте вступительной статьи опечатки, влияющие на смысл; в тексте документов и указателе исправляем все замеченные опечатки, кроме перевернутых букв и опечаток в знаках препинания; при указании строк имеем в виду строки основного текста, а не примечаний.

Стран. по сборнику.	Стран. по «Атласу».	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
161	48	6-7 снизу	Калинин, поп	Калинников
161	48	4 снизу	Петлина (?)	Петелина (?)
162	49	13 сверху	Цифра 2) примечания д. б. на стр. 11 снизу после слов „и документе начала 40-х г.г.“	
162	49	16 сверху	последних	записей
163	50	10 снизу	Калининым	Калинниковым
164	51	прим. 2 (ошибоч- но напе- чатано-8)	№№ 61,75	№№ 61,76
166	53	5 снизу	сняли рожь и се- но косили	и один из крестьян Хрущевой снял рожь и косил сено
167	54	14 снизу	вороства	вороства
173	60	13-14 сверху	и „отведен“, т. е., вероятно, уведен с поля битвы	„в отводе“, т. е., вероятно, при отступ- лении с поля битвы
175	62	прим. 2	дать	дати
175	62	прим. 2	смоленсково	смоленскова
185	72	4-15 свер- ху	Добавить ссылку № 47	в примечании на
191	78	прим. 6	деревня в 1668-92	деревня в 1668-9 г.
192	79	6-7 снизу	ко времени поль- ской войны	ко времени поль- ской войны и более позднему
193	80	9-10 снизу	были не договоры, а давнее пребывание их в поместье	было давнее пре- бывание их в поме- стье
198	85	прим. 3	№№ 76,81	№ 76,81,63
201	—	4 сверху	лесопильной	лесопольной
207	94	прим. 1	№№ 36,61	№№ 27,37,61
—	104	22 сверху	дорогам	дорогамъ
223	110	7 сверху	Свидѣтельство	свидѣтельство
224	111	11 сверху	брата	

Стран. по сборнику.	Стран. по этниску.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
225	112	20 сверху	кузнин а	кузни на
226	113	17 сверху	приложил	приложиль
—	114	13 сверху	сынома	сыномъ
—	114	14 сверху	зъ	за
227	114	17 сверху	была	была
—	115	12 снизу	дватцат	дватцать
—	115	9-10снизу	Жъденке	Жаденке
—	115	8-9снизу	паоросло	поросло
229	116	4 снизу	бобыльскихъ	бобылскихъ
232	119	примеч.	Примечание 2 д. б. на месте 1 и обратно	
—	119	прим. 1 (д. б. 2)	вторым Ильиным	Вторым Ильиным
238	125	22 сверху	десять	десять
241	128	3 снизу	1).	2)
241	128	прим. 2	Верховской	Верховской
—	129	прим. 2.	№ 35	ср. № 35
251	138	20 сверху	займишемъ	займищемъ
252	139	1 снизу	свою	свою
255	142	7 сверху	печать	печать
256	143	13 снизу	избѣ	избѣ
—	157	прим. 4	Должно читаться так: деревня Плоское в помѣстье починокъ	
268	155	8 сверху	помещика	помещика
280	167	17 снизу	Дементьевъ	Дементьевъ
—	168	5 сверху	лыченокъ	лыченокъ
—	168	14 сверху	с нихъ	с нихъ
—	168	20 снизу	Максиму	Максимову
—	168	17 снизу	Нголина	Оголина
—	168	16 снизу	какъ	какъ
—	168	13 снизу	исправлено	исправлено
—	168	8 снизу	Фока	Фоке
—	168	6 снизу	Оиспу	Осипу
—	168	4 снизу	ихъ	ихъ
—	168	2 снизу	крестьянь	крестьянъ

Стран. по сборнику.	Стран. по оттиску.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
287	174	3 снизу	двор	дворъ
298	185	15 снизу	черверть	четверть
298	185	прим. 1	Должно быть обозначение 113-го года славянскими цифрами.	
300	187	17 сверху	стр. 53	стр. 150
302	189	1 столб., 10 сверху	Аврамов	Аврамьев
305	192	1 столб., 5 снизу	Дицьфон	Диць-фон
305	192	2 столб., 6 сверху	Троцкий	Троицкий
308	195	2 столб., 1 снизу	Полиект	Полиевкт
—	204	1 столб., 2 снизу	76	97

22. Труды, вып. VIII. „Этнографический сборник“, 152 стр. Кострома 1917 г. (разошлись). Содержание: К. Завойко—В Костромских лесах по Ветлуге реке (этнографич. материалы). П. Зорин—Песни чевремене Ветлужского уезда. Н. Виноградов—Костромская свадьба.
23. Труды, вып. IX. „Железные болотные руды Костромской губ.“ 54 стр. Кострома, 1918 г. Содержание: А. Горский—Андебские железные руды. Н. Виноградов—Железная руда в Шуйском вол. А. Горский—Анализ железной руды из д. Щегольное, Макарьевского у. Е. Дюбюк—Раменский чугунно-плавильный завод. В. Смирнов—Местонахождения железных болотных руд в Костромской губ. 250р.
24. Труды, вып. X. „Второй лесной сборник“, 174 стр. Кострома, 1918 г. Содержание: Е. Дюбюк—Леса, лесное хозяйство и лесная промышленность Костромской губ. В. Корш—Классификация насаждений в „Лесном Сборнике“. А. Орлов—Типы сосновых насаждений в Дымнице даче и др. малые статьи. ц 600р.
25. Труды, вып. XI. „Ест.-Исторический Сборник“. Содержание: А. Жадовский—К изучению растительности Костромской губ. Г. Еремин—Грозы. Наблюдения в г. Костроме с 1915 г. по 1918 г. т. В. Куни—Питьевая вода г. Костромы. И. Кириллов—Материалы к изучению флоры Макарьевского уезда. Г. Еремин—Наблюдения облакности в г. Костроме. Н. Сизова—Костромская черепаха. В. Смирнов—Пункты находок костей крупных ледниковых скопаемых в пределах Костромской губернии. А. Горский—Анализ железных руд из д. д. Губино и Абабеково. Кологр. у. ц 400р.
26. Труды, вып. XII. „Экономический Сборник“. 151 стр. Кострома 1919 г. Содержание: А. Апушкин—К истории Топливной организации в Костроме с 1915—1918 г. Н. Воробьев—Обзор Костромской губернии в экономическом отношении. Д. Пашков—Экономическая сторона Мисловского хмельоства. А. Знаменский—Из материалов по кожевенной промышленности Костр. губ. ц 400р.
27. Труды, вып. XIII. „Второй Исторический Сборник“. Содержание: В. Апушкин—Печальны Костромской старины (памяти И. Д. Преображенского). Е. Дюбюк—Повесть о том, как подъякий шляхтич, попав в крепость к русскому помещику, отыскивал свободу себе и своему потомству. В. Миндовский—Вичугская фабричная старина. М. Диев—Город Нарехта в XVIII и в первой четверти XIX века. С. Фрязинов—Архив Волженских.
28. Труды, вып. XIV. Содержание: В. Смирнов и Н. Уинес—Материалы по библиографии Костромского края, вып. I. Общие справочные издания и естественно-исторические издания и статьи. ц 400р.
29. Труды, вып. XV. 153 стр. и 9 рисунк. Костр. 1920 г. Содержание: М. Эминин—Плачи по призванным на военную службу. В. Смирнов—Народные похороны и причитания в Костромском крае. К. Завойко—Временные жилища крестьян. ц 600р.
30. Труды, вып. XVI. 96 стр. Кострома 1920 г. Содержание: А. Розан—Разведки фосфоритов в Унженском районе с 1919 г., Г. Еремин—Полярные сияния. Наблюдения в Костроме с 1916 года по 26 марта 1920 года. А. Жадовский—Экологический определ Костромской флоры. Б. Вишневский—Антродигитические заметки о Костромской губ. Др. Ал. Леман—Из орнитологических наблюдений в гор. Костроме и ее ближайших окрестностях. Н. Валеев—Маскотепидортера, найденные в Нарехотском уезде Костромской губ. А. Горский—Анализ железной, руды из окрестностей Ковернина. ц 400р.
31. Труды, вып. XVII. Содержание: М. Эминин—Ковернинский край (наблюдения и записи), 89 стр. Кострома, 1920 г. ц 400р.
32. Труды, вып. XVIII. Содержание: Е. Дюбюк—Из материалов по истории зверовой охоты 27 стр. Буй, 1920 г. ц 300р.
33. Труды, вып. XIX. Содержание: В. Миндовский—К столетию волжского пароходства, 16 стр. Буй, 1920 г. ц 100р.
34. Труды, вып. XX. Содержание: Г. Еремин—Метеорологический Ежегодник за 1919 г. 22+4 стр. Кострома, 1921 г. ц 600р.

Библиотека общественных движений в России в XIX и XX в.

1. Записки П. Черевиной (новые материалы по делу Каракозовых) Костр. 1918 г. 42 стр. ц. 250 р.
2. Записки предателя П. Гребнева, Костр. 1918 г. 79 стр. ц. 250 .
3. Воспоминания П. Черевиной. 1863—1865 гг. Костр. 1920 г. 76 стр. ц. 400 .

Продаются отдельными оттисками статьи:

1. Б. Вишневский—Антропологич. заметки по Костр. губ., 10 стр.+II таб. ч. 250 р.
1920 г.
2. Е. Дюбюк—Экономическое положение деревни 1914—1915 гг. 1916 г. 42 стр. ч. 800.
3. Г. Еремин—Грозы 1918 г., 12 стр. ч. 150.
4. К. Занойко—Временные жилища крестьян 1920 г. 7 стр. ч. 250.
5. В. Квасниковский—О типах лесонасаждений в Колом. у. 1917 г. 24 стр. ч. 200.
6. И. Кириллов—Материалы к изучению флоры Малар. у. 1919 г. 30 с. ч. 200.
7. В. Корш—Типы лесных насаждений по „Лесному сбор.” 1918 г. 24 стр. ч. 100.
8. В. Кукин—Птицы зима г. Костромы ч. 100.
9. В. Матренинская—Леса Колотревского уезда. 168 стр. 1917 г. ч. 400.
10. В. Смирнов—Народные похороны и притчания. 106 стр. 1920 г. ч. 10.
11. В. Смирнов—Народные похороны и притчания. 106 стр. 1920 г. ч. 200.
12. А. Розин—Разводки фесторитов в Унженском районе 1920 г. 20 стр. ч. 300.
13. А. Фёрст—Типы насаждений в Екатерин. даче 1917 г. 36 стр. ч. 200.
14. Ю. Штерн—Некоторые данные о цветении рисок. 7 стр. 1915 г. ч. 25.
15. А. Языков—Общественная помощь призывам и их семьям, 26 стр. 1916 г. ч. 25.

Издания Костромской Ученой Архивной Комиссии.

1. П. Амазды—Путеводитель по г. Костроме и Костр. губ., 42 стр., 1909 г. ч. 50. р.
2. С. П. Альбизов—Историч. записки о г. Плессе, 11 стр., 1910 г. ч. 50.
3. Арии сельца Зименкова (авт. и. письма), 436 стр., Собр. 1913 г. ч. 600.
4. Каталог Музея Архивной Комиссии, 73 стр., 1909 г. ч. 25.
5. „Костромская Старина”, выпуск VI, 288 стр., 1906 г. ч. 1000.
6. „Костромская Старина”, выпуск VII, 280 стр., 1912 г. ч. 1000.
7. А. Кульчицкий—Сборник норм и правил по земледелию ч. 150.
8. И. Преображенский и Н. Альбизов—Подсобная книжка 962 рукопись
начала XVII и до нач. XIX ст. „Далматовского архива”, 216+90 стр. Собр. 1895 г. ч. 600.
9. Руководство к избражению археолог. раскопок. 115 стр. Собр. 1898 г. ч. 50.
10. Н. Селфионтов—Подробная опись 440 рукоп. XVII, XVIII и нач. XIX ст.
первого собр. „Лыковского архива”, с 2 прилож. 85+27, стр. Собр. 1892 г. ч. 600.
11. Его же. Подробная опись 142 рук. XVIII до нач. XIX ст. (Поссекского)
собрания „Лыковского архива”, с 8 прилож., 71 стр. Собр. 1893 г. ч. 600.
12. Его же. Подробная опись 272 рук. конца XVI ст. второго (Шенквигин-
ского) собрания „Лыковского архива”, с прилож., 171 стр. 1892 г. ч. 600.
13. Его же—Список документов архива бывших Большесольских избы и
ратуши, XVI—XVIII ст., 190 стр.; Собр. 1902 г. ч. 600.
14. Его же—Сборник материалов по истории краеведения М. Ф. Реманова
I и II части. 373+62 стр. Собр. 1901 г. 109 стр. 1898 г. ч. 400.
15. Л. Скворцов—Материалы для истор. Костромы, 362 стр. Собр. 1913 г. ч. 3000.
16. Труды IV области. археологич. съезда в г. Костроме, 129 стр. 1914 г. ч. 2000.
17. Указатель книг, статей и мыслей о Костром. крае, 34 стр., 1907 г. ч. 150.

Разные издания.

1. В. Барыков—Заработка плата кустарей Костромского края Изд. Куст.
Отд. Губ. Зем., 1915 г., 82 стр. ч. 1000 р.
2. (В. Барыков и Н. Виноградов)—Красильнико-рабинный промысел Костром-
ской губернии. Изд. Куст. Отд. Губ. Зем., 1915 г., 34 стр.+1+80 рис. ч. 2500 р.
3. Частный предприниматель с сельским населением в г. Костроме Кустр.,
1919 г., 51 стр. Изд. Стат. Отд. Гоф. Собр. Р. Д. ч. 500 р.